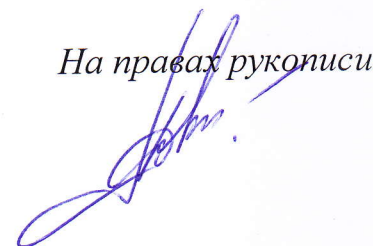

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина»

На правах рукописи

Дегтерев Андрей Александрович

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ПРОТИВ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Диссертация

на соискание ученой степени

доктора юридических наук

5.1.4 – уголовно-правовые науки

(юридические науки)

Москва, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Политическая система России: понятие, характеристика, социальная обусловленность уголовно-правой охраны.....	29
§ 1. Политическая система России и ее структурные элементы как объект уголовно-правовой охраны: понятие, общая характеристика	29
§ 2. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны власти и информационной подсистемы политической системы: общие и специальные вопросы.....	51
Глава II. Преступления против условий легальности и легитимности власти как феномена политической системы России: уголовно-правовая характеристика	72
§ 1. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательной комиссии	72
1.1. Характеристика признаков основного состава преступления	72
1.2. Квалифицированные виды воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательной комиссии	94
1.3. Вмешательство в полномочия избирательной комиссии или комиссии по референдуму, а также в работу ГАС «Выборы» ...	110
§ 2. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума	124
§ 3. Фальсификация избирательных документов, документов референдума	150
§ 4. Фальсификация итогов голосования.....	176
§ 5. Незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме.....	191

Глава III. Преступления против легальности и легитимности власти в россии и деятельности средств массовой информации как феноменов политической системы: уголовно-правовая характеристика.....	199
§ 1. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов	199
§ 2. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля	228
§ 3. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти	247
§ 4. Вооруженный мятеж.....	267
Глава IV. Криминологический и институционально-организационный механизм противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации как феноменов политической системы	284
§ 1. Личность преступника и ее криминологическая характеристика	284
§ 2. Причины преступлений против основ политической системы.....	303
§ 3. Предупреждение преступности против основ политической системы	316
Заключение.....	330
Библиографический список.....	345
Приложение	403

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Как указывается в политологической литературе, в течение более чем последних тридцати лет Россия находится в состоянии так называемого общесистемного транзита – перехода к качественно новому уровню всех сфер жизнедеятельности российского общества. Вначале в составе СССР (середина 1980-х гг.) под лозунгом перестройки, затем в условиях государственной самостоятельности Российской Федерации (начало 1990-х гг.) в рамках радикальных реформ она переживает период коренной ломки сложившихся за предшествующую советскую эпоху основ идеологии, экономической, политической, социальной и духовной жизни, их модернизации в соответствии с потребностями социального прогресса, достижениями современной цивилизации. В связи с этим предпринимаются разновекторные усилия, с одной стороны, сосредоточенные на заимствовании и внедрении опыта организации общественной жизни в странах Западной Европы и США (особенно на первоначальных этапах общесистемного транзита), с другой – возрождается естественный интерес к историческому прошлому России, начинается поиск путей имплементации передовых социальных технологий с национальными особенностями России.

Указанные процессы являются сложными и противоречивыми, в том числе и в связи с этим важное значение имеют направление, характер и темпы изменений в конституционной основе государственной власти в России, ее легитимности как главных властно-упорядочивающих факторов всей общественной жизни, ее устойчивости к внутренним и внешним угрозам.

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351), определяет национальную безопасность как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз...» Она включает в себя все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ

и законодательством РФ, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности. При этом угроза указанным видам безопасности понимается как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам, т. е. объективно значимым потребностям личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития.

Угрозы национальной безопасности имеют комплексный взаимосвязанный характер. Появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с экономической безопасностью страны, проявлениями транснациональной организованной преступности.

Стратегической целью государственной безопасности является защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности РФ, основных прав и свобод человека и гражданина, которым создается угроза, в частности в результате:

- 1) разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам России;
- 2) деятельности террористических и экстремистских организаций, направленной на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию работы органов государственной власти;
- 3) деятельности радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленной на нарушение единства территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

4) преступных посягательств, направленных против государственной власти.

Некоторые деяния, посягающие на основы политической системы РФ, отнесены законодателем к преступлениям террористической направленности (ст. 277–279 УК РФ), основными тенденциями которых в настоящее время являются попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств.

В литературе отмечается, что терроризм, будучи одной из форм транснациональной преступности, имеет два проявления: международный и внутренний. Первый из них называют этапом транснационального терроризма, терроризмом четвертого поколения, глобализированным, терроризмом новой волны и даже «терроризмом с мыслью о Боге» (см.: Современное государство в эпоху глобальных перемен. СПб., 2019. С. 203–238).

Посягательства на основы политической системы – только одно из проявлений международного и внутригосударственного терроризма. По действующему законодательству они охватывают три преступления: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); насильственный захват или удержание власти (ст. 278 УК РФ) и вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ). Эти деяния, нарушая основы политической системы, в целом создают угрозы основам конституционного строя России.

Нарушения законодательства о выборах как легально закрепленной технологии обновления политической системы РФ образуют вызовы легальности и легитимности государственной власти в Российской Федерации.

Средства массовой информации, выступая институционально-субъектной, информационной подсистемой политической системы, обеспечивают поиск, получение, производство и распространение информации, выступают связующим звеном между властью и обществом, между политическими партиями (объединениями) и народом страны. Преступления, посягающие на свободу слова,

разрушают указанные связи, лишают граждан каналов коммуникации, гарантированных Конституцией РФ.

Приведенные обстоятельства с очевидностью свидетельствуют об актуальности темы диссертационного исследования.

Цели и задачи исследования. Диссертационная работа преследует разрешение двух групп *целей*.

Первая из них направлена на формирование концептуальных основ уголовно-правового обеспечения нормального функционирования политической системы РФ, что предполагает: а) определение социальной обусловленности уголовно-правовой защиты последней; б) уточнение юридической природы преступлений против избирательных прав и права на референдум граждан РФ, а также воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста; в) разрешение наиболее значимых и дискуссионных вопросов уголовной ответственности за посягательства на власть как феномен политической системы; г) выработку предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Вторая цель предусматривает научную оценку адекватности существующим и возможным угрозам разработанных криминологией специальных мер противодействия преступлениям против государственной власти, нарушениям нормальной работы средств массовой информации (феномена политической системы) на институционально-организационном уровне и на уровне деятельности конкретных субъектов криминологического воздействия, а также формирования особенного типа личности преступника, совершающего эти деяния.

Указанные цели обусловили постановку и решение следующих *задач*:

– выявление правовой природы преступлений, посягающих на основы политической системы РФ, и в первую очередь, деяний, нарушающих избирательные права и право на референдум граждан РФ, а также воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов;

– определение общего и специальных оснований социальной обусловленности уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за преступления против основ политической системы РФ;

– теоретическую разработку проблем ответственности за преступления, предусмотренные ст. 141–142.2, 144, 277–279 УК РФ;

– выработку предложений по совершенствованию уголовного законодательства, обеспечивающего безопасность основ политической системы РФ, и практики его применения;

– разработку мер противодействия преступлениям против основ политической системы.

Степень научной разработанности проблемы. Говоря об уровне исследованности темы, необходимо иметь в виду соответствующие исторические эпохи. Так, в дореволюционном праве проблемы ответственности за посягательства на власть изучали С. С. Абрамович-Барановский, И. Е. Андреевский, К. Д. Анциферов, М. М. Богословский, П. О. Бобровский, В. И. Веретенников, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. В. Волков, Н. А. Воскресенский, Л. К. Гетц, Ш. С. Грингауз, Ф. Ф. Древинг, Г. Г. Евангулов, Я. Г. Есипович, Н. П. Загоскин, М. М. Исаев, Н. В. Калачев, В. А. Книрша, Г. Е. Колоколов, А. Ф. Кони, Г. К. Котошихин, Д. И. Курский, Н. И. Ланге, В. Н. Латкин, В. А. Линовский, А. В. Лохвицкий, П. И. Люблинский, П. Н. Малянтович, В. В. Меншуткин, М. Д. Михайлов, С. П. Мокринский, Ф. Л. Морошкин, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Н. К. Муравьев, Н. А. Неклюдов, С. В. Познышев, Н. Н. Полянский, А. Г. Попов, А. Е. Пресняков, Д. Я. Самоквасов, Н. Д. Сергеевский, В. Д. Спасович, П. И. Стучка, Н. С. Таганцев, Г. Г. Тельберг, Б. С. Утевский, А. Д. Чебышев-Дмитриев, И. С. Урысон, И. Я. Фойницкий, Д. А. Червонецкий, П. И. Числов, И. Ф. Эверс и др.

Из числа современных специалистов обращались к дореволюционному законодательству об ответственности за преступления против власти Т. К. Агузаров, В. А. Балыбин, Ю. В. Грачева, Д. А. Донсков, А. Ю. Кизилев, А. Г. Маньков, А. Т. Потемкина, В. А. Рогов, А. А. Рожнов, Е. А. Скрипилев,

А. И. Чучаев, А. В. Федоров, Г. В. Фецыч, С. А. Цветков и другие ученые, исследовавшие вопросы уголовной ответственности за конкретные деяния.

Проблемы уголовной ответственности за преступления против власти по советскому и постсоветскому законодательству исследовались М. И. Васильевым-Южиным, М. А. Гараниной, С. А. Денисовым, С. В. Дьяковым, П. С. Елизаровым, Л. Д. Ермаковой, П. В. Замосковцевым, Э. В. Зеренковым, А. А. Игнатьевым, И. Н. Кабашным, М. П. Карпушиным, А. Ю. Кизиловым, Т. В. Кленовой, В. С. Клягиным, Е. Е. Козельцевым, Ю. И. Кулешовым, М. М. Курбановым, А. Г. Лебедевым, Г. Г. Магульяно, Т. Ю. Марковой, В. Д. Меньшагиным, З. А. Николаевой, С. П. Ордынским, А. А. Пионтковским, Г. Ф. Поленовым, В. С. Прохоровым, А. А. Радченко, А. И. Рарогом, Ш. С. Рашковской, А. Р. Саруханяном, А. В. Седых, В. И. Симоновым, Е. А. Смирновым, И. И. Солодкиным, В. И. Субботиной, М. Х. Сулаймановым, Е. А. Сухаревым, П. Ф. Тельновым, К. В. Третьяковым, М. В. Турецким, А. В. Федоровым, М. Х. Хабибуллиным, К. Н. Харисовым, А. Г. Хлебушкиным, Е. Ю. Хлопцевой, К. Л. Чайкой, А. И. Чучаевым и др.

Криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы РФ рассматривались в работах А. И. Алексеева, Ю. М. Антоняна, С. И. Герасимова, Н. П. Губина, Н. Ф. Долговой, С. В. Дьякова, М. И. Еникеева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева, В. Д. Малкова, И. М. Мацкевича, А. Я. Сухарева, А. И. Халиулина, Д. А. Шестакова, В. Е. Эминова и др.

Указанные и другие работы, посвященные проблемам ответственности за преступления против власти и противодействия им, несомненно, внесли вклад в российскую науку, однако в них, как правило, исследуется либо конкретный состав преступления, либо группа рассматриваемых преступлений в сфере функционирования определенной ветви власти. Кроме того, ряд работ были подготовлены на базе не действующего ныне законодательства, следовательно, многие вопросы, которые в них затрагивались, в настоящее время уже неактуальны.

Среди преступлений против основ политической системы РФ особое значение имеют насильственные посягательства на представителей власти. Однако многие аспекты ответственности за их совершение в литературе до сих пор остаются дискуссионными, что не может не сказаться на правоприменительной практике. Именно поэтому в работе подвергнуты всестороннему анализу составы преступлений, предусмотренных ст. 277–279 УК РФ.

Кроме того, практически во всей учебной и научной литературе (исключение составляют единичные издания) при анализе преступлений, предусмотренных ст. 141–142.2 УК РФ (в литературе получили различное название: преступления, нарушающие политические права граждан; преступления, нарушающие избирательные права граждан; электоральные преступления и т. д.), указывается, что они посягают на избирательные права граждан и право на их участие в референдуме. Авторы, вероятно, в этом случае исходят из места соответствующих уголовно-правовых норм в системе Особенной части Уголовного кодекса РФ (гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»). Однако признавая в качестве объекта уголовно-правовой охраны названные выше права, упускается из виду главное – назначение выборов и референдума. В частности выборы – это технология обновления политической системы. Существует несколько путей, механизмов, технологий такого обновления: изменение политических институтов, формирование новых партий и иных субъектов политической деятельности; трансформация партийной системы; коррективы, вносимые по необходимости во взаимодействие ветвей власти; поправки к Конституции; референдум по основным вопросам развития государства и общества; договоры о согласии, взаимоотношениях; существенные изменения в ориентации и ангажированности средств массовой информации; выборы как законодательной, так и исполнительной власти и др. Одним словом, возможные изменения во всех подсистемах политической системы: институциональной, нормативной, функциональной и т. д. Выборы – одна из важнейших политических технологий такого обновления.

С учетом роли и места средств массовой информации в политической системе страны требует переосмысления правовая природа и такого преступления, как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ).

Научная новизна диссертационного исследования в целом определяется тем, что это первая работа, в которой уголовно-правовое и криминологическое обеспечение функционирования политической системы РФ (в том числе легитимности власти как основного ее элемента и деятельности средств массовой информации как информационной подсистемы) представлено как единый комплекс исходя из уголовного законодательства РФ и ряда зарубежных стран, иных нормативных правовых актов с учетом современных достижений науки, а также практики правоприменения на основе заранее отобранных методов.

В результате проведенного исследования сформулированы концептуальные основы уголовно-правового и криминологического обеспечения функционирования политической системы РФ, в рамках которых:

- определены общий и специальные основания криминализации деяний, посягающих на условия легитимности (преступлений против избирательных прав граждан) и легитимность власти, свободу средств массовой информации;
- уточнена юридическая природа преступлений, предусмотренных ст. 141–142.2, 144 УК РФ, дана характеристика признаков их составов;
- углублен ряд теоретических положений, относящихся к характеристике составов преступлений, предусмотренных ст. 141–142.2, 144, 277–279 УК РФ;
- внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства, разработаны рекомендации по его применению в следственной и судебной практике;
- разработан криминологический, институционально-организационный механизм противодействия посягательствам на основы политической системы РФ.

Методология и методика исследования. При проведении исследования широко использовались категории диалектического материализма, а также основанные на нем общенаучные методы познания (анализ и синтез, логический,

системный), специальные правовые методы (компаративистский, историко-правовой, догматический и др.), методы эмпирического уровня (обобщение судебной практики, уголовно-статистический), общие и специальные криминологические методы (опросы, анкетирование, интервьюирование).

Теоретические и правовые основы работы. *Теоретическую базу* диссертации составляют научные труды по философии, логике, конституционному, уголовному, уголовно-процессуальному, административному праву и др. В частности, использованы работы:

– по конституционному праву: С. А. Авакьяна, М. А. Амеллера, М. В. Баглая, Л. Д. Воеводина, А. П. Горшенева, Е. И. Козловой, А. Н. Кокотова, В. М. Корельского, И. И. Кравца, О. Е. Кутафина, В. О. Лучина, Н. А. Михалевой, С. С. Митина, Л. А. Окунькова, Г. Б. Романовского, Ф. М. Рудинского, В. Н. Суворова, В. И. Фадеева, В. Е. Чиркина, Б. С. Эбзеева и др.;

– по уголовному праву: Т. К. Агузарова, А. Д. Антонова, Е. В. Благова, А. И. Бойцова, А. В. Бриллиантова, И. С. Власова, Л. Д. Гаухмана, А. С. Горелика, Ю. В. Грачевой, П. Ф. Гришанина, И. В. Дворянскова, С. А. Денисова, А. Э. Жалинского, А. А. Жижиленко, М. П. Журавлева, В. Д. Иванова, Н. Г. Иванова, А. Н. Игнатова, Л. В. Иногамовой-Хегай, А. Ю. Кизилова, Т. В. Кленовой, И. Я. Козаченко, А. П. Козлова, В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, А. Н. Красикова, Л. Л. Кругликова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Т. А. Лесниевски-Костаревой, Н. А. Лопашенко, В. П. Малкова, В. В. Мальцева, И. Л. Марогуловой, А. В. Наумова, Г. П. Новоселова, В. С. Овчинского, Н. И. Панова, Т. А. Плаксиной, Э. Ф. Побегайло, А. И. Рарога, Л. В. Сердюка, Н. С. Таганцева, В. А. Тация, Ю. М. Ткачевского, В. Д. Филимонова, А. Г. Хлебушкина, Е. Е. Чередниченко, К. Л. Чайки, А. И. Чучаева и др.;

– по иным отраслям научных знаний: С. С. Алексеева, А. П. Алехина, Л. А. Воскобитовой, Г. П. Татурова, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, В. М. Гордона, М. А. Дамерли, Е. Н. Даниловой, Р. Декарта, Я. Р. Джамбалаева, Т. Н. Добровольской, Н. П. Дубинина, Ж. Падьоло, И. Л. Петрухина, К. Поппера, В. С. Позднякова,

А. А. Кармолицкого, Б. М. Кедрова, Ю. М. Козлова, Н. М. Коркунова, В. В. Лазаревой, А. М. Ларина, В. М. Лебедева, В. И. Ленина, А. Н. Леонтьева, И. И. Лизиковой, П. А. Lupинской, А. В. Малько, А. Ф. Малого, К. Маркса, Т. Г. Морщаковой, Н. Н. Полянского, В. А. Ржевского, И. Е. Фарбера, В. Е. Чиркина и др.

Правовая основа исследования охватывает Конституцию РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, федеральные конституционные и федеральные законы, иные нормативные акты, относящиеся к организации и проведению выборов и референдума в РФ, к деятельности средств массовой информации, и др.

Эмпирическую базу исследования составляют: статистические данные о преступлениях, предусмотренных ст. 141–142.2, 144, 277–279 УК РФ, за 1997–2021 гг.; материалы опубликованной судебной практики за 1997–2021 гг.; материалы обобщения 250 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 141–142.2, 144, 277–279 УК РФ, рассмотренных судами 24 субъектов РФ; данные, полученные другими авторами. При подготовке диссертации использован личный опыт работы в правоохранительных органах.

На защиту выносятся следующие доказанные в процессе исследования новые научные положения:

1. Уголовное законодательство содержит совокупность норм, образующих самостоятельный институт его Особенной части, целью которого является обеспечение функционирования отдельных элементов политической системы России: а) легальность и легитимность государственной власти (конституционную основу ее функционирования); б) институционально-субъектную, информационную подсистему (средства массовой информации); в) беспрепятственное осуществление своих политических функций государственными и общественными деятелями.

2. В основание уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государственную власть и деятельность средств массовой информации, входят не только общественная опасность деяния, что присуще для всех преступлений,

но также: а) обязательства России по ратифицированным международным договорам; б) нормативная предопределенность функционирования политической системы и ее отдельных структурных подсистем.

Указанные особенности оснований уголовно-правовых норм обусловлены типовыми противоправными проявлениями в виде посягательств на основы политической системы страны и основных ее феноменов: а) государственной власти (*на условия легальности и легитимности при формировании ее органов; на легальность и легитимность власти при посягательствах на конституционные основы ее функционирования; беспрепятственное осуществление государственными и общественными деятелями своих политических функций*); б) институционально-субъектной, информационной подсистемы политической системы, устанавливающей связь между властью, политическими организациями и гражданами страны (*условия нормальной работы средств массовой информации*).

3. Исходя из назначения выборов, объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, следует признавать общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства. Выделение объекта применительно к каждому из деяний, указанных в ч. 1 данной статьи, как это имеет место в специальной литературе, методологически ошибочно. Деяния, указанные в диспозиции одной нормы, не могут посягать на различные, хотя и очень близкие, общественные отношения.

Потерпевшим в данном преступлении является гражданин РФ, чье избирательное право или право на участие в референдуме нарушено. Им также может быть член избирательной комиссии или комиссии референдума. Вместе с тем, вопреки имеющимся утверждениям, потерпевшим не может являться близкий указанных лиц. Когда законодатель имеет в виду его как потерпевшего, то он это прямо указывает в норме.

Ограничивать цель воспрепятствования только реализацией права избирать или быть избранным необоснованно, не соответствует законодательному

определению понятия избирательных прав, т. е. конституционных прав граждан РФ избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, предвыборной агитации, наблюдения за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определения результатов выборов, других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией РФ, Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», иными федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов РФ.

4. Воспрепятствование осуществлению прав или полномочий и вмешательство в деятельность соответствующих комиссий и работу ГАС «Выборы» из-за существенных различий в сути указанных деяний следует предусмотреть в различных статьях Особенной части УК РФ. Нарушение тайны голосования вряд ли достигает того уровня общественной опасности, который присущ преступлению; для противодействия этому деянию достаточно административно-правовых мер. Принуждение, насилие и угроза применения насилия – перекрещивающиеся понятия, при этом первое из них имеет более широкое содержание, полностью охватывает второе. Доказано, что указание в законе на эти оба способа совершения воспрепятствования некорректно, создает искусственные сложности в определении содержания каждого из них. Слово «комиссия» следует использовать в единственном числе, так как множественное число по общим правилам законодательной техники используется тогда, когда единственное число не образует соответствующего состава преступления.

С учетом сделанных оговорок уголовно-правовые нормы можно сформулировать следующим образом:

«Статья 141. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме или работе избирательной комиссии, комиссии референдума

1. Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином Российской Федерации своих избирательных прав или права на участие в референдуме –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Воспрепятствование работе избирательной комиссии или комиссии референдума либо деятельности члена указанной комиссии, связанной с реализацией им своих полномочий, –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

а) путем подкупа;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц по предварительному сговору –

наказывается... (преступление средней тяжести).

4. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

а) путем принуждения;

б) организованной группой, –

наказывается... (тяжкое преступление)».

«Статья ... Вмешательство в осуществление полномочий избирательной комиссии, комиссии референдума, а также в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”

1. Вмешательство лица с использованием своего служебного положения в осуществление полномочий избирательной комиссии или комиссии референдума –
наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы” –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в части первой или второй настоящей статьи, повлекшее тяжкие последствия в виде выведения из строя системы или структурных частей либо искажения сведений об участии в выборах или результатов голосования, –

наказывается... (преступление средней тяжести)».

5. Установлено, что объектом преступления, предусмотренного ст. 141.1 УК РФ, являются общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства при соблюдении принципа их равноправия. Уголовно-правовая норма в законе оказалась чрезмерно громоздкой, во многом повторяющей положения федерального законодательства; в связи с этим при ее конструировании целесообразно применить бланкетный тип диспозиции. Кроме того, термины «использование» и «расходование» в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ предполагают разные по смыслу деяния, но слова, которыми они отражаются, являются синонимами. Поэтому в окончательном виде рассматриваемую статью предложено сформулировать следующим образом:

«Статья 141.1. Незаконное финансирование избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума и использование ими незаконной материальной поддержки

1. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме оказание материальной поддержки в крупном размере кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме использование материальной поддержки в крупном размере кандидатом, представителем избирательного объединения, членом или

представителем инициативной группы по проведению референдума, иной группы референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума – наказывается... (преступление небольшой тяжести).

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдуме на момент совершения деяния, но при этом составляет не менее одного миллиона рублей при проведении федеральных выборов и референдума, не менее 150 тысяч рублей – при проведении других выборов и референдума».

6. Непосредственный объект преступления (в первую очередь, его дополнительный и факультативный виды), предусмотренного ст. 142 УК РФ, следует определять дифференцированно, исходя из сути уголовно-правового запрета, закрепленного в ее частях 1, 2 и 3. Объектом преступления, предусмотренного ч. 1 и 3 ст. 142 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов. Факультативным объектом следует признавать нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума.

Факультативный объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ, представлен более широко: им могут быть отношения, характеризующие нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума; здоровье (как физическое, так и психическое) потерпевшего; собственность; иные права и законные интересы граждан, охраняемые законом интересы организаций и государства. Это обусловлено объективной стороной преступления, содержащего различные способы его совершения.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, выступает:

а) документ, изготовление (предоставление) которого входит в круг полномочий указанных в уголовно-правовой норме лиц (члена избирательной комиссии, комиссии референдума; уполномоченного представителя избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; кандидата или уполномоченного им представителя); б) который оказал или мог оказать влияние на реализацию гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, на результаты выборов или референдума.

7. Доказано, что в ч. 1 ст. 142 УК РФ можно ограничиться указанием на предмет преступления, деяние и субъекта преступления и изложить уголовно-правовую норму в следующем виде: «1. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, совершенная членом избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем, – наказывается... (преступление средней тяжести)».

8. Вопреки мнению ряда авторов, утверждающих о том, что ст. 142.1 УК РФ содержит описание нескольких преступлений, рассматриваемая уголовно-правовая норма закрепляет один состав, имеющий сложную структуру (с альтернативно указанными видами деяния; остальные его признаки изложены одномерно). Поэтому в работе обосновано положение, согласно которому объектом преступления выступают общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов и законодательства РФ, обеспечивающего точное определение итогов голосования и результатов выборов. Эти отношения нарушаются путем воздействия на предмет преступления, который определен в законе альтернативно.

9. В ст. 142.1 УК РФ нарушена логическая последовательность описания деяний, она не согласуется с процедурой подготовки и проведения голосования на выборах или референдуме, с очередностью осуществления соответствующих действий; кроме того, перечень их видов характеризуется пробельностью. Поэтому редакцию ст. 142.1 УК РФ предлагается сформулировать следующим образом:

«Статья 142.1. Фальсификация итогов голосования, результатов выборов и референдума

1. Предоставление заведомо неверных сведений об избирателях или участниках референдума либо заведомо неправильное составление списков избирателей или участников референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Незаконное использование избирательных бюллетеней или бюллетеней референдума в целях искажения итогов голосования либо результатов голосования или референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

3. Составление протокола, заведомо неверно отражающего итоги голосования, либо незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения, либо заведомо неправильное установление итогов голосования, а равно незаконное признание недействительными итогов голосования, результатов выборов, референдума –

наказываются... (преступление средней тяжести)».

10. Состав преступления, предусмотренного ст. 142.2 УК РФ, имеет место при незаконной выдаче как минимум трех избирательных бюллетеней или бюллетеней для голосования на референдуме. При этом преступление может быть совершено также путем предоставления бюллетеня так называемому ненадлежащему избирателю. В связи с этим уточнен круг лиц, подлежащих уголовной ответственности по ст. 142.2 УК РФ. Незаконно получить избирательный бюллетень может и лицо, не достигшее указанного в законе возраста. Этот вывод вытекает из толкования ч. 2 ст. 142.2 УК РФ во взаимосвязи

с ее ч. 1. Следовательно, субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142.2 УК РФ, является лицо, достигшее возраста 16 лет.

11. Преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, имеет иную правовую природу, нежели это определено законодателем; оно посягает на средства массовой информации как институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающую связь между властью, политическими и общественными организациями и гражданами страны. Поэтому по результатам исследования сделан вывод о том, что место нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование профессиональной работе журналиста, должно быть в гл. 29 УК РФ, которая объединяет преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, а не в гл. 19 УК РФ («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»), где рассматриваемая уголовно-правовая норма находится в настоящее время.

12. Предлагается предусмотреть три принципиально новые уголовно-правовые нормы: одну для обеспечения функционирования институционально-субъектной, информационной подсистемы, в том числе характеризующей состоянии демократии в стране; две нормы – для обеспечения безопасности журналиста и его близких в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей. Их можно сформулировать следующим образом:

«Статья ... Воспрепятствование деятельности средств массовой информации

1. Воспрепятствование деятельности средств массовой информации по распространению массовой информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, –

наказывается... (тяжкое преступление)».

«Статья ... Посягательство на жизнь журналиста

Посягательство на жизнь журналиста, а равно его близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанного лица либо из мести за такую деятельность –

наказывается... (особо тяжкое преступление)».

«Статья ... Применение насилия в отношении журналиста

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении журналиста или его близких в связи с его законной профессиональной деятельностью, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, –

наказывается... (тяжкое преступление)».

13. Доказано, что указанные в ст. 278 УК РФ деяния посягают на взаимосвязанные, но самостоятельные видовые объекты: первые два из них направлены на основы политической системы Российской Федерации, основным феноменом которой является государственная власть. Непосредственным объектом выступают отношения, характеризующие легальность и легитимность последней, понимаемой как конституционную основу ее существования и функционирования, создания и деятельности органов государственной власти. Третье преступление посягает на конституционный строй Российской Федерации, что непосредственно вытекает из сущности указанного в законе деяния.

Данные положения должны учитываться правоприменителем. Например, окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, следует определять дифференцированно: первое будет считаться завершенным с момента совершения деяния, направленного на захват власти; второе – с момента совершения деяния, направленного на удержание власти; третье – с момента совершения деяния, направленного на изменение конституционного строя. Для наличия состава преступления не требуется совершения деяния собственно по захвату или удержанию власти, изменению конституционного строя; законодатель вообще

не допускает возможности фактического захвата или удержания власти либо изменение конституционного строя.

Кроме того, установлено, что специальная цель не является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, признание ее таковым не вытекает из описания уголовно-правового запрета, не согласуется с особенностями конструкции диспозиции нормы уголовного закона.

За совершение деяния, направленного на насильственный захват власти, и деяния, направленного на насильственное изменение конституционного строя РФ, несет ответственность общий субъект. Ответственность за действия, направленные на удержание власти, несет специальный субъект преступления – представитель органов государства, сформированных в соответствии с конституционными принципами, но обязанных согласно Конституции РФ передать государственную власть политическим силам, пришедшим к власти конституционным путем.

14. В результате анализа примечания к ст. 275 УК РФ установлено, что своевременность сообщения, о которой говорится в законе, необходимо спрягать с такой стадией, как приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В этом случае объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться вред, но дальнейшее развитие разрушающего воздействия на него еще можно приостановить, предотвратить.

15. Имеет место противоречие между содержанием закрепленного в ст. 279 УК РФ уголовно-правового запрета и названием гл. 29 УК РФ. Согласно данной статье преступление посягает на конституционный строй РФ, в названии же главы говорится об основах конституционного строя.

Заголовок (частично и текст) ст. 279 УК РФ как вооруженный мятеж тавтологичен, поскольку мятеж и есть вооруженное выступление против законной власти.

Объект рассматриваемого преступления необходимо определять исходя из формулировки целей в ст. 279 УК РФ: 1) изменения конституционного строя

Российской Федерации; 2) нарушения территориальной целостности Российской Федерации. Таким образом, объектом мятежа следует признавать конституционный строй и территориальную целостность РФ.

Мятеж как преступление должен обладать рядом объективных и субъективных признаков. К первым относятся: а) значительная группа лиц (для отражения числа мятежников в литературе используется именно данное прилагательное; в этом случае формализация вряд ли возможна в принципе и вряд ли нужна правоприменителю); б) совершение насильственных действий; в) наличие оружия; г) отказ подчиниться требованиям властей. К субъективному признаку относится указанная в законе цель.

Свержение конституционного строя РФ как цель мятежа заключается в стремлении виновных насильственным путем упразднить закрепленные в гл. 1 Конституции РФ основы конституционного строя. Цель изменения конституционного строя предполагает трансформацию системы социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых и охраняемых Конституцией РФ и другими конституционно-правовыми актами государства. Цель нарушения территориальной целостности охватывает либо нарушение суверенитета (в частности обеспечения Российской Федерацией целостности и неприкосновенности своей территории), либо федеративного устройства Российской Федерации.

16. Статью 279 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 279. Мятеж

1. Организация мятежа или руководство им в целях свержения или насильственного изменения основ конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации – наказывается... (особо тяжкое преступление).

2. Участие в мятеже в целях, указанных в части первой настоящей статьи, – наказывается... (особо тяжкое преступление)».

Примечание к ст. 275 УК РФ (после цифры 278) дополнить указанием на ст. 279 УК РФ.

17. Путем проведения криминологического анализа личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы, в том числе с использованием данных результатов опросов, сформулировано следующее понятие наиболее распространенного типа рассматриваемого преступника: это человек, относящийся к особо опасному типу самоутверждающегося корыстного преступника с устойчивым криминальным поведением, который характеризуется индивидуалистическим отношением к социальным ценностям и дезадаптивным поведением с признаками отчуждения личности.

18. Причины и условия преступности против основ политической системы России складываются из противоречий и кризисных явлений в обществе и влияют на преступления, посягающие на условия легальности и легитимности и на легальность и легитимность власти, как прямо, так и опосредовано. Установив данное обстоятельство, предлагается накапливаемые сведения о соответствующих преступлениях не относить только к статистическим данным. Показатели кризисных явлений и процессов, влияющие на условия легальности и легитимности власти, следует называть индикаторами возможного (потенциального) кризиса политической системы. Соответственно, эти сведения не должны накапливаться, они должны постоянно анализироваться и использоваться для снижения уровня социальной напряженности в государстве, в том числе для оперативного вмешательства в управление политической системой.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что она представляет собой первое комплексное исследование уголовно-правового и криминологического механизма обеспечения политической системы (ее формирования и функционирования), по результатам которого разработаны концептуальные основы противодействия посягательствам на нее, в том числе уточнена юридическая природа преступлений против избирательных прав и права на референдум граждан РФ, а также воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста, разрешены наиболее значимые и дискуссионные вопросы уголовной ответственности за посягательства на власть

как феномен политической системы, выработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, дана оценка адекватности криминологических и институционально-организационных мер противодействия деяниям против государственной власти и средств массовой информации.

Изложенные в работе выводы и рекомендации могут быть использованы в качестве теоретической базы при совершенствовании норм уголовного закона об ответственности за посягательства на безопасность основ политической системы России. Результаты проведенного исследования могут быть положены в основу дальнейших научных разработок в области уголовно-правовой охраны основ конституционного строя и безопасности государства.

Ряд положений диссертационного исследования целесообразно учесть в процессе подготовки постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Диссертационную работу можно использовать в учебном процессе при проведении учебных занятий по уголовному праву и криминологии.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается применением апробированных методов и методик, соблюдением требований анализа правового материала, теории уголовного права, привлечением широкого круга нормативных источников и теоретических работ, использованием статистических данных, а также результатами изучения и использования значительной по территориальному масштабу и количеству уголовных дел, рассмотренных городскими, областными и краевыми судами РФ, что свидетельствует о репрезентативности осуществленной выборки.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре информационного, энергетического права и уголовно-правовых дисциплин РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, где проводились ее рецензирование и обсуждение.

Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались на международных, зарубежных, всероссийских и межвузовских конференциях в 2015–2021 гг., в частности: IV Московском юридическом форуме

«Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании» (Москва, 6–8 апреля 2017 г.); IX совместном российско-германском круглом столе «Преступления в сфере экономики: российский и Европейский опыт» (Москва, 20 октября 2017 г.); межвузовском круглом столе «Основы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (Москва, 17 октября 2017 г.); XIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) «Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики» (Москва, 21–23 ноября 2017 г.); Международной конференции по уголовному экономическому праву в Потсдаме (Германия, 18–19 декабря 2017 г.); III Саратовских уголовно-правовых чтениях «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 29–30 марта 2018 г.); IX Международной научно-практической конференции «Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы» (г. Курск, 4–6 октября 2018 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Борьба с организованной преступностью в системе реализации избирательного права России» (Москва, 22–23 января 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации» (Москва, 28 мая 2021 г.); Международной научно-практической конференции «Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона» (г. Астрахань, 28–29 октября 2021 г.); XIX Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 20–21 января 2022 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики стран-участниц СНГ» (г. Ереван, 16 февраля 2022 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Регуляторная гильотина медицинского законодательства: новые обязательные требования к системе здравоохранения» (г. Москва, 7 апреля 2022 г.) и др.

По теме диссертации опубликовано 49 работ, в том числе три монографии (24 п. л.) и 26 статей в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Материалы диссертации используются в учебном процессе в РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина.

Структура работы обусловлена целями и задачами работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих четырнадцать параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА I

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ:
ПОНЯТИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА, СОЦИАЛЬНАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ****§ 1. Политическая система России и ее структурные элементы
как объект уголовно-правовой охраны:
понятие, общая характеристика¹**

В самом общем виде политическая система² представляет собой одну из центральных подсистем совокупной общественной системы, взаимодействующей с другими подсистемами последней: социальной, экономической, идеологической, этической, культурной, – которые образуют своеобразное окружение политической системы; наряду с природным окружением и природными ресурсами (демографическими и территориально-пространственными), выступают ее общественными ресурсами. Место политической системы в структуре всей общественной системы, по сути, обусловлено ведущей организационной и регулятивно-контрольной ролью политики как таковой, представляющей собой деятельность, связанную с отношениями между классами, нациями и социальными группами. Политика признается главным предметом существования и функционирования политической системы.

¹ Вопрос рассматривается в аспектах и объеме, необходимых для исследования проблемы охраны политической системы криминологическими и уголовно-правовыми средствами; другими словами, имеет место пропедевтическая характеристика указанного объекта, без которой практически невозможно вести предметный разговор о необходимости и достаточности имеющихся криминологических, правовых и иных возможностей для противодействия посягательствам на основы политической системы России.

² В литературе иногда используется как синонимичный термин «политическая организация общества». Однако надо заметить, что некоторыми авторами предпринимаются попытки их разграничить (см. об этом подробно: *Лузан А. А.* Политическая жизнь общества: вопросы теории. Киев, 1989; Развитие политических систем в современном мире. М., 1981 и др.).

Ядром же политики является проблема завоевания (получения), удержания и использования (применения) власти³.

«Политическая система как устойчивое сложноорганизованное образование в своем взаимодействии с окружающей социальной средой должна обладать, во-первых, *регулятивной способностью*, призванной обеспечить контроль и координацию поведения индивидов и групп, во-вторых, *экстрактивной способностью*, состоящей в извлечении из окружения ресурсов, необходимых для ее функционирования, в-третьих, *распределительной способностью*, обеспечивающей представление индивидам и общественным группам социальных благ, и, в-четвертых, *реактивной способностью*, благодаря которой система “отвечает” на воздействие окружения, прежде всего на требования, выдвигаемые индивидами и группами»⁴.

Т. Парсонс выделяет в структуре общества четыре подсистемы:

1) *социетальное*⁵ *сообщество* как сложная сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей установленным нормам и самому сообществу; выполняет функцию интеграции, совмещения системы норм с коллективной организацией и определяется как ядро общества;

2) *воспроизводство образца*; выполняет одноименную функцию, выступает на социетальном уровне в виде ценностных приверженностей (моральных, эстетических, познавательных, религиозных и др.);

3) *политическая*; ядро составляет государство и его органы, обеспечивает обязательный характер нормативных оснований общества для его членов посредством применения или угрозы применения негативных санкций;

³ См. об этом подробно: Политология. Энциклопедический словарь / под общ. ред. Ю. И. Аверьянова. М., 1993. С. 251; и далее.

⁴ Грачев М. Н. Политическая система общества. М., 1997. С. 7.

По этому вопросу также см.: Шаран П. Сравнительная политология : в 3 ч. М., 1992. Ч. 1. С. 69.

⁵ Этот термин введен самим Т. Парсонсом и относится к числу труднопереводимых и неоднозначно толкуемых в науке. В российской социологии он впервые был использован Г. В. Осиповым, раскрывавшем его как общество в целом, все общество (см.: Осипов Г. В. Социология. Основы общей теории. М., 1998).

4) *экономическая*; направлена на эффективное управление ресурсами, в том числе и трудовыми⁶.

Являясь открытой, политическая система, функционируя в социальной среде, сохраняет свою качественную определенность, несмотря на то, что постоянно подвергается неблагоприятному воздействию. Она все время, говоря словами Н. Винера, находится «большую часть своего существования в состояниях, которые не являются состояниями полного равновесия, но подобны равновесным»⁷.

В специальной литературе сложились два подхода к определению политической системы: гносеологический и онтологический.

Онтологический подход, по сути, заложен К. Марксом, разработавшим теорию общественно-экономической формации как конкретно-исторической формы социальной системы⁸. Дальнейшее развитие он получил в работах отечественных ученых-обществоведов (В. Г. Афанасьева⁹, Ю. Е. Волкова¹⁰, М. Н. Руткевича¹¹ и др.). Согласно марксистской трактовке, политическая система, как и государство, право, представляет собой объективное явление. При этом **«политическая система общества выступает как явление и понятие фактическое, но отнюдь не формально юридическое.** Это означает, что в разряд ее основных частей входят не только официально признанные господствующие классом в лице соответствующих государственных органов организации, но и объединения ... объявленные в силу тех или иных причин вне закона»¹².

Примером гносеологического подхода к характеристике политической системы общества является ее определение П. К. Гончаровым как «составной,

⁶ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 18–19.

⁷ Винер Н. Машина умнее своего создателя // Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983. С. 312.

⁸ См., например: Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 199.

⁹ См.: Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981.

¹⁰ См.: Волков Ю. Е. Теоретико-методологические основы социологического анализа общественных систем и процессов. М., 2001.

¹¹ См.: Руткевич М. Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001.

¹² Политология. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М., 2003. С. 298.

См. также: Политология / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 1999. С. 118.

органичной части социальной системы, включающей в себя всю совокупность различных социальных субъектов и институтов, объединенных участием в политической жизни общества, многообразных форм политических связей и отношений, в которых она реализуется и ядром которых являются отношения по поводу государственной власти, а также результатов политической деятельности в виде соответствующих норм, ценностей и культуры»¹³.

Наряду со структурно-функциональной и коммуникативной трактовками политической системы, раскрывающими ее как открытую, неравновесную, поведенческую систему, непрерывно взаимодействующую с окружающей средой¹⁴, существенный вклад в теорию политических систем вносит использование институционального подхода¹⁵. В этом случае политологи в первую очередь исходят из ее субъектного состава и структурно-функциональных характеристик. Так, в онтологическом определении, даваемом П. К. Гончаровым, акцент делается на институционально-субъектном аспекте политической системы, в связи с чем она рассматривается как важнейшая составная часть «социальной системы общества, представляющей собой совокупность: а) государства, политических партий и общественных организаций, главным из которых является государство, а также социальных общностей, групп и политических лидеров, объединенных участием в политической жизни общества; б) многообразных форм, способов и средств политических отношений, связей, общения и деятельности, ядром которых является борьба за обладание государственной властью, и прежде всего ее использование для управления обществом в интересах распоряжения его ресурсами и в целях обеспечения его функционирования и развития; в) политических норм и ценностей, форм

¹³ Гончаров П. К. Политическая система российского общества. М., 2008. С. 60.

¹⁴ Представителями этих учений являются Д. Истон, Г. Алмонд, К. Дойч и др. В русле указанных концепций, как нам кажется, находится определение политической системы, которое дается Г. В. Пушкаревой. По ее мнению, «политическая система есть способ организации институализированных политических отношений, обладающий внутренними механизмами саморегуляции, самовоспроизводства и развития» (Пушкарева Г. В. Политология: Краткий курс лекций. М., 2002. С. 100).

¹⁵ См. об этом подробно: Гончаров П. К. Политическая система российского общества. С. 54.

политического сознания и политической культуры, отражающих, обогащающих и регулирующих политическую и в целом социальную жизнь общества»¹⁶.

О. Ф. Шабров считает, что политическую систему можно рассматривать как «совокупность институтов, соединенных отношениями, порождающими политическую власть и приобщающими к ней каждый из этих институтов»¹⁷.

Некоторые ученые, по сути, интегрируют существующие подходы к толкованию политической системы, полагая, что они дополняют друг друга. В этом случае в рассматриваемое понятие включается более широкий круг компонентов: политические процессы, источники, качество и свойства их участников и т. д. Например, М. Г. Анохин формулирует следующее определение политической системы: «“Политическая система общества” – сложная динамическая совокупность различных политических институтов, социально-политических общностей, форм взаимодействия и взаимоотношений между ними, посредством которых реализуется политическая власть»¹⁸.

В энциклопедических изданиях практически даются очень близкие к приведенной дефиниции определения (может быть, формулируются лишь несколько шире). Так, утверждается, что политическая система – это «совокупность политических институтов, норм, ценностей, идей и отношений, в которых реализуется политическая власть»¹⁹.

Еще более широкий круг явлений охватывает понятие, формулируемое В. П. Пугачевым. Политическую систему он рассматривает в качестве «реального сложного механизма формирования и функционирования власти в обществе. Этот механизм включает государство, а также партии, СМИ, политические ассоциации

¹⁶ Гончаров П. К. Политическая система российского общества. С. 74–75.

¹⁷ Шабров О. Ф. Современные политические системы и политические режимы // Политология. М., 2001. С. 114.

Представляется интересным определение политической системы, формулируемое индийским политологом П. Шараном. В рассматриваемую дефиницию, наряду с государством и другими политическими институтами, он включает и граждан страны, полагая, что «понятие политической системы более емкое, чем понятие государственного управления, поскольку оно охватывает всех лиц и все институты, участвующие в политическом процессе» (Шаран П. Сравнительная политология. С. 49).

¹⁸ Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. М., 1996. С. 15.

¹⁹ Политическая энциклопедия : в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 405.

См. также: Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 555.

и объединения, различных политических субъектов (групп и индивидов) и их взаимоотношения, политическое сознание и культуру, политические нормы»²⁰.

Очень близкое определение политической системы предлагает И. А. Соловьев, считающий, что ее можно представить как целостную и динамичную совокупность однотипных, дополняющих друг друга ролей, отношений и институтов власти, взаимодействующих на основе единых норм и ценностей, задаваемых интересами доминирующих в обществе социальных групп и позволяющих последним реализовывать свои цели и намерения²¹.

Политическая система обладает рядом функций, при этом под ними понимается «любое ее стандартизированное действие, которое способствует поддержанию достигнутого состояния и дальнейшему развитию»²². В литературе наметилось несколько подходов к их определению. Например, в инструментальных моделях Г. Алмонда и Д. Эптера говорится о следующих функциях, сводимых ими в две группы (первая – «входные», вторая – «выходные»):

1) «входные»:

- политическая социализация и рекрутирование, вовлечение в политику, направленные на обеспечение требуемого поведения индивида при заданных мотивах и целях;
- артикуляция, выражение интересов различных социальных групп;
- агрегация, объединение различных групповых интересов;
- политическая коммуникация;

2) «выходные»:

- принятие, определение правил (функция законодательной власти);
- применение правил (функция исполнительной власти);

²⁰ Пугачев В. П. Политология. М., 2003. С. 198.

²¹ См.: Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003. С. 236–237.

²² Белов Г. А. Политология. М., 1994. С. 152.

– контроль за соблюдением правил, судопроизводство и вынесение решений (функции судебных органов)²³.

Несколько иначе к установлению функций политической системы подходил Ф. М. Бурлацкий, выделявший:

а) определение целей и задач общества, выработка программы его жизнедеятельности;

б) мобилизацию ресурсов общества на достижение поставленных целей;

в) интеграцию всех элементов общества вокруг общих социально-политических целей и ценностей господствующей идеологии и культуры;

г) распределение ценностей в обществе в соответствии с интересами сохранения данной системы собственности и власти²⁴.

«Обобщая вышеуказанные концепции, в целом дополняющие друг друга, нетрудно заметить, что функции политической системы предопределяются спецификой как самой политики, так и особенностями интересов различных ее субъектов. Эти интересы формируются во взаимном противопоставлении и противостоянии социально-политических институтов, общностей и индивидов и могут быть реализованы в рамках существующих общественных отношений лишь посредством властно-регулирующей деятельности. Сама же политическая система возникает как средство согласования интересов при помощи власти и политического участия, а ее структура и динамика зависят от соотношения социальных сил»²⁵.

Некоторые ученые выделяют:

1) обеспечение политической власти определенной социальной группы или большинства членов данного общества, страны;

2) регулирование общественных отношений, управление различными сферами жизнедеятельности населения;

²³ Приводится по: *Грачев М. Н.* Политика, политическая система, политическая коммуникация. М., 1999. С. 24.

²⁴ См.: *Политические системы современности.* М., 1978. С. 10.

²⁵ *Грачев М. Н.* Политика, политическая система, политическая коммуникация. С. 25.

3) обеспечение определенного единства всех социальных групп и слоев населения для сохранения устойчивости общества;

4) создание необходимых политических условий для функционирования и прогресса экономики;

5) защиту общества, его членов от разного рода разрушающих (внутренних и внешних) воздействий²⁶.

Отдельные авторы говорят об основной функции политической системы, под которой, например, понимается определение политики и ее осуществление посредством управления во всех сферах общественных отношений, а также устройство государственной власти, определение форм ее жизнедеятельности²⁷. Другие политологи в качестве таковой называют *«властное опосредование социальных интересов и взаимодействий»*, необходимость которого связана с общественным разделением труда, разрывом между непрерывным возрастанием потребностей различных социальных групп и исторически ограниченными ресурсными возможностями для их полного или, по крайней мере, одинакового удовлетворения в каждом обществе»²⁸.

Политическая система общества как сложное явление обуславливает требования-критерии, которые предъявляются ко всем ее структурным образованиям. К их числу, например, М. Н. Марченко, относят следующие: внутренняя упорядоченность, организованность и хотя бы минимальная политичность²⁹. Согласно первому из них каждое общественно-политическое объединение, выступающее в качестве структурного элемента политической системы общества, являлось бы организацией и обладало всеми его признаками (установленный порядок образования и функционирования, наличие соответствующего устава, положения или иного акта, формально-юридическое оформление объединения, наличие органов, ведающих внутренними и внешними делами, и т. д.).

²⁶ См.: Божанов В. А. Политическая система общества. Минск, 2001. С. 34.

²⁷ См.: Матусевич А. В. Представительство интересов личности в государственных органах // Личность. Общество. Государство. Минск, 1996. С. 40.

²⁸ Грачев М. Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. С. 25.

²⁹ См.: Политология. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. С. 299.

Все структурные элементы политической системы должны быть не только внутренне организованными, находиться в определенном соотношении друг с другом, но и быть политическими (понятно, что в разной степени политизированности, что предопределяет выделение собственно политических организаций и иных, политическая деятельность которых не является для них основной, смыслообразующей³⁰). Каждая из этих составных частей должна: «а) выражать политические интересы определенного класса или любой социальной общности; б) быть участником политической жизни и субъектом политических отношений; в) иметь непосредственное или опосредованное отношение к государственной власти – ее завоеванию, организации и использованию, причем не обязательно взаимодействуя с государственными органами, но и противодействуя им; г) руководствоваться в повседневной деятельности политическими нормами или правилами, сложившимися в недрах политической жизни той или иной страны»³¹.

Для характеристики политической системы общества принципиальное значение имеет определение совокупности составляющих ее элементов. Заметим, что этот вопрос, по сути, является краеугольным камнем, вызывающим споры, особенно в марксистской юридической, философской и социологической литературе³². Для настоящего же исследования – это, пожалуй, одна из исходных проблем, от разрешения которой зависят ряд других, как криминологических, так и уголовно-правовых. Структурная характеристика политической системы обуславливает, во-первых, объекты уголовно-правовой охраны; во-вторых, механизм посягательств на нее или на составляющие ее элементы, в-третьих, криминализацию и пенализацию соответствующих общественно опасных деяний, в-четвертых, набор объектов и средств криминологического предупреждения соответствующих преступлений и т. д.

³⁰ Наиболее политизированными признаются общественные организации, созданные по социально-классовому, профессиональному, национальному, а в ряде стран – по конфессиональному признакам.

³¹ Политология. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. С. 299.

³² См. об этом подробно: Лузан А. А. Указ. соч. С. 49–74.

Так, М. А. Идрисова в структуре политической системы выделяет три подсистемы:

- 1) институциональная, состоящая из государства, политических партий и общественных организаций;
- 2) информационная подсистема, устанавливающая связь между политическими организациями (средства массовой информации);
- 3) нормативная, включающая в себя всевозможные нормы, определяющие поведение людей в политической жизни (основные правила участия во все типах политического процесса)³³.

М. Н. Грачев исходит из того, что политическая систем общества состоит из четырех подсистем: а) нормативно-регулятивной; б) политического сознания и политической культуры; в) коммуникативной; г) институциональной (государство, политические партии, общественные организации)³⁴.

П. К. Гончаров, предваряя характеристику структуры политической системы общества, замечает: «Их (компоненты, составляющие. – А. Д.) можно условно разделить на компоненты в большей степени материального, субъектного порядка и компоненты в большей степени идеального, виртуального порядка»³⁵. Исходя из этого, он выделяет шесть подсистем, находящихся в определенной взаимосвязи и условной иерархичности:

- 1) институционально-субъектная подсистема: государство, партии, общественные организации; группы давления; группировки элиты; политические лидеры; электорат; СМИ;
- 2) нормативная подсистема: конституция, законы, программы и уставы политических партий и общественных организаций; нормы политической морали; политические традиции и обычаи;

³³ См.: Идрисова М. А. Политическая система общества: трансформация в эпоху глобализации: теоретико-правовое исследование. Казань, 2009. С. 26–27.

³⁴ См.: Грачев М. Н. Политическая система общества. С. 10.

³⁵ Гончаров П. К. Политическая система российского общества. С. 61.

3) духовно-культурная подсистема: политические интересы; формы политического сознания; политическая наука, политическая идеология, общественное мнение; политические ценности;

4) подсистема политических отношений: политические отношения борьбы – соперничества – сотрудничества, субординации – координации; политические связи; функционирования, развития, управления; совокупность статусно-ролевых моделей политического поведения;

5) функционально-деятельностная подсистема: политические цели; функции политической системы; входные, внутрисистемные, выходные; совокупность направлений, форм и методов политической деятельности;

6) информационно-коммуникационная подсистема: формы, методы, способы политического общения и обмена политической информацией; средства политической коммуникации³⁶.

Функции всех подсистем подчинены главному – власти; ради нее они существуют и реализуются.

Включение в структуру политической системы элементов «идеального, виртуального порядка» как раз и порождает основные противоречия во взглядах ученых. Не ставя целью предметного анализа всех существующих разногласий, всего спектра нюансов, остановимся, как нам представляется, на самом важном: правомерности сочетания в структуре рассматриваемого явления материальных и идеальных элементов, по своей природе являющихся разнопорядковыми, следовательно, несопоставимыми. В. И. Ленин, критикуя меньшевизм, в частности, писал: «Как можно сравнивать и сопоставлять *классы* (либеральная буржуазия) с *учениями* (социализм)? *практическую политику* (поползновения) с *взглядами* (предрассудки)?? Это верх нелогичности. Чтобы связать концы с концами в *тактической платформе*, надо противопоставить: 1) один класс другому, например либеральную буржуазию демократическому (или реакционному?) крестьянству; 2) одну политику другой, например

³⁶ См.: Гончаров П. К. Указ. соч. С. 62.

контрреволюционную – революционной; 3) одни учения, взгляды и предрассудки – другим учениям, взглядам и предрассудкам»³⁷.

В литературе обращается внимание на то, что, во-первых, институты политической системы и политические идеи, представления, политическое сознание³⁸ необоснованно обособляются, а между тем они предполагают друг друга. Первые возникают и функционируют на основе определенных политических идей, а потом, взаимодействуя между собой, непрерывно оказывают взаимное влияние. При этом «политические учреждения соответствуют политическим взглядам не как чему-то внешнему, эти взгляды функционируют именно как сама деятельность данных учреждений. Они выражаются, проявляются именно в многообразных фактах как сознательных действиях по самой своей социальной сущности»³⁹.

Таким образом, политические идеи, взгляды, представления, политическое сознание, политическая идеология материализуются вовне в деятельности институтов политической системы. Но, во-вторых, и в таком качестве они вряд ли могут претендовать на структурную обособленность в рамках последней, поскольку сохраняют свою изначальную природу, не перестают быть идеальными явлениями, не превращаются в материальные объекты. «Иной вывод, иное допущение были бы по существу своему неверными, ибо в таком случае невольно допускалась бы и оправдывалась возможность смешения в рамках структуры политической организации общества “материальных” объектов, какими являются различные общественно-политические институты, с “нематериальными”, идеальными объектами, какими являются политические взгляды, идеи и представления. Перед исследователем структуры политической организации и ее отдельных элементов в таком случае неизбежно возникла бы необходимость

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 191–192.

³⁸ В политическую систему общества ряд авторов включают такие элементы, как институты и механизмы принятия решений, процедуры, функции, вообще имеющие вспомогательный характер (см.: Божанов В. А. Политическая система общества. С. 33).

³⁹ Барулин В. С. Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. Барнаул, 1996. С. 244.

сопоставления (или противопоставления) таких разнопорядковых, несопоставимых между собой объектов...»⁴⁰

Коль скоро политическая система признается материальной, то логично предположить, что она состоит из элементов, также являющихся материальными.

Как представляется, достаточно сложной видится проблема о месте и роли в политической системе человеческого фактора. Если отвлечься от нюансов, то на научно-политологическом континууме можно выделить две диаметрально противоположные позиции. Согласно первой, человек присутствует в политической системе общества в разных социальных проявлениях, поэтому невключение его в структуру рассматриваемого явления является ошибкой⁴¹; согласно второй – человек представлен в политической системе не как таковой, не как индивид, а как гражданин, член политической организации и т. д., т. е. в институционально-субъектной подсистеме⁴². Так, Н. В. Витрук, определяя социально-нормативный статус личности, указывает, что он выражается не только в правовом ее статусе, но и в статусе личности как члена партии, общественной организации, трудового коллектива⁴³.

И. М. Чудинова, определяя политическую систему как интегрированное выражение власти и политики в социально-политических институтах, политических отношениях, обеспечивающих управление и регулирование социально-политической жизнью общества, при этом определяющим считает возможность граждан принимать участие в управлении обществом⁴⁴.

⁴⁰ Политология. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. С. 304.

⁴¹ Как правило, в этом случае многие из политологов, придерживающихся этой точки зрения, ссылаются на высказывание Аристотеля о том, что «государство есть совокупность граждан» (*Аристотель*. Политика. М., 2002. С. 90), хотя, на наш взгляд, это утверждение не делает их позицию более убедительной. Более того, она, пожалуй, даже подрывает ее, поскольку человек в этом случае включается в политическую систему не как индивид, а как член соответствующего сообщества.

⁴² Например, не включают в политическую систему человека С. И. Росенко и А. А. Кумпен (см.: *Росенко С. И., Кумпен А. А.* Социально-политическая система современной России. СПб., 2014).

⁴³ См.: Политология. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. С. 591.

⁴⁴ См.: *Чудинова И. М.* Политическая жизнь // Социально-политический журнал. 1994. № 11. С. 12.

Некоторые авторы в политическую систему общества включают не человека, а граждан, народ, нации, народности, население административно-территориальных единиц, трудовые коллективы⁴⁵.

По нашему мнению, в политическую систему общества следует, во-первых, включать только такие элементы, которые имеют материальный характер и охватывают государство, политические партии, общественные объединения и средства массовой информации.

Государство следует рассматривать как важную составную часть политической системы, выступающей в виде целостного (единого) политического института, а не как совокупность государственных органов. В литературе обоснованно утверждается, что не существует политики без институтов власти. История свидетельствует, что государство выступает наиболее приемлемой системой органов и институтов власти⁴⁶.

Существуют различные понятия государства. Так, в публицистическом аспекте утверждается, что государство – это «страна, общество, народ, расположенные на определенной территории и представляемые высшим органом власти»⁴⁷. В юридической литературе встречается понимание государства «как стержня (основной предпосылки, центрального элемента) и даже основы политической системы. Если с первым утверждением можно согласиться, то с последним – нельзя, так как подобное понимание государства привело бы к смещению с такими разнопорядковыми явлениями, какими представляются действительные экономические, социальные, идеологические основы политической системы»⁴⁸.

⁴⁵ См.: Матусевич А. В. Представительство интересов личности в государственных органах. С. 42.

Оценивая такой подход, В. А. Божанов отмечает, что он вполне правомерен (см.: *Божанов В. А.* Политическая система общества. С. 35). На наш взгляд, такой набор человеческого фактора искажает роль личности в политической системе общества, все структурные единицы выделены по различным, иногда пересекающимся основаниям.

⁴⁶ См.: *Белов Г. А.* Политология. С. 11.

⁴⁷ Основы политической науки : в 2 ч. / под ред. В. П. Пугачева. М., 1993. Ч. 1. С. 203.

⁴⁸ *Комаров С. А., Ростовщиков И. В.* Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002. С. 248.

В специальной литературе при характеристике государства, как правило, выделяются его сущностные (наиболее характерные) черты – наличие принудительной власти⁴⁹, суверенность⁵⁰, всеобщность⁵¹. Эти признаки государства дополняются имманентно присущими ему атрибутами: территорией, населением, государственным аппаратом.

Государство, выступая элементом политической системы, выполняет функции, присущие только ему; ими не могут обладать никакие другие институциональные, например различные негосударственные, образования⁵². Государство обладает суверенитетом, является основным источником реализации политической власти. Только государству присуще единство законодательных, управленческих, контрольных (надзорных) функций в масштабе всей страны. Негосударственные организации такими свойствами не обладают; свою деятельность они осуществляют в определенной сфере общественно-политической жизни, следовательно, решают локальные по содержанию и объему задачи.

Выступая организацией всех граждан, государство представляет общество в целом, принимает властные решения от имени всего народа, а не какой-либо ее части. «Это, собственно говоря, основная форма политической интеграции общества на строго ограниченной территории, подчиненной определенному виду политического господства. Государство является носителем власти, юрисдикция которого распространяется на всю территорию страны»⁵³.

⁴⁹ М. Вебер писал, что государство «успешно добивается монополии на применение силы в рамках данной территории» (*Вебер М. Избранные произведения*. М., 1990. С. 640).

Для выполнения функции принуждения государство обладает армией, полицией, службой безопасности, судом и прокуратурой.

⁵⁰ Суверенность означает, что государство обладает высшей властью по отношению к субъектам, действующим в пределах его границ. Ее политический смысл заключается в способности субъектов, действующих от имени государства, обеспечить обществу независимость, самостоятельное существование и развитие.

⁵¹ Всеобщность показывает, что государство включает в сферу своего воздействия всех людей, проживающих на его территории; выступает как механизм деятельности государства и одновременно как создаваемый государством способ регулирования общественных отношений.

⁵² См.: *Комаров С. А., Ростовицков И. В.* Личность. Права и свободы. Политическая система. 248–250.

⁵³ *Комаров С. А., Ростовицков И. В.* Указ. соч. С. 249.

Государство обладает специальным аппаратом управления и принуждения. М. Н. Марченко обоснованно указывал, что государство, имея специальный аппарат принуждения и подавления с соответствующими «вещественными придатками» в виде тюрем и иных принудительных учреждений, играет роль главного проводника в жизнь воли и интересов политических сил, стоящих у власти, важнейшего средства осуществления политической власти⁵⁴.

Помимо указанного аппарата, государство обладает системой правовых средств, предусматривающих использование различных методов убеждения и принуждения. В нормативных правовых актах закрепляются основные политические принципы, нормы и процедуры, очерчиваются границы и возможности политической деятельности структур, находящихся в разных точках политического континуума, – правящей и оппозиционных партий.

Наконец, государство, выступая собственником основных орудий и средств производства, играет важную роль в определении направления развития общества на конкретном историческом этапе.

«Итак, государство является сложным социальным образованием. С одной стороны, оно выступает как особый аппарат управления обществом; с другой – принимает образ ассоциации, равномасштабной обществу и интегрируемой публично-властными отношениями, институтами и нормами, которая размещается на определенной территории и охватывает своей властью всех членов данного общества. Государство концентрирует в себе максимум средств, необходимых для реализации интересов экономически господствующих социальных групп. Осуществляя властные функции, оно создает и поддерживает правовые, идеологические, этические, научные и иные системы, призванные обосновывать и оправдывать эти интересы. В свою очередь, динамика государственных

К. С. Гаджиев, основываясь на позиции Гегеля, также утверждает, что государство как действительность субстанциональной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть «в себе и для себя разумное». Это субстанциональное единство – абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членом государства (см.: *Гаджиев К. С. Политическая наука*. М., 1994. С. 99).

⁵⁴ См.: *Политология в вопросах и ответах (консультации политологов)*, М., 1994. С. 38.

институтов, их эволюция в значительной степени обуславливаются изменением и спецификой социально-политических и экономических отношений, особенностями цивилизационного развития общества, влиянием внешнеполитических факторов»⁵⁵.

Как уже говорилось, в политическую систему включаются политические партии, общественно-политические движения, общественные организации.

В зарубежной политологической литературе наиболее точным признается развернутое определение партии, сформулированное Л. С. Санистебаном: «Партии – это стабильные иерархические организации, состоящие из обладающих одинаковыми политическими убеждениями лиц, которые совместно работают над достижением своих целей, имеющих идеальный (модель общества) или материальный (различного рода личные выгоды) характер. Основные цели партии так или иначе связаны с осуществлением власти в политических системах. Деятельность партий направлена на завоевание высшей власти в политических системах, на участие в ее осуществлении, а в некоторых случаях – на ее свержение. На основе общих политических идей их членов разрабатываются программы партий, в которых определяются задачи на ближайшую, среднюю и долгосрочную перспективу»⁵⁶.

Все определения политической партии, имеющиеся в российской политологической литературе, можно сгруппировать в три⁵⁷ относительно

⁵⁵ Грачев М. Н. Политическая система общества. С. 17.

⁵⁶ Цит. по: Грачев М. Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. С. 49.

В западной политологии понятие политической системы формулируется в зависимости от той роли, которую она играет в избирательном процессе. Например, немецкий политолог К. фон Бейме считает, что «партии – это общественные организации, конкурирующие между собой на выборах во имя достижения власти» (Бейме К. фон. Партии // Политология вчера и сегодня. Вып. 4. М., 1992. С. 62). Такое определение партий справедливо лишь отчасти, поскольку не все политические партии пытаются решать свои задачи только парламентскими методами.

⁵⁷ В политологической литературе говорится о четырех подходах к определению политической партии. Но надо иметь в виду, что структурно-функциональный, или организационный, подход представлен известным французским социологом М. Дюверже, который считает, что «в природе организации современных политических партий их сущность раскрывается куда более полно, нежели в их программах или классовом составе: партия есть

самостоятельные группы в зависимости от того, на что делается упор в дефиниции:

1) марксистские (классовые); например, В. И. Ленин видел в партии организацию, представляющую пролетариат⁵⁸;

2) идеологические (доктринальные)⁵⁹; так, Г. В. Пушкарева считает, что «политическая партия – это устойчивая, формализованная организация, стремящаяся к участию в осуществлении государственной власти и объединяющая людей с общими идейно-политическими взглядами и совпадающими интересами»⁶⁰;

3) политические; в самом концентрированном виде эти определения рассматривают политические партии как средство реализации «воли к власти»⁶¹.

В ст. 3 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ (в ред. от 14.03.2022) «О политических партиях»⁶² политическая партия определяется как «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования

общность на базе определенной специфической структуры» (*Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 18).

⁵⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 245.

⁵⁹ Р. Михельс писал: «Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа» (*Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // *Онтология мировой политической мысли* : в 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 190).

⁶⁰ *Пушкарева Г. В.* Политология: Краткий курс лекций. С. 136–137.

А. И. Соловьев включает идеологический аспект в определение политической партии. По его мнению, «в результате своего развития партия сформировалась как специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и служащая для борьбы за завоевание и использование высшей политической власти» (*Соловьев А. И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003. С. 216). Г. А. Белов также подчеркивает, что «партии различаются между собой кругом идей, который объединяет их членов, и большинство политических вопросов партии относится к их доктринам...» (*Белов Г. А.* Политология. М., 1997. С. 175).

⁶¹ *Гончаров П. К.* Политическая система общества. С. 325.

Л. В. Сморгунов, исходя из того, что главная цель всех партий – завоевание и использование государственной власти (или влияние на государственную власть), пишет: «Партия по преимуществу является политическим образованием. Трудно назвать другую организацию, которая была бы сравнима по политической значимости с партией. Даже современное государство является скорее административным, а не политическим и приобретает последнее качество лишь в связи с партийной системой» (*Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология. М., 2002. С. 307).

⁶² СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950 ; 2022. № 12. Ст. 1787.

и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления».

Политическая партия должна отвечать следующим требованиям:

1) иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в последнем может быть создано только одно отделение. Под региональным отделением понимается структурное подразделение политической партии, созданное по решению ее уполномоченного руководящего органа и осуществляющее свою деятельность на территории субъекта РФ;

2) состоять не менее чем из 50 тысяч членов, а в более чем половине региональных отделений иметь не менее 500 членов; в остальных региональных отделениях численность каждого из них не может быть менее 250 человек.

Цели и задачи политической партии излагаются в ее уставе. Основными ее целями являются:

- формирование общественного мнения;
- политическое образование и воспитание граждан;
- выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти;

- выдвижение кандидатов (списка кандидатов) на выборах Президента РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, выборных должностных лиц местного самоуправления и в представительные органы муниципальных образований, участие в указанных выборах, а также в работе избранных органов.

В отличие от государства политические партии возникли относительно недавно. По некоторым утверждениям, их история насчитывает около трех столетий. Хотя надо заметить, что еще в трудах Аристотеля и источниках, относящихся к Древнему Риму, уже встречается трактовка этого понятия. Причем

термину «партия» придавалось одно из двух значений: во-первых, он мог означать группу лиц, отстаивающую интересы какой-либо части населения; во-вторых, сторонников того или иного политического деятеля.

По М. Веберу, процесс становления партий принято делить на три этапа: первый – появление аристократических группировок (котерий⁶³); второй – возникновение политических клубов; третий – собственно формирование массовых партий⁶⁴.

Главным признаком, отличающим политическую партию от других общественных объединений, является четко выраженная цель на борьбу за завоевание, удержание, осуществление и использование политической власти. Данное обстоятельство, по сути, нашло отражение в законодательном определении понятия политической партии в России.

Профсоюзные, молодежные, женские, антивоенные, национальные, экологические и другие организации, создаваемые для выражения и защиты интересов определенной социальной группы или слоев населения, решают стоящие перед ними задачи, выступая в роли групп давления на государственные органы власти⁶⁵.

По идеологической ориентации все российские политические партии в литературе подразделяются на следующие типы⁶⁶:

⁶³ Котерия (фр. – кружок, сплоченная группа) – 1) кружок, сплоченная группа лиц, преследующих какие-либо узкогрупповые, своекорыстные цели; 2) в Средние века – отряд наемников (см.: *Словарь иностранных слов в русском языке / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М., 1996. С. 368*).

⁶⁴ *Вебер М. Избранные произведения. С. 526.*

⁶⁵ Надо иметь в виду, что при этом не исключается создание на их базе политических партий. Например на основе экологических движений в ряде стран Западной Европы имеются влиятельные партии «зеленых».

⁶⁶ Типы политических партий – разновидности политических партий в зависимости от их функций в обществе, способа получения и отправления власти, отношений с другими партиями и степени организованности (см.: *Толковый словарь обществоведческих терминов. М., 1999. С. 271*). В литературе выделяются также партии: 1) по социальной направленности программы и деятельности; 2) по классовой сущности; 3) по отношению к существующему порядку, содержанию целей и задач; 4) по месту в системе государственной власти; 5) по характеру членства; 6) по организационной структуре; 7) по характеру политических действий (см. об этом подробно: *Сергеева З. Н. Политические партии современной России. Новосибирск, 2012. С. 12–13*).

1) либеральные партии; суть их программы является приоритет частной собственности, уменьшение государственного вмешательства, свободная рыночная экономика, либеральные идеи;

2) социально-либеральные, настроенные на социальный характер либеральных рыночных реформ, правовое социальное государство, эффективную рыночную экономику и сильное гражданское общество;

3) консервативные (умеренно реформистские), отстаивающие идеи сильного государства, стабильности, порядка и личной свободы;

4) социалистические, основной целью которых выступает построение социального государства и гражданского общества;

5) коммунистические, в программных документах которых сочетаются идеи социализма, патриотизма, народовластия, коллективизма, равенства;

6) национал-патриотические, провозглашающие такие идеи, как возрождение великой державы, защита русскоязычного населения⁶⁷.

Политические партии страны образуют партийную систему – совокупность связей и отношений между партиями, претендующими на обладание властью в стране⁶⁸.

В состав политической системы общества, как уже говорилось, наряду с политическими партиями, входят общественные объединения.

Общественное объединение – это добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в его уставе. Право граждан на создание объединения реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица – общественные объединения (ст. 5 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях»⁶⁹).

⁶⁷ См. об этом подробно: *Чижов Д. В.* Российские политические партии. М., 2008. С. 23–24.

⁶⁸ См.: Политический словарь [Электронный ресурс].

⁶⁹ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930 ; 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 20.

Важное место в структуре политической системы занимают средства массовой информации, под которыми в соответствии со ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (в ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации»⁷⁰ понимаются периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). Их значительную часть составляют собственно политические издания, радио- и телепередачи. Однако и любая другая информация, получаемая гражданами через печать, радио, телевидение (новостная, экономическая, культурно-просветительская, спортивная и т. д.), также существенно влияет на их политическое сознание и политическое поведение.

Коротко подведем итоги.

Уголовное право обеспечивает функционирование не всей политической системы, а только отдельных ее элементов:

во-первых, легальность и легитимность государственной власти (другими словами, конституционную основу ее функционирования);

во-вторых, институционально-субъектную, информационную подсистему (средства массовой информации), обеспечивающую поиск, получение, производство и распространение информации;

в-третьих, беспрепятственное осуществление своих политических функций государственными и общественными деятелями.

⁷⁰ Ведомости СНД И ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300 ; 2021. № 24 (ч. 1). Ст. 4188.

§ 2. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны власти и информационной подсистемы политической системы: общие и специальные вопросы

Проблемы социально-правовых оснований криминализации деяний, посягающих на основы политической системы и ее структурных элементов, в юридической литературе практически не исследованы. Можно назвать лишь две работы, в которых в той или иной мере рассматривалась социальная обусловленность указанных уголовно-правовых запретов. Речь идет о докторской диссертации А. Г. Хлебушкина⁷¹ и монографий Т. К. Агузарова, Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева⁷².

В первой работе названные проблемы рассматриваются в контексте применения методов уголовно-правового воздействия и предпосылок криминализации и пенализации в сфере охраны основ конституционного строя. Исходя из этого, автор исследует вопросы легитимности воздействия средствами уголовного права, выделяя следующие ее аспекты: материальное основание легитимности; формальное основание легитимности; криминализация как метод уголовно-правовой политики и ее принципы; пенализация как метод уголовно-правовой политики⁷³. При этом в работе легитимность представлена в четырех значениях:

- а) легитимность кратологическая (от греч. *kratos* – власть) – право государственной власти на принуждение;
- б) легитимность правовая (легализация) – юридическое оформление права на принуждение, регламентация его применения;
- в) легитимность гражданская – поддержка населением власти и принимаемых ею решений;

⁷¹ См.: *Хлебушкин А. Г.* Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016.

⁷² См., например: *Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И.* Охрана власти в уголовном праве России (*de lege lata* и *de lege ferenda*). М., 2016.

⁷³ См.: *Хлебушкин А. Г.* Указ. соч. С. 88–125.

г) легитимность правопорядка – уровень соблюдения правовых норм.

«Ведущей является кратологическая легитимность уголовно-правового воздействия, поскольку остальные виды легитимности производны от нее. Кратологическая легитимность уголовно-правового воздействия в сфере охраны основ конституционного строя имеет материальное и формальное основание»⁷⁴. При характеристике первого основания автор исходит из того, что обществу неизбежно присущи социальные противоречия, два вида из которых являются потенциально наиболее опасными, так как при перерастании в конфликт могут деструктивно влиять на социальную стабильность. К ним относятся противоречия, во-первых, вызванные ограниченностью властного ресурса и притязаниями на него; во-вторых, в сфере отношений между гражданами и между социальными группами на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо на почве ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Перерастание данных противоречий в конфликт создает угрозу для социальной стабильности и основ конституционного строя. Второе основание, по мнению А. Г. Хлебушкина, зиждется на социальном контракте: общество делегирует государственной власти полномочия принимать в целях сохранения социальной стабильности общеобязательные решения и применять в необходимых случаях принуждение для их реализации⁷⁵.

Эти два основания, по сути, характеризуют спрос на уголовное право в сфере охраны основ конституционного строя, который понимается в двух значениях:

1) как потребность в уголовно-правовых запретах для обеспечения сохранности основ конституционного строя при отсутствии возможности использовать менее репрессивные правовые меры;

2) как разницу между потребностью в уголовно-правовых запретах и теми социальными издержками, которые общество готово понести при криминализации

⁷⁴ Хлебушкин А. Г. Указ. соч. С. 110.

⁷⁵ См.: Там же. С. 110–111.

деяния (ограничение прав и свобод граждан; увеличение числа судимого населения; экономические издержки, связанные с осуществлением уголовного судопроизводства и исполнением наказания)⁷⁶.

Анализируя криминализацию деяния как метод уголовно-правовой политики, А. Г. Хлебушкин выделяет ее принципы, которые, по его мнению, обусловлены общим критерием – основанием криминализации, однако суть последних автором не раскрывается⁷⁷. Примерно в том же ключе в работе рассматривается и пенализация деяний⁷⁸.

В монографии Т. К. Агузарова, Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева вопрос о социальной обусловленности уголовно-правовой охраны власти ставится дважды: во-первых, применительно к ряду уже имеющих уголовно-правовых запретов; во-вторых, при обосновании уголовно-правовой охраны главы государства. При этом затрагиваются как общие вопросы криминализации, так и специальные, вытекающие из предмета исследования⁷⁹. Однако надо заметить, что ряд моментов не отражены в работе по определению; она хотя и близка по теме, но тем не менее отличается по кругу анализируемых уголовно-правовых запретов, в частности в него не входят деяния, нарушающие условия легальности и легитимности власти, и некоторые другие. Кроме того, есть много дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего обсуждения.

⁷⁶ См.: Хлебушкин А. Г. Указ. соч. С. 111.

⁷⁷ См.: Там же. С. 117.

Выделяются следующие принципы: 1) достаточной общественной опасности; 2) относительной распространенности криминализируемых деяний; 3) процессуальной осуществимости преследования; 4) возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение; 5) экономии репрессии; 6) преобладания позитивных последствий в криминализации; 7) системности, включающей в себя неизбыточность и беспробельность криминализации; 8) своевременности.

Не ставя целью подробный анализ выделенных принципов и в целом признание указанных обстоятельств таковыми, отметим следующее: во-первых, многие авторы их признают условиями криминализации; во-вторых, не может основание одновременно быть и основанием, и принципом криминализации (достаточная общественная опасность является ничем иным, как основанием, влекущим криминализацию).

⁷⁸ См.: Там же. С. 119–124.

⁷⁹ См.: Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). С. 7–17, 106–113.

Последнее обстоятельство, на наш взгляд, вполне объяснимо: теория криминализации как таковая и социальной обусловленности уголовно-правовых норм как одной из ее составляющих только начали складываться⁸⁰. Об этом свидетельствует характерная деталь: в настоящее время еще даже не сложилась терминология, обозначающая само наименование социальных, правовых и иных детерминантов уголовного закона. В литературе встречается около десятка названий:

- 1) условия установления уголовной наказуемости⁸¹;
- 2) критерии установления уголовной наказуемости деяний⁸²;
- 3) факторы, учитываемые при криминализации⁸³;
- 4) пределы уголовно-правового регулирования⁸⁴;
- 5) поводы, причины, условия и способы криминализации⁸⁵;
- 6) обстоятельства, подлежащие учету при установлении, изменении или отмене уголовной ответственности⁸⁶;
- 7) основания и принципы криминализации⁸⁷;
- 8) основы уголовно-правового запрета⁸⁸.

⁸⁰ Во второй половине XX в. различным аспектам криминализации был посвящен ряд работ, по сути, заложивших основы указанного учения. См., например: *Гришанин П. Ф.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. М., 1978; *Грошев А. В.* Правосознание в системе оснований криминализации общественно опасных деяний // *Российский юридический журнал.* 1997. № 1; *Кудряевцев В. Н.* Научные предпосылки криминализации // *Криминология и уголовная политика.* М., 1985; *Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация.* М., 1982; *Тоболкин П. С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983; и др.

⁸¹ См.: *Дагель П. С.* Условия установления уголовной наказуемости // *Правоведение.* 1975. № 4.

⁸² См.: *Фефелов П. А.* Критерии установления уголовной наказуемости деяний // *Советское государство и право.* 1970. № 11.

⁸³ См.: *Курляндский В. И.* Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // *Основные направления борьбы с преступностью.* М., 1975.

⁸⁴ См.: *Кондратов П. Е.* О пределах уголовно-правового регулирования общественных отношений // *Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт.* Красноярск, 1989.

⁸⁵ См.: *Хавронюк Н. И.* Поводы, причины, условия и способы криминализации общественно опасных деяний // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. 29–30 января 2004 г.* М., 2004.

⁸⁶ См.: *Коган В. М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983.

⁸⁷ См.: *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М., 2009.

⁸⁸ См.: *Пудовочкин Ю. Е.* Об этических основах уголовно-правового запрета // *Библиотека криминалиста.* 2012. № 3 (4).

9) предпосылки, причины, условия, критерии, поводы и принципы криминализации⁸⁹.

В общей теории права выделяются основания, условия и принципы создания правовой нормы⁹⁰.

Конечно, наименование явления не находится в прямой зависимости от его сущности, однако имеющееся терминологическое разнообразие, во-первых, как уже говорилось, свидетельствует об отсутствии единой позиции по этому вопросу, во-вторых, может сказаться как на теоретической разработке проблемы, так и законотворческой деятельности. Приведем несколько примеров.

Так, В. Ф. Щепельков говорит о логическом основании уголовного закона⁹¹. Но этого не может быть по определению; логика (формальная логика) – наука, изучающая формы мысли – понятия, суждения, умозаключения, доказательства, – со стороны их логической структуры, т. е. отвлекаясь от конкретного содержания мыслей и вычлняя лишь общий способ связи этого содержания⁹². Она не может лежать в основании уголовно-правовой нормы, обуславливать ее принятие; другими словами, вызвать уголовно-правовой запрет «к жизни». Формальные логические требования относятся к формулировке нормы, к соотношению ее структурных частей между собой (поэтому, например, говорят о логической структуре нормы и т. д.).

Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер дифференцируют социальную обусловленность уголовно-правовой нормы, выделяя, во-первых, основания криминализации как таковые и, во-вторых, социальные основания криминализации. По их мнению, эти основания соотносятся друг с другом как род и вид⁹³. На наш взгляд, позиция авторов теоретически несостоятельна, достаточно противоречива. Во-первых, в социальных явлениях не существуют и не могут

⁸⁹ См.: Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. М., 2015.

⁹⁰ См., например: Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1998.

⁹¹ См.: Щепельков В. Ф. О логическом основании уголовно-правовых норм // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 29.

⁹² См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 519.

⁹³ См.: Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 246.

существовать основания вообще, основания как таковые; они всегда имеют конкретное содержание, уходящее корнями в общественные отношения, сложившиеся на определенный исторический период. Во-вторых, выделение, наряду с социальными, в качестве самостоятельных криминологических оснований нарушает логические требования, предъявляемые к делению целого на части. В этом случае игнорируется сущность криминологических оснований, которые никакими другими, кроме как социальными, быть не могут. Следовательно, точка зрения Л. М. Прокументова и А. В. Шеслера противоречит как фактическим реалиям, так и формально-логическим требованиям.

О. Н. Бибик говорит не об основаниях уголовно-правовой нормы, а о социальных источниках уголовного права в целом, понимая под последними явления, влияющие на возникновение соответствующих уголовно-правовых запретов и определяющих их содержание как в момент создания, так и в момент реализации⁹⁴. В литературе эта позиция подверглась критике, однако лишь по формальному основанию – использованной терминологии. Так, С. А. Маркунцов пишет: «Употребление понятия “социальные источники” применительно к уголовно-правовым запретам ... представляется не вполне удачным. В этом смысле более целесообразным является использование понятия “истоки уголовно-правовых запретов”. Лексически по одному из значений термины “источники” и “исток” являются синонимами. В то же время в последнем случае не возникает терминологических коллизий с устоявшимся в юриспруденции понятием “источник права”...»⁹⁵

По нашему мнению, подмена основания уголовного права его социальным источником (или истоком, как предлагает С. А. Маркунцов) вообще недопустима. Согласно толковым словарям, одно из значений слов «источник» и «исток» – соответственно, то, что дает начало к чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь; начало, первоисточник чего-нибудь⁹⁶. Следовательно, в этом случае вообще речь

⁹⁴ См.: Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 53.

⁹⁵ Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. С. 167.

⁹⁶ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 250.

идет об ином, а не об основании уголовного права вообще и уголовно-правовой нормы в частности.

Обратим внимание еще на один момент в утверждении О. Н. Библика. Автор говорит об источниках как явлениях, которые влияют на возникновение соответствующих уголовно-правовых норм. Влиять – оказывать влияние, т. е. воздействовать на кого-то, чего-то⁹⁷. В такой интерпретации значения социального источника в генезисе нормы он вообще не имеет отношения к основанию уголовно-правового запрета (например, влияние лобби на принятие определенной нормы Уголовного кодекса).

В юридической литературе чаще всего пишут об основаниях криминализации и декриминализации деяний. По мнению Т. А. Плаксиной, термины «основания уголовно-правовой нормы» и «основания уголовно-правового запрета» используются намного реже. Сложившуюся ситуацию она объясняет тем, что абсолютное большинство исследований посвящено учению о криминализации (декриминализации)⁹⁸.

Надо сказать, что вопросы обоснованности криминализации деяния – это своеобразная «квадратуры круга», задача построения квадрата, равновеликого по площади кругу данного радиуса. И. В. Бессонова пишет: «Ответ на вопрос о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы предполагает уяснение хотя бы в общей форме того, насколько этот запрет вытекает из задач уголовного законодательства, определяемых социальной потребностью уголовно-правовой охраны общественных отношений»⁹⁹.

В литературе обоснованно утверждается, что уголовно-правовая норма, отвечающая социальным, правовым и научным требованиям, по сути, выступает первым этапом обеспечения результативности права вообще и уголовного права

⁹⁷ См.: Там же. С. 83.

⁹⁸ См.: Плаксина Т. А. Основания уголовно-правовых норм, уголовно-правового запрета, криминализации: понятие и соотношение // Государство и право. 2006. № 5. С. 44.

⁹⁹ Бессонова И. В. Нарушение правил охраны труда (проблемы истории, законодательного регулирования и практики). Оренбург, 2002. С. 6.

в частности¹⁰⁰. Уголовное законодательство признается эффективным, когда оно, во-первых, адекватно отражает характер и степень общественной опасности предусмотренных им деяний в качестве преступных; во-вторых, способно выступать правовым средством сдерживания указанных явлений на социально допустимом уровне; в-третьих, содержит полный перечень деяний, уголовно-правовая борьба с которыми необходима и целесообразна¹⁰¹.

Ряд ученых исходят из того, что социальную обусловленность необходимо рассматривать не на уровне уголовно-правовой нормы (уголовно-правового запрета), а на уровне закона. В связи с этим ими предпринимаются попытки выделить факторы, которые подлежат учету при разработке и принятии закона. Они играют в законотворчестве тройную роль: во-первых, детерминируют форму уголовно-правового предписания, во-вторых, оказывают непосредственное влияние на содержание последнего, в-третьих, определяют форму уголовно-правового запрета¹⁰².

Предыдущие моменты относятся к формальным аспектам, характеризуют состояние терминологии складывающейся доктрины. Вопрос же о том, сколько и каких факторов может или должно лежать в основании криминализации, относится к сущностным, непосредственно влияющим на учение об уголовно-правовом запрете и законотворческую деятельность. Если отвлечься от нюансов, то можно выделить две позиции, сформировавшиеся в теории уголовного права: однофакторное и многофакторное основание уголовно-правового запрета. Одни ученые считают, что в его основание может входить лишь одно обстоятельство — общественная опасность деяния; другие же в качестве такового рассматривают

¹⁰⁰ См.: *Коган В. М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. С. 9; *Коробеев А. И.* Криминализация и пенализация деяний как основное содержание уголовно-правовой политики // *Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования.* Свердловск, 1988. С. 12.

¹⁰¹ См. подробно: *Злобин Г. А., Келина С. Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // *Проблемы правосудия и уголовного права.* М., 1978. С. 108–109; *Коган В. М.* Изучение эффективности уголовно-правовых норм: аспекты и уровни анализа // Там же. С. 124; *Кудрявцев В. Н.* Криминализация: оптимальные модели // *Уголовное право в борьбе с преступностью.* М., 1981. С. 3–6.

¹⁰² См.: *Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А.* Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение законотворчества // *Советское государство и право.* 1976. № 8. С. 76.

системное образование, целый причинный комплекс, состоящий из ряда различных по своей сути факторов. При этом «вся эта система факторов находится в сложной иерархической зависимости, некоторые из них оказывают противоречивое воздействие на процесс законотворчества. Лишь суммарная оценка всех оснований криминализации и их взаимосвязи, взаимодействия и взаимопроникновения дает возможность, в конечном счете, принять правильное решение об установлении уголовно-правового запрета»¹⁰³.

В основании уголовно-правового запрета А. И. Коробеев выделяет три группы факторов:

1) юридико-криминологическая – охватывает характеристику общественной опасности деяния, его относительную распространенность и типичность; динамику деяний с учетом порождающих их причин и условий; возможность воздействия на них уголовно-правовыми средствами и, соответственно, невозможность противодействия им менее репрессивными (неуголовно-правовыми) мерами; возможности системы уголовной юстиции;

2) социально-экономическая – интегрирует обстоятельства, учитывающие: а) причиняемый деяниями моральный и материальный вред; б) возможные побочные последствия уголовно-правового запрета; наличие необходимых ресурсов (материальных, кадровых и др.) для реализации нормы;

3) социально-психологическая – объединяет факторы, характеризующие определенный уровень общественного правосознания, и исторические традиции¹⁰⁴.

По сути, эти же факторы, только интегрированные в две группы, включала в основание уголовно-правовой нормы С. Г. Келина:

1) социальные и социально-психологические – охватывает деяние, имеющее достаточно высокую степень общественной опасности; его относительную распространенность; соответствие уголовно-правового запрета нравственным

¹⁰³ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 68.

¹⁰⁴ См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. С. 68–88.

представлениям населения; соотношение положительных и отрицательных последствий введения уголовно-правового запрета;

2) системно-правовые – соответствие новой уголовно-правовой нормы Конституции РФ, нормам других отраслей права и международным актам; процессуальная доказуемость нарушения уголовно-правового запрета; соразмерность наказания, предусматриваемого за новое преступление¹⁰⁵.

Позиция о множественности факторов, входящих в основание уголовно-правовой нормы, разделяется многими учеными. Так, В. Н. Кудрявцев и В. В. Лунеев полагали, что уголовно-правовой запрет обуславливается разными причинами, лежащими в различных сферах общественной жизни¹⁰⁶. Правда, надо заметить, что в этом случае, на наш взгляд, происходит подмена: причины и основания – понятия нетождественные. Причины действительно могут быть разными, но при этом основание может быть одним и тем же.

Г. А. Злобин насчитывал более десятка факторов, лежащих в основании уголовно-правового запрета¹⁰⁷, но больше всех их выделял И. М. Гальперин¹⁰⁸. Однако следует иметь в виду, что «...перечисление большого количества явлений, в той или иной степени обуславливающих установление уголовно-правовой нормы, без вычленения их роли в осуществлении этого процесса ... мало помогает в выявлении социальных оснований конкретных уголовно-правовых норм... остается неясной та роль, которую каждый из указанных факторов играет

¹⁰⁵ См.: *Келина С. Г.* Основания уголовно-правового запрета // Материалы советско-западногерманского симпозиума по криминологии, уголовному праву и процессу (8–10 октября 1987 г.). Киев, 1990. С. 6.

Следует заметить, что абсолютное большинство авторов вопросы пенализации (наказуемости) деяний не включают в основание уголовно-правовой нормы; они таковым не являются и по сути. Пенализация, будучи самостоятельным уголовно-правовым явлением, обусловлена криминализацией деяния, она генетически связана с последней.

¹⁰⁶ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 22.

¹⁰⁷ См.: Основания уголовно-правового запрета. С. 205–206.

¹⁰⁸ См.: *Гальперин И. М.* Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 53–55.

в решении поставленной задачи. У одних она является более важной, у других – менее важной, третьи имеют техническое значение»¹⁰⁹.

А. Д. Нечаев основание криминализации предлагает рассматривать как наличие совокупности достаточного уровня общественной опасности деяния, в отношении которого предлагается установить уголовно-правовой запрет, и адекватность последнего существующей системе общественных отношений¹¹⁰. Наряду с основанием автор выделяет:

1) криминализационный повод¹¹¹ – релевантный юридический факт в виде действия соответствующего субъекта уголовно-политической деятельности, возбуждающий процесс установления уголовно-правового запрета; в нем находят свое отражение конструктивистские и интеракционистские подходы к процессам криминализации;

2) причины криминализации – явления общественной жизни, служащие внешними предпосылками для установления уголовно-правового запрета; они находятся с результатом криминализации в генетической связи, опосредованно воздействуя на процесс через криминализационный повод;

3) условия криминализации – явления общественной жизни, служащие внутренними предпосылками, способствующими протеканию соответствующих процессов¹¹².

Обратим внимание на два обстоятельства в позиции А. Д. Нечаева. Во-первых, хотя автор и различает криминализацию как процесс и как результат этого процесса, но при выделении поводов, причин и условий смешивает их. Так, говоря об основании, т. е. о том, что лежит в основе уголовно-правового

¹⁰⁹ См.: *Филимонов В. Д.* Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 62–63.

¹¹⁰ См.: *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 12.

¹¹¹ В. Н. Кудрявцев и В. В. Лунеев отделяли поводы от оснований криминализации, видя в этом, как правило, отрицательное явление. Они пишут: «На практике нередко причиной криминализации выступает не научное изучение социальной действительности, а совершенно случайное событие (возможно, вызвавшее общественный резонанс). Здесь мы имеем дело уже не с основанием для криминализации, а скорее только с поводом для нее» (Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. С. 22).

¹¹² См.: *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации. С. 23.

запрета, он обращается к процессу, т. е. к деятельности по созданию нормы. Особенно наглядно это проявляется при характеристике условий криминализации.

Вряд ли можно согласиться с А. Д. Нечаевым и в том, что причины – это внешние предпосылки. Данные понятия не тождественны. Причина – это явление, вызывающее, обуславливающее другое явление¹¹³; одно из значений слова «предпосылки» – предварительное условие чего-нибудь¹¹⁴. Г. А. Злобин, также включавший предпосылки в основание криминализации, противопоставлял их причинам установления уголовно-правового запрета¹¹⁵.

Многие авторы считают, что в основании уголовно-правовой нормы лежат и такие факторы, как исторические традиции и законотворческий опыт. По утверждению Г. А. Злобина и С. Г. Келиной, «круг криминализируемых деяний для каждого исторического момента, за исключением периодов революционной ломки старой надстройки, на 9/10 определяется именно этими факторами»¹¹⁶.

По нашему мнению, данное обстоятельство следует трактовать иначе. Как бы то там ни было, уголовно-правовой запрет не может быть основан ни на одной исторической традиции, ни на одном законодательном опыте. Во-первых, это противоречит общей характеристике уголовного законодательства как исторически изменчивой категории, что в первую очередь проявляется в криминализации и декриминализации деяний, обусловленных необходимостью защиты уголовно-правовыми средствами новых общественных отношений, адекватного ответа новым формам и видам преступности и т. д. Во-вторых, учет исторического опыта свидетельствует об исторической преемственности, лежащей в основе развития уголовного права и как отрасли, и как науки. Преемственность есть одно из проявлений диалектики, характеризует связь между явлениями в процессе развития; новое, отказываясь от определенной части

¹¹³ См.: *Философский словарь*. С. 383.

¹¹⁴ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 571.

¹¹⁵ См.: *Основания уголовно-правового запрета*. С. 206.

¹¹⁶ *Злобин Г. А., Келина С. Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний. С. 109–110.

См. также: *Шарипов А. М.* Уголовно-правовая оценка уничтожения и повреждения чужого имущества. Владимир, 2005. С. 34.

старого, сохраняет в себе некоторые свойства (элементы, черты) последнего. В этом не сложно убедиться, обратившись как к эволюции уголовного законодательства в целом, так и уголовно-правовых норм об охране государственной власти как одного из наиболее важных феноменов политической системы страны в частности. Применительно к последнему обстоятельству преемственность законодательства убедительно показана в ряде исследований Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева¹¹⁷.

А. Д. Антонов¹¹⁸, В. Д. Филимонов¹¹⁹, С. А. Маркунцов¹²⁰, Ю. Е. Пудовочкин¹²¹ и другие выделяют не множественность факторов в основании криминализации деяния, а множественность самих оснований, с чем вообще вряд ли можно согласиться.

Как уже говорилось, некоторые авторы выступают против как многофакторности основания уголовно-правового запрета, так и множественности оснований. Н. А. Лопашенко считает, что приверженцы указанных позиций смешивают основания, принципы и условия криминализации. Она, например, ставит вопрос о том, как можно рассматривать в качестве основания (оснований) криминализации «выделяемые ... “возможности системы уголовной юстиции” или “отсутствие возможных побочных последствий уголовно-правового запрета”...»?¹²² Автор полагает, что криминализацию порождает только одно обстоятельство – наличие деяния, общественная опасность которого отвечает уровню опасности преступления. Все же остальные

¹¹⁷ См.: Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.): исторические очерки. М., 2011; Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки. М., 2015; Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность). М., 2016; Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). М., 2016.

¹¹⁸ См.: Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2001. С. 17–20.

¹¹⁹ См.: Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. С. 61–62.

¹²⁰ См.: Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. С. 172–173.

¹²¹ См.: Пудовочкин Е. Ю. Учение об основах уголовного права: лекция. М., 2012.

¹²² Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 102–103.

факторы, выделяемые в литературе, выступают принципами или условиями криминализации¹²³.

Позиция Н. А. Лопашенко была поддержана М. Э. Авдалян, которая указывает, что основание криминализации – это та главная, сущностная черта, которая делает ее необходимой. В этом качестве может выступать только общественная опасность деяния¹²⁴. «Это основание присуще всем без исключения уголовно-правовым нормам, предусматривающим ответственность за конкретное посягательство на охраняемые законом общественные отношения. Общественная опасность детерминируется взаимодействием деяния и общественных отношений, характеризующих объект уголовно-правовой охраны»¹²⁵.

В литературе отмечается, что «в феномене власти... заложено диалектическое противоречие: с одной стороны, она призвана защищать социальные ценности, существующие в обществе и государстве, с другой – ее саму надо охранять, в том числе и правовыми (уголовно-правовыми) средствами...

...Государственное преступление так же старо, как и само государство. Объясняется это очень просто: раз существует государство, есть государственная власть и ее представители, следовательно, могут быть и преступники, которые посягают на их безопасность»¹²⁶.

Утверждение о единственном факторе, лежащем в основе уголовно-правовой нормы, является чрезмерно категоричным. «Согласно философии, между основанием явления и самим явлением существует причинная связь. Исходя из этого, можно, например, с полной уверенностью утверждать, что все

¹²³ См.: Там же. С. 103.

¹²⁴ См.: *Авдалян М. Э.* Основания криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 16.

Обращает внимание то, что М. Э. Авдалян, наряду с основанием криминализации, выделяя ее причины и условия, смешивает последние.

¹²⁵ *Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И.* Уголовно-правовые проблемы охраны власти. С. 200.

¹²⁶ *Агузаров Т. К., Чучаев А. И.* Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.). С. 3.

конвенционные преступления¹²⁷ имеют по крайней мере два основания, одним из которых выступает принятая государством на себя обязанность предусмотреть уголовно-правовую охрану соответствующего объекта, а второй – признанная в международном сообществе и отраженная в международном документе необходимость такой защиты»¹²⁸. Недаром все нормы о подобного рода преступлениях содержательно совпадают с нормами соответствующих международно-правовых актов.

Признание общественной опасности единственным основанием уголовно-правовой нормы противоречит философскому определению основания, выделения его уровней и глубины¹²⁹. Исходя из этого Т. А. Плаксина подчеркивает: «Глубинный слой оснований нормы уголовного права составляют социальные условия жизни общества. Сложные и противоречивые процессы общественной жизни порождают два вида следствий, значимых с позиций уголовно-правового нормообразования. С одной стороны, происходит отбор тех феноменов, которые важны для общества, входят в систему его ценностей, а следовательно, социум оказывается заинтересованным в сохранении и воспроизводстве их самих и связанных с ними общественных отношений. С другой стороны, появляются реальные факты антиобщественного поведения, направленные против таких ценностей и общественных отношений (или, как минимум, создается возможность их появления)»¹³⁰.

Общественная опасность деяния в литературе традиционно относят к материальному признаку преступления, признавая ее объективной категорией. Еще Ч. Беккариа утверждал, что «единственным и истинным мерилom

¹²⁷ Определение конвенционных преступлений и их характеристику см.: *Князькина А. К.* Конвенционные преступления в уголовном праве России: понятие, виды, общая характеристика. М., 2010.

¹²⁸ *Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И.* Охрана власти в уголовном праве России. С. 12.

Следует заметить, что Н. И. Хавронюк выполнение указанных обязательств по ратифицированным международным соглашениям относит к поводам для криминализации деяния (см.: *Хавронюк Н. И.* Указ. соч. С. 448).

¹²⁹ См.: *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 467.

¹³⁰ *Плаксина Т. А.* Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 21.

преступлений является вред, который они причиняют нации»¹³¹. Н. А. Лопашенко же утверждает, что «это далеко не всегда так. Понятие вреда во многом зависит от законодателя, во многом может быть условным. Особенно если этот вред причиняется не жизни и здоровью, свободе человека и другим неоспоримым ценностям»¹³².

Позиция автора подверглась, на наш взгляд, обоснованной критике. Отмечается, что в этом случае допущена подмена понятий. Общественная опасность как таковая – объективная категория. Ее отражение в уголовно-правовом запрете не имеет отношение к основанию нормы, а характеризует законодательную технику. «В указанной Н. А. Лопашенко ситуации может иметь место либо ошибка в определении основания закона, либо его искажение (в целом не исключается и осознанное) при формулировании уголовно-правового запрета»¹³³.

В теории уголовного права выделяются характер и степень общественной опасности. В связи с этим логично встает вопрос, относящийся прежде всего к последней: какая степень опасности достаточна для криминализации деяния? Понятно, что конкретный ответ невозможен, вероятно, поэтому некоторые авторы отвечают на него, например, таким образом: «Лишь то деяние может быть правомерно криминализовано, общественная опасность которого достаточно (с точки зрения уголовного права) высока»¹³⁴; криминализации подлежат только деяния, обладающие «высокой степенью общественной опасности»¹³⁵ и т. д. Между тем криминализация деяния, не обладающего надлежащей общественной

¹³¹ Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 223.

¹³² Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 57.

¹³³ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России. С. 13.

В целом об этом же говорят Л. В. Кондратюк и В. С. Овчинский, когда замечают: «Криминализации могут подлежать лишь объективные проявления агрессии, экспансии и обмана, посягающие на жизнь, блага, систему. Власть при отделении преступного от непроступного должна опираться не на произвольные усмотрения, но на содержание поведения субъектов, содержание, измеренное и оцененное по всеобщей для человечества, имеющей этическую природу шкале добра и зла» (Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М., 2005. С. 22).

¹³⁴ Основания уголовно-правового запрета. С. 216.

¹³⁵ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 8.

опасностью, может привести к ситуации, о которой писал еще К. Маркс: «Народ видит наказание, но не видит преступления, и именно потому, что он видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание»¹³⁶.

Но в то же время надо иметь в виду, что общественная опасность – не константа, она не может быть постоянной величиной по определению, поскольку подвержена совокупному влиянию различных внутренних и внешних факторов. Поэтому прав Л. И. Спиридонов, утверждавший, что уголовно-правовая норма, содержащая юридический запрет и санкции за возможное его нарушение, выражает с той или иной степенью точности закономерности общественного развития, потребности общества, социальных групп и личности¹³⁷.

Н. А. Лопашенко общественной опасности придает двойное значение: во-первых, как уже говорилось, считает ее основанием уголовно-правовой нормы, а ее степень, во-вторых, – принципом криминализации¹³⁸.

Признание степени опасности одним из принципов криминализации противоречит самой сути принципа как первоначала, руководящей идеи.

Степень характеризует общественную опасность конкретного, отдельно взятого деяния (ее еще называют количественной характеристикой опасности). Взятая сама по себе, в отрыве от характера (качественной характеристики) опасности, она не может быть определяющей при формировании уголовно-правового запрета. Очевидно одно: чем более важным, социально значимым является предполагаемый объект уголовно-правовой охраны, тем меньшая степень общественной опасности достаточна для криминализации деяния, и наоборот: чем менее значимы общественные отношения, тем большая степень общественной опасности должна быть.

При этом речь должна идти об их типовых проявлениях, в частности в посягательствах на основы политической системы страны и ее основных

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 122–123.

¹³⁷ См.: Спиридонов Л. И. Понятие, предмет и метод уголовно-правовой социологии. М., 1975. С. 7.

¹³⁸ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. С. 108.

феноменов – государственной власти (например, на условия ее легальности и легитимности – при нарушении избирательного права; на легальность и легитимность власти – при посягательствах на конституционные основы ее функционирования, беспрепятственное осуществление государственными и общественными деятелями своих политических функций) и институционально-субъектной, информационной подсистемы политической системы, устанавливающей связь между властью, политическими организациями и гражданами страны (средств массовой информации).

Т. А. Лесниевски-Костарева обоснованно замечает: «Типовая степень общественной опасности отличается тем, что она характеризует степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, регламентирована в законе... В законе невозможно отразить индивидуальные черты содеянного и опасность конкретной личности... В отличие от типовой степени общественной опасности индивидуальная степень характеризует более мелкие перепады в степени общественной опасности в сравнении с типизированной степенью либо те из значительных перепадов, которые не являются обычными для данной категории дел и вследствие этого не могут быть типизированы в законе»¹³⁹.

Условия легальности и легитимности, а также легальность и легитимность власти имеют конституционно-правовую и иную нормативную правовую основу¹⁴⁰. Следовательно, нарушение правовой предопределенности указанных обстоятельств входит в механизм совершения преступлений, посягающих на власть и иные феномены политической системы страны. Правовая предопределенность предполагает и законодательное обеспечение функционирования политической системы в целом и ее отдельных структурных элементов, что отражено как в Конституции РФ, так и в федеральных законах. При таких обстоятельствах последние не могут не входить в основание уголовно-

¹³⁹ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 57.

¹⁴⁰ См., например: Дегтерев А. А. Нарушение условий легитимности государственной власти: уголовно-правовая характеристика. Астрахань, 2018.

правовой нормы. Это также вытекает из положений ст. 1 УК РФ, в которой говорится, что Кодекс основывается на Конституции РФ.

Достаточно спорным является решение вопроса о признании одним из обстоятельств, включаемых в основание уголовно-правовой нормы, распространенность деяния. Суть проблемы на первый взгляд очень проста: во-первых, исключить принятие уголовно-правовой нормы «для одного случая», что предполагает учет возможной повторяемости как необходимого свойства криминализируемого деяния; во-вторых, хотя бы в самых общих чертах определить необходимую интенсивность повторяемости, поскольку криминологи утверждают, что чрезмерная распространенность деяния выступает противопоказанием к признанию его преступным. Например, Н. Ф. Кузнецова не без оснований считала, что указанное свойство деяния не может признаваться криминообразующим фактором. Более того, его распространенность скорее оказывается доводом в пользу преследования не в уголовно-правовом, а административном, дисциплинарном порядке и т. д.¹⁴¹

В литературе высказана и другая точка зрения. Так, Т. А. Плаксина, с одной стороны, полагает, что «распространенность определенного вида деяний не влияет на типовую степень общественной опасности, так как не входит ни в одну из подсистем, результатом взаимодействия которых становится общественная опасность, – ни в объект охраны, ни в элементы деяния как составляющей источника опасности». С другой стороны, она утверждает, что «...распространенность в числе прочего предопределяет возникновения опасности причинения вреда общественным отношениям, являющейся основанием норм уголовного права третьего уровня, поскольку характеризует источник опасности, понимаемый в одном из аспектов как множественности общественно опасных деяний, совершенных в пределах определенной территории за определенный промежуток времени»¹⁴².

¹⁴¹ См.: Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1: Учение о преступлении. С. 137.

¹⁴² Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. С. 30.

Если распространенность деяния признать обстоятельством, входящим в основание уголовно-правовой нормы, то это приведет к выводу о том, что нормы, обеспечивающие безопасность власти, не являются социально обусловленными, не отвечают социальным потребностям. Все дело в том, что преступления против власти по объективным причинам не могут быть хоть сколько-нибудь распространенными. Во-первых, данное обстоятельство вытекает из сути самих посягательств, поэтому является прогнозируемой реакцией власти на подобного рода действия, посягающие на само ее существование; во-вторых, это находит подтверждение в статистике (причем не только постсоветского периода, но и более ранних периодов). Распространенность этих деяний, как показывает история, может быть в двух случаях: нелегальности или нелегитимности власти либо террора власти против собственного народа.

Таким образом, по нашему мнению, распространенность деяния, по крайней мере применительно к нормам, предусматривающим ответственность за нарушение условий легальности и легитимности либо легальности и легитимности власти, не может входить в основание криминализации. Каждое отдельно взятое преступление против политической системы страны и государственной власти как ее феномена обладает достаточной общественной опасностью, чтобы не прибегать к учету его распространенности, характеризующей совокупную опасность подобного рода деяний. Об этом, в частности, свидетельствуют санкции статей, предусматривающих ответственность за указанные деяния, а они, как известно, отражают типовую опасность преступления.

В последние годы специалисты прилагают усилия по оптимизации процесса криминализации, которые, по их мнению, снизят риски нормотворческой деятельности, исключат случаи принятия норм, не отвечающих требованиям социальной обусловленности. В частности даже предлагается УК РФ дополнить ст. 11 «Основания криминализации и декриминализации общественно опасных деяний», в ч. 1 которой говорится: «Криминализация общественно опасных деяний, то есть включение таковых в Уголовный кодекс в качестве преступных

и уголовно наказуемых, осуществляется при наличии достаточной их общественной опасности и распространенности, с учетом целесообразности, а также процессуальной и криминалистической возможности уголовного преследования»¹⁴³.

Это предложение подверглось, на наш взгляд, обоснованной критике. Указывалось, что подобного рода нормы не согласуются с целевым назначением Уголовного кодекса; обращалось внимание на произвольно выбранный набор оснований и условий, наличие оценочных понятий и т. д.¹⁴⁴

Таким образом, можно утверждать, что:

1) уголовно-правовой запрет имеет одно основание, которое охватывает ряд факторов, детерминирующих необходимость его появления;

2) в основание уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государственную власть и деятельность средств массовой информации, входят несколько обстоятельств: общественная опасность деяния, международные обязательства России по ратифицированным международным договорам; нормативная предопределенность функционирования политической системы и ее отдельных структурных элементов.

¹⁴³ Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 9.

¹⁴⁴ См. об этом подробно: Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России. С. 16.

ГЛАВА II

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ УСЛОВИЙ ЛЕГАЛЬНОСТИ
И ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ КАК ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА****§ 1. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав
или работе избирательной комиссии*****1.1. Характеристика признаков основного состава преступления***

В литературе непосредственный объект рассматриваемого преступления раскрывается, как правило, одинаково; если и имеются различия, то они не существенны, касаются частных деталей. Но при этом все определения, на наш взгляд, страдают рядом неточностей, причем независимо от подхода к установлению юридической природы деяния.

Так, Т. Д. Устинова полагает, что преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ, посягает «на избирательное право или право гражданина на участие в референдуме»¹⁴⁵. Во-первых, автор упускает из виду, что в указанной статье описаны хотя и очень близкие по своей сути, но различные по содержанию преступления: в ч. 1 говорится о воспрепятствовании осуществлению соответствующих прав, а в ч. 3 – о вмешательстве в деятельность комиссий. Во-вторых, избирательное право – полисемантическое понятие, различаются его широкая и узкая трактовки (по другим утверждениям, имеет объективное и субъективное значение¹⁴⁶). В первом значении выступает в качестве института конституционного права, регулирующего общественные отношения,

¹⁴⁵ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2017. С. 357.

¹⁴⁶ См., например: Конституционное право Российской Федерации. М., 2006. С. 391.

складывающиеся при выборах Президента РФ, депутатов законодательных (представительных) органов власти Российской Федерации и ее субъектов, при выборах в исполнительные органы власти и органы местного самоуправления, а также при реализации принципов проведения выборов, при регистрации избирателей и т. д.¹⁴⁷ Иными словами, это система норм, регулирующих порядок формирования выборных государственных и муниципальных органов. Во втором значении избирательное право рассматривается как право граждан государства избирать (активное избирательное право) и быть избранными (пассивное избирательное право)¹⁴⁸. Очевидно, что практически невозможно понять, в каком из указанных трактовок избирательное право выступает объектом деяния, предусмотренного ст. 141 УК РФ¹⁴⁹. Кроме того, ограничение рассматриваемого состава преступления «правом гражданина на участие в референдуме» фактически выводит за пределы действия уголовно-правовой нормы такое деяние, как воспрепятствование работе комиссий или членов комиссий.

Также достаточно неопределенно указывал непосредственный объект преступления Г. П. Новоселов. Он считал, что в качестве такового следует признавать право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей¹⁵⁰.

По мнению А. Г. Князькиной, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере реализации предусмотренных ст. 32 Конституции РФ и рядом международных актов права избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме

¹⁴⁷ См.: *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. М., 2011. С. 55.

¹⁴⁸ См. об этом подробно: *Черепанов В. А.* Конституционное право России. М., 2016.

¹⁴⁹ Кроме того, надо иметь в виду, что понятием «избирательные права» охватываются не только конституционное право граждан избирать и быть избранным, но и право на любые другие действия, связанные с подготовкой и проведением выборов (см. об этом подробно: *Горяный С. В.* К вопросу о понимании содержания понятия «избирательные права» // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5. С. 27–30).

¹⁵⁰ См.: Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 145.

и совершать другие избирательные действия в порядке, установленном законодательством¹⁵¹. В этом случае вместо общественных отношений, которые терпят урон при воспрепятствовании осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, указывается сфера (область), в которой совершается это преступление.

Некоторые авторы непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, определяют исходя из деяния, образующего объективную сторону посягательства. Так, Б. Д. Завидов пишет: «Непосредственным объектом посягательства будут общественные отношения по обеспечению реализации права граждан на осуществление пассивного или активного избирательного права, права свободного волеизъявления на выборах и референдуме, на нормальную работу избирательных комиссий или комиссии референдума по обеспечению избирательных прав граждан или права на участие в референдуме. В общем, непосредственный объект посягательства может варьировать от способа осуществления преступного деяния, указанного в ... ст. 141 УК РФ»¹⁵².

В литературе выделяется самостоятельный объект применительно к нарушению тайны голосования. По мнению Е. И. Бычковой, указанное деяние

¹⁵¹ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 185.

Об отношениях в сфере реализации политических прав как непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, пишет В. Н. Винокуров (см.: *Винокуров В. Н. Непосредственный объект преступления и его место в системе объектов преступления // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 104–109*).

¹⁵² *Завидов Б. Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина // СПС «КонсультантПлюс». 2004; Он же. Новеллы избирательного права в УК РФ // СПС «КонсультантПлюс». 2003.*

Обратим внимание на то, что автор противоречив в определении признаков объективной стороны анализируемого им преступления. При характеристике объекта он говорит о способах совершения преступления (закон о них не говорит вообще), потом эти же обстоятельства называет альтернативными деяниями, затем опять их относит к способу совершения преступления.

О возможности изменения содержания объекта преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, в зависимости от способа осуществления преступного деяния пишет и С. В. Солодовникова (см.: *Солодовникова С. В. Проблемные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 205–213*).

направлено на «общественные отношения по обеспечению реализации права свободного волеизъявления на выборах и референдуме»¹⁵³. Между тем Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 14.03.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁵⁴ тайну голосования (об этом можно судить и по названию нормативного правового акта) относит к гарантиям избирательных прав и права на референдум граждан России (п. 7). В п. 11 ст. 2 указанного закона говорится: «Гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме – установленные Конституцией Российской Федерации, законом, иным нормативным правовым актом условия, правила и процедуры, обеспечивающие реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Ряд авторов к непосредственному объекту рассматриваемого преступления относят «регламентированную законом работу избирательных комиссий»¹⁵⁵; «отношения, опосредующие работу избирательных комиссий и комиссий по проведению референдума»¹⁵⁶ и др.

Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, Н. Ю. Турищева вначале определяет как общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации избирательных прав и права граждан на участие в референдуме. По ее мнению, именно они позволяют говорить

153 *Бычкова Е. И.* Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования // *Юридический мир.* 2014. № 5. С. 30.

На наш взгляд, в трактовке объекта, даваемой Б. Д. Завидовым и Е. И. Бычковой, происходит подмена объекта уголовно-правовой охраны: таковыми признаются не сами отношения, характеризующие свободу волеизъявления гражданина, а отношения по обеспечению их реализации, что, разумеется, не одно и то же.

¹⁵⁴ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253 ; 2022. № 12. Ст. 1787.

¹⁵⁵ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006. С. 326.

¹⁵⁶ *Князев С. Д.* Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме // *Журнал российского права.* 2001. № 2; *Веденеев Ю. А., Князев С. Д.* Избирательные правоотношения // *Государство и право.* 1999. № 5.

По сути, аналогичным образом характеризуют объект преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, и другие авторы (см., например: *Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть* / под ред. А. С. Михлина. М., 2005. С. 65; *Шевченко Г. Н.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 70).

о существовании системы преступлений против избирательных прав¹⁵⁷. Затем она пишет, что непосредственный объект указанных преступлений – «это общественные отношения, которые возникают в ходе реализации субъективных избирательных прав, прав граждан на участие в референдуме и связаны с возникновением, изменением или прекращением статуса участника избирательного процесса, процесса референдума, а также с реализацией закрепляемых указанным статусом полномочий»¹⁵⁸.

Данное утверждение порождает ряд сомнений. Так, избирательный процесс отражает динамику деятельности соответствующих его субъектов, в связи с этим ему присуща стадийность, т. е. наличие этапов, последовательно сменяющих друг друга, в пределах которых должны быть совершены надлежащие процессуальные действия и процедуры¹⁵⁹. Стадии избирательного процесса взаимосвязаны и логически последовательны, предполагают реализацию общей цели – обеспечить выборам легальность и легитимность¹⁶⁰. Коль скоро речь идет о процессе, то естественно говорить о его начале и окончании. Начинается он, как известно, со стадии назначения выборов, которая охватывает два действия: принятие соответствующим органом решения о назначении выборов и его опубликование (ст. 10 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Избирательный процесс начался, но как в этой стадии могут быть нарушены «общественные отношения, которые возникают в ходе реализации субъективных избирательных прав»? Конкретное лицо включается в избирательный процесс со стадии выдвижения и регистрации кандидатов. Так, согласно ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»,

¹⁵⁷ См.: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. СПб., 2010. С. 61.

¹⁵⁸ Там же. С. 294.

¹⁵⁹ См.: Князев С. Д. Избирательный процесс: понятие, особенности и структура // Правоведение. 1999. № 3. С. 33–34.

¹⁶⁰ См.: Хрусталева Е. Н. Избирательный процесс в России // Правоведение. 1998. № 2. С. 32; Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999. С. 296–297; и др.

регистрация кандидата, списка кандидатов осуществляется соответствующими избирательными комиссиями. Указанный закон определяет гарантии деятельности зарегистрированных кандидатов (ст. 41).

Следовательно, не весь избирательный процесс как таковой обеспечивает реализацию прав гражданина.

В литературе обоснованно обращается внимание на то, что общественные отношения, характеризующие выборы в законодательные и представительные органы, являются интегративными («многослойными») по структуре, включающими «материально-правовые, процедурные и процессуальные отношения»; первичными и вторичными. Первые из них регулируются конституционно-правовыми нормами и поэтому определяют назначение выборов как таковых, вторые играют «служебную, инструментальную роль в механизме правового регулирования». «Посягательство на вторичные избирательные отношения не может влечь уголовной ответственности»¹⁶¹.

Надо сказать, что есть и иной подход к трактовке рассматриваемого объекта преступления. Так, отношения по реализации избирательных прав граждан А. П. Свигузова относит к дополнительному объекту преступления, при этом непосредственным объектом предлагает считать «общественные отношения по поводу формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления»¹⁶². К сожалению, в этом случае анализируемый элемент состава преступления формулируется очень широко, однако, на наш взгляд, обоснованно подчеркивается назначение выборов как механизма формирования государственной власти.

Иное соотношение основного и дополнительного непосредственных объектов преступления дает Н. В. Иванцова. Она полагает, что в качестве первого из них следует рассматривать основы конституционного строя, в качестве второго

¹⁶¹ Станкевич Г. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2002. С. 144.

¹⁶² См.: Свигузова А. П. Непосредственный объект уголовно-правовой охраны при совершении преступлений против порядка проведения выборов и референдумов // Следователь. 2006. № 9. С. 11.

– политические права и свободы граждан¹⁶³. В этом случае автором допускаются ряд ошибок. Во-первых, основы чего-либо вообще и конституционного строя государства в частности не могут выступать в качестве непосредственного объекта по определению, в уголовном законодательстве им придается значение как минимум видового объекта. Во-вторых, не учитывается соотношение указанных основ конституционного строя и политических прав и свобод граждан, нормы о которых расположены в различных разделах и главах Уголовного кодекса РФ.

Допускал наличие факультативного объекта в преступлении, предусмотренном ст. 141 УК РФ, А. В. Кладков. Таковым он считал собственность, когда путем посягательства на нее осуществляется воспрепятствование реализации избирательного права¹⁶⁴. Вряд ли в этом случае собственность можно признать объектом рассматриваемого преступления. В указанном примере имеет место совокупность деяний, предусмотренных ст. 141 УК РФ и нормами о хищении, угоне транспортного средства либо уничтожения или повреждения имущества, поэтому собственность будет выступать основным непосредственным объектом одного из указанных преступлений, а не воспрепятствования реализации избирательных прав и права на участие в референдуме.

И. С. Щербина, характеризуя общественную опасность так называемых электоральных преступлений, на наш взгляд, выделяет существенный момент: возможность полной или частичной утраты доверия избирателей к органам государственной власти, что может привести к краху политической системы государства¹⁶⁵.

¹⁶³ См.: *Иванцова Н. В.* Общая характеристика преступлений, связанных с выборами // Научные труды. Российская академия юридических наук : в 3 т. М., 2004. Вып. 4, т. 2. С. 537.

¹⁶⁴ См.: *Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть* / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2001. С. 97.

¹⁶⁵ См.: *Щербина И. С.* Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 11.

По нашему мнению, объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, следует признавать общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства.

Анализируя объект рассматриваемого преступления, одни авторы применительно к деянию, указанному в ч. 3 ст. 141 УК РФ, выделяют предмет преступления¹⁶⁶, называя в качестве такового Государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Выборы», другие же данную систему одновременно признают предметом и средством совершения преступления¹⁶⁷. По нашему мнению, если осуществляется неправомерное вмешательство в деятельность Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы», то последняя в этом случае выступает в качестве предмета преступления (оказывая воздействие на ее деятельность, виновный тем самым нарушает объект уголовно-правовой охраны)¹⁶⁸.

В литературе иногда упоминается потерпевший. Например, в качестве такового называется участник избирательного процесса или процесса референдума, реализующий свои субъективные избирательные права¹⁶⁹. Вероятно, это возможно, когда имеет место воспрепятствование свободному осуществлению гражданином избирательных прав или права на участие в референдуме либо воспрепятствовании деятельности члена избирательной комиссии или комиссии референдума. Скорее всего, наличие указанного признака состава можно выделить в преступлении, выразившемся в нарушении тайны голосования. Суть тайны голосования заключается в том, что никто, кроме самого

¹⁶⁶ См.: *Елисеева Т. Н.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 93–94; *Кольшницын А. С.* Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 89.

¹⁶⁷ См.: *Турищева Н. Ю.* Государственная автоматизированная система выборов как автономный признак состава преступления // *Российский следователь.* 2008. № 16. С. 27.

¹⁶⁸ См. об этом: *Кругленя А. Н.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

¹⁶⁹ См.: *Российское уголовное право. Особенная часть* / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. С. 185–186; *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 131.

избирателя (участника референдума), не должен знать содержание волеизъявления последнего, и никто не вправе оказывать давление на его выбор¹⁷⁰. «Таким образом, – пишет Е. И. Бычкова, – нарушение тайны голосования представляет собой разновидность воспрепятствования свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме...»¹⁷¹

Однозначно нет рассматриваемого признака, если преступление было направлено на воспрепятствование деятельности одной из указанных в законе комиссий. Однако в литературе высказана и другая точка зрения. Например, в качестве потерпевшего избирательную комиссию признает Н. Ю. Турищева. По ее мнению, при воспрепятствовании работе избирательных комиссий причиняемый вред может состоять в невозможности реализовать объем полномочий, закрепляемых за избирательной комиссией, участвующей в подготовке и проведении выборов. Объем полномочий различен и определяется уровнем комиссии. Вред может состоять в физической невозможности проводить заседание комиссии или выполнять определенные обязанности, возлагаемые на комиссию: заниматься организацией изготовления и доставки избирательных бюллетеней, информационного обеспечения выборов, составления протоколов об административных правонарушениях и т. д.; иметь негативные последствия в виде принятия неправомερных по содержанию решений избирательных комиссий: незаконного отказа в регистрации кандидата или списка кандидатов,

¹⁷⁰ Согласно ст. 7 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «голосование на выборах и референдуме должно исключать возможность какого-либо контроля за волеизъявлением гражданина».

В отношении федерального референдума названный принцип раскрыт в ч. 6 ст. 2 Закона о референдуме РФ: «голосование на референдуме является тайным, исключая возможность какого-либо контроля за волеизъявлением гражданина РФ, в том числе наблюдения за заполнением участником референдума бюллетеня для голосования на референдуме в месте тайного голосования» (*Игнатов С. Л.* Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». 2014).

¹⁷¹ *Бычкова Е. И.* Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования. С. 32.

неправомерного (не соответствующего действительности) определения результатов выборов и др.¹⁷²

Потерпевший как признак состава преступления – это физическое лицо, которому деянием причинен физический или моральный вред. Коллегиальный орган им не может быть по определению.

А. В. Кладков указывает, что потерпевшим является гражданин Российской Федерации, чье избирательное право, право на участие в референдуме нарушено. Им может быть и член избирательной комиссии, комиссии по проведению референдума. При воспрепятствовании с применением насилия или угрозы его применения им может быть также близкий указанных лиц¹⁷³.

Последнее утверждение вряд ли можно признать обоснованным. Когда законодатель имеет в виду близкого соответствующего лица как потерпевшего, то он это прямо указывает в норме.

При определении потерпевшего С. В. Расторопов исходит из конкретного статуса участника избирательного процесса. К нему он относит: кандидата, избирателя, члена избирательной комиссии или комиссии по проведению референдума и их близких¹⁷⁴. Н. И. Пикуров к указанному перечню добавляет лиц, которые в соответствии с п. 42 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации» уполномочены наблюдать за проведением голосования¹⁷⁵.

¹⁷² См.: *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 123–124.

Однако далее автор приходит к выводу, что потерпевшим может быть избиратель, кандидат, выдвинутый избирательным объединением, а также иные участники избирательного процесса: члены избирательных комиссий, участвующие в подготовке и проведении соответствующих выборов (как с правом решающего, так и с правом совещательного голоса); доверенные лица кандидатов и избирательных объединений; уполномоченные представители по финансовым вопросам, наблюдатели (см.: Там же. С. 125, 131).

¹⁷³ См.: *Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева.* М., 2006. С. 125.

¹⁷⁴ См.: *Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова.* М., 2005. С. 97.

¹⁷⁵ См.: *Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева ; отв. ред. А. В. Галахова.* М., 2009. С. 168.

Объективная сторона преступления характеризуется альтернативными действиями:

- 1) воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме;
- 2) нарушение тайны голосования;
- 3) воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума;
- 4) воспрепятствование деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей.

Таким образом, в трех случаях в законе идет речь о воспрепятствовании реализации права гражданина, работе комиссии или деятельности члена комиссии и в одном – о нарушении тайны.

«Воспрепятствовать» в русском языке означает затруднять, создавать помехи. Соотнося содержание данного термина с указанными деяниями, криминалисты приходят к различным выводам относительно его уголовно-правового объема. Одни утверждают, что воспрепятствование имеет место лишь тогда, когда указанное право гражданина осталось нереализованным¹⁷⁶; другие пишут, что воспрепятствование предполагает внешние по отношению к деятельности избирательной комиссии действия, не затрагивающие ее сути, не меняющие, но блокирующие ее, не дающие деятельности осуществляться. Воспрепятствование символизирует результат, при котором сама деятельность или затруднена, или невозможна¹⁷⁷.

Состав рассматриваемого преступления является формальным, отглагольное существительное «воспрепятствование» не отражает результат деяния; другими словами, оно не является результативным деянием. Следовательно, рассуждения относительно возможных последствий не имеют отношения к характеристике состава преступления. К тому же по своей сути

¹⁷⁶ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. С. 186.

¹⁷⁷ См.: *Лопашенко Н. А.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав: оценка изменившегося законодательства (ст. 141 УК) // Научные труды. Российская академия юридических наук : в 3 т. М., 2004. Вып. 4, т. 2. С. 594.

препятствия бывают двух видов: преодолимые и непреодолимые. И первый, и второй случай образуют состав преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ.

Закон говорит о свободной, т. е. без какого-либо воздействия извне возможности реализации своих избирательных прав¹⁷⁸. При этом используется множественное число «прав», осуществление которых обеспечивается анализируемой уголовно-правовой нормой (применительно к референдуму используется единственное число). В соответствии с п. 28 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» избирательные права – это конституционные права граждан РФ избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списках кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определения результатов выборов, в других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией РФ, указанным Федеральным законом, иными федеральными законами конституциями (уставами), законами субъектов РФ. Таким образом, ограничивать цель воспрепятствования только реализацией права избирать или быть избранным необоснованно; как уже указывалось, это не соответствует законодательному определению понятия избирательных прав.

Понятие права на участие в референдуме дается в п. 51 ст. 2 указанного выше федерального закона. Под ним понимается «конституционное право граждан Российской Федерации голосовать по вопросам референдума, а также участвовать в других действиях по его подготовке и проведению».

Способы воспрепятствования могут быть различными. Они охватывают любые действия, исключаяющие или затрудняющие свободную реализацию

¹⁷⁸ С. М. Шапиев обращает внимание на важность дополнения ст. 141 УК РФ термином «свободное», относящимся к осуществлению избирательных прав. В этом случае описание деяния согласуется с нормами Конституции РФ, в соответствии с которыми участие гражданина в выборах является свободным и добровольным, исключаящим какое-либо принуждение (см.: *Шапиев С. М.* Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 3).

избирательных прав или права на участие в референдуме, кроме указанных законодателем в качестве квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 141 УК РФ¹⁷⁹.

Во втором случае воспрепятствование как деяние, предусмотренное ст. 141 УК РФ, направлено на прекращение или дезорганизацию работу избирательных комиссий и комиссий референдума. «Избирательная комиссия» – понятие видовое, им обозначается коллегиальный орган, формируемый в порядке и сроки, которые установлены законом¹⁸⁰, организующий и обеспечивающей подготовку и проведение этих же выборов. Законодательно определены три вида избирательных комиссий, выделяемых по «вертикали»¹⁸¹:

1) организующая выборы избирательная комиссия – избирательная комиссия, на которую законом возложено руководство деятельностью всех избирательных комиссий по подготовке и проведению соответствующих выборов;

2) вышестоящая избирательная комиссия – определенная в качестве таковой законом избирательная комиссия, организующая и обеспечивающая подготовку и проведение выборов, по отношению к иным избирательным комиссиям, организующим и обеспечивающим подготовку и проведение этих же выборов;

¹⁷⁹ См. об этом подробно: *Алиев В. М.* Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина // *Российский следователь*. 2017. № 20. С. 26–31; *Кондрашев А. А.* Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 6. С. 112–123; *Степанов И.* Защита избирательных прав неопределенного круга лиц // *Законность*. 2007. № 7. С. 14.

¹⁸⁰ Речь, в частности, идет о ст. 22 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 20 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ (в ред. от 14.03.2022) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», ст. 13 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ (в ред. от 14.03.2022) «О выборах Президента Российской Федерации», ст. 13 Федерального закона от 26.11.1996 № 138-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления».

¹⁸¹ Согласно ст. 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в РФ «действуют следующие избирательные комиссии и комиссии референдума:

- Центральная избирательная комиссия Российской Федерации;
- избирательные комиссии субъектов Российской Федерации;
- избирательные комиссии муниципальных образований;
- окружные избирательные комиссии;
- территориальные (районные, городские и другие) комиссии;
- участковые комиссии».

2) нижестоящая избирательная комиссия – определенная в качестве таковой законом избирательная комиссия, организующая и обеспечивающая подготовку и проведение выборов, по отношению к иным избирательным комиссиям, организующим и обеспечивающим подготовку и проведение этих же выборов (п. 21–24 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Независимо от места в указанной иерархии избирательные комиссии организуют и обеспечивают подготовку и проведение выборов. Именно этим обстоятельством обусловлена криминализация воспрепятствования их деятельности, выступающей одним из условий легальности и легитимности образуемой в результате проведенных выборов государственной власти или органов местного самоуправления.

Как подчеркивает Н. Миронов, избирательные комиссии являются административными органами, не входящими ни в одну из трех ветвей власти и имеющими специальные функции, связанные с организацией выборов¹⁸².

Комиссии, в том числе и избирательные, не образуют иерархическую централизованную систему, обеспечивающую проведение всех выборов на территории Российской Федерации. По мнению А. В. Иванченко, предусмотренные законом избирательные комиссии способны эффективно решать вопросы обеспечения легальной передачи государственной власти победившей на выборах политической силе, сохранения единого конституционно-правового пространства¹⁸³.

Воспрепятствование деятельности комиссии может выражаться в блокировании помещений избирательной комиссии, комиссии по проведению референдума, срыве заседаний, голосования, подведения итогов и т. д.¹⁸⁴

¹⁸² См.: *Миронов Н.* Институт избирательных комиссий в России: тенденции развития и роль в избирательном процессе // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59). С. 52.

¹⁸³ См.: *Иванченко А. В.* Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М., 1996. С. 74–75.

¹⁸⁴ См. об этом подробно: *Ануфиева Т. Н., Ходусов А. А.* Уголовно-правовая защита прав и свобод личности. М., 2011. С. 155.

Как и применительно к избирательной комиссии, понятие «комиссия референдума» – собирательное, охватывает все виды комиссий, предусмотренных для организации и проведения референдума. Согласно п. 38 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», под ней понимается коллегиальный орган, формируемый в порядке и сроки, которые установлены законом, организующий и обеспечивающий проведение референдума. Выделяются три их вида (такие же, как и для проведения выборов), характеристика которых по своей сути совпадает с характеристикой аналогичных видов избирательных комиссий.

Общественная опасность воспрепятствования их деятельности обусловлена теми задачами, которые решаются указанными комиссиями, – организацией и проведением референдума.

Криминалисты обоснованно считают, что преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ, может быть совершено как путем действия, так и путем бездействия¹⁸⁵. При этом надо иметь в виду механизм нарушения общественных отношений, признаваемых объектом данного преступления. Действие как форма воспрепятствования возможно, когда виновный нарушает указанные отношения извне. Как правило, так происходит чаще всего, вариантов такого поведения – множество, их суть одна – создать препятствия для осуществления гражданином соответствующего права. Бездействие образует рассматриваемое преступление лишь тогда, когда нарушение объекта преступления осуществляется изнутри, т. е. бездействует лицо, по закону обязанное действовать (оно включено в указанные общественные отношения). В этом случае набор поведения виновного ограничен его полномочиями. Например, отказ включить избирателя

11 марта 2007 г. трое национал-большевиков К. С. и Ч. в гарнизонном доме офицеров г. Одинцово Московской области, где находился избирательный участок, зажигали файеры, разбрасывали листовки, скандируя: «Ваши выборы – фарс!» Своими действиями они прервали работу избирательного участка более чем на час (см.: Российская газета. 2007. 12 марта).

¹⁸⁵ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Д. Иванова. Ростов н/Д, 2002. С. 194–195; Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. М. П. Журавлева, С. Н. Никулина. М., 2007. С. 416; и др.

в списки для голосования, отказ в выдаче бюллетеня для голосования и др. Такой отказ возможен лишь со стороны лица, уполномоченного формировать соответствующие списки, выдавать бюллетени, он влечет нарушение избирательных прав гражданина.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав гражданина возможно тогда, когда последний обладает соответствующими правомочиями, при их отсутствии такое объективно невозможно. Например, отказ суда удовлетворить требования гражданина, не являющегося зарегистрированным кандидатом, об аннулировании регистрации в качестве кандидата другого лица.

Федеральный закон от 04.07.2003 № 94-ФЗ ч. 1 ст. 141 УК РФ дополнен указанием на воспрепятствование деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей. Законодатель говорит об избирательной комиссии, в отношении деятельности члена которой было осуществлено воспрепятствование, вообще, без конкретизации ее вида. Следовательно, речь идет о членах всех избирательных комиссий – от Центральной до участковой.

Законодательство предусматривает две категории членов избирательных комиссий: с правом решающего голоса и с правом совещательного голоса. Их статус различен. Полномочия первых подробно регламентированы в ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», член комиссии с правом совещательного голоса обладает равными правами с членом комиссии с правом решающего голоса по вопросам подготовки и проведения выборов или референдума, за исключением права:

- а) выдавать и подписывать бюллетени, открепительные удостоверения;
- б) участвовать в сортировке, подсчете и погашении бюллетеней;
- в) составлять протокол об итогах голосования, о результатах выборов или референдума;

г) участвовать в голосовании при принятии решения по вопросу, отнесенному к компетенции соответствующей комиссии, и подписывать решение комиссии;

д) составлять протоколы об административных правонарушениях.

Уголовный закон говорит о воспрепятствовании деятельности члена комиссии, связанной с исполнением им своих обязанностей. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не дает их перечня, а определяет статус членов комиссий (ст. 29), хотя надо сказать, в содержание последнего должны входить и соответствующие обязанности¹⁸⁶. Кроме того, связывать воспрепятствование только с исполнением обязанностей, значит, по сути, сужать границы действия рассматриваемой нормы. В связи с этим представляется необходимым исключить из ст. 141 УК РФ слово «обязанностей», изложив норму в этой части следующим образом: «...деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с реализацией им своих полномочий».

В литературе высказано мнение, согласно которому «действия нарушителя, умышленно, в целях воспрепятствования свободному волеизъявлению избирателей и вопреки конституционным принципам народовластия и равенства обнаруживающего недостоверную информацию о результатах опроса общественного мнения, связанного с выборами, образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 141 УК РФ...»¹⁸⁷

С точки зрения русского языка, опрос – это метод сбора первичной информации со слов опрашиваемого¹⁸⁸. Также он понимается в отраслевых науках; например, таковым признается метод психологического изучения,

¹⁸⁶ Следует заметить, что в общей теории права, как, впрочем, и в отраслевых правовых науках пока не сложилось единого понятия статуса (правового статуса) личности. Анализ имеющихся точек зрения см.: Луничев Е. М. Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. М., 2012; Чуцаев А. И., Крупцов А. А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика. М., 2016; Чуцаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм. М., 2010; и др.

¹⁸⁷ Реут Д. А. Опубликование результатов опросов общественного мнения как инструмент информирования избирателей // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 114.

¹⁸⁸ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 448.

в процессе которого задаются вопросы и по их ответам делаются выводы о психологическом состоянии личности¹⁸⁹. Опросы общественного мнения предусмотрены ст. 46 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Следует отметить, что информирование избирателей, в том числе путем опроса общественного мнения и обнародования его результатов, с одной стороны, помогают избирателю сформировать свою позицию¹⁹⁰. С другой стороны, имеет место обнародование недостоверных, искажающих реальную ситуацию сведений, в частности о поддержке избирателями того или иного кандидата или избирательного объединения¹⁹¹, что может повлиять на его точку зрения.

Е. С. Козина, опираясь на исследования П. Бурдьё (1930–2002, французский социолог, этнолог, философ, политический публицист) и П.-И. Шереля (профессор, Франция), делает вывод о том, что исследование общественного мнения всегда сопровождается манипулированием общественным сознанием, ложной интерпретацией ответов респондентов. Сила воздействия таких опросов обусловлена рядом обстоятельств, в том числе их обнародованием в средствах массовой информации, вызывающих доверие у избирателей¹⁹².

Законодательного определения понятия «опрос общественного мнения» не существует. В постановлении Центральной избирательной комиссии РФ от 18.12.2007 № 77/618-5 «О Разъяснениях установленного законодательством Российской Федерации о выборах и референдумах порядка опубликования (обнародования) результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами и референдумами»¹⁹³ говорится, что результаты опроса – это любые

¹⁸⁹ См.: Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М., 1998. С. 307.

¹⁹⁰ См. подробно: Вешняков А. А., Лысенко В. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М., 2003. С. 391–392.

¹⁹¹ См. подробно: Нечипоренко Т. В. Информационное обеспечение выборов – институт избирательного законодательства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

¹⁹² См.: Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и мифы политического мифотворчества. М., 2005. С. 49–54.

¹⁹³ СПС «КонсультантПлюс».

количественные показатели, полученные по его итогам (п. 1). При этом подчеркивается, что информация, сообщаемая избирателям, должна быть объективной и достоверной¹⁹⁴.

Искажение указанной информации не может быть признано воспрепятствованием реализации избирательных прав, следовательно, эти действия не могут быть квалифицированы по ст. 141 УК РФ. Более того, ответственность за подобного рода действия вообще не урегулирована правом. В связи с этим за обнародование сведений, не отвечающих действительности, в литературе предлагаются разные меры – от ограничения числа организаций, которым разрешается проводить опросы, до введения административной ответственности¹⁹⁵.

Нарушение тайны голосования как один из видов деяния, нарушающего осуществление избирательных прав, включено в ст. 143 УК РФ Федеральным законом от 04.07.2003 № 94-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”»¹⁹⁶. Это нарушение может проявиться в двух формах: во-первых, в создании условий, которые позволяют контролировать волеизъявление голосующих (например, установление видеоустройств в кабинках для голосования; осуществление пометок бюллетеней и т. д.); во-вторых, в непосредственном контроле со стороны конкретных лиц за голосованием отдельными гражданами (например, вход в кабинку

¹⁹⁴ По этому вопросу также см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

¹⁹⁵ См.: *Нечипоренко Т. В.* Указ. соч. С. 11; *Тедеев А. А.* Перспективы реализации избирательных прав граждан в информационной среде: трансформации народовластия в условиях глобализации // Информационное право. 2009. № 2. С. 25; *Шуленин В. В.* Правовое обеспечение в Российской Федерации равенства прав кандидатов и избирательных объединений при проведении предвыборной агитации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10; и др.

¹⁹⁶ СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2708.

для голосования посторонних и т. д.). Оба варианта объединяет одно – они дают возможность выяснить результаты голосования конкретного избирателя, участника референдума помимо или вопреки его воле. Поэтому законодательно закреплено положение, согласно которому «бюллетень заполняется избирателем, участником референдума в специально оборудованной кабине, ином специально оборудованном месте, где не допускается присутствие других лиц»¹⁹⁷ (п. 8 ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Опросы избирателей и участников референдума на выходе из помещений для голосования (например, “exit polls”) проводятся на основе добровольности и анонимности. Подобного рода действия не могут влиять на свободу волеизъявления по определению.

Ю. Н. Климова считает, что нарушение тайны голосования по своей природе отличается от других деяний, указанных в ст. 141 УК РФ. Как уже говорилось, тайна в данном случае выступает принципом свободных демократических выборов, а не отражает избирательные права граждан. Поэтому автор предлагает предусмотреть ответственность за совершение данного деяния

¹⁹⁷ Из этого правила есть исключение. Согласно п. 10 ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «избиратель, участник референдума, не имеющие возможности самостоятельно расписаться в получении бюллетеня или заполнить бюллетень, принять участие в электронном голосовании, вправе воспользоваться для этого помощью другого избирателя, участника референдума, не являющихся членом комиссии, зарегистрированным кандидатом, уполномоченным представителем избирательного объединения, членом или уполномоченным представителем инициативной группы по проведению референдума, уполномоченным представителем по финансовым вопросам, доверенным лицом кандидата, избирательного объединения, наблюдателем. В таком случае избиратель, участник референдума устно извещает комиссию о своем намерении воспользоваться помощью для заполнения бюллетеня, участия в электронном голосовании. При этом в соответствующей (соответствующих) графе (графах) списка избирателей, участников референдума указываются фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта или документа, заменяющего паспорт, лица, оказывающего помощь избирателю, участнику референдума».

в самостоятельной статье УК РФ¹⁹⁸. Это предложение поддержано другими авторами¹⁹⁹.

Обстоятельства времени как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, в литературе выделяются очень редко. Между тем они являются обязательным ее признаком. Рассматриваемое деяние совершается только в ходе избирательного процесса; как до него, так и после окончания его не может быть по определению. Преступление, совершенное за темпоральными пределами выборов или референдума, в зависимости от обстоятельств дела, может быть квалифицировано по иным статьям Особенной части УК РФ (например, как преступление против личности, против собственности и др.).

Субъективная сторона, как правило, всеми авторами трактуется одинаково. Ей присущ прямой умысел, мотивы²⁰⁰ и цели значения для квалификации не имеют, но могут быть учтены при выборе вида и размера (срока) наказания. Это обусловлено тем, что состав преступления является формальным. В преступлениях с таким составом содержание умысла заключается в осознании общественно опасного характера совершаемого деяния и желании его совершить²⁰¹. Однако в литературе допускается возможность совершения этого преступления и с косвенным умыслом. Так, указывается: «Состав преступления характеризуется прямым и косвенным умыслом. В последнем случае виновный сознает общественную опасность деяния, предвидит возможность наступления ущемления избирательных прав или права на участие в референдуме либо последствия нарушения нормальной работы избирательных комиссий, комиссий референдума либо их членов, но сознательно допускает эти последствия либо

¹⁹⁸ См.: *Климова Ю. Н.* Преступность и массовые коммуникации в период предвыборной агитации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 15.

¹⁹⁹ См., например: *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 140.

²⁰⁰ По утверждению А. П. Груздевой, «преступники преследуют не ... политические, а, скорее, иные цели, связанные с обеспечением своего дальнейшего благополучия» (*Груздева А. П.* Понятие и некоторые формы проявления преступлений, совершаемых в условиях избирательного процесса (криминологический анализ) // *Следователь.* 1999. № 12. С. 39–42).

²⁰¹ См. подробно: *Рарог А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 78–104.

относится к ним безразлично»²⁰². Аргументируя высказанное мнение, авторы пишут: «Допустимость косвенного умысла вытекает из того, что в диспозиции (ст. 141 УК РФ. – *А. Д.*) отсутствуют указания на мотивы, цели и способ совершения преступления»²⁰³.

Данные утверждения грубо искажают характеристику вины в формальных составах преступлений, не согласуются с устоявшимся по этому вопросу мнением в теории уголовного права. Нетрудно заметить, что авторы, раскрывая содержание косвенного умысла, ориентируются на какие-то последствия деяния, которые законом не определены и не включены в характеристику объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ. Следовательно, и волевой момент вины не может определяться по отношению к тому, чего нет в законе. Коль скоро лицо совершает предусмотренное законом деяние, значит, оно для него желаемо. Иное противоречит логике и здравому смыслу. Одним словом, преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ, вопреки приведенным утверждениям, может совершаться только с прямым умыслом. Отсутствие указания в законе на мотивы, цели, а тем более на способ совершения преступления никак не колеблет данного вывода.

Субъект преступления – лицо, достигшее возраста 16 лет²⁰⁴.

²⁰² Антонов О. Ю., Багмет А. М., Бычкова Е. И. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. С. 61.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Л. Ю. Болотских выделяет следующие группы лиц, которые совершают преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ:

- 1) граждане РФ, имеющие право избирать и быть избранными;
- 2) зарегистрированные кандидаты на выборную должность;
- 3) члены избирательных объединений, блоков, инициативных групп;
- 4) уполномоченные представители избирательных объединений, блоков, кандидатов;
- 5) доверенные лица зарегистрированных кандидатов, их уполномоченные представители по финансовым вопросам;
- 6) сборщики подписей;
- 7) лица, заверившие подписные листы;
- 8) наблюдатели;
- 9) члены избирательных комиссий всех уровней;
- 10) представители органов государственной власти, органов местного самоуправления;
- 11) лица, наделенные статусом специального субъекта и выполняющие предусмотренные законом специальные обязанности в избирательном процессе (руководители избирательных объединений и избирательных блоков, председатели, их заместители, секретари

1.2. Квалифицированные виды воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательной комиссии

В качестве квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 141 УК РФ названы:

- а) воспрепятствование свободному осуществлению избирательных прав и права на референдум, работе соответствующих комиссий и деятельности членов этих комиссий, нарушение тайны голосования, соединенные с подкупом²⁰⁵, обманом, принуждением, применением насилия либо с угрозой его применения;
- б) совершенные лицом с использованием своего служебного положения;
- в) совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Таким образом, первый признак относится к объективной стороне преступления и характеризует способ его совершения, а два других – к субъекту преступления.

Конституционность ч. 2 ст. 141 УК РФ проверялась Конституционным Судом РФ по жалобе Т. В. Казаковой, по мнению которой п. «а» указанной части статьи не позволяет отграничить установленный им уголовно-правовой запрет от состава административного правонарушения. Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, в Определении указал: «...статья 141 УК Российской Федерации устанавливает ответственность

избирательных комиссий и др.) (см.: *Болотских Л. Ю.* Выявление, расследование и предупреждение преступлений в сфере проведения федеральных выборов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 19).

Криминалистическая характеристика лиц, осужденных по ст. 141 УК РФ, дается, например: *Антонов О. Ю., Елинский В. И.* О криминалистической характеристике субъектов, совершающих преступления, связанные с проведением избирательных кампаний и референдумов // *Российский следователь.* 2011. № 11. С. 4–8.

²⁰⁵ Преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, В. А. Авдеев и О. А. Авдеева относят к числу коррупционных, полагая, что оно совершается по корыстным мотивам (см.: *Авдеев В. А., Авдеева О. А.* Новые тенденции уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности // *Российская юстиция.* 2017. № 5. С. 3). Вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Подкуп характеризует не мотив преступления, а выступает вторым деянием, совершая которое лицо препятствует свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме (воспрепятствование соединено с подкупом).

за воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссии референдума либо деятельности члена, связанной с исполнением им своих обязанностей. При этом подкуп, обман, принуждение, применение насилия либо угроза его применения (пункт «а») являются дополнительными квалифицирующими признаками названных деяний, что и отличает их от состава административного правонарушения. Соответственно, оспариваемая заявителем норма неопределенности не содержит...»²⁰⁶

В рассматриваемом преступлении понятие подкупа имеет легальное содержание²⁰⁷. Согласно п. 2 ст. 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», кандидатам, избирательным объединениям, их доверенным лицам и уполномоченным представителям, инициативной группе по проведению референдума и их уполномоченным представителям, а также иным лицам и организациям при проведении предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума запрещается осуществлять подкуп избирателей и участников референдума:

²⁰⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 987-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Казаковой Татьяны Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части второй статьи 141 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

²⁰⁷ С. Г. Соловьев указывает на следующие технологии передачи денежных средств избирателям, имевшие место в практике:

1) непосредственное вручение денег избирателям в обмен на обещание голосовать за конкретного кандидата;

2) вручение средств избирателю вместе с заполненным образцом избирательного бюллетеня в обмен на вынесенный им с избирательного участка чистый бюллетень;

3) заключение мнимых и притворных договоров с избирателями (см.: *Соловьев С. Г. Денежный подкуп избирателей на муниципальных выборах: проблемы теории и практики // Государственная власть и самоуправление. 2006. № 9. С. 20–23).*

По мнению Ю. Климовой, наличие фиктивных договоров может подтверждаться:

а) значительным тиражом бланков договоров, свидетельствующим о масштабном характере подкупа;

б) показания «агитаторов»;

в) финансовые отчеты о расходовании денежных средств, в которых отсутствуют сведения об оплате по договорам (см.: *Климова Ю. Уголовная ответственность за подкуп избирателей // Уголовное право. 2008. № 1. С. 11).*

1) вручать им денежные средства, подарки и иные материальные ценности, кроме как за выполнение организационной работы (сбор подписей избирателей, участников референдума, агитационную работу);

2) производить вознаграждение избирателей, участников референдума, выполняющих указанную организационную работу, в зависимости от итогов голосования или обещать произвести такое вознаграждение;

3) проводить льготную распродажу товаров, бесплатно распространять любые товары, за исключением печатных материалов (в том числе иллюстрированных) и значков, специально изготовленных для избирательной кампании, кампании референдума;

4) предоставлять услуги безвозмездно или на льготных условиях;

5) воздействовать на избирателей, участников референдума посредством обещаний передачи им денежных средств, ценных бумаг и других материальных благ (в том числе по итогам голосования), оказания услуг иначе чем на основании принимаемых в соответствии с законодательством решений органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Кроме того, в период избирательной кампании, кампании референдума не допускается проведение лотерей и других основанных на риске игр, в которых выигрыш призов или участие в розыгрыше призов зависит от итогов голосования, результатов выборов, референдума либо которые иным образом связаны с выборами или референдумом.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31.03.2011 № 5 (в ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»²⁰⁸ рекомендует при решении вопроса о том, имел ли место подкуп избирателей или участников референдума, устанавливать следующие обстоятельства (п. 37):

1) подпадают ли совершенные действия под перечень действий, которые в соответствии с п. 2 ст. 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

²⁰⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 6 ; 2012. № 4.

Федерации» могут расцениваться как подкуп избирателей, участников референдума, имея в виду, что указанный перечень не подлежит расширительному толкованию;

2) совершены ли действия в период избирательной кампании, кампании референдума;

3) позволяет ли характер совершенных действий сделать вывод о том, что они побудили или побуждают избирателей или участников референдума: голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них), поддержать инициативу проведения референдума либо отказаться от такой поддержки, голосовать либо отказаться от голосования на референдуме, поддержать либо отвергнуть вынесенный на референдум вопрос;

4) в отношении каких лиц совершены действия. Если они осуществлены в отношении несовершеннолетних, не обладающих активным избирательным правом (например, при раздаче несовершеннолетним подарков, агитационных материалов), то необходимо учитывать, что такие действия не остаются вне поля зрения законных представителей детей – их родителей, и поэтому могут рассматриваться как подкуп, если родители являются избирателями соответствующего избирательного округа;

5) относятся ли лица, осуществившие названные в п. 2 ст. 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» действия, к кругу лиц, действия которых по подкупу избирателей или участников референдума влекут соответствующие неблагоприятные последствия для кандидата, избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума. Подкуп избирателей или участников референдума лицами, указанными в п. 2 и 4 ст. 77 названного выше федерального закона, подразумевает совершение таких действий, как непосредственно ими, так и другими лицами по их поручению или с их ведома.

С. обратилась в суд с заявлением об отмене регистрации кандидата в депутаты К., ссылаясь на то, что последний организовал и провел курс

открытых лекций по основным проблемам г. Москвы и бесплатную фотовыставку, что является подкупом избирателей.

Судом установлено, что К. в рамках избирательной кампании были проведены встречи с избирателями, совместно с доверенными лицами прочитан курс лекций. При этом встречи проводились в специально предоставленных на основании договора помещениях, вход на мероприятия являлся свободным (без взимания платы), обещаний голосовать определенным образом за возможность посетить мероприятия К. ни от кого не требовал. Суд расценил указанные мероприятия как одну из форм предвыборной агитации, не запрещенную законом. Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ решение оставлено без изменения²⁰⁹.

В теории уголовного права формально существует несколько подходов к определению подкупа как способа совершения преступления, однако, по сути, они мало чем отличаются друг от друга; различие проявляется лишь в деталях, в признаках, на которых акцентируют внимание автор.

Так, утверждается, что под подкупом понимается непосредственная передача, раздача материальных ценностей либо денежных средств, предоставление материальных благ или имущественных выгод с целью воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий²¹⁰. И. Я. Козаченко считает, что подкуп охватывает не только реальную передачу денежного или материального вознаграждения избирателю или участнику референдума, но и обещание такой передачи²¹¹.

Таким же образом определяет подкуп А. В. Наумов²¹², А. С. Самойлов²¹³ и др.

²⁰⁹ См.: Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.

²¹⁰ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2008. С. 148.

²¹¹ См.: Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 2001. С. 202.

²¹² См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Курс лекций : в 3 т. М., 2007. Т. 2: Особенная часть (гл. 1–10). С. 197.

В ряде дефиниций авторы подчеркивают связь подкупа с последующим поведением избирателя или участника референдума. Например, Л. Л. Кругликов связывает подкуп с желательным для виновного поведением подкупаемого: снятие кандидатуры, неявка на голосование, голосование за «нужного» кандидата и т. д.²¹⁴

Некоторые ученые указывают на действие подкупленного вопреки своей воле²¹⁵, и тем самым нарушаются избирательные права.

При подкупе создается ситуация выбора поведения: согласиться на предложение подкупающего и, следовательно, отказаться от своего конституционного права или отклонить предложения о вознаграждении (возможном вознаграждении) и реализовать свои избирательные права (права на участие в референдуме). И в первом, и во втором случае подкупаемый действует осознанно, исходя из собственных интересов, предпочтений, приоритетов. Если избирает первый вариант поведения, это не значит, что он действует вопреки своей воле. Наоборот, избиратель реализует свои намерения, будучи мотивированным на такое поведение подкупающим. В этом случае достаточно сложно говорить, что нарушены избирательные права данного лица. Однако бесспорно: подобные рода действия посягают на легальность и легитимность выборов как необходимого условия легальности и легитимности государственной власти, органов местного самоуправления.

Кроме того, фактической (не оговариваемой при подкупе) взаимосвязи между подкупом и, например, голосованием может и не быть; детерминированность хотя и существует, но она не является абсолютной, т. е. не исключает истинного

²¹³ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2005. С. 85.

²¹⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005. С. 141.

²¹⁵ Например, Н. Ю. Турищева пишет, что «воспрепятствование, соединенное с подкупом, характеризуется отсутствием свободы в реализации избирательных прав подкупленного участника избирательного процесса. Последний или не реализует свои избирательные права, или реализует их вопреки своей воле» (Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 150).

волеизъявления избирателя²¹⁶. Ю. Н. Климова также отмечает, что предложение имущественных выгод может не привести к воспрепятствованию гражданину в его волеизъявлении; его воля и волеизъявление не вступают в противоречие²¹⁷. И. Н. Толстикова ограничивает возможности подкупа избирателя только одним вариантом поведения – его отказом от участия в голосовании²¹⁸.

Сложнее оценка поведения члена избирательной комиссии. Будучи подкупленным, он может действовать вопреки нормативным предписаниям об избирательном процессе (проведении референдума) и тем самым, например, не включить лицо в избирательный список. Но и в этом случае нет воспрепятствования исполнению их полномочий, как об этом пишут некоторые ученые. Подкуп в такой ситуации – это не что иное, как взятка. Действия получающего подкуп ничем не отличаются от действий любого другого должностного лица, получающего взятку, сопряженную с последующим нарушением законодательства²¹⁹. Однако и в этом случае неизменно оказывается негативное влияние на легальность и легитимность избирательного процесса, следовательно, и на условия легальности и легитимности государственной власти.

Проблема правоприменения усложняется тем, что подкуп избирателей как таковой признан административно-правовым деликтом²²⁰. В ст. 5.16 КоАП РФ говорится: «Подкуп избирателей, участников референдума, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, либо осуществление благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах»²²¹.

²¹⁶ См. об этом подробно: *Колушин Е. И.* Судебная защита избирательных прав граждан. М., 2005.

²¹⁷ См.: *Климова Ю. Н.* Электоральная преступность: место в криминологической науке // Журнал о выборах. 2003. № 3. С. 18.

²¹⁸ См.: *Толстикова И. Н.* Подкуп избирателей – уголовно наказуемое деяние // Журнал о выборах. 2003. № 3. С. 18.

²¹⁹ По сути, об этом косвенно говорит и Н. Ю. Турищева (см.: *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 154).

²²⁰ См. об этом подробно: *Кузнецова Н. Н.* Подкуп избирателей: разграничение уголовной и административной ответственности // Закон и право. 2008. № 10. С. 87.

²²¹ На наш взгляд, указание на благотворительность в законе излишне, она выступает частным случаем подкупа. Возможно, единственное, что ее отличает от последнего, – это ее открытый и относительно массовый характер.

По сути, каких-либо признаков, отграничивающих это нарушение от преступления, в административном и уголовном законодательстве не содержится.

В связи с этим в литературе предлагаются разные подходы к разрешению проблемы. Например, А. С. Колышницын полагает, что подкуп избирателей, предусмотренный ст. 5.16 КоАП РФ, в отличие от преступления, не является способом воспрепятствования осуществлению избирательных прав, гражданин не лишается возможности действовать по своему усмотрению, в том числе и голосовать в соответствии с собственным волеизъявлением, хотя и принимает незаконное вознаграждение²²².

Следует заметить, что автор основывается на практике рассмотрения избирательных споров о признании выборов недействительными в случае установления фактов подкупа, когда суды действительно выясняют, как повлиял факт подкупа на волеизъявление избирателя.

Для устранения сложившегося положения высказываются разные предложения, например, исключить ст. 5.16 из КоАП РФ, а ее содержание отразить в ч. 2 ст. 141 УК РФ в качестве квалифицирующего признака²²³; в уголовно-правовой норме указать на размер подкупа (крупный)²²⁴ и др.

Некоторые авторы предлагают системные изменения законодательства. Например, подкуп криминализировать самостоятельно, а его влияние на результаты выборов признать квалифицирующим признаком. В этом случае соответствующую уголовно-правовую норму предлагается изложить следующим образом:

²²² См.: Колышницын А. С. Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме. С. 101–102.

²²³ См.: Антонов О. Ю., Багмет А. М., Бычкова Е. И. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. С. 63.

²²⁴ См.: Климова Ю. Уголовная ответственность за подкуп избирателей // Уголовное право. С. 11: Она же. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав путем подкупа: разграничение преступления и административного правонарушения // Административное право и процесс. 2011. № 7. С. 30–32.

«Статья 141.2. Подкуп при осуществлении избирательных прав

1. Подкуп избирателя, участника референдума, кандидата, уполномоченного представителя кандидата или избирательного объединения, члена инициативной группы по проведению референдума, члена иной группы в целях достижения определенного результата на выборах, референдуме – наказывается...
2. То же деяние, повлиявшее на результаты выборов, референдума – наказывается...»

Это предложение достаточно спорное. Обратим внимание на несколько моментов. Во-первых, название статьи неполно передает ее содержание; помимо осуществления избирательных прав, в ней речь идет и об участии в референдуме. Во-вторых, текст статьи излишне детализирован в части перечисления подкупаемых. Перечневый метод, как известно, таит в себе опасность либо неполного представления возможных адресатов подкупа, либо нарушения соотношения с избирательным законодательством и законодательством о референдумах. В-третьих, неопределенным является такой подкупаемый, как «член иной группы»; при такой формулировке трудно понять, о ком идет речь, следовательно, это потребует дополнительного толкования уголовно-правовой нормы в целях ее единообразного применения. В-четвертых, цель деяния сформулирована некорректно. Достижение «определенных результатов», строго говоря, не исключает и голосования избирателя в соответствии со своим волеизъявлением. В этом случае также достигается «определенный результат», да и в целом возникает вопрос об обоснованности признания цели конститутивным признаком состава преступления.

Подкуп, подобно взяточничеству, находится в дихотомической связке: наряду с незаконными действиями подкупающего имеют место действия подкупленного по продаже своего голоса, т. е. злоупотребление правом. В настоящее время они не признаются правонарушением, хотя очевидно, что указанные действия имманентны рассматриваемому способу совершения преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ. Следовательно, возникает

вопрос о корреляции ответственности за эти два деяния. В литературе высказано в целом два предложения. Их принципиальное отличие заключается в том, что одни авторы общественную опасность действий лиц, «продающих» свои голоса, считают достаточной для признания подобного рода деяний преступлением²²⁵, другие – нет²²⁶.

Сторонники первой позиции предлагают дополнить ст. 141 УК РФ ч. 4 и примечанием, изложив их в следующей редакции:

«4. Незаконное получение избирателем, участником референдума денежных средств, подарков и иных материальных ценностей, а равно услуг имущественного характера за голосование, либо голосование за кандидата, кандидатов, список кандидатов, либо голосование или отказ от голосования на референдуме...

Примечание. Лицо, добровольно сообщившее о подкупе в правоохранительные органы, освобождается от уголовной ответственности»²²⁷.

Согласно сведениям, публикуемым в средствах массовой информации, подкуп, как правило, осуществляется в отношении социально недостаточно защищенных лиц и в денежном выражении варьирует от 50 до 300 руб. В связи с этим позиция, согласно которой криминализация продажи голосов на выборах ни криминологически, ни социально не обусловлена, является предпочтительнее. Ее сторонники предлагают ограничиться дополнением КоАП РФ нормой следующего содержания:

«Статья ... Продажа голоса избирателем, участником референдума

Продажа голоса избирателем, участником референдума, т. е. получение денежных средств, подарков, иных материальных выгод за голосование определенным образом, отказ от участия в голосовании или передача

²²⁵ См.: Кудрявцева Л. В. Уголовная ответственность за нарушения в сфере избирательного права // Журнал о выборах. 2005. № 5. С. 27.

²²⁶ См.: Турищева Н. Ю. Подкуп как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав // Юрист-правовед. 2008. № 3. С. 51.

²²⁷ См., например: Багмет А. М., Бычкова Е. И. Особенности квалификации подкупа избирателей как вида электоральной коррупции // Юридический мир. 2014. № 2. С. 9–12.

за вознаграждение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме другому лицу – влекут наложение ...»²²⁸

Обман, как и подкуп, выступает квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления. В литературе закрепились два подхода к определению его сущности²²⁹. Первый из них можно назвать широким; согласно этому подходу, под обманом следует понимать преднамеренное введение в заблуждение избирателя или участника референдума путем сообщения ложных сведений, предоставления подложных документов или совершения иных действий²³⁰. Второй подход – узкий; в этом случае обман ограничивается только обстоятельствами, которые могут повлиять на исход выборов или референдума²³¹. Учитывая, что речь идет об обмане, соединенном с воспрепятствованием осуществления избирательных прав или права участника референдума, то его содержание логично ограничивать только теми моментами, которые непосредственно влияют (могут влиять) на реализацию гражданином указанных прав. Все, что лежит за указанными пределами, не нарушает и не может нарушить запрет, предусмотренный ст. 141 УК РФ. Это согласуется и с лексическим значением слова «обмануть» – ввести лицо в заблуждение; цель обмана – воспрепятствовать реализации гражданином избирательного права или права на референдум – вытекает из характера деяния и обстановки, характеризующейся наличием избирательного процесса или проведения референдума.

В литературе традиционно выделяют два вида обмана: активный и пассивный (их содержание наиболее полно проанализировано применительно к мошенничеству). Активный обман означает преднамеренное сообщение заведомо ложных сведений; пассивный предполагает умолчание о юридически

²²⁸ См.: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 156.

²²⁹ См.: Игнатенко В. В. Юридическая ответственность и избирательный процесс. М., 2002; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. М., 2006.

²³⁰ См.: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 156.

²³¹ См.: Антонов О. Ю., Багмет А. М., Бычкова Е. И. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. С. 65.

значимых фактах. Следовательно, обман можно определить, во-первых, как введение в заблуждения; во-вторых, как сохранение уже имеющегося заблуждения²³².

На практике обманные действия могут быть достаточно разнообразными и относиться к месту, времени и порядку голосования, личности кандидатов²³³, оформлению бюллетеня для голосования и др.

Обман необходимо отличать от обманывания как процесса. Это обстоятельство может влиять на квалификацию содеянного. Если обманывание не привело к воспрепятствованию, то речь, скорее всего, может идти о покушении на совершение преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ.

Обман, как правило, бывает сопряжен с рядом иных деяний: подлогом документов, клеветой о кандидате и т. д. В этом случае имеет место совокупность преступлений, охватываемых п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ и, исходя из фактического содержания действия, статьями о клевете, служебном подлоге, использовании подложного документа и т. д.

В качестве квалифицирующего признака принуждение было включено в ч. 2 ст. 141 УК РФ Федеральным законом от 04.07.2003 № 94-ФЗ²³⁴. Этот шаг законодателя в литературе получил диаметрально противоположную оценку. Некоторыми авторами он был признан обоснованным, так как принуждение стало промежуточной формой совершения преступления между существовавшими его

²³² См.: Белокуров О., Андреев В. Уголовно-правовая оценка обманной деятельности // Уголовное право. 2005. № 5. С. 4.

²³³ В литературе приводится пример, иллюстрирующий обман относительно личности кандидата. Х. и М. распространяли листовки, в которых содержалась ложная информация о снятии кандидатом в депутаты Государственной Думы РФ В. своей кандидатуры. По данному факту было возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ (см.: Антонов О. Ю., Елинский В. И. Функционирование преступной деятельности, связанной с проведением избирательных кампаний и референдумов // Российский следователь. 2011. № 9. С. 15).

²³⁴ См.: Федеральный закон от 04.07.2003 № 94-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2708.

вариантами с использованием обмана и применения насилия²³⁵. Другие же считают, что законодатель, дополняя перечень квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления указанием на принуждение, по сути, ввел два одинаковых по содержанию понятия, отличающихся лишь по объему: принуждение охватывает понятие применения насилия или угрозы его применения²³⁶.

Принуждение как деяние или способ совершения преступления встречается в ряде статей УК РФ (например, в ст. 144, 147, 184, 240)²³⁷. В них один и тот же термин используется для обозначения различных по содержанию и объему понятий, чем нарушается известное правило законодательной техники: нельзя одним и тем же термином обозначать разные понятия либо одно и то же понятие передавать используя разные термины.

«Принудить» в русском языке означает заставить что-нибудь сделать, силой побудить к чему-нибудь²³⁸. Другими словами, принуждаемого заставляют поступить вопреки своей воле; в данном случае речь идет о принуждении, которое направлено на то, чтобы гражданин – участник избирательного процесса

²³⁵ См., например: *Климова Ю. Н.* Электоральная преступность: понятие и проблема эффективности ее сдерживания уголовно-правовыми средствами // *Следователь.* 2003. № 11. С. 47.

²³⁶ См.: *Кольчицын А. С.* Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме. С. 104.

Некоторые авторы полагают, что принуждение охватывает и физическое воздействие. Например, С. В. Бородин, в целом определяя принуждение как психическое воздействие, заключающееся в просьбах, обещаниях, угрозах и т. д., включал в его содержание и физическое воздействие (см.: *Уголовное право России. Особенная часть* / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. М., 2005. С. 125).

²³⁷ При этом не существует какого-либо единого подхода в применении этого термина в уголовном законодательстве как в случаях обозначения им деяния, так и способа совершения преступления. В одних случаях законодатель называет формы, в которых может проявляться принуждение. Например, в ст. 179 УК РФ оно характеризуется как угроза применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространение сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких; в ч. 2 ст. 309 УК РФ принуждение предполагает шантаж, угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. В других случаях в законе лишь говорится о принуждении, однако его содержание не раскрывается.

²³⁸ См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Ожеговой. М., 1990. С. 594.

или референдума голосовал за «нужного» кандидата либо против какого-либо кандидата, бойкотировал выборы, снял свою кандидатуру и т. д.

Специалистами понятие принуждения как такового и принуждения в рассматриваемом преступлении раскрывается по-разному. Так, Т. Ю. Кобозева под ним понимает воздействие на человека, ограничивающее свободу его воли путем применения незаконных действий с целью заставить совершить нужное для принуждающего лица деяние²³⁹. В этом случае автор сужает содержание анализируемого понятия; за его пределами оказалась вторая возможная цель – заставить отказаться от выполнения каких-либо действий. Это обстоятельство обоснованно включают в определение принуждения Е. Г. Веселов²⁴⁰, Д. В. Попов²⁴¹, И. С. Щербина²⁴² и др.

Т. Ю. Орешкина и Т. Д. Устинова считают, что принуждение – «это общественно опасное деяние, осуществляется незаконно и имеет целью воспрепятствовать проявлению свободы воли другого человека, заставить совершить поступок, который для него был нежелательным»²⁴³.

В зависимости от особенностей воздействия на потерпевшего принуждение традиционно подразделяется на физическое и психическое.

Первое предполагает два возможных варианта воздействия на человека: во-первых, совершение действий, по своему содержанию аналогичных физическому насилию (причинение вреда здоровью, побои, истязание, пытки,

²³⁹ См.: Кобозева Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник Воронежского государственного университета. Право. 2008. № 1. С. 276.

Не включает в определение принуждения цель заставить потерпевшего отказаться от выполнения определенных действий Е. В. Гертель (см.: Гертель Е. В. Соотношение понятий «насилие» и «принуждение» // Российский следователь. 2010. № 17. С. 19; Она же. Разграничение понятий «насилие» и «принуждение» в уголовном праве // Уголовное право. 2010. № 5. С. 17).

²⁴⁰ См.: Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴¹ См.: Попов Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие // Актуальные проблемы уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. трудов. Уфа, 2003. С. 148.

²⁴² См.: Щербина И. С. Принуждение как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан или работе избирательных комиссий // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 35.

²⁴³ Орешкина Т. Ю., Устинова Т. Д. Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно наказуемое деяние // Современное право. 2009. № 9. С. 105.

введение в организм одурманивающих веществ и т. д.), отличающихся от последнего своей целевой установкой – желанием подавить воли потерпевшего, от которого хотят добиться поведения, угодного принуждающему; во-вторых, совершение действий, не связанных с воздействием на тело или организм человека (например, лишение свободы).

Психическое воздействие в первую очередь характеризуется угрозой применения насилия; вместе с тем оно охватывает и другие его виды, способные подавить потерпевшего. Последние во многом индивидуальны, зависят от личности последнего и ряда других обстоятельств (например, шантаж).

Содержание принуждения в рассматриваемом составе преступления, на наш взгляд, необходимо раскрывать с учетом двух обстоятельств: во-первых, семантики указанного слова; во-вторых, его соотношения с таким понятием, как применение насилия или угроза его применения. С одной стороны, семантика слова «принуждение» не исключает применение насилия («силой побудить...»); с другой стороны, такая трактовка принуждения будет пересекаться с содержанием сопоставляемого признака (применение или угроза применения насилия). Поэтому принуждение в преступлении, предусмотренном ст. 141 УК РФ, необходимо трактовать узко, только как угрозу совершения действий, не относящихся к насилию: уничтожение или повреждение имущества; шантаж; нарушение законных прав и интересов и т. д. Причем оно может быть адресовано как самому избирателю, так и его родным и близким.

В ч. 2 ст. 141 УК РФ содержание насилия или угрозы его применения²⁴⁴ не раскрывается, хотя их сущность и направленность очевидны: они

²⁴⁴ К сожалению, законодатель не выдерживает единого подхода к терминологическому обозначению насилия как деяния и способа совершения преступления (см. об этом подробно: *Рарог А. И.* Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // *Уголовное право.* 2014. № 5. С. 85–86).

Подобная практика порождает вопросы как общего характера, так и применительно к рассматриваемому составу преступления. Во-первых, общественная опасность реального применения насилия и угрозы его применения, хотя существенно и отличается между собой, не дифференцирована; в связи с этим суды вынуждены корректировать сложившееся положение за счет назначаемого наказания (в этом случае реальное насилие получает более строгую оценку). Во-вторых, ряд проблем возникает при квалификации насилия, в частности,

предполагают физическое воздействие на потерпевшего и может выражаться в ограничении свободы, побоях, истязании, причинении вреда здоровью или высказанное вовне желание совершить эти действия. Если применительно к первым трем формам проявления насилия вопросов не возникает, то содержание последней относится к числу дискуссионных. Одни авторы ограничивают его только легким вредом здоровью²⁴⁵, другие включают в него и вред здоровью средней тяжести²⁴⁶.

В теории уголовного права выработано правило, согласно которому содержание неконкретизированного насилия в том числе следует определять исходя из санкций норм, предусматривающих уголовную ответственность за причинение вреда здоровью²⁴⁷. Санкция ч. 2 ст. 141 УК РФ ниже лишь санкции ст. 111 УК РФ, следовательно, только причинение тяжкого вреда здоровью выходит за пределы насилия, предусмотренного ст. 141 УК РФ, и поэтому требует квалификации по совокупности совершенных преступлений. Вред здоровью другой тяжести (легкой и средней тяжести), а также действия, которые не повлекли за собой причинения вреда, но в момент их совершения создавали реальную опасность жизни или здоровью потерпевшего (например, перекрытие дыхания, удержание головы в воде и т. д.) охватывается указанным насилием²⁴⁸.

при отграничении преступлений, также содержащих в своей характеристике насилие, определении наличия совокупности преступлений.

²⁴⁵ См.: *Щиголев Ю. В.* Уголовная ответственность за преступления в области избирательного права // *Российский следователь.* 1999. № 6. С. 28; Комментарий к УК РФ с постратейными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2002. С. 415; и др.

²⁴⁶ См.: *Игнатенко В. В.* Юридическая ответственность и избирательный процесс. С. 121.

²⁴⁷ См., например: *Огородникова Н. В.* К вопросу об унификации законодательного описания насилия как способа совершения конкретных составов преступления // *Насилие в современной России : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 1999.* С. 220.

В этом случае презюмируется, что санкции точно отражают общественную опасность соответствующего деяния, выступают объективным ее мериллом.

²⁴⁸ Например, Р. Д. Шарапов пишет: «...если воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий сопровождалось применением физического насилия в виде побоев или причинения легкого вреда здоровью, то содеянное квалифицируется только по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, без дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 116 или ч. 1 ст. 115 УК РФ...» (*Шарапов Р. Д.* Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // *Уголовное право.* 2015. № 1. С. 122).

Угроза вообще – это выраженное вовне информационное воздействие на потерпевшего с целью изменить его поведение в желательном для угрожающего направлении. Уголовно наказуемая угроза должна быть реальной. Реальность оценивается исходя из субъективных (оценки высказывания угрожаемым, наличия у него опасаться за свое здоровье) и объективных (обстановки высказанной угрозы, характеристики личности виновного, предшествующих отношений виновного и потерпевшего и т. д.) критериев. Угроза должна иметь конкретного адресата.

В п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ содержание угрозы ограничено насилем; в него входит причинение вреда здоровью любой тяжести, а также смерти, причем как в отношении самого потерпевшего, так и его близких.

1.3. Вмешательство в полномочия избирательной комиссии или комиссии по референдуму, а также в работу ГАС «Выборы»

Статья 141 УК РФ частью 3 дополнена Федеральным законом от 04.07.2003 № 94-ФЗ²⁴⁹, в которой сформулирован самостоятельный состав преступления, отличающийся от указанного в ч. 1 данной статьи как по деянию (в законе говорится соответственно о вмешательстве и воспрепятствовании), так и по субъекту преступления (специальный и общий).

В законе описаны два деяния:

1) вмешательство лица с использованием должностного или служебного положения в осуществление избирательной комиссией или комиссией референдума²⁵⁰ своих полномочий, установленных законодательством о выборах

²⁴⁹ Федеральный закон от 04.07.2003 № 94-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2708.

²⁵⁰ Исключительную компетенцию избирательной комиссии или комиссии референдума предлагается признавать предметом рассматриваемого преступления (см.: *Завидов Б. Д.*

и референдумах, с целью повлиять на ее решения, а именно: требование или указание должностного лица по вопросам регистрации кандидатов, списка кандидатов, подсчета голосов избирателей, участников референдума и по другим вопросам, относящимся исключительно к компетенции избирательной комиссии, комиссии референдума;

2) неправомерное вмешательство лица в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации (ГАС) «Выборы».

В русском языке слово «вмешательство» в том числе характеризует «действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого»²⁵¹. Применительно к ч. 3 ст. 141 УК РФ это означает, что должностное лицо, вмешиваясь в деятельность избирательной комиссии или комиссии референдума, лишает ее самостоятельности и независимости в реализации своих полномочий, предусмотренных российским законодательством о выборах и референдумах.

В законе выделен способ вмешательства: использование лицом должностного или служебного положения. По сути, имеет место превышение должностных полномочий, так как должностное лицо выполняет действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах совершать не вправе²⁵². Другими словами, в деятельность избирательной комиссии и комиссии по проведению референдума не может вмешиваться ни одно должностное лицо, какое бы высокое положение оно не занимало.

Способы вмешательства зафиксированы в самом законе. Таковыми названы:

- 1) указания по вопросам регистрации кандидатов, списков кандидатов;
- 2) указания по подсчетам голосов избирателей, участников референдума;
- 3) указания по иным вопросам, относящимся к исключительной компетенции избирательной комиссии или комиссии референдума.

Новеллы избирательного права в УК РФ // СПС «КонсультантПлюс»). Однако это предложение не согласуется с теорией состава преступления, определения предмета преступления вообще и в рассматриваемом составе преступления, в частности.

²⁵¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка // Викисловарь.

²⁵² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10. 2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» (п. 19) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12; Российская газета. 2020. 26 июня.

Не соответствует ч. 3 ст. 141 УК РФ утверждение о том, что «исчерпывающий перечень действий, признаваемых ... вмешательством, указан в статье»²⁵³. Как видно из приведенного законодательного перечня способов вмешательства, он является открытым. «Иные вопросы, относящиеся к исключительной компетенции избирательной комиссии и комиссии референдума», определяются исходя из ст. 21, 23–27 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в которых определяются соответственно статус и полномочия Центральной избирательной комиссии, избирательных комиссий субъектов РФ, избирательных комиссий муниципальных образований, окружных избирательных комиссий, территориальных комиссий. В ст. 30, 31 32²⁵⁴, 33 Федерального закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» закреплены полномочия комиссии референдума²⁵⁵.

Преступление имеет формальный состав, считается оконченным с момента вмешательства в деятельность избирательной комиссии или комиссии референдума по вопросам, отнесенным законом о выборах и референдуме к ее исключительной компетенции.

Для правоприменительной практики представляет интерес вопрос о квалификации содеянного членом комиссии (избирательной или референдума), выполнившим указание лица, вмешавшегося в реализацию полномочий последней. В этом случае имеет место совершение действий, явно выходящих за пределы его полномочий.

Состав преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, имеет материальный состав преступления. В качестве последствий преступления указано нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо

²⁵³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г. А. Есакова. М., 2017. С. 210.

²⁵⁴ Данная статья, наряду с полномочиями территориальных комиссий референдума, предусматривает полномочия специальных территориальных комиссий, формируемых на участках референдума, которые образованы за пределами территории РФ.

²⁵⁵ СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710 ; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

охраняемых законом интересов общества или государства. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 18) говорится: «Под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ...» Нарушение легальности и легитимности выборов, бесспорно, можно признать существенным нарушением конституционных прав граждан.

Таким образом, действия члена комиссии образуют преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 296 УК РФ. Действия должностного лица, давшего соответствующие указания, исходя из положений ст. 17 УК РФ, полностью охватываются ч. 3 ст. 141 УК РФ; дополнительной квалификации по статьям о должностных преступлениях не требуется.

Характеристика субъективной стороны не вызывает затруднений. Преступление имеет формальный состав, следовательно, оно может совершаться только с прямым умыслом. Кроме того, на данный вид вины указывает и наличие специальной цели вмешательства в полномочия избирательной комиссии или комиссии референдума – повлиять на ее решения.

К сожалению, проблема субъекта рассматриваемого преступления обусловлена, в первую очередь, неудачной формулировкой ч. 3 ст. 141 УК РФ. Так, если исходить из способа совершения преступления (использование должностного или служебного положения), можно прийти к выводу, что речь идет о двух категориях специального субъекта преступления: должностных лицах (примечание к ст. 285 УК РФ) и лицах, осуществляющих управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ).

При определении субъекта преступления А. А. Мекеня исходит из того, что в ч. 3 ст. 141 УК РФ речь идет только о должностном лице²⁵⁶. Надо сказать, что для такого утверждения есть законодательные основания: в анализируемой уголовно-правовой норме прямо упоминается должностное лицо как субъект преступления, но, наш взгляд, это относится лишь к вмешательству в деятельность соответствующих комиссий. Вмешательство же в работу ГАС «Выборы» в описании преступления выведено за пределы стилистического оборота, относящегося к вмешательству в компетенцию избирательной комиссии или комиссии референдума («а равно...»); это деяние может быть совершено лицом, не являющееся должностным.

Вместо словосочетания «использование должностного и служебного положения» в абсолютном большинстве уголовно-правовых норм законодатель говорит о злоупотреблении служебным положением (например, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 160 УК РФ и др.), однако в ч. 3 ст. 141 УК РФ использован другой подход к обрисовке способа совершения преступления. В связи с этим правомерно встает вопрос о том, есть ли какие-то смысловые (содержательные) различия в характеристике рассматриваемого признака.

Пленум Верховного Суда РФ двояко трактует уголовно-правовое понятие «использование служебного положения»: в узком и широком смысле слова. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (п. 29) говорится: «Под лицами, использующими свое служебное положение ... следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными пунктом 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к ст. 201 УК РФ...»²⁵⁷ Согласно же п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ

²⁵⁶ См.: Мекеня А. А. Специальные составы превышения должностных полномочий в условиях военной службы // Юридический мир. 2010. № 3. С. 63. См. также: Завидов Б. Д. Новеллы избирательного права в УК РФ.

²⁵⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2 ; Российская газета. 2021. 16 июля.

от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», к указанной категории лиц относятся также лица, выполнение трудовых функций которых связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами²⁵⁸.

Таким образом, законодатель, определив в ч. 3 ст. 141 УК РФ в качестве криминообразующего признака использование лицом должностного или служебного положения, допустил возможность широкого толкования субъектного состава преступления. В то же время, указав в качестве вмешивающегося в полномочия избирательной комиссии или комиссии референдума должностного лица, наоборот, сузил круг ответственных за данное деяние. Во избежание различного толкования анализируемого понятия надо отказаться от одного из характеристик субъекта преступления, например, ограничиться только указанием на злоупотребление служебным положением, как это сделано в других статьях Особенной части УК РФ.

Второе преступление также характеризуется вмешательством, но уже не в полномочия соответствующих комиссий, а в работу ГАС «Выборы», и по своему содержанию не отличается от его характеристики применительно к первому составу преступления. Единственное, что их отличает, – это законодательное указание на неправомерность вмешательства применительно ко второму составу преступления. На наш взгляд, данная оговорка является излишней, так как суть уголовно-правового запрета заключается именно в незаконном вмешательстве в работу ГАС «Выборы».

ГАС РФ «Выборы» – это автоматизированная информационная система, реализующая информационные процессы при подготовке и проведении выборов и референдума. Она является одной из гарантий реализации прав граждан РФ на основе обеспечения гласности, достоверности, оперативности и полноты информации о выборах и референдумах. Отношения, возникающие при ее использовании, регулируются Федеральным законом от 10.01.2003 № 20-ФЗ

²⁵⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8 ; 2017. № 7.

(в ред. от 14.03.2022) «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации»²⁵⁹. Функционирование ГАС «Выборы» регламентировано Положением об организации единого порядка использования, эксплуатации и развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» в избирательных комиссиях и комиссиях референдума, утвержденным постановлением ЦИК России от 29.12.2009 № 187/1312-5 (в ред. от 26.12.2012)²⁶⁰, а его безопасность – Положением об обеспечении безопасности информации в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы», утвержденным постановлением ЦИК России от 23.07.2003 № 19/137-4 (в ред. от 28.02.2007)²⁶¹.

²⁵⁹ СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172 ; 2022. № 12. Ст. 1787

²⁶⁰ Вестник Центризбиркома РФ. 2009. № 12 ; 2013. № 1.

²⁶¹ СПС «КонсультантПлюс» (первоначальный текст документа не был опубликован); Вестник Центризбиркома России. 2007. № 3.

При анализе рассматриваемого состава преступления также необходимо иметь в виду следующие нормативные акты, регламентирующие работу ГАС «Выборы»:

1) О Регламенте использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» для контроля за соблюдением установленного порядка проведения предвыборной агитации, агитации при проведении референдума, утв. постановлением ЦИК России от 14.02.2013 № 161/1192-6 (в ред. от 29.03.2017) // Вестник Центризбиркома России. 2013. № 2 ; 2017. № 3;

2) О Регламенте использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» для контроля за работой в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации с обращениями, поступающими в ходе подготовки и проведения выборов и референдумов в Российской Федерации, утв. постановлением ЦИК России от 23.12.2015 № 319/1819-6 // Вестник Центризбиркома России. 2015. № 12;

3) О Порядке использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» при подготовке и проведении выборов в органы местного самоуправления поселений и внесения изменений в Инструкцию по размещению данных Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» в сети интернет, утв. постановлением ЦИК России от 19.11.2008 № 138/1019-5 (в ред. от 25.05.2011) // Вестник Центризбиркома России. 2008. № 12 ; 2011. № 8 (в настоящее время действует Инструкция по размещению данных государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы», утв. постановлением ЦИК России от 20.04.2016 (в ред. от 13.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (первоначальный текст документа не был опубликован); Вестник Центризбиркома России. 2017. № 12);

4) О порядке использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» при подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации, утв. постановлением ЦИК России от 06.12.2017 № 113/926-7 // Вестник ЦИК России. 2017. № 12;

5) Об Инструкции об организации единого порядка установления итогов голосования, определения результатов выборов Президента Российской Федерации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»,

Обеспечение безопасности ГАС «Выборы» является одним из направлений реализации Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646²⁶².

Использование, эксплуатация и развитие ГАС «Выборы» осуществляются на основе следующих принципов:

- 1) соблюдение конституционных прав граждан при автоматической обработке информации о них;
- 2) обеспечение гласности деятельности избирательных комиссий, комиссий референдума при использовании ГАС «Выборы»;
- 3) оперативное информирование избирателей, участников референдума о ходе и результатах выборов и референдума;
- 4) недопустимость вмешательства в информационные процессы в ГАС «Выборы» органов государственной власти, государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, других лиц и организаций, которые в соответствии с федеральными законами не могут вмешиваться в данные процессы;
- 5) сочетание централизации и децентрализации в управлении процессами использования и эксплуатации ГАС «Выборы»;
- 6) обязательное применение ГАС «Выборы» при подготовке и проведении выборов и референдума, недопустимость использования для этих целей вместо ГАС «Выборы» других автоматизированных систем;
- 7) обеспечение безопасности информации ГАС «Выборы» в сочетании с открытостью системы и доступностью информации, содержащейся

утв. постановлением ЦИК России от 28.02.2018 № 145/1205-7 // Вестник ЦИК России. 2018. № 7) и др.

²⁶²СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

О реализации принципов информационной безопасности в работе ГАС «Выборы» подробно см.: *Вешняков А. А.* Уголовная ответственность за нарушение порядка выборов с использованием ГАС «Выборы» // *Российский следователь.* 2007. № 2; *Он же.* Виды юридической ответственности за нарушения порядка проведения выборов и референдумов с использованием информационных технологий и автоматизированных систем // *Юридический мир.* 2006. № 12; *Он же.* Общая характеристика гарантий обеспечения избирательных прав граждан с использованием ГАС «Выборы» // *Конституционное и муниципальное право.* 2006. № 8.

в информационных ресурсах ГАС «Выборы», в соответствии с федеральными законами;

8) обеспечение достоверности информации, получаемой с использованием ГАС «Выборы»;

9) применение лицензионных программных средств общего назначения, сертифицированных специализированных программно-технических средств и средств связи ГАС «Выборы»;

10) недопустимость подключения ГАС «Выборы» к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

11) недопустимость подключения ГАС «Выборы» при ее использовании при проведении выборов и референдума к иным информационным системам и сетям связи, не применяемым в ГАС «Выборы» (ст. 4 Федерального закона «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»).

Положение об обеспечении безопасности информации в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» содержит регламентацию порядка доступа к ее информационным ресурсам. Исходя из этого, некоторые специалисты пытаются очертить круг неправомерного вмешательства в работу указанной системы, образующего деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 141 УК РФ. Так, В. М. Елин в качестве конкретных видов вмешательства называет следующие действия, направленные на:

- нарушение обеспечения безопасности информации и несоблюдение основных мер по защите информации;
- несоблюдение мероприятий по обеспечению безопасности информации;
- нарушение порядка доступа к информационным ресурсам ГАС «Выборы»;
- нарушение прав пользователей ГАС «Выборы»;
- неисполнение обязанностей пользователей и специалистов ГАС «Выборы» по обеспечению безопасности информации;

– несоблюдение требований по обеспечению безопасности информации²⁶³.

Как явствует представленный перечень видов возможного вмешательства в ГАС «Выборы», автор, по сути, перечислил варианты любых возможных угроз безопасности указанной системы, а не преступного внешнего или внутреннего воздействия на ее структурные элементы с целью искажения в ней соответствующих данных о выборах или референдуме. Кроме того, В. М. Елин говорит, что речь идет о действиях, между тем формулировки угроз безопасности системы свидетельствуют о том, что ряд из них реализуются путем бездействия соответствующего лица.

Надо иметь в виду, что общественная опасность рассматриваемого деяния заключается не просто в неправомерном доступе в ГАС «Выборы», а в том, что эта форма воспрепятствования полномочий избирательной комиссии или комиссии референдума является наиболее опасной, выступает как фактор, способный существенно исказить результаты выборов или референдума²⁶⁴.

Реализация угроз, указанных В. М. Елиным, может привести к двум видам последствий: одно из них может характеризовать воздействие на саму систему, блокируя полностью или один из элементов, что приводит к невозможности использования ее в определенных целях; второе – искажение подлинности информации, непосредственно относящейся к выборам или референдуме, которая хранится, передается или обрабатывается ГАС «Выборы». Эта становится возможным, в частности, при несанкционированном доступе к указанной

²⁶³ См.: *Елин В. М.* Уголовно-правовая защита информации в ГАС «Выборы» как развитие положений Доктрины информационной безопасности // Правовые вопросы связи. 2009. № 2. С. 12.

²⁶⁴ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2008. С. 149; Российское уголовное право : в 2 т. М., 2007. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. С. 122; *Кольчицын А. С.* Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме. С. 111; *Соловьев О. Г.* К вопросу о технике конструирования диспозиций норм Особенной части УК РФ // Юридический мир. 2009. № 12. С. 77–79.

С. М. Шапиев, объясняя необходимость и обоснованность криминализации вмешательства в работу ГАС «Выборы», указывает, в частности, на то, что в системе часто появлялись неправомерные повторные вводы протоколов участковых и иных избирательных комиссий, связанные с указаниями должностных и иных лиц, использовавших свое положение (см.: *Шапиев С. М.* Уголовная ответственность за подкуп избирателей и нарушение порядка финансирования избирательной кампании // Журнал о выборах. 2006. № 4. С. 18).

информации, нерегламентированных действиях системного администратора, несанкционированном доступе к активному сетевому оборудованию локальной вычислительной сети или подсистемы связи и передачи данных, нарушении функционирования сетевого оборудования²⁶⁵.

Указанное вмешательство может быть совершено как извне (посторонним лицом), так и изнутри (лицом, обслуживающим функционирование автоматизированной системы).

В ч. 3 ст. 141 УК РФ не указаны последствия вмешательства в работу ГАС «Выборы», в связи с этим преступление считается оконченным с момента совершения самого деяния.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины, вид которой – прямой умысел – обусловлен конструкцией состава рассматриваемого преступления как формального. Мотивы и цели для юридической оценки деяния не имеют значения, но должны учитываться при определении вида и размера (срока) наказания.

Субъект преступления зависит от механизма вмешательства в деятельность ГАС «Выборы». Если оно было осуществлено извне, то ответственности подлежит общий субъект – лицо, достигшее возраста 16 лет. При вмешательстве в работу системы изнутри ситуация может быть двоякой: во-первых, деяние осуществляется лицом, ответственным за функционирование системы или ее структурной части; во-вторых, работник избирательной комиссии или комиссии референдума, имеющий доступ к автоматизированной системе по работе. В законе особенности субъекта не оговорены, следовательно, и в этом случае речь может идти об общем субъекте преступления.

Резюмируем изложенное:

1. Исходя из назначения выборов объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, следует признавать общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти,

²⁶⁵ См.: *Поленов А. В.* Безопасность информации – одна из важнейших задач ГАС «Выборы» // Журнал о выборах. 2009. Спец. вып. С. 59.

сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства. Выделение объекта применительно к каждому из деяний, указанных в ч. 1 данной статьи, как это имеет место в специальной литературе, методологически ошибочно. В противном случае следует признать искажение законодателем их юридической природы: деяния, указанные в диспозиции одной нормы, не могут посягать на различные, хотя и очень близкие общественные отношения.

При неправомерном вмешательстве в деятельность Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» последняя выступает в качестве предмета преступления (оказывая воздействие на ее деятельность, виновный тем самым нарушает объект уголовно-правовой охраны).

Потерпевшим является гражданин Российской Федерации, чье избирательное право, право на участие в референдуме нарушено. Им также может быть член избирательной комиссии или комиссии референдума. Вместе с тем, вопреки имеющимся утверждениям, потерпевшим не является близкий указанных лиц. Когда законодатель имеет в виду и его как потерпевшего, то он это прямо указывает в норме.

2. Избирательные права граждан – это конституционные права граждан РФ избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определения результатов выборов, в других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией РФ, федеральным законом, иными федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов РФ. Следовательно, ограничивать цель воспрепятствования только реализацией права избирать или быть избранным необоснованно, не соответствует законодательному определению понятия избирательных прав.

3. В литературе имеется ряд предложений по совершенствованию редакции ст. 141 УК РФ²⁶⁶. На наш взгляд, во-первых, воспрепятствование осуществлению прав или полномочий и вмешательство в деятельность соответствующих комиссий и работу ГАС «Выборы» из-за существенных различий в сути указанных деяний следует предусмотреть в разных статьях Особенной части УК РФ. Во-вторых, нарушение тайны голосования вряд ли достигает того уровня общественной опасности, который присущ преступлению; для противодействия этим деяниям достаточно административно-правовых мер. В-третьих, принуждение, насилие и угроза применения насилия – перекрещивающиеся понятия, при этом первое из них имеет более широкое содержание, полностью охватывает второе. В связи с этим указание в законе на эти оба способа совершения воспрепятствования некорректно, создает искусственные сложности в определении содержания каждого из них. В-четвертых, признание в качестве самостоятельного преступления так называемую продажу голосов ни социально, ни криминологически не обосновано. В-пятых, слово «комиссия» следует использовать в единственном числе, так как множественное число по общим

²⁶⁶ Так, Н. Ю. Турищева формулирует ее следующим образом: **«Статья 141. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме или работе избирательных комиссий, комиссий референдума**

1. Воспрепятствование свободному осуществлению гражданами своих прав избирать, выдвигаться и быть зарегистрированным в качестве кандидата, быть избранным на выборах в органы государственной власти или органы местного самоуправления, а равно воспрепятствование осуществлению права выдвижения инициативы проведения референдума, голосования на референдуме, соединенное с обманом, принуждением, применением насилия либо с угрозой его применения, – наказываются...

2. Воспрепятствование деятельности избирательных комиссий, комиссий референдума, деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей, соединенное с обманом, принуждением, применением насилия либо угрозой его применения, а равно неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматической системы Российской Федерации “Выборы”, – наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;
б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, – наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлиявшие на результаты выборов, – наказываются...» (Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 297).

правилам законодательной техники используется тогда, когда единственное число не образует соответствующего состава преступления.

С учетом сделанных оговорок ст. 141 УК РФ можно сформулировать следующим образом:

«Статья 141. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме или работе избирательной комиссии, комиссии референдума

1. Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином Российской Федерации своих избирательных прав или права на участие в референдуме –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Воспрепятствование работе избирательной комиссии или комиссии референдума либо деятельности члена указанной комиссии, связанной с реализацией им своих полномочий, –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

а) путем подкупа;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц по предварительному сговору –

наказывается... (преступление средней тяжести).

4. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

а) путем принуждения;

б) организованной группой, –

наказывается... (тяжкое преступление)».

«Статья ... Вмешательство в осуществление полномочий избирательной комиссии, комиссии референдума, а также в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”

1. Вмешательство лица с использованием своего служебного положения в осуществление полномочий избирательной комиссии или комиссии референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы” –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в части первой или второй настоящей статьи, повлекшее тяжкие последствия в виде введения из строя системы или структурных частей либо искажения сведений об участии в выборах или результатов голосования, –

наказывается... (преступление средней тяжести)».

На наш взгляд, при таком подходе к обрисовке в законе указанных составов преступлений нормы становятся компактнее не в ущерб их правовой определенности.

§ 2. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума

Первоначально (в ред. от 04.07.2003) ч. 1 ст. 141.1 УК РФ предусматривала уголовную ответственность за оказание поддержки помимо средств избирательного фонда в ходе избирательной кампании и при проведении референдума финансовой (материальной), а ч. 2 – за использование незаконно предоставленных финансовых средств и материальных ценностей²⁶⁷.

²⁶⁷ Федеральный закон от 04.07.2003 № 94-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального

Федеральным законом от 21.07.2005 № 93-ФЗ²⁶⁸ в статью внесены существенные изменения. Их необходимость в литературе объясняется тем, что в ходе прошедших избирательных кампаний вскрылись новые формы финансовых правонарушений, не отраженных в законодательстве²⁶⁹.

В литературе обоснованно подчеркивается, что при конструировании анализируемой уголовно-правовой нормы нарушены правила законодательной техники. В связи с этим ст. 141.1 УК РФ стала трудной для восприятия и понимания, представляет собой «казуистические попытки описать ... все возможные случаи нарушения порядка финансирования избирательной кампании и проведения референдума»²⁷⁰. Часть 1 указанной статьи содержит 249 лексических единиц, что, по сути, создает по крайней мере две проблемы: во-первых, перечневый метод, использованный при описании запрета, не дает гарантии, что в процессе применения уголовно-правовой нормы не выявятся новые пробелы, следовательно, финансовые нарушения окажутся за пределами ее действия; во-вторых, уже сейчас у специалистов нет единого представления о том, сколько и какие виды нарушений отражены в ч. 1 ст. 141.1 УК РФ.

Специалистами также обращается внимание на название ст. 141.1 УК РФ, относящееся к комбинированным тематическим заголовкам, т. е. содержащим в себе признаки других заголовков. Подобные типы названий имеют усложненную структуру и, как правило, пониженную воспроизводимость.

закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2708.

²⁶⁸ Федеральный закон от 21.07.2005 № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3104.

²⁶⁹ См.: *Карманов А. Б., Мажора О. И.* Финансирование сбора подписей избирателей политическими партиями, избирательными блоками, кандидатами на должность Президента РФ в 2003–2004 годах и правоприменительная практика судебных органов по привлечению к ответственности за нарушения избирательного законодательства, связанные с изготовлением поддельных подписных листов // Вестник ЦИК РФ. 2005. № 8 (187). С. 259–260; *Степанов И. Н.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о выборах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; и др.

²⁷⁰ *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений. М., 2007. С. 121.

Многословность формулировки указанной нормы отмечают и другие авторы (см., например: *Гаухман Л. Д., Журавлев М. П.* Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40–43).

В частности, указанный заголовок содержит признаки бланкетных и перечневых заголовков, состоит из 18 лексических единиц, является избыточно информативным и трудновоспроизводимым. Назывная функция заголовка в силу его речевой невоспроизводимости трансформируется в графически-выделительную, безразличную для уголовного закона функцию²⁷¹.

Характеристика объекта рассматриваемого преступления, на наш взгляд, страдает всеми теми недостатками, что присущи определению аналогичного элемента состава преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ. Так, утверждается, что непосредственным объектом признается «законный порядок использования финансовой (материальной) поддержки в процессе подготовки и проведения избирательной кампании и референдума»²⁷². Нетрудно заметить, что в этом случае за пределами уголовно-правового запрета остается ряд форм финансовых нарушений (передача средств, внесение пожертвований, выполнение оплачиваемых работ, оказание услуг и т. д.), указанных в уголовно-правовой норме. Недостатки такой трактовки объекта становятся особенно очевидными при его сопоставлении с выделяемым факультативным непосредственным объектом, каковым предлагается считать интересы государственной власти, государственной службы, службы в органах местного самоуправления²⁷³ (в УК РФ они выделены в качестве видового объекта).

Н. Ю. Турищева полагает, что «предусмотренные ст. 141.1 УК РФ деяния посягают не только на избирательные права граждан, но и на нормы избирательного процесса. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании посягает на установленные законом процедуры расходования средств избирательных фондов, на принцип равенства кандидатов, избирательных объединений при осуществлении технологии финансирования избирательной кампании. Таким образом, дополнительным непосредственным объектом

²⁷¹ См. об этом подробно: *Ситникова А. И.* Законодательная текстология уголовного закона // *Lex Russica*. 2017. № 3.

²⁷² *Антонов О. Ю., Багмет А. М., Бычкова Е. И.* Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. С. 71.

²⁷³ Там же.

преступления, предусмотренного ст. 141.1 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации установленного порядка финансирования избирательной кампании, кампании референдума»²⁷⁴.

Во-первых, нормы вообще и нормы избирательного процесса в частности никогда и ни при каких обстоятельствах не могут признаваться объектом преступления, они не терпят и не могут терпеть урон от последнего по определению. Нормы характеризуют то или иное положение с его «внешней» стороны (в уголовном праве в первую очередь относятся к деянию, выступают показателем противоправности соответствующего поведения). Во-вторых, вряд ли можно говорить о том, что рассматриваемым преступлением нарушаются процедуры расходования средств. Согласно толковым словарям, процедура – это официально установленный порядок действий при осуществлении или оформлении какого-либо дела²⁷⁵. В ст. 141.1 УК РФ говорится о расходовании в целях достижения определенного результата на выборах не перечисленных в избирательные фонды денежных средств. Другими словами, речь идет о средствах, которые не поступали в избирательные фонды; следовательно, нарушаются не процедуры расходования, а законодательно установленные правила финансирования (кстати, это отражено и в заголовке статьи).

В-третьих, технология – это совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата; способ преобразования данного в необходимое; совокупность знаний о способах и средствах проведения производственных процессов²⁷⁶. Ничего подобного уголовный закон не имеет в виду.

Кроме указанных позиций в качестве объекта преступления в литературе также указываются:

²⁷⁴ Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 100.

²⁷⁵ См.: Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. М., 2005. С. 813.

²⁷⁶ См.: Словарь иностранных слов в русском языке / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М., 1996. С. 686.

– отношения, обеспечивающие нормальный порядок финансирования участников избирательной кампании²⁷⁷;

– гарантированное Конституцией равноправие граждан на реализацию своего избирательного права или права на участие в референдуме; в этом случае наряду с основным объектом выделяется факультативный объект, в качестве последнего предлагается признавать интересы государственной власти, государственной службы, службы в органах местного самоуправления²⁷⁸;

– право гражданина избирать, быть избранным в выборный орган (законодательное собрание, Государственную Думу и т. д.), право на участие в референдуме²⁷⁹;

– установленный порядок организации избирательного процесса²⁸⁰ и др.

По нашему мнению, объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства при соблюдении принципа их равноправия.

Объективная сторона складывается из ряда альтернативных действий:

1) передача кандидату, избирательному объединению денежных средств в крупных размерах, минуя соответствующий избирательный фонд;

2) расходование не перечисленных в избирательные фонды денежных средств в крупных размерах;

²⁷⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2013. С. 258.

Об установленном порядке финансирования избирательной кампании или кампании референдума также говорится: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. М., 2008; Уголовное право. Общая и Особенные части / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006.

²⁷⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверцова. М., 2007.

²⁷⁹ См.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. В. П. Ревина. М., 2009.

²⁸⁰ См.: Берлявский Л. Г., Тарабан Н. А. Уголовная ответственность за нарушение избирательного законодательства как институт охраны конституционных прав граждан // Российский следователь. 2016. № 6.

3) передача кандидату, избирательному объединению материальных ценностей в крупных размерах без компенсации за счет средств соответствующего избирательного фонда;

4) выполнение оплачиваемых работ, реализация товаров, оказание платных услуг, прямо или косвенно связанных с выборами, осуществленные в крупных размерах без оплаты из соответствующего избирательного фонда или с оплатой из соответствующего избирательного фонда по необоснованно заниженным расценкам²⁸¹;

5) передача инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума денежных средств в крупных размерах, минуя соответствующий фонд референдума;

6) расходование не перечисленных в фонды референдума денежных средств в крупных размерах;

7) передача инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума материальных ценностей в крупных размерах без компенсации за счет средств соответствующего фонда референдума;

8) выполнение оплачиваемых работ, реализация товаров, оказание платных услуг, прямо или косвенно связанных с референдумом и направленных на выдвижение инициативы проведения референдума, осуществленные в крупных размерах без оплаты из соответствующего фонда референдума или с оплатой из соответствующего фонда референдума по необоснованно заниженным расценкам;

9) внесение пожертвований в крупных размерах в избирательный фонд, фонд референдума через подставных лиц.

²⁸¹ Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила решение Самарского областного суда, которым признана законной отмена регистрации кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации за использование средств помимо избирательного фонда. За изготовление агитационной печатной продукции М. рассчитался наличными денежными средствами, которые ранее были сняты со специального избирательного счета этого кандидата, а не привлечены из других источников. Судебная коллегия Верховного Суда РФ пришла к выводу, что при таких обстоятельствах избирательное законодательство не было нарушено (см.: Вестник ЦИК России. 2002. № 1. С. 61).

Финансовое обеспечение подготовки и проведения выборов и референдума регулируется гл. VIII Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Согласно ч. 1 ст. 57 данного закона, «расходы, связанные с подготовкой и проведением выборов соответствующего уровня в Российской Федерации, эксплуатацией и развитием средств автоматизации и обучением организаторов выборов и избирателей, производятся избирательными комиссиями за счет средств, выделенных на эти цели из соответствующего бюджета (федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета). Финансирование указанных расходов осуществляется в соответствии с утвержденной бюджетной росписью о распределении расходов соответствующего бюджета...» Расходы, связанные с проведением референдума РФ, производятся за счет средств, выделенных из федерального бюджета на указанные цели в порядке и сроки, установленные Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации». Иные референдумы проводятся за счет средств, выделенных, соответственно, из бюджета субъекта РФ и местного бюджета.

Кандидаты²⁸² и инициативная группа по проведению референдума обязаны создавать собственные избирательные фонды, соответственно, для финансирования своей избирательной кампании и деятельности по выдвижению инициативы проведения референдума, организации сбора подписей в поддержку этой инициативы, а также деятельности, направленной на получение определенного результата на референдуме²⁸³. Предельный размер расходования средств фонда

²⁸² Согласно ст. 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», при проведении выборов в органы местного самоуправления создание кандидатом избирательного фонда необязательно при условии, что число избирателей в избирательном округе не превышает пяти тысяч и финансирование кандидатом своей избирательной кампании не производится. В этом случае последний уведомляет соответствующую избирательную комиссию об указанных обстоятельствах.

²⁸³ Законом субъекта РФ может быть установлено, что при выдвижении инициативы проведения местного референдума при определенном числе его участников на территории соответствующего муниципального образования (не более пяти тысяч) создание инициативной

референдума, источники его формирования и предельный размер пожертвований и перечислений в фонд референдума устанавливается законом.

Надо иметь в виду, что кандидаты, баллотирующиеся только в составе списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением, не вправе создавать собственные избирательные фонды.

Кандидаты имеют право (в случаях, установленных законом, – обязаны²⁸⁴), избирательные объединения, инициативная группа по проведению референдума обязаны назначать уполномоченных представителей по финансовым вопросам²⁸⁵.

Избирательные фонды кандидатов, избирательных объединений могут создаваться за счет:

- а) собственных средств кандидата, избирательного объединения;
- б) средств, выделенных кандидату выдвинувшим его избирательным объединением;
- в) добровольных пожертвований граждан;
- г) добровольных пожертвований юридических лиц.

группой фонда необязательно при условии, что ею не производится финансирование подготовки и проведения референдума.

²⁸⁴ Например, в соответствии со ст. 59 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации», кандидат обязан назначить уполномоченных представителей по финансовым вопросам и передать ему следующие полномочия:

- 1) открытие специального избирательного счета;
- 2) распоряжение средствами избирательного фонда;
- 3) учет денежных средств избирательного фонда;
- 4) контроль за поступлением и расходованием средств избирательного фонда;
- 5) право подписи на расчетных документах.

Кандидат имеет право передать своему уполномоченному представителю по финансовым вопросам и другие полномочия.

По этому вопросу также см.: Постановление ЦИК России от 11.10.2017 № 105/874-7 «О Разъяснениях порядка регистрации уполномоченных представителей по финансовым вопросам кандидатов на должность Президента Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2017. № 10; постановление ЦИК России от 22.11.2017 № 111/913-7 «О Перечне и формах документов, представляемых кандидатами, уполномоченными представителями политических партий в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2017. № 11.

²⁸⁵ См.: Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» (ст. 49); Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (в ред. от 14.03.2022) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ст. 38) // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740 ; 2022. № 12. Ст. 1787.

Запрещается вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений, в фонды референдума:

- а) иностранным государствам и иностранным организациям;
- б) иностранным гражданам²⁸⁶;
- в) лицам без гражданства;
- г) гражданам Российской Федерации, не достигшим возраста 18 лет на день голосования (при проведении референдума – на день внесения пожертвования);
- д) российским юридическим лицам с иностранным участием, если доля (вклад) иностранного участия в их уставном (складочном) капитале превышает 30 % на день официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов, на день начала кампании референдума (для открытых акционерных обществ – на день составления списка лиц, имеющих право участвовать в годовом общем собрании акционеров за предыдущий финансовый год);
- е) международным организациям и международным общественным движениям;
- ж) органам государственной власти, иным государственным органам, органам местного самоуправления;
- з) государственным и муниципальным учреждениям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям;

²⁸⁶ Согласно п. 10 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме гражданина Российской Федерации», на основании международных договоров РФ и в порядке, установленном законом, иностранные граждане, постоянно проживающие на территории соответствующего муниципального образования, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, участвовать в иных избирательных действиях на указанных выборах, а также участвовать в местном референдуме на тех же условиях, что и граждане РФ. Следовательно, на данных лиц указанный запрет не распространяется.

По этому вопросу также см.:

1) Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ст. 12) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032 ; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5102.

2) Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 3) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 ; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 61.

и) юридическим лицам, в уставном (складочном) капитале которых доля (вклад) Российской Федерации, субъектов РФ и (или) муниципальных образований превышает 30 % на день официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов, на день начала кампании референдума (для открытых акционерных обществ – на день составления списка лиц, имеющих право участвовать в годовом общем собрании акционеров за предыдущий финансовый год);

к) организациям, учрежденным государственными органами и (или) органами местного самоуправления (за исключением акционерных обществ, учрежденных в порядке приватизации); организациям, учрежденным юридическими лицами, указанными в п. «д» и «и»; организациям, имеющим в своем уставном (складочном) капитале долю (вклад) юридических лиц, указанных в п. «д» и «и», превышающую (превышающий) 30 % на день официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов, на день начала кампании референдума (для открытых акционерных обществ – на день составления списка лиц, имеющих право участвовать в годовом общем собрании акционеров за предыдущий финансовый год);

л) воинским частям, военным учреждениям и организациям, правоохранительным органам;

м) благотворительным и религиозным организациям, а также учрежденным ими организациям;

н) анонимным жертвователям²⁸⁷.

о) юридическим лицам, зарегистрированным менее чем за один год до дня голосования на выборах, до дня начала кампании референдума, а также некоммерческим организациям, выполняющим функции иностранного агента;

²⁸⁷ Под анонимным жертвователем понимается: 1) гражданин, который не указал в платежном документе на внесение пожертвования фамилию, имя и отчество, адрес места жительства или указал недостоверные сведения; 2) юридическое лицо, о котором в платежном документе на внесение пожертвования не указаны идентификационный номер налогоплательщика, наименование, банковские реквизиты или указаны недостоверные сведения.

п) некоммерческим организациям, получавшим в течение года, предшествующего дню внесения пожертвования в избирательный фонд, фонд референдума, денежные средства либо иное имущество от:

– иностранных государств, а также от указанных в п. «а» – «г», «е» – «з», «л» – «о» органов, организаций или физических лиц;

– российских юридических лиц с иностранным участием, если доля (вклад) иностранного участия в их уставном (складочном) капитале превышала (превышал) 30 % на день перечисления этих денежных средств либо передачи иного имущества (для открытых акционерных обществ – на день составления списка лиц, имеющих право участвовать в годовом общем собрании акционеров за предыдущий финансовый год);

– юридических лиц, в уставном (складочном) капитале которых доля (вклад) Российской Федерации, субъектов РФ и (или) муниципальных образований превышала (превышал) 30 % на день перечисления этих денежных средств либо передачи иного имущества (для открытых акционерных обществ – на день составления списка лиц, имеющих право участвовать в годовом общем собрании акционеров за предыдущий финансовый год);

– организаций, учрежденных государственными органами и (или) органами местного самоуправления (за исключением акционерных обществ, учрежденных в порядке приватизации);

– организаций, учрежденных юридическими лицами, указанными в абзацах третьем и четвертом настоящего пункта;

– организаций, в уставном (складочном) капитале которых доля (вклад) юридических лиц, указанных в абзацах третьем и четвертом настоящего пункта, превышала (превышал) 30 % на день перечисления этих денежных средств либо передачи иного имущества (для открытых акционерных обществ – на день составления списка лиц, имеющих право участвовать в годовом общем собрании акционеров за предыдущий финансовый год).

Таким образом, в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме гражданина Российской Федерации»

Федерации» (ст. 58) подробно указаны организации и физические лица, которые могут и которым запрещено принимать участие в создании избирательных фондов и фондов референдума. Из этого положения необходимо исходить при оценке деяний, предусмотренных ст. 141.1 УК РФ.

Законом устанавливаются предельные размеры перечисляемых в избирательные фонды собственных средств кандидата, избирательного объединения, средств, выделенных кандидату выдвинувшим его избирательным объединением, добровольных пожертвований граждан и юридических лиц, а также предельные размеры расходования средств избирательных фондов²⁸⁸. Допускается увеличение до 20 % предельных размеров расходования средств избирательного фонда зарегистрированных кандидатов, включенных в избирательный бюллетень при повторном голосовании.

Кандидат, выдвинутый одновременно в нескольких избирательных округах на разных выборах, если эти выборы проводятся на одной и той же территории либо на территориях, одна из которых включена в другую, создает соответствующее количество избирательных фондов, однако предельные размеры расходования средств этих избирательных фондов исчисляются в совокупности, по наибольшему из указанных предельных размеров.

Все денежные средства, образующие избирательный фонд, фонд референдума, перечисляются на специальный избирательный счет, специальный счет фонда референдума, открытый с разрешения соответствующей комиссии кандидатом либо его уполномоченным представителем по финансовым вопросам, уполномоченным представителем по финансовым вопросам избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума в филиале Публичного акционерного общества «Сбербанк России», а при его отсутствии на территории избирательного округа, округа референдума (при проведении муниципальных выборов, местного референдума – при его отсутствии

²⁸⁸ См., например: Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» (ст. 48); Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ст. 71); Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» (ст. 58).

на территории соответствующего муниципального района, городского округа) – в другой кредитной организации, расположенной на территории избирательного округа, округа референдума, муниципального района, городского округа. При отсутствии на территории кредитных организаций кандидат, избирательное объединение, инициативная группа по проведению референдума определяют по согласованию с соответствующей комиссией кредитную организацию, в которой открывается специальный избирательный счет, специальный счет фонда референдума. На выборах органов местного самоуправления сельских поселений законом субъекта РФ может быть предусмотрено создание избирательного фонда кандидата без открытия специального избирательного счета в случае, если расходы на финансирование избирательной кампании кандидата не превышают пяти тысяч рублей. В этом случае избирательный фонд создается только за счет собственных средств кандидата.

При проведении выборов в федеральные органы государственной власти, референдума Российской Федерации порядок открытия, ведения и закрытия указанных счетов устанавливается Центральной избирательной комиссией РФ по согласованию с Центральным банком России. При проведении выборов в органы государственной власти субъектов РФ, в органы местного самоуправления, референдума субъекта РФ, местного референдума порядок открытия, ведения и закрытия указанных счетов устанавливается соответствующей избирательной комиссией субъекта РФ по согласованию с территориальным учреждением Центрального банка России в соответствующем субъекте РФ.

Право распоряжаться средствами избирательных фондов, фондов референдума принадлежит создавшим их кандидатам, избирательным объединениям, инициативной группе по проведению референдума, иным группам участников референдума.

Средства имеют целевое назначение, могут использоваться только на покрытие расходов, связанных с проведением избирательной кампании; средства фондов референдума – инициативной группой только для деятельности,

направленной на выдвижение инициативы проведения референдума, сбор подписей в поддержку этой инициативы и получение определенного результата на референдуме, а иными группами участников референдума – только для деятельности, направленной на получение определенного результата на референдуме.

В частности, они могут расходоваться на:

а) финансовое обеспечение организационно-технических мер, направленных на сбор подписей избирателей, участников референдума в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов, инициативы проведения референдума, в том числе на оплату труда лиц, привлекаемых для сбора подписей избирателей, участников референдума;

б) предвыборную агитацию, агитацию по вопросам референдума, а также на оплату работ (услуг) информационного и консультационного характера;

в) оплату других работ (услуг), выполненных (оказанных) гражданами или юридическими лицами, а также на покрытие иных расходов, непосредственно связанных с проведением кандидатами, избирательными объединениями своей избирательной кампании, инициативной группой по проведению референдума своей деятельности, направленной на выдвижение инициативы проведения референдума, сбор подписей в поддержку этой инициативы и получение определенного результата на референдуме, иными группами участников референдума своей деятельности, направленной на получение определенного результата на референдуме.

Договоры (соглашения) с гражданами и юридическими лицами о выполнении определенных работ (об оказании услуг), связанных с избирательной кампанией кандидата, избирательного объединения, с кампанией референдума, заключаются лично кандидатом либо его уполномоченным представителем по финансовым вопросам, уполномоченным представителем по финансовым вопросам избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума. Расчеты между кандидатом, избирательным объединением, инициативной группой

по проведению референдума, иной группой участников референдума и юридическими лицами за выполнение указанных работ (оказание услуг) в целом осуществляются только в безналичном порядке.

Расходование в целях достижения определенного результата на выборах, референдуме денежных средств, не перечисленных в избирательные фонды, фонды референдума, запрещается. Не допускается без документально подтвержденного согласия кандидата или его уполномоченного представителя по финансовым вопросам, уполномоченного представителя по финансовым вопросам избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума и без оплаты из соответствующего избирательного фонда, фонда референдума выполнение оплачиваемых работ, реализация товаров, оказание платных услуг, прямо или косвенно связанных с выборами, референдумом и направленных на достижение определенного результата на выборах, на выдвижение инициативы проведения референдума, получение определенного результата на референдуме. Запрещаются бесплатные или по необоснованно заниженным (завышенным) расценкам выполнение работ, оказание услуг, реализация товаров юридическими лицами, их филиалами, представительствами и иными подразделениями, прямо или косвенно связанных с выборами, референдумом и направленных на достижение определенного результата на выборах, на выдвижение инициативы проведения референдума, получение определенного результата на референдуме. Материальная поддержка кандидата, избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума, направленная на достижение определенного результата на выборах, референдуме, может быть оказана только при ее компенсации за счет средств соответствующего избирательного фонда, фонда референдума. Допускаются добровольное бесплатное личное выполнение гражданином работ, оказание услуг по подготовке и проведению выборов, референдума без привлечения третьих лиц.

Кандидаты, избирательные объединения, инициативная группа по проведению референдума вправе использовать на оплату организационно-технических мероприятий по сбору подписей избирателей, участников

референдума, а также на проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума, на осуществление другой деятельности, направленной на достижение определенного результата на выборах, референдуме, только денежные средства (в том числе собственные денежные средства избирательного объединения), поступившие в их избирательные фонды, фонды референдума в установленном законом порядке.

Избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов, вправе для целей своей избирательной кампании использовать без оплаты из средств своего избирательного фонда недвижимое и движимое имущество (за исключением ценных бумаг, печатной продукции и расходных материалов), находящееся в его пользовании (в том числе на правах аренды) на день официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов.

Кредитная организация, в которой открыт специальный избирательный счет, специальный счет фонда референдума, по требованию соответствующей комиссии, кандидата, избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума обязана периодически предоставлять им информацию о поступлении и расходовании средств, находящихся на избирательном счете данного кандидата, избирательного объединения, специальном счете фонда референдума инициативной группы по проведению референдума. Кредитная организация, в которой открыт специальный избирательный счет, специальный счет фонда референдума, по представлению соответствующей комиссии, а по соответствующему избирательному фонду, фонду референдума также по требованию кандидата, избирательного объединения, инициативной группы по проведению референдума обязана в трехдневный срок, т. е. за три дня до дня голосования, немедленно представить заверенные копии первичных финансовых документов, подтверждающих поступление и расходование средств избирательных фондов, фондов референдума.

Таким образом, законодательство о выборах и референдуме достаточно обстоятельно регламентирует вопросы финансирования избирательной кампании

и кампании референдума. Следовательно, законодатель, формулируя уголовно-правовую норму, вполне обоснованно может воспользоваться таким приемом законодательной техники, как бланкетный способ отражения уголовно-правового запрета. При этом для снижения уровня бланкетности он может указать в норме следующие криминообразующие признаки: во-первых, финансовые нарушения, обусловленные с незаконной поддержкой соответствующего лица (избирательного блока и т. д.); во-вторых, финансовые нарушения, связанные с расходованием средств избирательных фондов и фондов референдума; в-третьих, цель как конститутивный признак состава преступления – достижение желаемого результата на выборах или референдуме.

Крупный размер, о котором говорится в ст. 141.1 УК РФ, определен в примечании к данной статье. Крупным признается размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда соответствующего кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдумах на момент совершения деяния, но при этом составляет не менее одного миллиона рублей. Однако, как обоснованно указывает Н. Ю. Турищева, это обстоятельство фактически ограничивает сферу действия уголовного закона лишь федеральными выборами, поскольку на региональных выборах одна десятая предельной суммы расходов не достигает указанной нижней границы. Автор предлагает нижний предел ограничить 250 тыс. руб. исходя из примечания к ст. 158 УК РФ²⁸⁹. Вряд ли легальное толкование рассматриваемого понятия, данное применительно к хищениям, приложимо к оценке хотя и одноименного признака, но характеризующего преступление, посягающее не на собственность, а на совершенно иные общественные отношения.

²⁸⁹ См.: Турищева Н. Ю. К вопросу о нарушении порядка финансирования избирательной кампании, кампании референдума: перспективы совершенствования законодательного описания // Российский судья. 2008. № 4. С. 37.

Некоторыми авторами высказывалось мнение о целесообразности отмены нижнего предела крупного размера²⁹⁰. К сожалению, в этом случае теряется нормативная определенность признака, появляются неустранимые коллизии с нормами КоАП РФ²⁹¹.

В КоАП РФ предусмотрено несколько административно-правовых деликтов, связанных с нарушением законодательства РФ о выборах и референдуме:

1) статья 5.18 предусматривает ответственность за незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума;

2) статья 5.19 – за использование незаконной материальной поддержки при финансировании избирательной кампании, кампании референдума;

3) статья 5.20 – за незаконное финансирование избирательной кампании, кампании референдума, оказание запрещенной законом материальной поддержки, связанных с проведением выборов, референдума, выполнение работ, оказание услуг, реализация товаров по необоснованно заниженным (завышенным) расценкам.

В административно-правовых нормах, содержащих описание указанных правонарушений, размер материальной поддержки не назван. Не упоминается он и в Рекомендациях по некоторым вопросам применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях избирательными комиссиями, утвержденных протоколом ЦИК России от 27 сентября 2006 г. № 187-4-4²⁹².

²⁹⁰ См.: *Елисеева Т. Н.* Некоторые новеллы уголовного законодательства об ответственности за нарушение порядка финансирования избирательной кампании // *Российский следователь*. 2007. № 16. С. 19.

²⁹¹ *Е. А. Бабай* пишет: «Если из дефиниции крупного размера в ст. 141.1 УК РФ исключить вообще понятие нижней границы такого размера, то пределы преступного поведения будут устанавливаться не законом, а конкретным правоприменителем. Получится, что при проведении различных выборов правоприменитель сам будет устанавливать размер преступных нарушений в зависимости от размера избирательного фонда» (*Бабай Е. А.* Юридическая ответственность политических партий за нарушения законодательства о финансировании их избирательных кампаний // *Современное право*. 2010. № 9. С. 38).

²⁹² СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

При отсутствии законодательного определения размера незаконной материальной поддержки избирательной кампании, кампании референдума априори можно предположить, что в судебной практике нижняя граница крупного размера, указанного в ст. 141.1 УК РФ, будет подвижной; исходя из судебного усмотрения, пределы крупного размера будут сужаться или, наоборот, расширяться²⁹³. По нашему мнению, крупный размер, будучи оценочным понятием, должен трактоваться различно в зависимости от уровня выборов: для выборов и референдума федерального уровня приемлемым является его толкование, содержащееся в примечании к ст. 141.1 УК РФ; для выборов иного уровня – нижний предел крупного размера, исходя из избирательных фондов, может быть определен в 150 тысяч рублей.

В ч. 2 ст. 141.1 УК РФ, по сути, предусмотрено самостоятельное преступление; деяние хотя и генетически связано с преступлением, указанным в ч. 1 этой статьи, но отличается своей сущностью. Оно заключается:

1) в использовании в крупных размерах помимо средств соответствующего избирательного фонда финансовой (материальной) поддержки для проведения избирательной кампании кандидата, избирательного объединения кандидатом, его уполномоченным представителем по финансовым вопросам, уполномоченным представителем по финансовым вопросам избирательного объединения;

2) в использовании в крупных размерах помимо средств соответствующего фонда референдума финансовой (материальной) поддержки для выдвижения инициативы проведения референдума, получения определенного результата на референдуме уполномоченным представителем по финансовым вопросам инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума;

²⁹³ См. подробно: Кузнецов А., Изосимов С., Бокова И. Стоимостные критерии в примечаниях главы 22 УК РФ // Уголовное право. 2002. № 3. С. 34.

3) в расходовании в крупных размерах пожертвований, запрещенных законодательством о выборах и референдумах и перечисленных на специальный избирательный счет, специальный счет фонда референдума²⁹⁴.

Указанные деяния корреспондируются с деяниями, указанными в ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, составляя дихотомическую связку. Их содержание, а также размер необходимо устанавливать с учетом данного обстоятельства.

В русском языке отглагольное существительное «использование» (синонимы: употребление, эксплуатация, потребление, утилизация, расходование, оборот, рекуперация, пользование и др.) означает применение чего-либо (кого-либо) в определенных целях; расходование (синонимы: потребление, трата, затрата, издержки и др.) – употребление²⁹⁵. Следовательно, в законе речь идет о расходовании средств, полученных в нарушение законодательства о выборах и референдуме. Кроме того, по мысли законодателя, использование и расходование означают разные по смыслу деяния, но слова «использование» и «расходование», которыми они обозначаются, являются синонимами, принадлежат к одной и той же части речи, имеют похожее лексическое значение. В связи с этим можно утверждать, что законодателем нарушено одно из важных правил законодательной техники: нельзя одно и то же обозначать в норме разными словами либо придавать последним одинаковое лексическое значение.

Субъективная сторона преступлений, указанных в ч. 1 и 2 ст. 141.1 УК РФ, в литературе, по сути, трактуется одинаково: вина характеризуется прямым умыслом. Это обусловлено тем, что имеют место формальный состав преступления и специальная цель (по законодательной формулировке – достижение определенного результата).

Сложнее обстоит дело с определением субъекта рассматриваемого преступления, причем устанавливать его надо отдельно как по ч. 1 (а в рамках этой части – исходя из источника незаконного финансирования избирательной

²⁹⁴ Характеристику указанных деяний подробно см.: *Климова Ю. Н.* Нарушение порядка финансирования избирательной кампании: анализ объективной стороны преступления // *Налогов.* 2010. № 1. С. 15–19.

²⁹⁵ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 248, 657.

кампании) и ч. 2 ст. 141.1 УК РФ. Например, согласно законодательству о выборах и референдуме, как уже указывалось, запрещается вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений, в фонды референдума иностранным государствам и иностранным организациям, иностранным гражданам, лицам без гражданства, гражданам Российской Федерации, не достигшим возраста 18 лет на день голосования (при проведении референдума – на день внесения пожертвования). Следовательно, кроме установления общеобязательных признаков субъекта преступления (вменяемости и достижения возраста 16 лет) необходимо, чтобы лицо характеризовалось наличием иностранного гражданства либо отсутствием гражданства вообще, не достигло возраста 18 лет и т. д.

В ряде случаев ответственность по ч. 1 ст. 141.1 УК РФ может нести лишь специальный субъект – должностное лицо (примечание к ст. 285 УК РФ) или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ).

Таким образом, утверждение о том, что субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, является общим, в целом верно, но применительно к конкретному виду незаконного финансирования требует уточнения и конкретизации²⁹⁶.

Относительно преступления, отраженного в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ, в литературе высказано одно мнение: уголовно-правовая норма предусматривает уголовную ответственность специального субъекта. Причем его необходимо определять исходя из законодательства о выборах и референдуме. В законе выделено несколько групп лиц, имеющих право распоряжаться средствами избирательного фонда: 1) кандидат; 2) уполномоченный представитель кандидата по финансовым вопросам; 3) уполномоченный представитель по финансовым вопросам избирательного объединения; 4) уполномоченный представитель по финансовым вопросам инициативной группы по проведению референдума;

²⁹⁶ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. В. Малиновский ; науч. ред. А. И. Чучаев. М., 2015. С. 440.

5) уполномоченный представитель по финансовым вопросам иной группы лиц по проведению референдума. Их понятия раскрываются в законодательстве о выборах и референдуме.

Так, согласно п. 35 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации», под кандидатом понимается лицо, выдвинутое в установленном порядке в качестве претендента на замещаемую посредством прямых выборов должность или на членство в органе (палате органа) государственной власти или органа местного самоуправления либо зарегистрированное соответствующей избирательной комиссией в качестве кандидата (зарегистрированный кандидат).

Понятие уполномоченного по финансовым вопросам уже было рассмотрено. Согласно законодательству, как указывалось, он обязателен для избирательного объединения, т. е. политической партии, имеющей в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ (в ред. от 14.03.2022) «О политических партиях»²⁹⁷ право участвовать в выборах соответствующего уровня²⁹⁸ (п. 25 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации» инициативная группа по проведению референдума – это группа участников референдума, образуемая в порядке и на срок, которые устанавливаются законодательством РФ, в целях проведения агитации по вопросам референдума (п. 6 ст. 4). Под иной группой лиц по проведению

²⁹⁷ Согласно ст. 36 Федерального закона «О политических партиях», политические партии являются единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и иные выборные должности в органах государственной власти (СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950 ; 2022. № 12. Ст. 1787).

²⁹⁸ При проведении выборов депутатов представительных органов муниципальных образований по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам, глав муниципальных образований избирательным объединением является также иное общественное объединение, устав которого предусматривает участие в выборах и которое создано в форме общественной организации либо общественного движения и зарегистрировано в соответствии с Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях» на уровне, соответствующем уровню выборов, или на более высоком уровне, или соответствующее структурное подразделение указанного общественного объединения.

референдума следует понимать инициативную агитационную группу, т. е. группу участников референдума, образуемую в порядке и на срок, предусмотренные законодательством РФ, в целях проведения соответствующей агитации. Согласно указанному Федеральному конституционному закону, эта группа также должна иметь уполномоченного по финансовым вопросам.

В литературе предлагаются разные варианты суброгации уголовно-правовой нормы²⁹⁹. Например, Н. Ю. Турищева считает целесообразным изложить ст. 141.1 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 141.1. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума

1. Незаконное оказание финансовой (материальной) поддержки в крупном размере кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума в целях достижения определенного результата на выборах, референдуме –

наказывается...

2. Незаконное использование финансовой (материальной) поддержки в крупном размере кандидатом, представителем избирательного объединения, членом или представителем инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума в целях достижения определенного результата на выборах, референдуме –

наказывается...

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признаются размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдумах

²⁹⁹ См., например: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 178; и др.

на момент совершения деяния, но при этом составляет не менее двухсот пятидесяти тысяч рублей»³⁰⁰.

В целом соглашаясь с моделью ст. 141.1 УК РФ, предложенной Н. Ю. Турищевой, считаем необходимым, как уже говорилось, снизить уровень бланкетности, указав в качестве криминообразующих признаков ряд обстоятельств, кроме того, привести название статьи в соответствие с ее содержанием. В этом случае в целом ее можно представить в следующем виде:

«Статья 141.1. Незаконное финансирование избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума и использование ими незаконной материальной поддержки

1. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме оказание материальной поддержки в крупном размере кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме использование материальной поддержки в крупном размере кандидатом, представителем избирательного объединения, членом или представителем инициативной группы по проведению референдума, иной группы референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств

³⁰⁰ Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 182.

избирательного фонда кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдуме на момент совершения деяния, но при этом составляет не менее одного миллиона рублей при проведении федеральных выборов и референдума³⁰¹, не менее 150 тысяч рублей – при проведении других выборов и референдума».

Кратко резюмируем изложенное.

1. Объектом преступления, предусмотренного ст. 141.1 УК РФ, являются общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства при соблюдении принципа их равноправия.

2. В законодательство о выборах и референдуме всесторонне и детально регламентируются вопросы финансирования избирательной кампании и кампании референдума. Исходя из этого законодатель, формулируя уголовно-правовую норму, может отразить суть уголовно-правового запрета, применив бланкетный способ описания диспозиции нормы, а для снижения уровня бланкетности – такие криминообразующие признаки, как:

во-первых, финансовые нарушения, обусловленные с незаконной поддержкой соответствующего лица (избирательного блока и т. д.);

во-вторых, финансовые нарушения, связанные с расходованием средств избирательных фондов и фондов референдума;

в-третьих, цель как конститутивный признак состава преступления – оказание влияния на результаты выборов или референдума.

Кроме того, по мысли законодателя, термины «использование» и «расходование» в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ означают разные по смыслу деяния, но слова, которыми они обозначаются, являются синонимами. В связи с этим

³⁰¹ М. М. Какителашвили этот размер считает завышенным, предлагая признавать таковым сумму, равную 5 % от предельного размера расходования средств избирательного фонда или превышения предельного размера расходования средств избирательного фонда более чем на 5 % (см.: *Какителашвили М. М. К вопросу об основаниях привлечения к уголовной ответственности за нарушения порядка финансирования избирательных кампаний // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 52).*

можно утверждать, что законодателем нарушено одно из важных правил законодательной техники: нельзя одно и то же обозначать в норме разными словами либо придавать последним одинаковое лексическое значение.

В окончательном виде рассматриваемую статью можно сформулировать следующим образом:

«Статья 141.1. Незаконное финансирование избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума и использование ими незаконной материальной поддержки

1. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме оказание материальной поддержки в крупном размере кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме использование материальной поддержки в крупном размере кандидатом, представителем избирательного объединения, членом или представителем инициативной группы по проведению референдума, иной группы референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдуме на момент совершения деяния, но при этом составляет не менее одного миллиона рублей при проведении федеральных выборов и референдума, не менее 150 тысяч рублей – при проведении других выборов и референдума».

§ 3. Фальсификация избирательных документов, документов референдума

По разным данным, преступление, предусмотренное ст. 142 УК РФ, в общей структуре преступлений против избирательных прав составляет около 65 %³⁰². Одно это обстоятельство, по нашему мнению, свидетельствует о социальной обусловленности уголовно-правового запрета, общественной опасности деяния, грубо нарушающего условия легальности и легитимности государственной власти. Однако в правоприменительной практике уголовные дела встречаются довольно редко, что обусловлено рядом обстоятельств, в том числе правовой неопределенностью ряда признаков состава преступления³⁰³.

Конструкция ст. 142 УК РФ специфична: все три ее части содержат самостоятельные составы преступлений:

в ч. 1 говорится о фальсификации избирательных документов, документов референдума, если это деяние совершено членом избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем;

в ч. 2 – о подделке подписей избирателей, участников референдума в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением, инициативы проведения референдума или заверении заведомо подделанных подписей (подписных листов), совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной

³⁰² См., например: *Кабанов П. А.* Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (1990–2007 гг.): криминологическая характеристика и краткосрочный прогноз // *Следователь.* 2009. № 1. С. 47.

³⁰³ См., например: *Дамм М. А.* К вопросу о субъекте фальсификации избирательных документов, документов референдума // *Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью.* 2009. № 1 (17). С. 30–34.

На это же обстоятельство обращают внимание и другие ученые. См., например: *Князев С. Д.* Российское избирательное право. Владивосток, 2001. С. 434.

группой либо соединенные с подкупом, принуждением, применением насилия или угрозой его применения, а также с уничтожением имущества или угрозой его уничтожения, либо повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства;

в ч. 3 – о незаконном изготовлении, хранении либо перевозке незаконно изготовленных избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме, открепительных удостоверений.

Данное обстоятельство необходимо учитывать при характеристике объекта указанных преступлений, который, хотя и в деталях, но отличается в зависимости от закрепленного в уголовно-правовой норме деяния, а главное – субъекта преступления. В литературе этому не придается значения, в связи с чем содержание объекта унифицируется применительно ко всем трем деяниям. Так, Н. Ю. Турищева считает, что преступление, предусмотренное ст. 142 УК РФ, посягает «на общественные отношения, складывающиеся *в процессе* изготовления избирательных документов (курсив наш. – А. Д.)»³⁰⁴. Несложно представить, что в процессе указанной деятельности складываются сотни (если не более) различных по своей сути общественных отношений, однако не все они, разумеется, поставлены под охрану уголовного закона. Одним словом, такая трактовка непосредственного объекта рассматриваемого преступления не позволяет вычленить те отношения, которые действительно нарушаются при совершении деяния, предусмотренного ст. 142 УК РФ. Кроме того, материальный подлог совершается только после изготовления любого документа, а не только избирательного.

Крайне неудачной является определение непосредственного объекта преступления, предложенное О. Ю. Антоновым, А. М. Багметом и Е. И. Бычковой. Во-первых, авторы выделяют основной, факультативные и непосредственные объекты, при этом не разъясняя соотношения между ними.

³⁰⁴ Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 100.

Во-вторых, под основным объектом они понимают «конституционное право гражданина на реализацию своего избирательного права (права на участие в референдуме)»; под факультативными – «установленную законом деятельность избирательной комиссии или комиссии референдума, неприкосновенность личности, чужую собственность, интересы государственной власти, государственной службы, службы в органах местного самоуправления»; непосредственным – «избирательное право, право на участие в референдуме»³⁰⁵. Как нам представляется, при данном соотношении указанных объектов нарушается их соотношение как таковых; непонятно, как в этом случае соотносятся основной и непосредственный объекты. Согласно общепризнанному в теории положению, непосредственный объект может быть основным, дополнительным или факультативным, поэтому основной и непосредственный объекты не могут противопоставляться друг другу. Вызывает возражение и их наполнение конкретным содержанием. Например, трудно представить, как при фальсификации избирательных документов может быть нарушена неприкосновенность личности или, скажем, чужая собственность. Непосредственный объект преступления, будучи, по сути, более узким понятием в характеристике объекта, в интерпретации авторов охватывает избирательное право вообще и право на участие в референдуме.

М. А. Лакехин вообще считает, что место нормы о данном преступлении определено законодателем неверно. Деяние, по его мнению, относится к числу преступлений против порядка управления, так как оно посягает на утвержденный регламент ведения официальной документации³⁰⁶. С таким утверждением

³⁰⁵ Антонов О. Ю., Багмет А. М., Бычкова Е. И. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. С. 87.

³⁰⁶ См.: Лакехин М. А. Проблемы криминализации фактов фальсификации избирательных документов, документов референдума и итогов голосования // Современное право. 2016. № 5. С. 96.

Вероятно, такая трактовка автором объекта преступления обусловлена тем, что он видит противоречие между названием ст. 142 УК РФ и деянием, указанным в ее ч. 3, а также отсутствием обобщенного понятия избирательных документов в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

согласиться достаточно сложно, поскольку автор не учитывает сферу общественных отношений, в которой используются документы, указанные в ст. 142 УК РФ.

По нашему мнению, объектом преступления, предусмотренного ст. 142 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов. Факультативным объектом следует признавать нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума.

С учетом сложного характера объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ, факультативный объект представлен более широко: им могут быть отношения, характеризующие: а) нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума; б) здоровье (как физическое, так и психическое) личности; в) собственность; г) иные права и законные интересы граждан, охраняемые законом интересы организаций и государства.

Диспозиция уголовно-правовой нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 142 УК РФ, является бланкетной, для уяснения содержания ряда признаков следует обратиться к законодательству, регламентирующему выборы (избирательный процесс) и проведение референдума.

В законе выделен предмет преступления: 1) избирательные документы; 2) документы референдума.

Законодатель указывает лишь на их видовые признаки. Криминалистами предпринимаются попытки установить перечень этих документов или конкретизировать их понятия. Если отвлечься от нюансов, то все предложенные в литературе варианты подходов к определению предмета преступления можно свести в две группы. Представители первой из них при характеристике указанного признака ограничиваются простым перечислением документов, которые можно отнести к числу избирательных или документов по проведению

референдума: списки избирателей, подписные листы, избирательные бюллетени и т. д.³⁰⁷ Как правило, перечень документов в этом случае определяется исходя из Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В ст. 30 закона упоминаются наиболее важные документы, при осуществлении работы с которыми могут присутствовать кандидаты, доверенные лица, наблюдатели:

- 1) списки избирателей, участников референдума;
- 2) избирательные бюллетени, бюллетени для голосования на референдуме;
- 3) открепительные удостоверения;
- 4) протоколы избирательных комиссий об итогах голосования, результатах выборов, референдума;
- 5) другие документы.

Однако надо иметь в виду, что в указанном законе дан открытый перечень документов, к тому же они в нем упоминаются, как отмечалось, в связи с другими обстоятельствами, а не в целях легального закрепления всей совокупности документов, имеющих значение в избирательном процессе или процессе проведения референдума.

Избирательный процесс и процесс проведения референдума в силу их особенностей в своих основных моментах документируются, определенные промежуточные и окончательные итоги отражаются в официальных документах. Конкретизация требований к избирательным документам, утверждение их формы, определение порядка осуществления юридически значимых действий с избирательными документами осуществляются в нормативных правовых актах³⁰⁸.

В связи с этим отсутствие легального определения таких понятий, как «избирательный документ» и «документ референдума», на наш взгляд,

³⁰⁷ См., например: *Наумов А. В.* Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М., 2005. С. 313; *Российское уголовное право* : в 2 т. М., 2007. Т. 2: Особенная часть. С. 125; и др.

³⁰⁸ См. об этом подробно: *Гетьман Л. С.* Избирательные документы в российском избирательном праве // Сборник конкурсных работ в области избирательного права, избирательного процесса и законодательства о референдуме. М., 2009. С. 152.

является пробелом в законодательстве о выборах и референдуме; в уголовном же праве оно создает сложности в трактовке предмета рассматриваемого преступления (следовательно, и его объекта), в целом квалификации деяния³⁰⁹.

Авторы, использующие при характеристике предмета рассматриваемого преступления так называемый перечневый метод, также оставляют их список открытым, как правило, завершая его фразой «и иные документы, используемые при подсчете голосов, установлении итогов голосования, определении результатов выборов или референдума...» Очевидно, что такой подход не позволяет выяснить полный перечень документов, признаваемых предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ³¹⁰.

Второй подход базируется на особой характеристике документа, признаваемого избирательным или относимым к документам по проведению референдума. Однако и в этом случае нет единства взглядов в определении их характеристик, выделении типичных признаков, позволяющих идентифицировать документ как избирательный (или документ референдума) и отграничить от иных, сходных документов, имеющих обращение в избирательном процессе или в процессе проведения референдума. Например, В. В. Игнатенко избирательным документом признает юридически значимые носители информации о назначении, подготовке, проведении и результатах выборов с соответствующими реквизитами, которые позволяют идентифицировать документированную информацию³¹¹. Другие авторы исходят из возможного влияния документа на определение (фиксацию) избирательных голосов, подведение итогов выборов

³⁰⁹ О допускаемых ошибках в судебной практике подробно см.: *Кудрявцева Л. В.* Уголовная ответственность за нарушения в сфере избирательного права // Журнал о выборах. 2005. № 5. С. 24.

³¹⁰ М. Б. Кострова обоснованно отмечает, что избыточными с точки зрения языка уголовного закона следует рассматривать все нормы, содержащие казуистический перечень тех или иных лиц (вещей, деяний) и заканчивающиеся оборотами «и другие» и «так далее». В этом случае имеет место нулевая семантическая (смысловая) ценность (см.: *Кострова М.* Особенности реализации языковых правил законодательной техники в уголовном законе // Уголовное право. 2002. № 2. С. 39–42).

³¹¹ См.: *Игнатенко В. В.* Правовой статус участковых комиссий. Иркутск, 2006. С. 71.

или референдума³¹². Ряд ученых предлагают учитывать непосредственное содержание и значение документа для подготовки и проведения выборов (референдума)³¹³. Эти позиция основана на способности документа «удостоверять факты, имеющие юридическое значение»³¹⁴. При этом практически все специалисты единодушны: материальный носитель, на котором изготовлен документ, значения не имеет³¹⁵.

Например, Н. Г. Мажинская указывает, что некоторые виды избирательных документов существуют как в бумажном, так и электронном варианте (список избирателей, сводная таблица об итогах голосования и т. д.), поэтому последние также предлагается признавать предметом рассматриваемого преступления³¹⁶. Автор, как нам представляется, исходит из ст. 2, 12 и 13 Федерального закона «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»». Так, согласно п. 5 ст. 2 закона выделяются отдельные документы, отдельные массивы документов, документы и массивы документов, формируемые, хранимые и используемые в ГАС «Выборы». В соответствии со ст. 12 закона документ на бумажном носителе, подготовленный с использованием ГАС «Выборы» в соответствии с федеральными законами³¹⁷, приобретает юридическую силу после его подписания соответствующими

³¹² См.: *Щиголев Ю.* Уголовная ответственность в области избирательных прав // Российский следователь. 1999. № 6. С. 29.

³¹³ См.: *Шатилов С. М.* Уголовная ответственность за фальсификацию избирательных документов и итогов голосования // Журнал о выборах. 2006. № 5. С. 18.

³¹⁴ *Гричанин И., Щиголев Ю.* Квалификация подделки и использования подложных документов // Российская юстиция. 1997. № 11. С. 19.

О. Е. Калешина указывает, что признаком документа для целей уголовно-правового регулирования следует считать не только его удостоверительную функцию, но и форму существования, наличие реквизитов и сведения об авторе (см.: *Калешина О. И.* Поддельный документ как предмет и средство совершения преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 7).

³¹⁵ См., например: *Львова Е., Макаров А.* Официальный документ как предмет преступления // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 23.

³¹⁶ См.: *Мажинская Н. Г.* Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002. С. 87.

³¹⁷ Речь идет о Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации», федеральных законах «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации».

должностными лицами, а электронный документ – после подписания их электронными подписями. Протокол, сводная таблица об итогах голосования, иные сводные документы, связанные с установлением итогов голосования, определением результатов выборов предполагают подписание усиленными квалифицированными электронными подписями³¹⁸. Если же указанные документы составляются на основе других документов, то они приобретают юридическую силу только после признания действительными всех усиленных квалифицированных электронных подписей, которыми подтверждены исходные электронные документы.

Статья 13 Федерального закона «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы”» предусматривает меры по обеспечению достоверности документов. В развитие федеральных законов принят ряд нормативных правовых актов ЦИК России³¹⁹.

Проблема определения предмета рассматриваемого преступления осложняется тем, что в теории уголовного права не выработано единого понятия документа вообще и официального документа в частности. Не ставя целью подробно рассмотреть этот вопрос, остановимся на его наиболее принципиальных аспектах.

³¹⁸ Усиленная квалифицированная электронная подпись – это электронная подпись, обладающая дополнительными признаками защищенности: ключом проверки и подтвержденными средствами электронной подписи (п. 4 ст. 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036 ; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 12).

³¹⁹ К их числу можно отнести:

1) постановление ЦИК России от 28.02.2018 № 145/1205-7 «Об Инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, определения результатов выборов Президента Российской Федерации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”» // Вестник ЦИК России. 2018. № 7;

2) постановление ЦИК России от 06.07.2011 № 19/204-6 «Об Инструкции о порядке использования технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2011. № 10;

3) постановление ЦИК России от 19.09.2011 № 33/302-6 «Об Инструкции о порядке использования технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2011. № 13; и др.

В литературе документ определяется по-разному, но многие авторы видят в нем материальный носитель (объект, предмет), содержащий информацию (сведения). Например, Л. А. Букалерева приводит следующие признаки, обязательные для документов: зафиксированность на материальном носителе; наличие информации, содержащей достоверные факты³²⁰; изложенность в определенной форме; возможность ее идентификации³²¹. «Рассмотрение документа как материального носителя информации в доктрине уголовного права можно считать общепризнанным»³²². Однако при этом следует заметить, что авторы расходятся в описании его существенных характеристик³²³.

³²⁰ Вероятно, допущена неточность. Информация не может содержать какие-либо факты по определению; она может содержать сведения о фактах. Кроме того, последние могут быть только достоверными. Факт – это реальное событие или результат, в широком смысле выступает синонимом истины.

³²¹ См.: Букалерева Л. А. Уголовно-правовая охрана официального документооборота : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 71.

При этом автор считает, что на современном этапе целесообразно исключить признак «письменности» из определения «документа», что продиктовано развитием, а главное, распространением технических средств хранения и передачи информации» (Там же. С. 66). Трудно согласиться с этим утверждением по ряду причин. Так, В. А. Истрин пишет: «Письмо, относясь к языковым средствам общения, в то же время занимает среди них совершенно особое по своему значению место»; «непонимание этого... характерно для большинства современных... сторонников “теории информации”» (Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961. С. 23).

Основоположник современного документоведения Г. К. Митяев считал, что письмо и письменность являются «средствами и способами надежного запечатления мыслительной деятельности человека» (Митяев Г. К. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 27).

Следует отметить, что под письмом в данном случае понимается «фиксация речи, осуществляемая при помощи той или иной системы графических знаков» (Терминологический словарь по научной информации. М., 1966. С. 258).

В более поздней работе Л. А. Букалерева указывает, что «документ есть явление социальное и предназначен для формального обоснования тех или иных действий субъектов, взаимодействующих при его помощи. Он является сообщением, закрепляющим некоторый факт» (Букалерева Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 202).

В этом определении также допущен ряд неточностей. Во-первых, вряд ли функциональное назначение документа сводится только к формальному обоснованию какого-либо действия. Во-вторых, если документ есть обоснование (т. е. совокупность аргументов или доводов, в силу которых следует принять какое-либо утверждение или концепцию) чего-то, то в этом случае как можно взаимодействовать с его помощью (т. е. с его использованием)?

³²² Рябченко О. Н. Уголовно-правовое обеспечение предметов управленческой деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 23.

³²³ Анализ имеющихся точек зрения подробно см.: Трубин Е. М. Документ как предмет преступления против порядка управления // Закон и право. 2018. № 4. С. 87.

В документационно-информационной науке термин «документ» часто употребляется в смысле «любой записи информации»³²⁴. В таком значении он используется в ряде нормативных правовых актов³²⁵.

Кстати сказать, этот подход привел к тому, что документ стал трактоваться как информация, зафиксированная на материальном носителе³²⁶.

Ряд авторов информацию и ее носителя рассматривают в качестве единого целого. В этом случае определение документа «основано на двуединстве – информации (сведений) и материального носителя, на котором она отражена... В результате документирования происходит как бы материализация, овеществление сведений. Информация “закрепляется” на материальном носителе, или даже “привязывается” к нему и тем самым обособляется от ее создателя»³²⁷.

Независимо от позиции того или иного автора в определении документа, как обоснованно подчеркивал Г. Ф. Поленов, «указывается на его основное

³²⁴ Швецова-Водка Г. Н. Книга и документ: соотношение понятий // Книга: исследования и материалы. М., 1994. С. 21.

³²⁵ Так, согласно п. 3 Порядка работы с документами ограниченного распространения (конфиденциальными и для служебного пользования) в Евразийской экономической комиссии (утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 18.09.2014 № 71) под документом понимается зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, созданная, полученная и сохраняемая организацией или лицом в доказательных или справочных целях в процессе выполнения правовых обязательств или осуществления своей деятельности (СПС «КонсультантПлюс»).

См. также: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 2) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448 ; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 10.

³²⁶ См.: Юрченко И. А. Информация конфиденциального характера как предмет уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 42; Ларин М. В. Развитие понятия «документ» // Делопроизводство. 2000. № 1. С. 62; Ролик А. В. Документы как вид доказательств по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов РФ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 19; и др.

³²⁷ Копылов В. А. Информационное право. М., 1997. С. 23.

В литературе подчеркивается, что «документ важно характеризовать в единстве формы и содержания, в их взаимодополнении и не отрывать информацию от материального носителя (Стародубцев С. В. Понятие и виды юридических документов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8); «документ – это сложный объект, являющийся неразрывным сочетанием информации и ее материального носителя» (Тарасова Л. Н. Легитимность и юридическая сила – ключевые свойства документа // Документация в информационном обществе: эффективное управление электронными документами : доклады и сообщения на XX Междунар. науч.-практич. конф. 20–21 ноября 2013 г. / Росархив. М., 2014. С. 446).

свойство (признак) – ... способность служить доказательством, подтверждением каких-либо фактов, событий, обстоятельств»³²⁸.

В операциональных целях, на наш взгляд, документ можно определить как средство, имеющее определенную форму (письменную, на технических носителях, в том числе электронных) и необходимые реквизиты, содержащую информацию, служащую доказательством фактов, событий, обстоятельств и отношений.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 142 УК РФ, исходя из его значения в избирательном процессе и процессе референдума, может быть лишь официальный документ. Понятие последнего также относится к числу дискуссионных³²⁹. Причем оно по-разному трактуется в различных отраслях права. Так, в Федеральном законе от 29.12.1994 № 77-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) «Об обязательном экземпляре документов» под официальными понимаются документы, принятые органами государственной власти РФ, государственными органами РФ, органами государственной власти субъектов РФ и опубликованные ими или от их имени (ст. 5)³³⁰. Учитывая специфическую сферу действия указанного закона (область формирования обязательного экземпляра документов как ресурсной базы комплектования полного национального библиотечно-информационного фонда документов РФ и развития системы государственной библиографии), на которую ориентирована сформулированная в нем дефиниция, вряд ли это определение приемлемо в целом для уголовного права.

Статья 125.9 ГК РФ упоминает официальный документ только в связи с установлением объектов авторских прав, исключая из их числа документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, в том числе законы, другие нормативные акты, судебные решения,

³²⁸ *Поленов Г. Ф.* Ответственность за преступления против порядка управления : дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1971. С. 22.

На это обстоятельство обращал внимание А. А. Жижиленко (см.: *Жижиленко А. А.* Подлог документов. Историко-догматическое исследование. СПб., 1900).

³²⁹ См. об этом подробно: *Трубин Е. М.* Понятие официального документа как предмета преступления против порядка управления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 81.

³³⁰ СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 1 ; 2022. № 9 (ч. 1). Ст. 1258.

иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы; сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (ч. 6).

ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» признает официальным «документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке»³³¹. Вряд ли эта дефиниция полностью и точно отражает определяемое понятие. Дело в том, что в качестве характеристики указываются, по сути, два признака – источник документа и надлежащее оформление последнего. Они оба не являются типичными только для официальных документов, а присущи любому документу. Кроме того, ГОСТ выделяет синонимичное рассматриваемому понятию понятие «юридически значимый документ», что отражает его способность «выступать в качестве подтверждения деловой деятельности либо событий личного характера». Как уже указывалось, таким свойством обладает любой, а не только официальный документ. Наконец, в ГОСТе говорится о юридической силе документа как свойстве официального его вида вызывать правовые последствия. Однако известно, что правовые последствия вызываются юридическими фактами (событиями и действиями)³³², а официальные документы это только подтверждают.

В теории уголовного права, как говорилось, также нет единого подхода к определению понятия «официальный документ». Обобщенный анализ имеющихся позиций позволяет выделить следующие признаки, указываемые авторами при его характеристике:

1) предполагает надлежащее оформление и (или) удостоверение; обладает свойством воздействия на правоотношения³³³;

³³¹ СПС «КонсультантПлюс».

³³² См. об этом подробно: *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. М., 1993.

³³³ См.: *Бриллиантов А.* Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. № 5. С. 6, 7.

2) выполняет правоустанавливающие, правопрекращающие и иные юридические (например, удостоверительные) функции³³⁴;

3) имеют юридическое значение или за которыми государство признает юридическое значение³³⁵ и др.

Многие авторы основным признаком официального документа считают источник его происхождения: органы государственной власти или управления; органы местного самоуправления; все субъекты, обладающие статусом юридических лиц, и т. д.³³⁶ Ряд криминалистов признают таковыми документы физических лиц, если они: а) удостоверены нотариусом, должностным лицом или компетентным органом³³⁷; б) созданы уполномоченным государством физическим лицом³³⁸; в) составлены в соответствии с действующим законодательством и обязательны для адресата (рассмотрения и (или) исполнения)³³⁹.

Кроме того, официальными предлагается считать:

– документы, находящиеся в обороте (делопроизводстве) государственных, муниципальных органов, учреждений, организаций и предприятий³⁴⁰;

Позиция автора подверглась обоснованной, на наш взгляд, критике (см.: *Трубин Е. М.* Понятие официального документа как предмета преступления против порядка управления. С. 83).

³³⁴ См.: *Агаев Г. А.* Преступления против порядка управления (проблемы теории и практики применения законодательства) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 249.

Следует заметить, что Г. А. Агаев официальный и юридический документы отождествляет, с чем вряд ли можно согласиться.

³³⁵ См.: *Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов.* М., 2000. С. 693; *Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. В. Шишко.* М., 2015. С. 690; и др.

³³⁶ См.: *Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога.* М., 1997. С. 443; *Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева.* М., 2013. С. 634; *Летников П. Ю.* Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 72; и др.

³³⁷ См.: *Клепицкий И. А.* Документ как предмет подлога в уголовном праве // *Государство и право.* 1998. № 5. С. 71; *Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В. М. Лебедева.* М., 2005. С. 781; и др.

³³⁸ См.: *Букалерова Л. А.* Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы. С. 181.

³³⁹ См.: *Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева.* М., 2015. С. 506.

³⁴⁰ См.: *Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова.* М., 1999. С. 737.

– документы, выданные нотариусами РФ при совершении нотариальных действий или иными лицами, имеющими право совершать нотариальные действия, многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг³⁴¹;

– документы, удостоверяющие факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей (листок временной нетрудоспособности, медицинская книжка, экзаменационная ведомость, зачетная книжка, справка о заработной плате, протокол комиссии по осуществлению закупок, свидетельство о регистрации автомобиля и др.)³⁴².

Исходя из сформулированной дефиниции документа вообще, официальным следует признавать документ, выступающий средством, имеющим определенную форму (письменную, на технических носителях, в том числе электронных) и необходимые реквизиты, способным порождать правовые последствия. На основе этого понятия можно дать определение избирательного документа и документа референдума. Но прежде чем его сформулировать укажем, что в избирательном процессе и процессе референдума используется достаточно большое количество различного рода документов вообще и официальных в частности, которые имеют различное значение, влекут различные правовые последствия. По нашему мнению, предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, выступает документ:

а) изготовление (предоставление) которого входит в круг полномочий указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы лиц (члена избирательной комиссии, комиссии референдума; уполномоченного представителя избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы

³⁴¹ См.: Федеральный закон от 28.11.2015 № 330-ФЗ (в ред. от 08.06.2020) «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 48 (ч. 1). Ст. 6696 ; 2020. № 24. Ст. 3740.

³⁴² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 35) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9 ; 2020. № 3.

по проведению референдума, иной группы участников референдума; кандидата или уполномоченного им представителя);

б) который оказал или мог оказать влияние на реализацию гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, на результаты выборов или референдума.

В их число не могут входить документы, указанные в ч. 2 ст. 142 УК РФ.

Н. Ю. Турищева разработала классификацию избирательных документов (автор исходила из действующих на тот период положений об избирательном процессе). В качестве классификационного признака автор избрала адресата соответствующего документа: избиратель; кандидат; инициативная группа по проведению референдума; член комиссии с правом решающего голоса; участковая избирательная комиссия.

В первом случае выделяются такие документы, как: список избирателей; открепительное удостоверение, отрывной талон (в случае проведения повторного голосования или так называемого второго тура выборов); заявление о возможности проголосовать досрочно (на муниципальных выборах); заявление о возможности проголосовать вне помещения для голосования; избирательный бюллетень. Во втором случае фигурируют: документы, представляемые при выдвижении, содержащие сведения о кандидате; документы, на основании которых осуществляется регистрация кандидата (подписные листы либо документ, подтверждающий выдвижение кандидата избирательным объединением); первый финансовый отчет кандидата; документ, на основании которого осуществляется регистрация избранного депутата, выборного должностного лица (копия приказа (иного документа) об освобождении от обязанностей, несовместимых со статусом депутата, выборного должностного лица); итоговый финансовый отчет кандидата. В третьем случае необходимыми документами являются: выписка из протокола собрания избирателей о выдвижении данной кандидатуры в состав комиссии либо выписка из протокола собрания (конференции) структурного подразделения политической партии, личное заявление о согласии быть назначенным в состав комиссии. И, наконец,

в четвертом случае (при подведении итогов голосования, определении результатов выборов) избирательными документами являются: протоколы об итогах голосования, о результатах выборов, сводные таблицы об итогах голосования и другие документы, «отражающие “движение” избирательных бюллетеней, прилагаемые к протоколам избирательных комиссий, участвующих в проведении выборов». Так, обязательными документами, которые составляются участковой избирательной комиссией при осуществлении действий с избирательными бюллетенями, выступают: акт о получении избирательных бюллетеней от вышестоящей комиссии с указанием их числа; акт о погашении испорченных избирательных бюллетеней (при наличии таких фактов); акт о проведении голосования вне соответствующего помещения; акт о признании недействительными избирательных бюллетеней, находившихся в переносном ящике для голосования (если такие факты имелись)³⁴³. Надо сказать, что в целом эта классификация не потеряла значения и в настоящее время.

Н. Ю. Турищева предлагает понятие избирательного документа закрепить в примечании к ст. 142 УК РФ:

«Примечание. Под избирательным документом, документом референдума в настоящей статье понимается надлежащим образом оформленный материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, содержащей основания или подтверждающей юридический факт регистрации избирателя, кандидата (списка кандидатов), инициативной группы по проведению референдума, члена избирательной комиссии, комиссии референдума, а также подведения итогов голосования, определения результатов выборов, референдума»³⁴⁴.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, характеризуется фальсификацией избирательных документов или документов

³⁴³ Турищева Н. Ю. Избирательный документ как предмет совершения преступления // Юридический мир. 2008. № 6. С. 72.

³⁴⁴ Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме: уголовно-правовой анализ и перспективы совершенствования законодательного описания (по материалам Краснодарского края) : дис. канд. ... юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 68.

референдума. Обращает на себя внимание, что при описании уголовно-правовых запретов в указанной статье законодатель использует разные термины: в ч. 1 говорит о фальсификации, а в ч. 2 – о подделке (в других же случаях используется слово «подлог», например в ст. 292 УК РФ). В связи с этим закономерно возникает вопрос: являются ли эти термины различными и тогда позиция законодателя правомерна, или они синонимичны и тогда последним нарушены правила законодательной техники?

Фальсификация в переводе с латинского означает «подделка»³⁴⁵. Последнее в словарях трактуется как фальсификация, подлог³⁴⁶. В свою очередь, подлог – это «подделка, составление ложного, фальшивого документа»³⁴⁷. Слова «подделка», «подлог» и «фальсификация» являются синонимами, отражают одно и то же³⁴⁸. Вероятно, в том числе и поэтому фальсификация избирательных документов, документов референдума трактуется в литературе как «внесение в них заведомо ложных данных, влияющих на достижение определенного результата в ходе выборов: на выдвижение, регистрацию кандидата (списка кандидатов), регистрацию инициативной группы по проведению референдума, а равно на итоги голосования, результаты выборов, референдума»³⁴⁹.

Фальсификация фактически проявляется в совершении подлога избирательного документа или документа референдума. На основании этого выделяются известные виды подлогов:

- 1) составление избирательных документов, содержащих заведомо ложные сведения, т. е. имеет место интеллектуальный подлог;
- 2) внесение в избирательный документ путем подчистки, подтирки, удаления иным способом части текста, изменений каких-либо данных

³⁴⁵ См.: Словарь иностранных слов в русском языке / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М., 1996. С. 717.

³⁴⁶ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 525.

³⁴⁷ Там же. С. 527.

³⁴⁸ См.: Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. М., 1986. С. 367, 369, 574.

³⁴⁹ *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 188.

или исправлений, искажающих его содержание, т. е. осуществление материального подлога.

Справедливости ради следует отметить, что в литературе фальсификация иногда трактуется как подмена соответствующих документов³⁵⁰. Однако и в этом случае, на наш взгляд, речь должна идти об интеллектуальном подлоге, так как составляется новый документ, содержание которого не отражает фактические обстоятельства.

Преступление имеет формальный состав, считается оконченным с момента фальсификации избирательного документа или документа референдума.

Как во всяком преступлении, имеющем формальный состав, субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Мотив и цель совершения преступления на квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 142 УК РФ не влияют, они могут быть учтены при выборе вида и срока (размера) наказания.

Субъект преступления специальный. Согласно закону, им является:

- 1) член избирательной комиссии, комиссии референдума;
- 2) уполномоченный представитель избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума;
- 3) кандидат или уполномоченный им представитель.

В целом их характеристика дается в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Так, член избирательной комиссии (комиссии референдума) – это лицо, входящее в Центральную избирательную комиссию РФ, избирательную комиссию субъекта РФ, избирательную комиссию муниципального образования, окружную избирательную комиссию, территориальную (районную, городскую и иную) комиссию и участковую комиссию как на постоянной (штатной), так и внештатной основе.

³⁵⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский ; науч. ред. и рук. авторского коллектива А. И. Чучаев. С. 442.

При проведении соответствующих референдумов указанные комиссии действуют в качестве комиссий референдума.

В ст. 28 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» перечислены категории лиц, которые не могут быть членами комиссий с правом решающего голоса (например, лица, не имеющие гражданства РФ, недееспособные, ограниченно дееспособные, депутаты законодательных органов государственной власти, местного самоуправления, главы местных администраций и т. д.), следовательно, их ни при каких обстоятельствах нельзя признавать субъектом рассматриваемого преступления.

Уполномоченным представителем:

– избирательного объединения и избирательной группы является лицо, назначенное в качестве такового решением указанного объединения или группы; при отсутствии такого решения лицо не может нести ответственность по ч. 1 ст. 142 УК РФ;

– инициативной группы по проведению референдума или иной группы участников референдума признается лицо, действующее в установленном законодательством порядке от имени и по поручению группы участников референдума, образуемой в порядке и на срок, которые установлены Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации», в целях реализации целей инициативы проведения референдума и агитации по вопросам референдума. В качестве указанных групп могут выступать руководящие органы общественных объединений, региональных отделений и иных структурных подразделений общественных объединений, устав которых предусматривает участие в выборах и (или) референдумах и которые зарегистрированы в порядке, предусмотренном федеральным законом, на уровне, соответствующем уровню референдума, или на более высоком уровне.

Кандидат – это лицо, выдвинутое в установленном законодательством РФ порядке в качестве претендента на замещаемую посредством прямых выборов должность или на членство в органе (палате органа) государственной власти или

органе местного самоуправления либо зарегистрированное соответствующей избирательной комиссией в качестве кандидата. Кандидаты вправе назначать (в некоторых случаях – обязаны) уполномоченного представителя по финансовым вопросам.

В литературе утверждается, что перечень ответственных лиц за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 142 УК РФ, является неполным. Например, И. Н. Толстикова предлагает расширить его за счет включения доверенного лица кандидата или избирательного объединения³⁵¹. Статус доверенного лица определен в ст. 43 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Они осуществляют агитационную деятельность в пользу назначившего их кандидата или избирательного объединения. Осуществить фальсификацию указанных в законе документов они могут лишь как частные лица (теоретически это представить можно, но вряд ли это реализуемо практически), а значит, их нельзя признать субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ.

В литературе отмечается, что доверенные лица как участники избирательного процесса в уголовном праве охватываются такой категорией, как «уполномоченный кандидатом представитель», в который входит член избирательной комиссии с совещательным голосом. Все они являются субъектом рассматриваемого преступления³⁵².

Это утверждение не учитывает правовой статус данных лиц. Так, полномочия наблюдателя указаны в п. 9 ст. 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», они никаким образом не связаны с изготовлением какого-либо официального документа избирательной кампании, сводятся исключительно к обеспечению гласности в деятельности комиссии.

³⁵¹ См.: Толстикова И. Н. О субъектах преступлений против избирательных прав граждан // Журнал о выборах. 2003. № 3. С. 21.

³⁵² См.: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 233.

Согласно п. 22 ст. 29 указанного закона, член комиссии с совещательным голосом в целом обладает теми же правами, что и член комиссии с правом решающего голоса, за исключением, если говорить обобщенно, подготовки и выдачи документов избирательной кампании. Следовательно, они не могут признаваться субъектом рассматриваемого преступления. В указанном законе они выделены в качестве самостоятельно субъекта избирательного процесса наряду с уполномоченным кандидатом представителем.

Таким образом, «доверенное лицо», «уполномоченный кандидатом представитель» и «наблюдатель» выступают однопорядковыми, равными по объему понятиями.

В литературе высказаны предложения по совершенствованию редакции ч. 1 ст. 142 УК РФ. Так, Н. Ю. Турищева предлагает изложить ее следующим образом:

«1. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, то есть указание в них заведомо ложных данных, влияющих или имеющих целью повлиять на выдвижение, регистрацию кандидата (списка кандидатов), регистрацию инициативной группы по проведению референдума, а равно на итоги голосования, результаты выборов, референдума, если это деяние совершено членом избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем, –

наказывается...»³⁵³

Как нам представляется, в целом это предложение приемлемо. Однако вызывает сомнение необходимость признания в качестве одного из криминообразующих признаков цель преступления. Во-первых, несложно представить ситуацию, когда фальсификация избирательных документов и документов референдума может быть осуществлена с иной целью, например

³⁵³ См., например: *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 301.

дискредитации члена комиссии, ее председателя и т. д. Во-вторых, в контексте предмета доказывания наличия состава преступления, установление цели всегда является сложной, а иногда и невыполнимой задачей. Поэтому можно ограничиться указанием предмета преступления, деяния и субъекта преступления: «1. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, совершенная членом избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем, –

наказывается...»

В ч. 2 ст. 142 УК РФ предусмотрена ответственность за подделку подписей избирателей, участников референдума в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением, инициативы проведения референдума или заверение (свидетельствование) заведомо подделанных подписей подписных листов.

В этом случае речь идет о двух предметах преступления: подписях избирателей и других указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы лиц; подписных листах с заведомо подделанными подписями. Их характеристика не вызывает каких-либо сложностей, в литературе в целом трактуются однозначно.

Объективная сторона предполагает два альтернативно указанных деяния: подделка подписей и заверение (удостоверение) подписных листов, содержащих заведомо подделанные подписи. Как уже указывалось, первое означает не что иное, как подлог.

Согласно ст. 37 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в поддержку выдвижения кандидатов, списков кандидатов, инициативы проведения референдума могут собираться, соответственно, подписи избирателей или участников референдума. Форма подписного листа установлена

законодательством РФ. Каждый из них должен быть заверен подписью лица, осуществлявшего сбор подписей, а подписной лист в поддержку списка кандидатов – уполномоченным представителем избирательного объединения. Однако в результате подделки подписей либо заверения (удостоверения) подписных листов с заведомо подделанными подписями искажается фактическая картина, в избирательную комиссию представляются заведомо подложные избирательные документы.

Подделка подписей и заверение (удостоверение) поддельных подписей образуют преступление, если:

а) совершены по предварительному сговору группой лиц или организованной группой;

б) сопряжены с подкупом, принуждением, применением насилия или угрозой его применения, уничтожением имущества или угрозой его уничтожения;

в) повлекли существенное нарушение прав и законных интересов³⁵⁴ граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Характеристика данных признаков преступления аналогично характеристике одноименных признаков преступлений, нарушающих избирательные права граждан или права на референдум. Они же, по сути, позволяют отграничить рассматриваемое преступление от административно-правового деликта. В ст. 5.46 КоАП РФ говорится: «Подделка подписей избирателей, участников референдума, собираемых в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов, инициативы проведения референдума, а равно заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов) лицом, осуществляющим сбор подписей избирателей, либо уполномоченным лицом, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». Таким образом, административная ответственность наступает за совершение одного

³⁵⁴ Характеристику законных интересов, например, см.: *Параскевов Н. Н.* Законные интересы – объект уголовно-правовой защиты // *Российский следователь.* 2009. № 7. С. 18.

из указанных в норме деяний, независимо от способа его реализации, наличия соучастия и наступивших преступных последствий³⁵⁵.

Преступление совершается с прямым умыслом. Об этом, в частности, свидетельствует указание законодателя на заведомость для виновного подделанных подписей³⁵⁶.

В ч. 3 ст. 142 УК РФ в качестве предмета преступления указаны: а) избирательные бюллетени; б) бюллетени для голосования на референдуме; в) открепительные удостоверения.

Избирательный бюллетень – избирательный документ, выдаваемый избирателю для участия в голосовании и лично им заполняемый, на основании которого устанавливается волеизъявление избирателя³⁵⁷. Форма бюллетеня утверждается избирательной комиссией.

Бюллетень для голосования на референдуме – установленной формы документ, выдаваемый участнику референдума для голосования, на основании которого определяется его волеизъявление (п. 3 ч. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации»).

Открепительным является удостоверение для голосования на выборах или референдуме (п. 50 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

³⁵⁵ См. об этом подробно: Протокол заседания ЦИК России от 27.09.2006 № 187-4-4 «О Рекомендациях по некоторым вопросам применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях избирательными комиссиями» // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был); *Тихомирова Л. А.* Особенности реализации отдельных положений КоАП РФ и некоторые вопросы правоприменения (подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2018) и др.

³⁵⁶ Д. В. Орлов полагает, что низкая эффективность нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 142 УК РФ, обусловлена в том числе использованием законодателем такого криминообразующего признака, как заведомость (см.: *Орлов Д. В.* Дефекты института юридической ответственности за избирательные правонарушения // *Российский судья.* 2006. № 12. С. 17).

³⁵⁷ Избирательный бюллетень выполняет несколько функций, среди которых можно, в частности, выделить: информационную (избиратель из его содержания получает необходимые сведения); гарантии тайности голосования и др. (см. подробно: *Российское избирательное право от А до Я : словарь-справочник.* М., 2013).

Применительно к хранению и перевозке указанные предметы должны быть изготовленными незаконно, т. е. в нарушение установленного федеральным законодательством соответствующего порядка.

Объективная сторона характеризуется тремя альтернативно указанными в законе деяниями: незаконное изготовление; хранение; перевозка.

Изготовление – это производство (приготовление, фабрикация) избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме или открепительных удостоверений (имеет место интеллектуальный подлог)³⁵⁸. Это изготовление является незаконным, осуществляется с целью искажения результатов голосования (путем так называемого вброса бюллетеней).

Хранение предполагает нахождение незаконно изготовленных бюллетеней или открепительных удостоверений во владении виновного (на складе, в тайниках, в автотранспортных средствах и т. д.). Продолжительность времени хранения уголовно-правового значения не имеет.

Перевозка характеризуется перемещением незаконно изготовленных избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме, открепительных удостоверений из одного места в другое (как правило, из типографии – в пункт хранения, из пункта хранения – на избирательные участки) с использованием транспортного средства.

Субъективная сторона предполагает вину только в виде прямого умысла.

Субъект преступления – лицо, достигшее возраста 16 лет.

Резюмируем изложенное.

1. Непосредственный объект преступления (в первую очередь, его дополнительный и факультативный виды), предусмотренного ст. 142 УК РФ,

³⁵⁸ В литературе изготовление иногда трактуется как полная или частичная подделка указанных в законе предметов (см., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный). С. 443). С этим вряд ли можно согласиться. Если бы это было так, то логичнее было бы использовать термины «подлог» или «подделка», но законодатель для характеристики деяния воспользовался понятием «изготовление», характеризующим подготовку предмета преступления что называется «с нуля». Это подтверждается и имеющейся практикой, согласно которой бюллетени, как правило, для голосования, по имеющимся образцам изготавливаются подпольно (нелегально) в типографиях.

следует определять дифференцированно, исходя из сути уголовно-правового запрета, закрепленного в ее частях 1, 2 и 3. Объектом преступления, предусмотренного ч. 1 и 3 ст. 142 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов. Факультативным объектом следует признавать нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума.

Факультативный объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ, представлен более широко: им могут быть отношения, характеризующие: а) нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума; б) здоровье (как физическое, так и психическое) личности; в) собственность; г) иные права и законные интересы граждан, охраняемые законом интересы организаций и государства. Это обусловлено специфической характеристикой объективной стороны преступления, содержащего различные способы его совершения.

2. Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, выступает документ: а) изготовление (предоставление) которого входит в круг полномочий указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы лиц (члена избирательной комиссии, комиссии референдума; уполномоченного представителя избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; кандидата или уполномоченного им представителя); б) который оказал или мог оказать влияние на реализацию гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, на результаты выборов или референдума.

В ч. 2 указанной статьи речь идет о двух предметах преступления: подписях избирателей и других указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы лиц; подписных листах с заведомо подделанными подписями; в ч. 3 –

об избирательных бюллетенях; о бюллетенях для голосования на референдуме; об открепительных удостоверениях.

3. При описании преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, можно ограничиться указанием на предмет преступления, деяние и субъекта преступления: «1. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, совершенная членом избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем, – наказывается... (преступление средней тяжести)».

§ 4. Фальсификация итогов голосования

Статья 142.1 введена в УК РФ Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 94-ФЗ, призвана обеспечить точный подсчет голосов на выборах или определение результатов референдума, что является обязательным условием обеспечения их законности³⁵⁹. Общественная опасность преступления интегративна; деяние нарушает условия легальности и легитимности государственной власти и одновременно подрывает веру избирателей к выборам как демократическому процессу формирования институтов государственной власти³⁶⁰.

³⁵⁹ Это требование в международном сообществе является общепризнанным, предполагает обязанность государства пресекать любые нарушения при подведении итогов голосования (см.: Документы Европейской комиссии «За демократию через право». Свод рекомендуемых норм при проведении выборов // Международные избирательные стандарты: Сборник документов. М., 2004. С. 639).

³⁶⁰ См. об этом подробно: Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 68.

Некоторые авторы полагают, что указанная статья охватывает несколько составов преступлений³⁶¹. С этим утверждением трудно согласиться. На наш взгляд, уголовно-правовая норма содержит один состав, имеющий сложную структуру (сложный состав преступления с альтернативно указанными признаками, в качестве последних выступает ряд деяний; остальные признаки изложены одномерно³⁶²). В то же время следует отметить, что форма изложения уголовно-правового запрета явно неудачная, создает впечатление некоего нагромождения возможных вариантов деяний, которые могут повлиять на результаты выборов или референдума. К тому же многословность законодателя усложняет восприятие сущности нормы, что объективно может привести к следственным и судебным ошибкам³⁶³.

Характеризуя непосредственный объект преступления, Н. Ю. Турищева пишет, что он «в действительности шире, чем это заявлено в наименовании самой статьи “Фальсификация итогов голосования”»³⁶⁴. Из описания объективной стороны преступления совершенно очевидно, что данное преступление посягает не только на общественные отношения, гарантирующие нормальный порядок установления итогов голосования, но также на общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок определения результатов выборов, референдума»³⁶⁵.

³⁶¹ См., например: *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 196–197.

³⁶² Законодатель использовал казуистический способ изложения нормы, о недостатках которого уже говорилось. Здесь добавим, что «существование казуистической нормы может создать случаи, когда возникает ситуация, которая по мысли законодателя должна быть урегулирована этой нормой, однако в виду отсутствия об этом указания закона, существующая норма применена быть не может» (*Наумов А. В.* Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1975. С. 20).

³⁶³ С. Борсученко отмечает, что ст. 142.1 УК РФ предусматривает 12 различных случаев фальсификации итогов голосования, причем не все деяния, отнесенные законодателем к числу уголовно наказуемых, достигают степени общественной опасности, характерной именно для преступлений (см.: *Борсученко С.* Электронная коррупция в России // *ЭЖ-Юрист.* 2012. № 11. С. 8).

³⁶⁴ В связи с этим автор предлагает статью озаглавить «Фальсификация итогов голосования, результатов выборов, референдума» (см.: *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 102).

³⁶⁵ См., например: *Турищева Н. Ю.* Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 196–197.

О. Ю. Антонов, А. М. Багмет, Е. И. Бычкова, признавая в качестве непосредственного объекта рассматриваемого преступления избирательное право, право на участие в референдуме, а в качестве факультативных объектов – установленную законом деятельность избирательной комиссии или комиссии референдума, интересы государственной власти, государственной службы, службы в органах местного самоуправления, по сути, допускают те же ошибки, что и по отношению к объекту преступления, предусмотренного ст. 142 УК РФ³⁶⁶.

Достаточно противоречиво определяет объект данного преступления Н. Ю. Приходько. Она пишет: «Преступления, посягающие на законодательство о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий на муниципальном уровне, причиняют вред, прежде всего, интересам службы в органах местного самоуправления, и выражается это в подрыве свободного и равного волеизъявления гражданином своего избирательного права и права на участие в референдуме, гарантированного Конституцией России»³⁶⁷. Во-первых, преступление не может посягать на законодательство вообще и законодательство о выборах, в частности, по определению. Во-вторых, анализируемое преступление не может нарушать интересы службы в органах местного самоуправления, в противном случае оно было бы указано в гл. 30 УК РФ. В-третьих, согласно ст. 24 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», избирательная комиссия муниципального образования является муниципальным органом и не входит в структуру органов местного самоуправления, следовательно, преступление, предусмотренное ст. 142.1 УК РФ, не может посягать на интересы последних. В-четвертых, нет ни логической, ни фактической взаимосвязи между нарушением интересов службы в органах местного самоуправления и нарушением права на свободное волеизъявление граждан. В-пятых, практически

366 См.: Антонов О. Ю., Багмет А. М., Бычкова Е. И. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. С. 107.

367 Приходько Н. Ю. Правовые вопросы ответственности членов избирательных комиссий муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 3. С. 16.

невозможно представить ситуацию, когда причиненный вред интересам службы в органах местного самоуправления выражался бы в «подрыве свободного и равного волеизъявления гражданином своего избирательного права и права на участие в референдуме»³⁶⁸.

Ю. Климова в качестве объекта рассматриваемого преступления предлагает считать общественные отношения по реализации избирательных прав граждан, право участвовать в референдуме и отношения, связанные с установленным законом порядком документирования юридически значимых фактов, связанных с голосованием избирателей, а также определением итогов голосования и результатов выборов³⁶⁹. Автором удачно выделены отношения, характеризующие определение итогов голосования и результатов выборов. Они характеризуют разные стадии избирательного процесса. В соответствии с федеральным избирательным законодательством отличие итогов голосования от результатов выборов заключается в том, что первые подводятся в масштабах территории, являющейся частью соответствующего избирательного округа (как правило, избирательного участка), и выступают промежуточным этапом в определении результатов выборов. Последние же определяются на основе суммирования итогов голосования, полученных на территории всего избирательного округа³⁷⁰.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов и законодательства РФ, обеспечивающего точное определение итогов голосования и результатов выборов.

³⁶⁸ Следует отметить, что стилистические погрешности фактически не позволяют уяснить мысль автора: что в этом случае подрывается? что такое равное волеизъявление? что понимается под волеизъявлением избирательного права? и т. д.

³⁶⁹ См.: *Климова Ю.* Уголовная ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума и конкуренция ст. ст. 142 и 142.1 УК РФ // *Уголовное право.* 2010. № 3. С. 46.

³⁷⁰ См. об это подробно: *Алехичева Л. Г., Постников А. Е.* Признание недействительными итогов голосования и результатов выборов // *Журнал российского права.* 2001. № 6.

Предмет преступления определен в законе альтернативно; в качестве такового указаны: 1) неучтенные бюллетени; 2) неверные сведения об избирателях, участниках референдума; 3) списки избирателей, участников референдума; 4) подписи избирателей, участников референдума; 5) действительные бюллетени с отметками избирателей; 6) бюллетени; 7) протокол об итогах голосования. Их характеристики были рассмотрены при анализе других преступлений.

Столь подробное перечисление предметов преступления, как и всякий перечневый метод изложения любого признака состава преступления, к сожалению, не исключает пробелы, что неминуемо приводит к проблемам в процессе правоприменения. Так, возможна подделка подписи избирателей (участников референдума) в документах, не отраженных в ст. 142.1 УК РФ. В связи с этим наиболее приемлемым представляется обобщенное определение рассматриваемого признака состава преступления, например, избирательные документы, отражающие процедуру голосования³⁷¹.

Сопоставление заголовка ст. 142.1 УК РФ и описания уголовно-правового запрета позволяет сделать вывод: в первом из них законодатель указывает сущность деяния (фальсификация итогов голосования), во втором – возможные варианты ее осуществления. По сути, в законе идет речь о способах фальсификации, выраженных в так называемых дополнительных действиях. В ст. 142.1 УК РФ указывается на:

1) включение неучтенных бюллетеней в число бюллетеней, использованных при голосовании;

2) представление заведомо неверных сведений об избирателях, участниках референдума;

³⁷¹ В. Н. Винокуров, также выделяя это обстоятельство, предлагает несколько иную формулировку диспозиции уголовно-правовой нормы: «фальсификация подписей избирателей, непосредственно обуславливающих процедуру голосования» (Винокуров В. Н. Понимание объекта преступления и толкование уголовного закона // Современное право. 2017. № 8. С. 74). Обратим внимание лишь на один момент: автор говорит о документах, которые обуславливают процедуру голосования. Обуславливать – значит делать возможным что-либо, являться условием наличия, осуществления чего-либо. Указанные документы не находятся в такой зависимости с голосованием как таковым и его процедурой тем более.

3) заведомо неправильное составление списков избирателей, участников референдума, выражающееся во включении в них лиц, не обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме, или вымышленных лиц;

4) фальсификация подписей избирателей, участников референдума в списках избирателей, участников референдума;

5) замена действительных бюллетеней с отметками избирателей, участников референдума;

6) порча бюллетеней, приводящая к невозможности определить волеизъявление избирателей, участников референдума;

7) незаконное уничтожение бюллетеней;

8) заведомо неправильный подсчет голосов избирателей, участников референдума;

9) подписание членами избирательной комиссии, комиссии референдума протокола об итогах голосования до подсчета голосов или установления итогов голосования;

10) заведомо неверное (не соответствующее действительным итогам голосования) составление протокола об итогах голосования;

11) незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения;

12) заведомо неправильное установление итогов голосования, определение результатов выборов, референдума.

Обращает на себя внимание нарушение логической последовательности действий, не согласующейся с процедурой подготовки и проведения голосования на выборах или референдуме, с очередностью осуществления соответствующих действий. Нельзя сказать, что в основу определения последовательности изложения способов совершения преступления положен какой-то определенный критерий (например, распространенность, степень общественной опасности и т. д.). Кроме того, законодатель, с одной стороны, использовал перечневый метод способов фальсификации итогов голосования; с другой стороны, сделал перечень закрытым. Это ожидаемо привело к пробелу, в частности, связанному

с нарушениями при работе со списками избирателей. В ст. 142.1 УК РФ речь идет о заведомо неправильном составлении списков избирателей, выразившемся во включении в них лиц, не обладающих активным избирательным правом. Однако законодателем не учтена возможность совершения преступления путем незаконного исключения из списков избирателей, участников референдума. Н. Ю. Турищева в этой связи обоснованно указывает: «...при проведении выборов “порог” явки избирателей отменен. Вместе с тем актуальным остается ... “уровень легитимности избранной власти”. Кроме того, сохраняются требование закона о необходимости преодоления 50 %-ной явки участников референдума для признания референдума состоявшимся. Указанное незаконное исключение участников референдума из списков позволяет искусственно повышать процент явки, что приводит к незаконному признанию референдума состоявшимся»³⁷².

Включение неучтенных бюллетеней в число бюллетеней, использованных при голосовании (так называемый вброс), ведет к искажению данных о количестве лиц, принявших участие в голосовании, подсчету голосов на основании бюллетеней, которые не выдавались избирателям. В связи с этим в протоколе об итогах голосования отражаются заведомо не соответствующие действительности данные.

Представление заведомо неверных сведений об избирателях, участниках референдума неминуемо ведет к искажению итогов голосования. В соответствии со ст. 16 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регистрации и учету подлежат все избиратели, участники референдума. Комплекс мер по сбору, систематизации и использованию сведений об избирателях, участниках референдума регламентирован в Положении о государственной системе регистрации (учета) избирателей, участников референдума в Российской

³⁷² Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 200.

Федерации, утвержденном постановлением ЦИК России от 06.11.1997 № 134/973-П³⁷³.

Согласно ст. 17 указанного закона, списки избирателей, участников референдума составляются на основании сведений, полученных с использованием государственной системы регистрации (учета) избирателей, участников референдума и представляемых уполномоченным на то органом или должностным лицом в территориальные комиссии (избирательные комиссии муниципальных образований), при отсутствии таковых – в окружные избирательные комиссии, а в случаях, предусмотренных законом³⁷⁴, – в участковые комиссии сразу после назначения дня голосования или после образования этих комиссий³⁷⁵. Порядок представления указанных сведений допускает возможность искажения списков избирателей или участников референдума на любом из данных этапов их формирования и представления.

Заведомо неправильное составление списков избирателей, участников референдума, выражающееся во включении в них лиц, не обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме, или вымышленных лиц представляет собой частный случай искажения сведений об избирателях или участниках референдума и может быть осуществлено только на втором (последнем) этапе их формирования – отражения в соответствующих списках.

³⁷³ Ведомости Центризбиркома РФ. 1997. № 9.

³⁷⁴ Речь идет о Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации», федеральных законах «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «О выборах Президента Российской Федерации».

³⁷⁵ По этому вопросу также см.: Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 337-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ковалевой Ольги Алексеевны и Парфентьевой Татьяны Юрьевны на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 4, пунктом 3 статьи 16, пунктами 4 и 6 статьи 17 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, а также пунктом 2 статьи 3 и пунктом 6 статьи 7 Закона Санкт-Петербурга “О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга”» // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был); Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1947-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волчева Евгения Георгиевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 4, пунктом 2 статьи 16 и статьи 17 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, пунктами 2 и 6 статьи 16 Уставного закона Краснодарской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3.

Искажения, по мысли законодателя, могут охватывать два обстоятельства:

1) включение в них лиц, не обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме; 2) включение в них вымышленных лиц. Как уже указывалось, на самом деле существует более широкий круг действий, которые могут привести к неправильному составлению указанных списков.

Фальсификация подписей избирателей, участников референдума предполагает их подделку в списках избирателей или участников референдума.

Замена действительных бюллетеней с отметками избирателей, участников референдума осуществляется последовательными действиями по изъятию действительных бюллетеней, отражающих результаты истинного их волеизъявления, и замены на иные бюллетени (как правило, незаконно изготовленные или непогашенные до начала подсчета голосов) с нанесением на них необходимых для реализации преступного намерения отметок (например, поддержание определенной кандидатуры).

Порча бюллетеней участников референдума и незаконное уничтожение бюллетеней представляют собой два самостоятельных способа фальсификации итогов голосования. В первом случае имеет место внесение в бюллетень дополнительных отметок, что приводит к невозможности определить волеизъявление избирателей, участников референдума (например, нельзя выяснить, за кого из кандидатов отдан голос избирателя, за какой вариант ответа голосовал участник референдума). Во втором случае действие выражается в ликвидации бюллетеней, причем фактически это может произойти как до окончательного подсчета голосов, так и до истечения срока их хранения. Первый вариант, безусловно, сказывается на определении итогов голосования. Вопрос об уголовно-правовой оценке последнего обстоятельства необходимо решать, на наш взгляд, дифференцированно. Если уничтожение бюллетеней было осуществлено в связи с фальсификацией итогов выборов и исключения возможности подтверждения данного факта, деяние охватывается ст. 142.1

УК РФ³⁷⁶. Если же были нарушены правила делопроизводства, в частности сроков хранения соответствующих избирательных документов или документов референдума, имеет место дисциплинарный проступок.

Заведомо неправильный подсчет голосов избирателей, участников референдума осуществляется на избирательном участке и может выражаться в искажении фактических итогов голосования, в частности сведений о количестве голосов избирателей, поданных за конкретного кандидата, списка кандидатов, включенных в избирательный бюллетень.

Подписание членами избирательной комиссии, комиссии референдума протокола об итогах голосования является уголовно наказуемым, если оно осуществлено до подсчета голосов или установления итогов голосования, и фактически влечет (может повлечь) их фальсификацию.

Заведомо неверное (не соответствующее действительным итогам голосования) составление протокола об итогах голосования представляет собой интеллектуальный подлог, который может выражаться в искажении любых сведений, вносимых в этот документ: количества избирателей, участников референдума, принявших участие в голосовании; количества голосов, полученных каждым из кандидатов; количества голосов участников референдума, отданных за тот или иной вариант ответа.

Незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения характеризуется тем, что соответствующие данные, отражающие фактическое волеизъявление избирателей или участников референдума, исправляются на нужные для виновного.

Заведомо неправильное установление итогов голосования, определение результатов выборов, референдума – это и есть не что иное, как фальсификация сведений, отражающих волю избирателей или участников референдума. Она может касаться определения избранного кандидата, списка кандидатов и т. д.

³⁷⁶ Б. осужден по ст. 142.1 УК РФ. Являясь председателем окружной избирательной комиссии, он вместе с другими членами комиссии сжег 559 бюллетеней, после чего подписал заранее составленный подложный акт об их уничтожении как неиспользованных // Российская газета. 2006. 19 января.

По мнению Д. О. Парамонова и В. В. Кириченко, под фальсификацией следует понимать преднамеренное искажение результатов голосования путем манипуляции с избирательными документами, удостоверяющими волеизъявление граждан, либо путем преднамеренного изменения свободного волеизъявления граждан. Под преднамеренным изменением свободного волеизъявления граждан авторы понимают деятельность, направленную на подчинение граждан воле какого-либо субъекта путем силового, административного или финансового воздействия³⁷⁷. Отметим принципиальную неточность трактовки фальсификации итогов голосования, допускаемую Д. О. Парамоновым и В. В. Кириченко. Указанное преступление не предполагает какого-либо воздействия на волеизъявление избирателя или участника референдума; об этом можно сделать вывод хотя бы из законодательно определенного перечня способов совершения преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ. В противном случае действия будут подпадать под признаки ст. 141 УК РФ. Механизм рассматриваемого преступления избирателя или участника референдума не включает в себя ни в каком качестве. Общественные отношения, выступающие объектом уголовно-правовой охраны, нарушаются путем воздействие на соответствующие документы, признаваемые предметом преступления.

Состав преступления формальный, что предполагает выделение двух особенностей. Во-первых, преступление считается оконченным с момента выполнения одного из дополнительных деяний, выступающих в качестве способа фальсификации итогов голосования. Во-вторых, преступление характеризуется прямым умыслом. Законодатель не говорит о субъективной связи совершаемого деяния с фальсификацией итогов голосования, однако такая связь очевидна: все указанные в законе способы его совершения осуществляются с одной целью – исказить фактическое положение дел, представить итоги голосования в нужном для виновного виде.

В литературе неоднократно отмечалась необходимость суброгации уголовно-правовой нормы. Так, Н. Ю. Турищева предлагает ст. 142.1 УК РФ изложить в следующей редакции:

³⁷⁷ См.: Парамонов Д. О., Кириченко В. В. Методы фальсификации выборов. М., 2003. С. 12.

«Статья 142.1. Фальсификация итогов голосования, результатов выборов, референдума

1. Предоставление заведомо неверных сведений об избирателях, участниках референдума либо заведомо неправильное составление списков избирателей, участников референдума, выражающееся во включении в них лиц, не обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме, или вымышленных лиц, а равно незаконное исключение из списков избирателей, участников референдума лиц, обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме, –
наказываются...

2. Фальсификация подписей избирателей, участников референдума в списках избирателей, участников референдума, включение неучтенных бюллетеней в число бюллетеней, использованных при голосовании, либо замена действительных бюллетеней с отметками избирателей, участников референдума, либо порча бюллетеней, приводящая к невозможности определить волеизъявление избирателей, участников референдума, либо незаконное уничтожение бюллетеней, либо заведомо неправильный подсчет голосов избирателей, участников референдума, –
наказываются...

3. Подписание членами избирательной комиссии, комиссии референдума протокола об итогах голосования до подсчета голосов или установления итогов голосования, либо заведомо неверное (не соответствующее действительным итогам голосования) составление протокола об итогах голосования, либо незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения, либо заведомо неправильное установление итогов голосования, а равно незаконное признание недействительными итогов голосования, результатов выборов, референдума –
наказываются...»³⁷⁸

Как нам представляется, это предложение в целом очень удачное, действительно улучшает описание действующего уголовно-правового запрета.

³⁷⁸ См.: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 204–205.

Несомненным достоинством проекта статьи является дифференцирование деяний по ее частям в соответствии с избирательным процессом и процессом референдума. Более точным является заголовок статьи, поскольку в ее содержании говорится не только о фальсификации итогов голосования, но и результатов выборов и референдума. Вместе с тем обращает на себя внимание многословность уголовно-правовой нормы, за что в других случаях автор вполне обоснованно критикует законодателя. Например, в ч. 1 статьи вполне можно опустить описание проявления деяния вовне (включение в списки лиц, не обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме, или вымышленных лиц, а равно незаконное исключение из списков избирателей, участников референдума лиц, обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме). В этом случае фактически имеет место использование того же перечневого метода со всеми его недостатками.

Более принципиальным представляется вопрос о включении в перечень деяний, предусмотренных анализируемой нормой, фальсификации подписей избирателей, участников референдума в списках избирателей либо списках референдума. Дело в том, что, по сути, возникла коллизия между данной нормой (в этой части) и нормой, предусмотренной ч. 2 ст. 142 УК РФ, где также говорится о подделке подписей избирателей или участников референдума в избирательных документах и документах референдума. Учитывая данное обстоятельство, это деяние, на наш взгляд, не надо указывать в ст. 142.1 УК РФ; уголовно-правовая защита законодательно определенных условий формирования государственной власти не ослабнет, а будет упорядочена законодательная основа этого, исчезнет проблема конкуренции норм, вызывающая сложности при применении уголовного закона.

На наш взгляд, редакцию ст. 142.1 УК РФ можно представить в следующем виде:

«Статья 142.1. Фальсификация итогов голосования, результатов выборов и референдума

1. Предоставление заведомо неверных сведений об избирателях или участниках референдума либо заведомо неправильное составление списков избирателей или участников референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Незаконное использование избирательных бюллетеней или бюллетеней референдума в целях искажения итогов голосования либо результатов голосования или референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

3. Составление протокола, заведомо неверно отражающего итоги голосования, либо незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения, либо заведомо неправильное установление итогов голосования, а равно незаконное признание недействительными итогов голосования, результатов выборов, референдума –

наказываются... (преступление средней тяжести)».

Резюмируем изложенное.

1. Вопреки мнению ряда авторов, утверждающих о том, что ст. 142.1 УК РФ содержит описание нескольких преступлений, уголовно-правовая норма закрепляет один состав, имеющий сложную структуру (сложный состав преступления с альтернативно указанными признаками, в качестве последних выступает ряд деяний; остальные же его признаки изложены одномерно).

2. Объектом преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ, являются общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов и законодательства РФ, обеспечивающего точное определение итогов голосования и результатов выборов. Эти отношения нарушаются путем воздействия на предмет преступления, который определен в законе альтернативно: 1) неучтенные бюллетени;

2) неверные сведения об избирателях, участниках референдума; 3) списки избирателей, участников референдума; 4) подписи избирателей, участников референдума; 5) действительные бюллетени с отметками избирателей; 6) бюллетени; 7) протокол об итогах голосования.

3. В ст. 142.1 УК РФ нарушена логическая последовательность описания деяний, она не согласуется с процедурой подготовки и проведения голосования на выборах или референдуме, с очередностью осуществления соответствующих действий; кроме того, перечень их видов характеризуется пробельностью.

4. Редакцию ст. 142.1 УК РФ предлагается сформулировать следующим образом:

«Статья 142.1. Фальсификация итогов голосования, результатов выборов и референдума

1. Предоставление заведомо неверных сведений об избирателях или участниках референдума либо заведомо неправильное составление списков избирателей или участников референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Незаконное использование избирательных бюллетеней или бюллетеней референдума в целях искажения итогов голосования либо результатов голосования или референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

3. Составление протокола, заведомо неверно отражающего итоги голосования, либо незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения, либо заведомо неправильное установление итогов голосования, а равно незаконное признание недействительными итогов голосования, результатов выборов, референдума –

наказываются... (преступление средней тяжести)».

§ 5. Незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме

Норма ответственности за незаконные выдачу и получение избирательного бюллетеня (ст. 142.2 УК РФ) введена в Уголовный кодекс Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 249-ФЗ³⁷⁹. Таким образом, был усилен уголовно-правовой механизм противодействия нарушениям законодательства о выборах.

В литературе указанный запрет еще не подвергался детальному анализу, авторы чаще всего ограничиваются комментарием к закону. При этом надо заметить, что, например, объект раскрывается так же, как и применительно к другим преступлениям рассматриваемой группы: им признается право граждан избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме, гарантированное Конституцией РФ, а также установленный порядок голосования. Иначе говоря, объект преступления и на этот раз определяется исходя из места нормы в Особенной части УК, а не социальной направленности деяния. Ошибочность такого подхода уже была показана, поэтому нет смысла еще раз возвращаться к проблеме. Кроме того, порядок – это внешняя сторона процесса голосования. Признание его в качестве рассматриваемого элемента состава преступления (кстати, отраженного в характеристике объекта в достаточно общем виде), по сути, затушевывает общественную опасность деяния.

Как и в других случаях, рассмотренных ранее, преступление нарушает общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной на основе справедливых выборов, проведенных с соблюдением демократических принципов и законодательства РФ.

Норма, предусмотренная ст. 142.2 УК РФ, вызывает немало вопросов. В частности, необходимо определить, сколько составов она описывает: основной

³⁷⁹ Федеральный закон от 29.07.2017 № 249-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4798.

с квалифицированным и особо квалифицированным видами или два основных (ч. 1 и 2) с квалифицированным видом (ч. 3). Этот вопрос не только собственно законодательной техники, он предопределяет и ряд других, влияющих на правоприменение (в частности, квалификацию деяния).

По нашему мнению, имеет место последнее предположение: в ч. 1 и 2 ст. 142.2 УК РФ законодателем отражены, хотя и очень близкие, но самостоятельные составы преступлений. Они действительно совпадают по двум признакам: во-первых, по предмету преступления (им является бюллетень); во-вторых, по обстоятельствам времени совершения деяния (избирательная кампания или кампания референдума). Совпадая по виду вины, преступления отличаются содержанием его интеллектуального и волевого моментов. По наиболее существенным признакам – деянию и субъекту преступления – они принципиально различаются. Иначе говоря, в указанных частях ст. 142.2 УК РФ речь идет о самостоятельных преступлениях, а не об основном составе и его квалифицированном виде. Квалифицирующим признаком обоих составов преступлений будут выступать обстоятельства, перечисленные в ч. 3 статьи.

Предмет преступления указан в законе. Как уже говорилось, им является: 1) избирательный бюллетень; 2) бюллетень для голосования на референдуме. Их понятия раскрыты при анализе преступления, предусмотренного ст. 142 УК РФ.

Объективная сторона преступления характеризуется деянием – выдачей гражданину (гражданам) указанных выше бюллетеней. Отглагольное существительное «выдача» производно от глагола «выдать» – предоставить что-нибудь, снабдить чем-нибудь³⁸⁰. Следовательно, суть преступления заключается в предоставлении, снабжении гражданина (граждан) избирательными бюллетенями или бюллетенями для голосования на референдуме.

Бюллетени могут быть как не заполненными (в этом случае сам голосующий производит их заполнение), так и заполненными (в этом случае

³⁸⁰ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 106.

гражданин, находясь в кабинке для голосования, лишь имитирует заполнение перед тем, как опустить в урну).

Законодательная формулировка («гражданину (гражданам)») не оставляет сомнений: для наличия состава преступления достаточно выдать указанные бюллетени хотя бы одному лицу. Проблема возникает по другому поводу: сколько выданных бюллетеней образует состав рассматриваемого преступления? Дело в том, что предмет преступления указан во множественном числе, без какой-либо конкретизации. Последняя имеет место только применительно к голосованию самим получателем бюллетеня – более двух раз. Из этого можно сделать вывод: во всех случаях речь идет как минимум о трех бюллетенях. Но тогда необходимо констатировать наличие противоречия между названием статьи и его содержанием (к сожалению, это достаточно часто встречается в УК РФ).

Согласно правилам законодательной техники, при описании какого-либо признака состава преступления множественное число употребляется в том случае, если при единственном числе не достигается тот уровень общественной опасности, который необходим для криминализации данного деяния. Поэтому, на наш взгляд, надо признать, что речь должна идти как минимум о трех избирательных бюллетенях или бюллетенях для голосования на референдуме.

Указанная в ст. 142.2 УК РФ выдача должна быть незаконной, в первую очередь, не соответствующей Федеральному конституционному закону «О референдуме Российской Федерации» и Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Содержащиеся в них положения конкретизированы в иных актах. Например, Инструкцией по составлению, уточнению и использованию списков избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, утвержденной постановлением ЦИК России от 22 июня 2016 г. № 13/107-7³⁸¹, установлены, в частности, следующие правила:

³⁸¹ Вестник ЦИК России. 2016. № 11.

1) избирательные бюллетени выдаются избирателям, включенным в список избирателей, по предъявлении паспорта или документа, заменяющего паспорт;

2) если избиратель не был включен в список избирателей, он может быть включен в список дополнительно при предъявлении паспорта и открепительного талона либо при предъявлении паспорта в порядке, установленном законодательством³⁸²;

3) перед выдачей бюллетеня член участковой комиссии с правом решающего голоса обязан удостовериться в том, что избирателю не было выдано открепительное удостоверение, избиратель не проголосовал досрочно, вне помещения для голосования или к нему не направлены члены участковой комиссии для проведения голосования вне установленного помещения;

4) если избиратель, который обращался с заявлением о разрешении проголосовать вне помещения для голосования, явился на избирательный участок для голосования после того, как к нему были направлены члены избирательной комиссии для проведения голосования, никто из членов комиссии не вправе выдать ему в помещении для голосования избирательный бюллетень, пока не вернуться члены участковой комиссии и не будет установлено, что избиратель еще не голосовал;

5) при получении избирательного бюллетеня избиратель проставляет в списке избирателей серию и номер своего паспорта или документа, заменяющего паспорт; член участковой комиссии, выдавший бюллетень, также расписывается в соответствующей графе списка избирателей;

6) если избирателю был выдан новый избирательный бюллетень взамен испорченного, член участковой комиссии, выдавший его, в списке избирателей делает соответствующую пометку.

Уголовно-правовое значение имеют два вида нарушения выдачи избирательного бюллетеня: во-первых, предоставление его избирателю вопреки имеющемуся запрету; во-вторых, нарушение требований, которые, безусловно,

³⁸² При этом нумерация записей на вкладных листах должна быть продолжением нумерации подписанного накануне дня голосования списка избирателей. Нарушение этого требования также может свидетельствовать о незаконности выдачи избирательного бюллетеня.

ведут к предоставлению бюллетеня. Все же другие нарушения, которые не привели и не могли привести к выдаче избирательного бюллетеня, с точки зрения уголовного права индифферентны, могут образовать нарушение законодательства иной отраслевой принадлежности.

Приведенные обстоятельства относятся к процедуре выдачи избирательного бюллетеня. Однако, на наш взгляд, преступление может быть совершено и путем предоставления бюллетеня так называемому ненадлежащему избирателю. Дело в том, что в ст. 142.2 УК РФ говорится не об избирателе, а о гражданине (гражданах). Последнее понятие шире, чем первое: лицо может быть гражданином РФ, но при этом не являться избирателем, во-первых, в силу недостижения установленного законом возраста (согласно ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», таким правом обладает лицо, достигшее возраста 18 лет). Во-вторых, согласно ст. 32 Конституции РФ, не имеют права избирать еще две категории лиц: граждане, признанные судом недееспособными, и граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Второй вид деяния, характеризующего объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142.2 УК РФ, заключается в выдаче гражданам заполненных избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме. В этом случае законодатель использовал множественное число («гражданам»), следовательно, предоставление одному гражданину заполненных избирательных бюллетеней, исходя из буквального толкования закона, не образует состава рассматриваемого деяния.

Преступление имеет формальный состав, считается оконченным с момента выдачи гражданину избирательного бюллетеня.

Субъект преступления специальный – в силу прямого указания закона им является член избирательной комиссии или комиссии референдума. Их понятия рассмотрены при анализе состава преступления, предусмотренного ст. 142 УК РФ.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла. Ее обязательным признаком является цель; в законе она отражена следующим образом:

1) предоставление гражданину (гражданам) возможности проголосовать вместо избирателей, участников референдума, в том числе вместо других избирателей, участников референдума;

2) предоставление гражданину (гражданам) возможности проголосовать более двух раз в ходе одного и того же голосования.

Мотивы преступления могут быть различными, они не влияют на квалификацию деяния, но могут быть учтены при выборе вида и размера наказания.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142.2 УК РФ, характеризуется получением в избирательной комиссии, комиссии референдума избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме. Получить – понятие полисемантическое, одним из его значений является «взять что-либо»³⁸³.

Преступление имеет формальный состав, считается оконченным с момента получения указанных в законе бюллетеней.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, ее обязательным признаком выступает цель преступления:

1) участие в голосовании вместо избирателей, участников референдума, в том числе вместо других избирателей, участников референдума;

2) участие в голосовании более двух раз в ходе одного и того же голосования.

Мотивы преступления лежат за пределами состава рассматриваемого преступления, они могут влиять на назначение виновному наказания.

В литературе, говоря о возрасте лица, признаваемого субъектом данного преступления, указывают на достижение им 18 лет. На наш взгляд, авторы исходят из установленного законодательством права избирать и быть избранным.

³⁸³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 548.

Однако незаконно получить избирательный бюллетень, на наш взгляд, может также лицо, не достигшее указанного возраста. Этот вывод вытекает из толкования ч. 2 ст. 142.2 УК РФ во взаимосвязи с ее ч. 1, в которой, как уже указывалось, говорится не об избирателе, а о гражданине.

Исходя из этого, можно утверждать, что субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142.2 УК РФ, – лицо, достигшее возраста 16 лет.

Преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 142.2 УК РФ, генетически взаимосвязаны, совершение только одного из них невозможно: незаконная выдача избирательного бюллетеня предполагает его получение и наоборот. Имеет место ситуация, которая схожа с получением – дачей взятки. Но поскольку в рассматриваемом случае нет отдельного состава посредничества, то пособничество оценивается исходя из того, чьи интересы представлял пособник. В связи с этим действия последнего подлежат оценке как пособничество в незаконной выдаче избирательного бюллетеня или незаконном его получении.

В ч. 3 ст. 142.2 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак – совершение указанных в ч. 1 и 2 данной статьи деяний группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Две последние формы соучастия были исследованы при анализе преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 141 УК РФ.

Понятие совершения преступления группой лиц дано в ч. 1 ст. 35 УК РФ. Это форма соучастия характеризуется тем, что, во-первых, преступление совершается двумя или более исполнителями (соисполнителями), умышленно участвующими в совершении умышленного преступления; во-вторых, имеет место внезапно возникшая совместная преступная деятельность или присоединение одного лица к уже начавшейся преступной деятельности другого. Вряд ли можно себе представить применительно к рассматриваемому преступлению ситуацию, когда совместная преступная деятельность возникает внезапно (она более характерна насильственным посягательствам), но вполне

возможно присоединение одного из членов избирательной комиссии к преступной деятельности другого при отсутствии предварительного сговора.

Подытожим изложенное.

1. В ч. 1 и 2 ст. 142.2 УК РФ предусмотрены самостоятельные составы преступлений. Квалифицирующим признаком обоих составов преступлений выступают обстоятельства, перечисленные в ч. 3 статьи.

2. Состав преступления имеет место при незаконной выдаче как минимум трех избирательных бюллетеней или бюллетеней для голосования на референдуме. Преступление может быть совершено и путем предоставления бюллетеня так называемому ненадлежащему избирателю.

3. Незаконно получить избирательный бюллетень может и лицо, не достигшее указанного возраста. Этот вывод вытекает из толкования ч. 2 ст. 142.2 УК РФ во взаимосвязи с ее ч. 1. Следовательно, субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142.2 УК РФ, является лицо, достигшее возраста 16 лет.

ГЛАВА III

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛЕГАЛЬНОСТИ И ЛЕГИТИМНОСТИ
ВЛАСТИ В РОССИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ КАК ФЕНОМЕНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

**§ 1. Воспрепятствование законной
профессиональной деятельности журналистов**

Статья 144 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации. Все специалисты, обращавшиеся к проблеме ответственности за это преступление, его непосредственный объект характеризуют практически одинаково (небольшие нюансы не меняют характеристики данного элемента состава): таковым, например, признают политические права и свободы³⁸⁴; свободу печати и других средств массовой информации³⁸⁵.

В первом случае круг общественных отношений чрезмерно расширен и, скорее, мог бы относиться к видовому объекту, поскольку политические права и свободы не сводятся к праву граждан на информацию. Политические права и свободы – это предусмотренные Конституцией РФ формы и гарантии

³⁸⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс / науч. ред. Е. В. Благов. М., 2019. С. 448.

См. также: *Алиев В. М.* Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. 2017. № 20.

Т. Ш. Изъятов, анализируя подобного рода определения объекта преступления, пишет: «...в современных условиях информационной свободы этот подход представляется анахронизмом. Думается, что свободу мысли и слова, а также весь набор правомочий человека в области информации... давно уже пора отнести к группе личных прав...» (*Изъятов Т. Ш.* Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 12).

³⁸⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2019. С. 338.

возможности участия гражданина России в государственной, общественной, политической жизни, обеспечивающие его политическое самоопределение и свободу, а также участие в управлении делами государства и общества.

К политическим свободам относятся:

- свобода мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ);
- право на информацию (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ);
- право на объединение (ст. 30 Конституции РФ);
- право на проведение публичных мероприятий (ст. 31 Конституции РФ);
- право на участие в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ);
- право граждан на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ).

Таким образом, непосредственному объекту преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, придано значение видового, что не позволяет вычленил те общественные отношения, которым непосредственно причиняется вред при совершении указанного деяния.

Во втором случае содержание объекта, на наш взгляд, искажено. В ст. 29 Конституции РФ говорится о свободе слова и массовой информации, гарантией которой является запрет на цензуру, т. е. требования от редакции средств массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы, а также запрещение на распространение последних или их частей. Следовательно, указанное конституционное положение относится к свободе массовой информации, а не к свободе *средств* массовой информации. К тому же в данной трактовке объекта трудно понять, о какой свободе средств массовой информации идет речь: экономической, организационной, идеологической и т. д.?

М. А. Селезнев, комментируя ст. 144 УК РФ, объектом преступления называет законные права профессионального журналиста на распространение

информации или отказ от ее распространения³⁸⁶. В литературе это вызвало обоснованную критику. В частности, Л. Л. Кругликов и Е. В. Красильникова обратили внимание на то, что «журналист правомочен не только распространять информацию, но и обладает массой иных прав и обязанностей...»³⁸⁷

В некоторых случаях авторы вместо общественных отношений, которые терпят урон от преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, в качестве объекта указывают сферу, в которой оно совершается, – законную профессиональную деятельность журналистов³⁸⁸.

Крайне неудачным является, с одной стороны, отнесение рассматриваемого преступления к посягательствам против трудовых прав граждан; с другой – трактовку его объекта как свободу средств массовой информации. М. А. Скрыбин пишет: «Непосредственным объектом состава ст. 144 являются общественные отношения, охраняющие свободу средств массовой информации в сфере реализации профессиональной деятельности журналистов»³⁸⁹.

Оставляя в стороне некорректность формулировки (по автору, объект относится к составу статьи, чего не может быть по определению), отметим два обстоятельства. Во-первых, допущена подмена определяемого понятия: вместо объекта преступления фактически речь идет об общественных отношениях, охраняющих свободу средств массовой информации, что, разумеется, не одно и то же. Во-вторых, трудовые права регулируют правовое положение человека как наемного работника – участника трудовых отношений. К ним относятся:

- право на свободный труд;
- право на безопасные и гигиенические условия труда;
- право на оплату труда не ниже установленного государством минимума;

³⁸⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебной практики / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2004. С. 282.

³⁸⁷ Кругликов Л., Красильникова Е. Объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) // Уголовное право. 2007. № 4. С. 49.

³⁸⁸ См.: Малиновский А. А. Новый УК и свобода прессы // Законность. 1996. № 11. С. 16.

³⁸⁹ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М., 2013. С. 143.

- право на индивидуальные и коллективные трудовые споры (включая право на забастовку);
- право на защиту от безработицы;
- право на отдых³⁹⁰.

Как нам представляется, ни одно из указанных прав журналиста при совершении преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, не нарушается.

Кроме того, достаточно неопределенным выглядит указание в характеристике анализируемого объекта на «сферу реализации профессиональной деятельности журналистов».

Ряд авторов выделяют два видовых объекта преступления: основным видовым объектом воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов признают гарантированное Конституцией РФ право на свободное распространение информации; факультативным видовым объектом – здоровье, честь, достоинство, собственность потерпевшего³⁹¹.

Более сложную конструкцию объекта преступления в кандидатской диссертации предлагает Е. В. Красильникова. Она выделяет групповой, видовой и непосредственный объекты воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов. Групповым признаются «общественные отношения, возникающие при реализации социальных прав и свобод человека и гражданина»; видовым – реализацию «социального права на свободное распространение журналистом собранной в установленном порядке информации»; непосредственным – «общественные отношения, складывающиеся при нарушении отдельного социального правомочия журналистов (или их группы)»³⁹².

³⁹⁰ См. об этом подробно: Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю. П. Орловский. М., 2019.

³⁹¹ См.: *Кругликов Л., Красильникова Е.* Объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ). С. 49.

Надо иметь в виду, что классификацию объекта «по горизонтали» авторы осуществляют не на уровне непосредственного, как делает большинство криминалистов, а видового объекта.

³⁹² *Красильникова Е. В.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 8.

По нашему мнению, в этом случае нарушено соотношение видов объектов (мы оставляем в стороне обоснованность выделения группового объекта; как известно, многие авторы этого не делают): применительно к первому и третьему объектам говорится об общественных отношениях, ко второму – о деятельности (одно из лексических значений слова «реализация» – осуществление, проведение). При характеристике объектов как общественных отношений относительно группового объекта указано, что они возникают при реализации соответствующих прав. Однако несложно предположить, что в этом случае возникает сотни общественных отношений, которые не входят и не могут входить в объект уголовно-правовой охраны. Иными словами, предложенное определение, по сути, должным образом не конкретизировано. Это же имеет место и в отношении характеристики третьего вида объекта; кроме того, согласно трактовке автора, нарушаются не общественные отношения, а отдельное правомочие.

Наряду с указанными видами объектов Е. В. Красильникова выделяет³⁹³:

1) основной объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие гарантированное Конституцией РФ право на свободное распространение информации, собранной в установленном порядке. Как и у некоторых других авторов, здесь имеет место подмена определяемого понятия: вместо общественных отношений, характеризующих объект, выделяются общественные отношения, обеспечивающие право на распространение информации;

2) дополнительный объект – альтернативно жизнь, здоровье, телесная и (или) психическая неприкосновенность, честь и достоинство, собственность журналиста или его близких и т. д. Между тем очевидно, что охрана жизни не охватывается ст. 144 УК РФ;

3) факультативный объект – общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственного аппарата и аппарата местного

³⁹³ См.: Красильникова Е. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ)... С. 8.

самоуправления как в целом, так и отдельных его звеньев. Помимо той же подмены, содержание этого вида объекта необоснованно ограничено деятельностью указанных аппаратов власти и местного самоуправления. Этот вид объекта выделяется Е. В. Красильниковой, как и некоторыми другими авторами, исходя из квалифицирующего признака, указанного в ч. 2 ст. 144 УК РФ, – воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. Но в этом случае не учитывается, что использовать служебное положение могут два вида субъектов преступления:

а) лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ);

б) должностное лицо (примечание к ст. 285 УК РФ).

Однако при характеристике факультативного объекта берется во внимание только использование служебного положения должностным лицом.

Некоторые ученые полагают, что преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, посягает на два непосредственных объекта: основной и дополнительный³⁹⁴. При этом основным признается установленный порядок профессиональной деятельности журналиста; дополнительным – свобода печати и других средств

³⁹⁴ Ю. В. Каримова выделяет весь набор непосредственных объектов по горизонтали: основной, дополнительный и факультативный. Основной охватывает «общественные отношения, пострадавшие при нарушении прав журналистов, связанных с осуществлением ими своей профессиональной деятельности в соответствии с законом»; дополнительный – жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество как самого журналиста, так и его близких; факультативный (применительно к преступлению, охватываемому ч. 2 ст. 144 УК РФ) – «общественные отношения, которые направлены на нормальную работу государственного аппарата и аппарата местного самоуправления» (Каримова Ю. В. Определение объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 129). Такая характеристика объектов страдает рядом недостатков. Во-первых, трактовка основного объекта является достаточно неопределенной, размытой; из предложенной характеристики практически невозможно понять, о каких общественных отношениях идет речь. Во-вторых, жизнь кого-либо, как уже указывалось, не может выступать дополнительным объектом, в этом нетрудно убедиться обратившись к тексту уголовно-правового запрета и санкциям ст. 144 УК РФ; в-третьих, имущество не может признаваться объектом по определению (таковым является собственность); в-четвертых, в природе не существует общественных отношений, направленных на нормальную работу кого- или чего-либо; в этом случае искажается суть общественных отношений как отношений между людьми (см.: Философский словарь. С. 333).

массовой информации³⁹⁵. Норма о данном преступлении находится в гл. 19 УК РФ. Следовательно, по мысли законодателя, преступлением нарушаются конституционные права и свободы человека и гражданина. Исходя из *de lege lata*, в рамках указанных прав и свобод находится и непосредственный объект преступления. В ст. 144 УК РФ порядок деятельности журналиста вообще не упоминается, да и трудно даже предположить, что в этом случае имеется в виду. В толковых словарях русского языка выделяется более пяти лексических значений слова «порядок»: правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь; последовательный ход чего-нибудь; правила, по которым совершается что-нибудь, и т. д. При таких его трактовках представляется сомнительным, что порядок может характеризовать объект какого-либо преступления вообще и анализируемого в частности.

Интерпретация дополнительного объекта по объему содержания шире основного и более присуща последнему, однако и в этом случае допущена ошибка, на которую уже обращалось внимание: уголовный закон не охраняет свободу *средств* массовой информации.

Таким образом, предложенное определение объекта преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, во-первых, не соответствует сути уголовно-правового запрета и поставленным под охрану общественным отношениям; во-вторых, противоречит теоретическим положениям, согласно которым дополнительный объект «находится в плоскости иного родового объекта, чем основной непосредственный объект»³⁹⁶.

Т. Н. Нуркаева³⁹⁷ и Л. Г. Мачковский³⁹⁸ рассматриваемое преступление относят к числу деяний, посягающих на личные (гражданские) права и свободы человека.

³⁹⁵ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2008. С. 499.

³⁹⁶ Агаев И. Б. Состав преступления. М., 2008. С. 47.

³⁹⁷ См.: Нуркаева Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их обеспечение уголовно-правовыми средствами (вопросы теории и практики). Уфа, 2001. С. 206.

³⁹⁸ См.: Мачковский Л. Г. Охрана личных, политических и трудовых прав в уголовном законодательстве России и зарубежных стран. М., 2004. С. 85.

На наш взгляд, приведенные и иные подобного рода трактовки непосредственного объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов обусловлены одним общим обстоятельством – местом ст. 144 в Особенной части УК РФ. Включение ее в гл. 19 УК РФ, в которой интегрированы деяния против конституционных прав и свобод человека и гражданина, не могло не породить ряд проблем, относящихся, в первую очередь, к правовой природе рассматриваемого преступления.

В литературе устоялось мнение, что в Особенной части УК РФ преступления классифицированы по их родовому объекту, а в рамках последнего – по видовому объекту. Исходя из этого, как правило, и определяются соответствующие общественные отношения, характеризующие один из указанных объектов.

К сожалению, при формировании разд. VII УК РФ был допущен ряд существенных и формально-логических ошибок, которые повлекли за собой другие нарушения, в частности в определении соотношения родового и видового объектов. Указанный раздел УК РФ называется «Преступления против личности»: следуя логике законодателя, можно предположить, что он объединяет преступления против личности. Между тем гл. 19 УК РФ, входящая в этот раздел, называется «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Понятие «человек» шире, чем понятие «личность», а последнее шире, чем понятие «гражданин», которое указывает лишь на политико-правовую связь с определенным государством. «Здесь, с одной стороны, объект главы определен шире, чем раздел, а с другой – если термин “гражданин” выражает смысл, который вкладывает в него гражданское право (ст. 17 ГК РФ), т. е. физическое лицо, поскольку правоспособность гражданина возникает с момента его рождения, понятие “гражданин” отождествляется с понятием “человек”. И в этом содержании оба понятия равнозначны. Формулировку следует считать затемняющей сущность и содержание правоохраняемого блага.

Ибо одно и то же, выраженное посредством двух тождественных понятий, ничего не добавляет к сущности той реальности, которую оно отражает»³⁹⁹.

Вряд ли можно признать удачным и название гл. 19 УК РФ. Создается двойное впечатление: во-первых, можно считать, что все конституционные права и свободы сводятся лишь к тем, которые указаны в данной главе; во-вторых, права и свободы человека и гражданина, охраняемые нормами других глав УК РФ, не являются конституционными. Очевидно, что оба предположения ошибочны; ошибка обусловлена отмеченным ранее законодательным решением.

Кроме того, использование в названии гл. 19 УК РФ понятий «права человека» и «свободы человека» требует, на наш взгляд, определения их соотношения.

Согласно философским словарям, эти понятия во многом сходны (хотя между ними имеются некоторые отличия). Так, они трудно различимы по юридической природе, нормативному закреплению как в международных правовых актах, так и в национальном законодательстве, системе защиты и механизме реализации.

Свобода – это способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями⁴⁰⁰. А. Я. Азаров подчеркивает, что свобода человека представляет собой сферу человеческой деятельности, в которую государство не должно вмешиваться. Это, конечно, не означает, что оно безучастно к проявлению свободы человека. Во-первых, государство правовыми нормами очерчивает круг дозволенного, ее границы; во-вторых, принимает меры к обеспечению свободы человека, защите от вмешательства других лиц⁴⁰¹.

Ю. С. Гамбаров, основываясь на мнении Б. Константа⁴⁰² и Г. Еллинека⁴⁰³, обращал внимание на то, что свобода в юридическом смысле есть единое понятие,

³⁹⁹ Лысов М. Д. Логико-структурный анализ понятий и признаков преступлений в действующем Уголовном кодексе РФ // Государство и право. 1997. № 12. С. 74.

⁴⁰⁰ См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 47.

⁴⁰¹ См.: Азаров А. Я. Права человека. М., 1995. С. 28–29.

⁴⁰² Констан Бенжамен (Анри-Бенжамен Констан де Ребек, 1767–1830) – французский и швейцарский писатель, общественный и политический деятель.

⁴⁰³ Еллинек Георг (1851–1910) – немецкий юрист, государствовед, представитель юридического позитивизма.

имеющее виды (например, политическая, экономическая и т. д.)⁴⁰⁴. Между тем в названии гл. 19 УК РФ слово «свобода» использовано во множественном числе.

Прежде чем дать определение объекта рассматриваемого преступления, необходимо решить один принципиальный вопрос: в данном случае имеет место однообъектное или двухобъектное посягательство? Для этого надо хотя бы абрисно представить механизм его совершения. При характеристике последнего необходимо учесть способ воспрепятствования – принуждение журналиста. Следовательно, в механизм должен быть обязательно включен потерпевший, чья неприкосновенность нарушается путем указанного воздействия. Если исключить это, то, по сути, нивелируется значение способа совершения преступления, который в качестве криминообразующего признака отражен в ст. 144 УК РФ. Надо заметить, что данный прием законодательной техники не является исключительным; по такому принципу сформулирован ряд уголовно-правовых норм, в которых в качестве способа совершения деяния указано дополнительное действие, причиняющее вред личности: изнасилование и насильственные действия сексуального характера (ст. 131 и 132 УК РФ), посягательство на жизнь (ст. 277, 295 и 317 УК РФ) и др.

Таким образом, первая группа отношений, которые терпят урон при воспрепятствовании законной профессиональной деятельности, относится к личности потерпевшего.

Выявление сущности второй группы отношений зависит от того, какой будет признана юридическая природа рассматриваемого преступления, а значит, и определено место нормы в системе Особенной части УК РФ. Как уже указывалось, в настоящее время все криминалисты исходят из того, что деяние считается посягательством на конституционные права и свободы человека и гражданина. Однако такой подход законодателя к сущности уголовно-правового запрета вызывает сомнения. Как, например, можно говорить о нарушении конституционных прав человека и гражданина при принуждении к распространению сведений, соответствующих действительности? Казалось бы,

⁴⁰⁴ См. об этом подробно: *Гамбаров Ю. С.* Свобода и ее гарантии. СПб., 1910. С. 74–98.

наоборот, в этом случае обеспечивается право на получение информации. Еще одна деталь, которая, как нам кажется, свидетельствует о том, что рассматриваемым преступлением нарушаются не указанные права и свободы, а иные общественные отношения, свидетельствует проявление общественной опасности вовне⁴⁰⁵. Оно заключается не в причинении вреда журналисту (в данном случае это выступает способом совершения преступления), а в нанесении вреда информационной составляющей политической системы России. Кроме того, преступления против личности всегда предполагают конкретного потерпевшего – персонифицированное лицо, которому причинен физический или моральный вред. При воспрепятствовании же законной профессиональной деятельности журналиста терпит урон неограниченный круг лиц.

На наш взгляд, все дело в том, что юридическая природа рассматриваемого деяния совершенно иная, а не та, которая признана законодателем, а вслед за ним – учеными и практическими работниками.

Средства массовой информации, как указывалось, являются структурным элементом политической системы государства. Следовательно, при воспрепятствовании деятельности журналиста виновный посягает на средства массовой информации как институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающую связь между властью, политическими и общественными организациями и гражданами страны. Место нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование профессиональной работе журналиста, в гл. 29 УК РФ, которая объединяет преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, является сложным по структуре, имеет два непосредственных объекта: основным является средства массовой информации

⁴⁰⁵ Об общественной опасности как интегративном свойстве преступления и ее проявлении вовне подробно см.: *Виксин И. И., Маликов С. В., Чучаев А. И.* Безопасность беспилотных воздушных судов: информационные, функциональные и уголовно-правовые аспекты. М., 2022.

как подсистема (структурный элемент) политической системы; дополнительным – неприкосновенность личности. Такое соотношение основного и дополнительного непосредственных объектов соответствует теоретическим положениям, согласно которым они должны охватывать общественные отношения, охраняемые нормами различных глав УК РФ.

В составе преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, как уже говорилось, необходимо выделить потерпевшего как факультативный признак объекта⁴⁰⁶. В законе он обозначен родовым понятием «журналист»; легальное толкование термина содержится в Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (в ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации»⁴⁰⁷. Согласно ст. 2 этого закона, под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию.

Можно выделить признаки, характеризующие лицо как журналиста. Так, указанные виды деятельности должны производиться для средства массовой информации, имеющей государственную регистрацию. Следовательно, речь идет о корреспондентах, операторах, редакторах и некоторых других работниках. В литературе к их числу относят и корректора⁴⁰⁸. Однако он не занимается ни одним из видов деятельности журналиста, хотя безусловно связан с ней. В его обязанности входит правка орфографических и пунктуационных ошибок, опечаток, обеспечение единообразного написания различных символов и знаков, соответствия оформления текста ГОСТу. К числу потерпевших нельзя относить

⁴⁰⁶ О потерпевшем в уголовном праве подробно см.: *Анощенкова С. В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М., 2009; *Батюкова Е. В.* Потерпевший в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995; *Фаргиев И. А.* Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб., 2009; и др.

⁴⁰⁷ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300 ; 2021. № 24 (ч. 1). Ст. 4188.

⁴⁰⁸ См.: *Тимошенко В. А., Смушкин А. Б.* Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) (подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2015).

и блогеров, ведущих собственный блог (электронный дневник) и администрирующих его.

Средство массовой информации – периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиoproграмма, видеoproграмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием⁴⁰⁹. Это средство, как следует из его определения, должно иметь постоянное название, предназначаться для распространения массовой информации, т. е. печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов для неограниченного круга лиц, должно пройти государственную регистрацию (ст. 8)⁴¹⁰. Средство массовой информации считается зарегистрированным с даты принятия регистрирующим органом решения о его регистрации и внесения соответствующей записи в реестр зарегистрированных средств массовой информации⁴¹¹.

⁴⁰⁹ Закон выделяет следующие виды средств массовой информации:

- 1) периодическое печатное издание – газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное наименование (название) и выходящее в свет не реже одного раза в год;
- 2) радио-, теле-, видео-, кинохроникальная программа – совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное наименование (название) и выходящая в свет (в эфир) не реже одного раза в год;
- 3) специализированное – средство массовой информации, для регистрации и распространения продукции которого законодательством установлены специальные правила. К ним относятся рекламные и эротические издания (ст. 36 и 37 Закона «О средствах массовой информации»);
- 4) телеканал, радиоканал – сформированная в соответствии с сеткой вещания (программой передач) и выходящая в свет (эфир) под постоянным наименованием (названием) и с установленной периодичностью совокупность теле-, радиoproграмм и (или), соответственно, иных аудиовизуальных, звуковых сообщений и материалов; выделяются обязательные общедоступные телеканалы и (или) радиоканалы – телеканалы и радиоканалы, подлежащие распространению во всех средах вещания без взимания платы с потребителей (телезрителей, радиослушателей) за право просмотра и прослушивания;
- 5) сетевое издание – сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации.

⁴¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8; 2012. № 4.

⁴¹¹ См.: Порядок ведения регистрирующим органом реестра зарегистрированных средств массовой информации, утв. приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 21.11.2011 № 1036 (в ред. от 18.12.2017) // Российская газета. 2012. 7 марта. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может быть зарегистрирован как сетевое издание; сайт, не прошедший регистрацию, не может признаваться средством массовой информации.

Надо иметь в виду, что законодательством предусмотрено освобождение ряда средств массовой информации от регистрации. В соответствии со ст. 12 указанного закона не требуется регистрации:

1) средств массовой информации, учреждаемых органами государственной власти и органами местного самоуправления исключительно для издания их официальных сообщений и материалов, нормативных и иных актов;

2) периодических печатных изданий тиражом менее 1 тыс. экземпляров;

3) радио- и телепрограмм, распространяемых по кабельным сетям, ограниченным помещением и территорией одного государственного учреждения, одной образовательной организации или одного промышленного предприятия либо имеющим не более десяти абонентов;

4) аудио- и видеопрограмм, распространяемых в записи тиражом не более десяти экземпляров.

Для признания журналиста потерпевшим в смысле ст. 144 УК РФ необходимо, чтобы он был связан с редакцией⁴¹² трудовыми или договорными отношениями. Другими словами, он должен быть штатным ее работником либо выполнять работу, указанную в Законе «О средствах массовой информации», по гражданско-правовому договору. Журналистом также признается внештатный корреспондент (автор), не связанный с редакцией с указанными выше отношениями, а выполняющий лишь ее разовые поручения или представляющий уже готовый материал, при условии, что имеется документальное подтверждение его связи с редакцией. Это, в частности, вытекает из ст. 52 указанного закона, в которой говорится: «Профессиональный статус журналиста ... распространяется:

⁴¹² В соответствии со ст. 2 Закона «О средствах массовой информации» под редакцией средства массовой информации понимается организация, учреждение, предприятие либо гражданин, объединение граждан, осуществляющие производство и выпуск средства массовой информации.

на штатных сотрудников редакций, занимающихся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений или материалов для многотиражных газет и других средств массовой информации, продукция которых распространяется исключительно в пределах одного предприятия (объединения), организации, учреждения;

на авторов, не связанных с редакцией средства массовой информации трудовыми или иными договорными отношениями, но признаваемых ею своими внештатными авторами или корреспондентами, при выполнении ими поручений редакции».

В ст. 144 УК РФ специально оговаривается, что деятельность журналиста должна быть законной. При воздействии на него в случае неправомерных действий, в том числе связанных со сбором информации, юридическая оценка должна охватывать всю совокупную характеристику содеянного: от обстоятельств, исключающих преступность деяния, до причинения вреда потерпевшему; в последнем случае квалификация по ст. 144 УК РФ исключается.

Потерпевшим в этом преступлении, вопреки утверждению В. В. Палий⁴¹³ и А. В. Серебренниковой⁴¹⁴, не могут быть близкие журналиста. Если законодатель берет под охрану не только самого потерпевшего, но и его близких, то он это непосредственно указывает в самой уголовно-правовой норме. В ст. 144 УК РФ близкие журналиста не упоминаются. Именно в связи с этим предлагается расширить круг потерпевших, включив него и указанных лиц⁴¹⁵, хотя при этом непоследовательность законодателя очевидна: в ч. 3 ст. 144 УК РФ, наряду с журналистом, указаны его близкие.

В законе потерпевший представлен во множественном числе – журналисты. Множественное число при отражении в законе криминообразующего признака используется тогда, когда единственное число не отражает и не может отразить

⁴¹³ См.: Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. М., 2018. С. 91.

⁴¹⁴ См.: *Серебренникова А. В.* Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. М., 2005. С. 252.

⁴¹⁵ См., например: *Красильникова Е. В.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ)... С. 8.

отображаемое явление. В связи с этим закономерно возникает вопрос: есть ли состав рассматриваемого преступления в случае принуждения к указанному в законе поведению одного журналиста? Грамматическое толкование исключает его. Однако отвечает ли такая характеристика потерпевшего социальным реалиям? Думается, что нет. Более того, как правило, при совершении рассматриваемого преступления речь идет об одном журналисте, реже – о нескольких лицах, являющихся соавторами. Но единственное число, характеризующее потерпевшего, в такой ситуации не будет выступать препятствием для юридической оценки содеянного (все, что выше нижнего порога, будет охватываться нормой). На наш взгляд: в законодательном тексте указана синекдоха⁴¹⁶: вместо единственного числа употреблено множественное. Этот стилистический оборот должен быть устранен, что позволит уточнить содержание уголовно-правового запрета.

Наряду с потерпевшим в литературе выделяется предмет преступления, под которым понимается *«массовая информация (в смысле, заложенном в Законе РФ “О средствах массовой информации”), подготовленная журналистом (или находящаяся в иной степени готовности) для распространения в СМИ»*⁴¹⁷. На наш взгляд, выделение информации как предмета преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, не вытекает из описания уголовно-правового запрета, не согласуется с теоретическими положениями о сущности предмета преступления как признака объекта и его роли в механизме общественно опасного посягательства.

Здесь необходимо оговориться: в целом мы поддерживаем позицию, высказанную в литературе, что информация сама по себе, как таковая может

⁴¹⁶ *Синекдоха* – вид метонимии (оборота речи, тропа, выражающегося в замене одного слова другим на основании смежности двух понятий), стилистический оборот, состоящий в употреблении большего вместо меньшего, целого вместо части, общего вместо частного (см.: Словарь иностранных слов в русском языке / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М., 1996. С. 637.

⁴¹⁷ См.: *Красильникова Е. В.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. С. 8. См. также: *Каримова Ю. В.* Определение объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов. С. 129; и др.

выступать и в ряде случаев по УК РФ выступает предметом преступления⁴¹⁸. Речь же идет о дискуссионности ее признания предметом преступления в воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналистов.

В литературе под предметом преступления принято считать «указанный в законе объект материального мира, путем создания или воздействия на которые виновный непосредственно осуществляет посягательство на объект преступления»⁴¹⁹. Из сказанного вычленим три момента, имеющих значение для анализируемого вопроса: во-первых, предмет создается виновным; во-вторых, при совершении преступления виновный непосредственно воздействует на него; в-третьих, он находится в генетической связи с общественными отношениями, поставленными под охрану уголовного закона. Недаром иногда говорят, что предмет является материальным выражением объекта. Ни одного из этих обстоятельств нет ни в характеристике состава преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, ни в механизме нарушения соответствующих общественных отношений. В рассматриваемом преступлении воздействие осуществляется не на информацию, которую собирается распространить журналист, а на него самого, поскольку именно его принуждают к совершению или отказу от совершения определенных действий.

Состав преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, по конструкции является формальным, следовательно, по общему правилу, объективная сторона характеризуется деянием – воспрепятствованием законной профессиональной деятельности журналистов. Однако надо иметь в виду, что законодатель посчитал необходимым в качестве обязательного признака объективной стороны, как уже говорилось, указать способ – принуждение журналиста. Таким образом, к числу конститутивных признаков данного элемента состава преступления отнесены

⁴¹⁸ Подробно об этом, например, см.: Букалерева Л. А., Остроушко А. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений с использованием информации как предмета преступлений и предмета совершения корыстных преступлений // Научные труды РАЮН : в 2 т. М., 2002. Вып. 2, т. 1. С. 411.

⁴¹⁹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. Т. 6: Объект преступления. Объективная сторона преступления. С. 164.

деяние и способ, который представляет собой так называемое дополнительное действие.

Термин «воспрепятствование» в уголовном законодательстве встречается достаточно часто; например, он использован для описания деяния, предусмотренного ст. 141 УК РФ. Лексическое значение термина многозначно: «воспрепятствование» означает блокирование, преграждение, срывание, торпедирование и т. д. Применительно к рассматриваемому преступлению воспрепятствование необходимо рассматривать с учетом цели его совершения – заставить журналиста распространить информацию или, наоборот, отказаться от этого.

В литературе, характеризуя воспрепятствование, как правило, перечисляют ряд обстоятельств, относящихся к нему: установление цензуры; вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции; незаконное прекращение или приостановление деятельности средства массовой информации; нарушение права редакции на запрос и получение информации; незаконное изъятие, а равно уничтожение тиража или его части; ограничения на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну⁴²⁰. Вероятно, все перечисленные обстоятельства в той или иной мере влияют на деятельность соответствующего издания, однако, на наш взгляд, не могут характеризовать объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ. Во всех без исключения перечисленных ситуациях нет главного – принуждения журналиста, являющегося

⁴²⁰ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). С. 338.

А. В. Курсаев также полагает, что формы воспрепятствования указаны в ст. 58 Закона РФ «О средствах массовой информации», но при этом оговаривается, что они должны быть связаны с принуждением журналиста (см.: *Курсаев А. В.* Способы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации) // *Юридическая науки и правоприменительная практика.* 2017. № 3 (41). С. 51). Однако невозможно себе представить, как в этом случае будут спрягаться деяние, способ его совершения и цель преступления, если, например, воспрепятствование – уничтожение тиража, законодательно определенный способ – принуждение, цель – распространение информации?

криминообразующим признаком рассматриваемого состава преступления⁴²¹. Следовательно, указанные деяния не могут квалифицироваться по ст. 144 УК РФ; в зависимости от конкретных обстоятельств, они могут быть признаны другими преступлениями, например злоупотреблением должностными полномочиями.

Принуждение как способ совершения преступления охватывает различные по характеру действия – это вытекает из значения самого слова «принуждать»: насилие, насильственная мера⁴²². Принуждение создает внутреннюю или внешнюю ситуацию, из-за которой человек не имеет возможности сделать свободный выбор или принять решение. Сказанное можно проиллюстрировать следующим образом: на одной чаше весов находятся личные интересы журналиста, на другой – интересы законной профессиональной деятельности. Будучи в состоянии подавленной воли, он поступает в соответствии с требованиями принуждающего. Принуждение – это психическое насилие над личностью, осуществляемое в той или иной форме: шантаж, угроза правоохраняемым интересам и т. д. При этом надо иметь в виду, что угроза применения насилия выступает особо квалифицирующим признаком (ч. 3 ст. 144 УК РФ).

Фактически примененное физическое насилие, повреждение или уничтожение имущества⁴²³ не охватываются ч. 1 ст. 144 УК РФ. К насилию нельзя отнести и побои, поскольку ответственность за них обусловлена либо

⁴²¹ Не соответствует законодательному описанию преступления утверждение о том, что принуждение может осуществляться путем воздействия на орган массовой информации: угроза прекращения или приостановления его деятельности, уничтожение тиража, или его части и иные подобные деяния (см.: Уголовное право России, части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 501; Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс / науч. ред. Е. В. Благов. С. 454). В законе говорится: «...путем принуждения *их...*»; законодателем использовано личное местоимение, указывающее на журналистов. Органы (законодательство использует термин «средства») массовой информации в ст. 144 УК РФ не упоминаются, воздействие на указанные средства не вытекает и в целом из смысла уголовно-правовой нормы.

⁴²² Анализ принуждения подробно дан при его характеристике как квалифицирующего признака преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ.

⁴²³ На наш взгляд, необоснованными являются имеющиеся в литературе утверждения о том, что принуждение охватывает физическое насилие – причинение вреда здоровью, побои, лишение и ограничение свободы, похищение журналиста (см.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. С. 198). Насилие, повреждение и уничтожение имущества выступают в качестве особо квалифицирующего признака, о чем прямо сказано в ч. 3 ст. 144 УК РФ.

специальным мотивом (хулиганские побуждения, политическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда, ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы – ст. 116 УК РФ), либо административной преюдицией (ст. 116.1 УК РФ)⁴²⁴.

Вопреки мнению Н. Г. Кадникова, вряд ли можно признавать принуждением обещание вознаграждения, поощрения журналиста в какой-бы то ни было форме: карьерный рост, перевод в более престижное издание, премирование, оказание услуг, имеющих материальный характер, и др.⁴²⁵

Преступление считается оконченным с момента совершения принуждения, независимо от того, удалось ли достичь цели – заставить журналиста распространить либо, наоборот, отказаться от распространения информации.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что препятствует законной профессиональной деятельности журналиста, принуждая его к распространению или к отказу от распространения информации, и желает совершить указанные действия.

В литературе цель принуждения, как правило, не выделяется, а там, где она указывается, не определяется ее значение в составе преступления⁴²⁶. Между тем, на наш взгляд, она выступает конститутивным признаком субъективной стороны и заключается в принуждении журналиста распространить или отказаться от распространения информации. При иной цели совершения принуждения состав преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, исключается; в зависимости от конкретных обстоятельств содеянное в этом случае будет охватываться иными нормами УК РФ, предусматривающими ответственность за преступления против личности, собственности и т. д.

⁴²⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2018. С. 497.

⁴²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). С. 338.

⁴²⁶ См.: *Серебренникова А. В.* Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. С. 253.

Согласно ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации», под распространением понимаются продажа, подписка, доставка, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, вещание телеканала, радиоканала (телевизионное вещание, радиовещание), вещание телепрограммы, радиопрограммы в составе соответственно телеканала, радиоканала, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию, иные способы распространения. Таким образом, данный закон предусматривает несколько форм распространения массовой информации:

1) продажа – предоставление продукции в собственность на возмездной основе;

2) подписка – форма распространения периодических печатных изданий, включающая в себя ряд технологических операций, в том числе прием подписки на указанные издания, и, если это предусмотрено в договоре подписки, их доставку⁴²⁷;

3) доставка – осуществляемые на возмездной или безвозмездной основе по заказу потребителя или без такового, в рекламных целях или в качестве социального проекта транспортировка и передача продукции из места изготовления или хранения непосредственно потребителю; она может иметь как самостоятельное значение, так и выступать составной частью продажи и подписки;

4) раздача – предоставление продукции на безвозмездной основе;

5) трансляция радио- и телепрограмм – осуществляемое с помощью специальных технических устройств по радиоволнам или кабельным сетям распространение выпусков программы;

6) демонстрация кинохроникальных программ – трансляция информации с материального носителя на экран;

⁴²⁷ См.: Правила распространения периодических печатных изданий по подписке, утв. постановлением Правительства РФ от 1 ноября 2001 г. № 759 // СЗ РФ. 2001. № 45. Ст. 4271.

7) доступ к сетевому изданию – предоставление возможности ознакомиться с информацией, выложенной на сайте сетевого издания⁴²⁸;

8) иные способы – охватывает все возможные варианты распространения, кроме указанных выше (например, рассылка информации вне зависимости от подписки и желания адресата)⁴²⁹.

В ст. 144 УК РФ форма распространения не оговаривается, следовательно, имеется в виду любая из указанных выше.

Сущность отказа от распространения информации как цели воздействия на журналиста очевидна. Куда более сложным для толкования является ситуация, когда имеет место принуждение к распространению информации. Характеристика этого обстоятельства является затемненной, ее можно толковать по-разному, например как принуждение к распространению заведомо ложной информации или, наоборот, достоверной информации, которую журналист по каким-либо причинам не хотел обнародовать, и т. д. Подобное описание одного из обязательных признаков состава преступления недопустимо, поэтому в рамках суброгации уголовно-правовой нормы необходимо более конкретно и четко указать цель рассматриваемого деяния.

В уголовном законе говорится о распространении (отказе от распространения) информации, тогда как одним из признаков средств массовой информации, как указывалось, является распространение ими не вообще информации, а массовой информации. Такая подмена понятий в законе недопустима, ведет к существенному сужению границ состава преступления.

Мотив не является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, он может быть различным: корысть, ложно понятые

⁴²⁸ Следует различать:

1) полный доступ – предусматривает возможность редактировать и удалять информацию, выложенную на сайте сетевого издания; таким доступом обладают только модераторы и администраторы, работающие в самом издании;

2) свободный доступ – быстрый, полнотекстовый, постоянный доступ к изданию;

3) ограниченный доступ – предоставляется доступ либо к части информации, либо ко всей информации, но без возможности ее копирования (только для ознакомления).

⁴²⁹ См. подробно: Комментарий к Закону РФ «О средствах массовой информации» / под ред. В. В. Погуляева. М., 2005. С. 16.

корпоративные интересы, политические симпатии (антипатии) и т. д. Не влияя на квалификацию содеянного, мотив может быть учтен при определении вида и размера (срока) наказания.

Субъектом преступления признается лицо, достигшее возраста 16 лет.

В ст. 144 УК РФ выделены квалифицирующие и особо квалифицирующие обстоятельства:

– воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2);

– указанное деяние, соединенное с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой применения такого насилия (ч. 3)⁴³⁰.

Их толкование не вызывает затруднений ни в теории, ни на практике. В первом случае виновный, препятствуя законной профессиональной деятельности журналистов, использует свое служебное положение, обусловленное:

1) выполнением управленческих функций в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, функций единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также постоянно, временно или по специальному полномочию выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в этих организациях (примечание 1 к ст. 201 УК РФ);

2) исполнением постоянно, временно или по специальному полномочию функции представителя власти или выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных

⁴³⁰ В Комментариях к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практическом, постатейном), изданном в 2019 г. ч. 3 ст. 144 УК РФ, не приводится, хотя она введена в Уголовный кодекс в 2011 г.

учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ (примечание 1 к ст. 285 УК РФ).

Следовательно, в этом случае ответственность за преступление несет специальный субъект.

Насилие как особо квалифицирующий признак рассматриваемого состава преступления охватывает: 1) истязание (ст. 117 УК РФ), хотя в реальности вряд ли оно может быть, поскольку закон предполагает причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями; 2) причинение легкого вреда и средней тяжести вреда здоровью. Причинение тяжкого вреда здоровью и смерти потерпевшего следует квалифицировать по совокупности: по ч. 3 ст. 144 и соответственно по ст. 111 или 105 УК РФ.

Характеризуя угрозу как особо квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 3 ст. 144 УК РФ, законодатель связывает ее содержание с содержанием насилия («...а равно с угрозой применения такого насилия»). Следовательно, она охватывает высказанное вонне желание виновного совершить в отношении потерпевшего истязание, причинить легкий вред или средней тяжести вред здоровью человека. Причем буквальное толкование ч. 3 ст. 144 УК РФ дает основание считать, что в содержание угрозы не может входить уничтожение или повреждение имущества.

Уничтожение предполагает приведение имущества в полную непригодность либо в такое состояние, когда его восстановление экономически нецелесообразно; при повреждении возможность использования имущества сохраняется и в поврежденном состоянии, а его ремонт экономически целесообразен.

Надо иметь в виду, что потерпевшим в особо квалифицированном виде рассматриваемого преступления, в отличие от основного его состава, могут быть

не только журналисты, но и их близкие. В ст. 5 УПК РФ выделяются две группы близких:

а) близкие лица – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений;

б) близкие родственники – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка и внуки.

По сути, аналогичным образом раскрыто понятие «близкие» в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (в ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»⁴³¹.

В отличие от содержания квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, в целом воспринимаемых в теории и на практике одинаково, их соотношение с основным составом преступления, обрисованным в ч. 1 ст. 144 УК РФ, обуславливает ряд проблем. Так, в ч. 2 статьи указано: «то же деяние...», т. е. то же самое деяние, что и характеризует основной состав, но отягченный использованием виновным своего служебного положения. В связи с этим возникает вопрос: как трактовать понятие «деяние» – как синоним преступления (в УК РФ в таком значении оно используется в ряде уголовно-правовых норм – ст. 2, 8, 9, 14), т. е. в широком смысле, или как признак объективной стороны, характеризующий две формы человеческого поведения (действие или бездействие), т. е. в узком смысле?

Если исходить из широкого понимания, то тогда возникают проблемы соотношения, например, способов совершения преступления: путем принуждения (ч. 1) и принуждения, соединенного с насилием (ч. 3), или, более того, принуждения (ч. 1) с угрозой применения насилия (ч. 3). Но, как уже указывалось, принуждение – тоже насилие и, в первую очередь, информационное. Таким образом, получается следующая юридическая формула, противоречащая, на наш

⁴³¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3 ; 2015. № 5.

взгляд, здравому смыслу: принуждение, соединенное с насилием или угрозой применения насилия.

Если же исходить из узкого понимания деяния, то такая презумпция, во-первых, не соответствует правилам построения квалифицированных и особо квалифицированных видов составов преступлений; во-вторых, допускает возможность изменения сути уголовно-правового запрета.

Обозначенная проблема, к сожалению, достаточно часто встречается в УК РФ и требует, на наш взгляд, самостоятельного исследования в рамках проблемы дифференциации уголовной ответственности⁴³².

В литературе высказаны предложения по совершенствованию описания рассматриваемого преступления. Так, ч. 1 ст. 144 УК РФ предлагается представить в следующем виде:

«Воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста путем принуждения его к распространению или отказу от распространения информации, в том числе посредством воздействия в тех же целях на близких журналисту лиц...»⁴³³

Как видно из этой формулировки проекта уголовного запрета, автором, во-первых, предлагается исключить из текста закона указание на законный характер деятельности журналиста⁴³⁴; во-вторых, потерпевший называется

⁴³² См. об этом подробно: *Кругликов Л. Л., Василевский А. В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003; *Лесниевски-Костарева Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000; и др.

⁴³³ *Красильникова Е. В.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. С. 9.

⁴³⁴ Исключить данное обстоятельство из характеристики уголовно-правового запрета предлагается и другими авторами. Так, утверждается, что «ссылка в диспозиции на воспрепятствование законной деятельности журналистов позволяет виновным уходить от ответственности. Дело в том, что законность в деятельности журналиста – весьма оценочное понятие, и поэтому различные подходы к той или иной информации таят опасность произвола. Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием. Поэтому действия по воспрепятствованию такой законной профессиональной деятельности журналистов, как приостановление или прекращение деятельности средства массовой информации, конфискация тиража и т. д., должны осуществляться не иначе как по судебному решению, а не по воле должностного лица, какое бы высокое положение оно не занимало» (Комментарий

в единственном числе; в-третьих, в число последних включаются и близкие журналиста.

В ч. 2 и 3 ст. 144 УК РФ Е. В. Красильникова предлагает дополнить соответственно квалифицирующим и особо квалифицирующим признаками: а) воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста в отношении двух и более лиц; б) совершение деяния лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ⁴³⁵.

Обращает на себя внимание то, что в ч. 2, в отличие от ч. 1 ст. 144 УК РФ, близкие журналиста уже не упоминаются, хотя принуждение в отношении его самого как признак объекта сохраняется, что, безусловно, характеризует непоследовательность автора.

Против признания потерпевшим близкого журналиста высказалась Р. Д. Ишимова. Она считает, что в случае опосредованного воздействия на журналиста, например путем принуждения к его близким, действия виновного подлежат самостоятельной оценке по другим статьям УК РФ, поскольку объектом преступления выступают исключительно отношения, касающиеся профессиональной деятельности журналиста⁴³⁶.

Д. Р. Гайнутдинов предлагает сформулировать ч. 1 ст. 144 УК РФ следующим образом: «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов любым способом и в любой форме...»⁴³⁷ При такой формулировке уголовно-правового запрета, когда ни деяние, ни способ совершения преступления, должным образом не конкретизированы, либо норма вообще

к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под ред. В. В. Мозякова. С. 302).

Эту позицию поддержала А. В. Серебренникова (см.: *Серебренникова А. В.* Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. С. 252).

⁴³⁵ См.: *Красильникова Е. В.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. С. 9.

⁴³⁶ См.: *Ишимова Р. Д.* Признаки потерпевшего от воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 2. С. 37.

⁴³⁷ *Гайнутдинов Д. Р.* Уголовная ответственность за посягательство на свободу массовой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 20–21.

не будет применяться, либо содержание признаков состава преступления будут толковаться произвольно, исходя «из сущности момента».

В целом те же недостатки присущи проекту, сформулированному Ю. В. Каримовой: «Воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности представителя СМИ, а также принуждение его к распространению информации или отказу от распространения информации...»⁴³⁸ Кроме появления большого количества оценочных понятий (причем, на наш взгляд, ничем не обоснованное; например, как в случае замены легально определенного понятия «журналист» на понятие, не имеющее конкретного содержания – «представитель»), автором, по сути, в уголовно-правовой запрет вводится, хотя и близких между собой, но два самостоятельных преступления: во-первых, воспрепятствование соответствующей деятельности; во-вторых, принуждение к определенному поведению (союз «а также» имеет присоединительное значение⁴³⁹). Тогда возникают вопросы: какой смысл вкладывается в содержание воспрепятствования и каковы способы совершения указанных деяний?

По нашему мнению, нужен принципиально иной подход, охватывающий иную оценку юридической природы рассматриваемого преступления и, следовательно, место нормы в системе Особенной части УК РФ. Нами уже указывалось, что средства массовой информации представляют собой подсистему политической системы государства. Исходя из этого, предлагается предусмотреть три уголовно-правовые нормы: одну для обеспечения функционирования институционально-субъектной, информационной подсистемы – важного структурного элемента политической системы, в том числе характеризующей состоянии демократии в стране; две нормы для обеспечения безопасности журналиста в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей и его близких. Их можно сформулировать следующим образом:

⁴³⁸ Каримова Ю. В. Определение объекта воспрепятствования профессиональной деятельности журналистов. С. 132.

⁴³⁹ См.: Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов» // СПС «КонсультантПлюс».

«Статья ... Воспрепятствование деятельности средств массовой информации

1. Воспрепятствование деятельности средств массовой информации по распространению массовой информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, –

наказывается... (тяжкое преступление)».

«Статья ... Посягательство на жизнь журналиста

Посягательство на жизнь журналиста, а равно его близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанного лица либо из мести за такую деятельность –

наказывается... (особо тяжкое преступление)».

«Статья ... Применение насилия в отношении журналиста

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении журналиста или его близких в связи с его законной профессиональной деятельностью, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, –

наказывается... (тяжкое преступление)».

Все три статьи целесообразно поместить в гл. 29 УК РФ.

Резюмируем изложенное.

1. Преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, имеет иную правовую природу, нежели это определено законодателем; оно посягает на средства массовой информации как институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающую связь между властью, политическими и общественными организациями и гражданами страны. Место нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование

профессиональной работе журналиста, в гл. 29 УК РФ, которая объединяет преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

2. Преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, является сложным по структуре, имеет два непосредственных объекта: основным является средства массовой информации как подсистема (структурный элемент) политической системы; дополнительным – неприкосновенность личности.

3. Исходя из необходимости приведения объекта преступления и места нормы о нем с правовой природой посягательства и усиления уголовно-правового обеспечения функционирования средств массовой информации и защиты жизни и здоровья журналистов, выполняющих профессиональные обязанности по законному распространению массовой информации, необходимо исключить ст. 144 УК РФ из Уголовного кодекса, а вместо нее гл. 29 УК РФ дополнить новыми статьями, отражающими указанные объекты охраны.

§ 2. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля

Своеобразие законодательного описания рассматриваемого преступления обусловило ряд теоретических проблем характеристики его состава, а также практики применения уголовно-правовой нормы. Статья 277 УК РФ гласит: «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность»⁴⁴⁰.

Впервые законодатель использовал термин «посягательство» вместо привычного, устоявшегося веками термина «убийство», в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1962⁴⁴¹, которым УК РСФСР был дополнен

⁴⁴⁰ Деяние отнесено к преступлениям террористического характера (прим. к ст. 2051 УК РФ).

⁴⁴¹ URL: www.libussr.ru.

ст. 1912, предусматривающей уголовную ответственность за посягательство на жизнь работников милиции или народных дружинников в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка⁴⁴². С указанного времени, как заметил Я. М. Браинин, «неопределенность термина “посягательство” ... породила целую литературу этого вопроса»⁴⁴³.

Однако законодатель не отказался от него; более того, в УК РФ использовал его уже в трех уголовно-правовых нормах, содержащихся в ст. 277, 295 и 317. Э. С. Тенчов и А. С. Драченев, пытаясь обосновать целесообразность применения подобной юридической формулы, исключаящей стадию покушения на преступление, пишут, что этому может быть только одно объяснение: ч. 4 ст. 66 УК РФ не позволяет применять смертную казнь и пожизненное лишение свободы в случае неоконченного преступления, а разработчики Кодекса попытались преодолеть данное препятствие в трех указанных специальных нормах⁴⁴⁴.

Определение объекта рассматриваемого преступления, помимо всего прочего, осложнено еще и тем, что в теории уголовного права авторитетными учеными высказано мнение, согласно которому в преступлениях, предусматривающих в качестве потерпевшего человека, объектом посягательства неправомерно признавать общественные отношения, как предложил в свое время А. А. Пионтковский⁴⁴⁵ и как считалось практически всеми учеными до 90-х гг. прошлого века. Теперь же, например, А. В. Наумов утверждает, что теория объекта преступления как общественных отношений уже «не срабатывает», следовательно, не может быть универсальной, в связи с чем подлежит пересмотру⁴⁴⁶. Некоторые авторы общественные отношения объектом преступления признают с оговоркой, при этом придавая им новое, специфическое значение – как правопорядка, установленного для обеспечения прав, свобод

⁴⁴² Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449.

⁴⁴³ Браинин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 235.

⁴⁴⁴ См.: Тенчов Э. С., Драченев А. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 7.

⁴⁴⁵ См.: Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 129–130.

⁴⁴⁶ См.: Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 147.

и интересов личности. Признание же приоритета человека над иными социальными ценностями, по мнению, например А. А. Тер-Акопова, требует нового понимания объекта уголовно-правовой охраны⁴⁴⁷.

Кроме того, в литературе отмечается, что выделение специальных норм, отраженных в ст. 277, 295 и 317 УК РФ, свидетельствует о неравенстве уголовно-правовой охраны в зависимости от статуса потерпевшего; в указанном случае имеет усиленная защита жизни и здоровья отдельных категорий лиц⁴⁴⁸.

Между тем, характеризуя объект рассматриваемого преступления, следовательно, и характер его общественной опасности, авторы фактически единодушны, все предлагаемые определения отличаются лишь нюансами. В этом нетрудно убедиться, обратившись к конкретным высказываниям ученых. Так, А. И. Рарог полагает, что преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, посягает на политическую систему РФ⁴⁴⁹; по сути, аналогичная точка зрения высказана Р. Р. Галиакбаровым⁴⁵⁰, Н. И. Ветровым⁴⁵¹, А. Б. Беляевым⁴⁵², С. И. Никулиным⁴⁵³.

По А. В. Наумову, объектом рассматриваемого преступления выступает конституционный принцип политического многообразия и многопартийности⁴⁵⁴; И. Л. Марогулова к этому принципу добавляет еще один – принцип равенства граждан⁴⁵⁵. По нашему мнению, принцип как «первоначало, руководящая идея,

⁴⁴⁷ См.: Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. С. 56.

Дальше всех пошел Г. П. Новоселов. Он утверждал, что «...объектом любого преступления, а не только направленного против личности, являются люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множество лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих – как социум» (Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 60).

⁴⁴⁸ См.: Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. С. 56.

⁴⁴⁹ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. С. 312.

⁴⁵⁰ См.: Уголовное право. Особенная часть. М., 1999. С. 439.

⁴⁵¹ См.: Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. М., 2000. С. 373.

⁴⁵² См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2000. С. 361.

⁴⁵³ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2008. С. 570.

⁴⁵⁴ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право : в 3 т. М., 2011. Т. 3. С. 352.

⁴⁵⁵ См.: Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 1999. С. 454.

основное правило поведения»⁴⁵⁶ не может являться объектом какого-либо преступления вообще, в том числе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля. А добавление, сделанное И. Л. Марогуловой, к тому же, искажает суть общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом.

С. В. Бородин⁴⁵⁷ и Е. В. Благов⁴⁵⁸ исходят из того, что преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, нарушает внутреннюю безопасность государства⁴⁵⁹. Последнее, следует заметить, охраняется другими уголовно-правовыми нормами, поэтому авторы, на наш взгляд, неверно трактуют социальную направленность деяния. Не отражает специфику посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля такой объект, как основы конституционного строя РФ⁴⁶⁰, поскольку в этом случае не указывается, что из последних нарушается преступлением.

Трудно согласиться с утверждением Ю. Е. Пудовочкина о том, что данное деяние посягает на общественные отношения, складывающиеся во внутривластной сфере реализации государственного суверенитета⁴⁶¹. Во-первых, неудачной представляется ссылка на сферу общественных отношений; сфера представляет собой область, в которой отношения существуют, но при этом в определении нет главного – не называется, по поводу чего они возникают и каково их содержание. Именно последнее обстоятельство делает

⁴⁵⁶ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 382.

⁴⁵⁷ См.: Уголовное право России : в 2 т. М., 1998. Т. 2: Особенная часть. С. 609.

⁴⁵⁸ См.: Благов Е. В. Особенная часть уголовного права. М., 2012. С. 308.

⁴⁵⁹ В литературе также утверждается, что посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля представляет угрозу основам конституционного строя России и политической стабильности, поскольку создает обстановку, при которой могут обостриться противоречия в политической сфере, претерпеть урон авторитет государства на международной арене (см.: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М., 2012. С. 632).

⁴⁶⁰ См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 817; Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. П. Ревина. М., 2000. С. 694.

⁴⁶¹ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2008. С. 939.

неприемлемым такой подход к характеристике анализируемого элемента состава преступления.

Кроме того, автор различает объект преступления (который он рассматривает как составной) в зависимости от его цели и мотива, что уже само по себе вызывает много вопросов, основным из которых является возможность определения сущности нарушаемых общественных отношений исходя из указанных признаков состава преступления при неизменной социальной направленности деяния? По мнению Ю. Е. Пудовочкина, при посягательстве на жизнь потерпевшего с целью прекращения профессиональной деятельности лишение жизни является необходимым условием причинения вреда общественным отношениям, характеризующим его профессиональную или общественную деятельность. В качестве таковых он называет суверенитет государства и безопасность личности, что не соответствует объекту преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ.

При посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля из-за мести за предыдущую деятельность виновный, как считает автор, не может нарушить общественные отношения по поводу его деятельности, следовательно, в этом случае объектом преступления выступает жизнь человека⁴⁶². На наш взгляд, такая трактовка данного элемента преступления не вытекает из закона, не основана на конституционных положениях политической системы России.

Как уже говорилось, причинение смерти человека также обусловило дискуссию об объекте преступления и его виде. Многие авторы признают жизнь государственного или общественного деятеля вторым (дополнительным) объектом преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ. Такой подход согласуется с механизмом совершения деяния: виновный, посягая на жизнь указанного лица как обладателя соответствующих функций, тем самым нарушает основы политической системы страны. Это не означает умаления значения жизни другого человека, нарушения приоритетов уголовно-правовой охраны, обозначенных в ст. 2 УК РФ. Второй объект является необходимым элементом,

⁴⁶² См.: Там же. С. 939–940.

без которого не может быть данного преступления в принципе. Его наличие повышает степень общественной опасности содеянного, что естественно отражается в санкции статьи. Таким образом, последнее обстоятельство нельзя трактовать как нарушение равенства уголовно-правовой защиты жизни государственного или общественного деятеля по сравнению с другими потерпевшими; оно отражает объективно существующую опасность преступления, нарушающего две группы отношений: основы политической системы РФ и жизнь человека. При лишении жизни, ответственность за которое предусмотрено ст. 105 УК РФ, подобного сочетания нет.

С такой характеристикой двухобъектного преступления, где вторым объектом выступает жизнь другого человека, не соглашался А. А. Тер-Акопов, считавший, что жизнь должна всегда признаваться самостоятельным (основным) объектом уголовно-правовой охраны исходя из приоритетов уголовно-правовой охраны⁴⁶³. Формально, это утверждение верно и соответствует ст. 2 УК РФ.

⁴⁶³ См.: Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. С. 56.

В литературе даже высказано мнение о переносе нормы, устанавливающей уголовную ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, из гл. 29 в гл. 16 и ее включении в ч. 2 ст. 105 УК РФ, признав таким образом рассматриваемое деяние квалифицированным видом убийства (см.: Павлов В. Г. Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Проблемы уголовной политики, экологии и права : сб. мат-лов Междунар. науч.-практич. конф. 24–25 мая 2010 г. СПб., 2010. С. 126).

Есть и другое, более кардинальное предложение: предписания ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ объединить в рамках ч. 3 ст. 105 УК РФ, предусмотрев следующую ее редакцию:

«3. Убийство:

а) государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности;

б) судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность;

в) сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность;

г) убийство членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы, совершенное с целью полного или частичного уничтожения этой группы, – наказывается...»

По мнению авторов, введение нормы позволит рельефно обозначить приоритет интересов личности и более последовательно подойти к построению уголовно-правовых норм

Но если пойти по предложенному автором пути и считать жизнь объектом всех преступлений, которыми причиняется смерть человека, то фактически утрачивается возможность различать общественно опасные деяния между собой, поскольку все они будут иметь одну социальную направленность – жизнь другого человека (например, убийство и причинение смерти в результате автотранспортного преступления).

Интересное суждение об объекте рассматриваемого преступления высказали Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев. По их мнению, «в качестве объекта преступления следует признавать неприкосновенность личности государственного или общественного деятеля. При таком подходе интересы политической системы РФ не утрачивают своего уголовно-правового значения; они характеризуют особый статус указанных потерпевших и проявляются в осуществляемых ими функциях как представителей государственной власти или общественных объединений, реализующих отдельные направления внутренней или внешней политики государства»⁴⁶⁴. Несмотря на привлекательность этой точки зрения, в какой-то степени «примиряющей» имеющиеся разногласия в оценке анализируемого элемента состава преступления, вряд ли она может претендовать на окончательное решение проблемы. Дело в том, что авторы, на наш взгляд, очень тонко меняют акцент: вместо основ политической системы они переносят его на личность потерпевшего. Между тем Ф. М. Рудинский, например, обоснованно подчеркивал, что правом неприкосновенности личности обеспечивается личная безопасность отдельных лиц⁴⁶⁵. Преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, как уже говорилось, имеет специфический механизм совершения, который в первую очередь предполагает включенность потерпевшего в конституционно-правовые

в рамках криминализации деяний, посягающих на личность (Криминализация и декриминализация как форма преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2018. С. 59). Мы же полагаем, что такой путь, наоборот, ведет к искажению правовой природы рассматриваемого преступления, из посягательства против основ политической системы превращает его в преступление против жизни.

⁴⁶⁴ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). С. 20.

⁴⁶⁵ См.: Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. С. 69.

отношения, характеризующие основы политической системы страны; виновный, исключая государственного или общественного деятеля из данных отношений, т. е. один из его элементов, тем самым нарушает указанные основы, определенные в Конституции РФ.

Законодатель, характеризуя потерпевшего, называет его видовые признаки:

1) государственный и 2) общественный деятель.

В литературе обоснованно обращается внимание на то, что для правильного определения круга лиц, которые могут признаваться потерпевшими в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ, необходимо устанавливать связь статуса лица с основами политической системы РФ, поскольку отсутствие такой связи исключает наличие указанного деяния. В качестве примера Е. Трошкин и С. Токмаков приводят убийство государственного служащего, которое не наносит серьезного урона функционированию политической системы РФ⁴⁶⁶.

Характеризуя потерпевшего как государственного или общественного деятеля, авторы, как правило, ограничиваются перечнем, в который включают руководителей государства и высших должностных лиц органов законодательной, исполнительной и судебной власти. С. У. Дикаевым предпринята попытка дать обобщенное определение государственного деятеля. По его мнению, «это, прежде всего, политическая фигура, непосредственно определяющая внутреннюю и внешнюю политику государства, либо решающая глобальные задачи, имеющие политическое значение»⁴⁶⁷. Вряд ли это определение можно рассматривать в качестве хотя бы исходной точки в констатации круга лиц, относящихся к государственным деятелям, из-за неопределенности, расплывчатости формулировок, оценочного характера ряда признаков, требующих собственного истолкования.

⁴⁶⁶ См.: Трошкин Е., Токмаков С. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовное право. 2009. № 5. С. 88.

⁴⁶⁷ Дикаев С. У. Уголовно-правовой анализ некоторых преступлений террористического характера (ст. 277 и 360 УК) // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности : сб. тр. докторантов, адъюнктов и соискателей. СПб., 2002. Вып. 16. С. 114.

Для определения потерпевшего, скорее всего, имеет значение уровень органов власти, хотя в литературе по этому вопросу высказаны диаметрально противоположные мнения. Например, глав органов местного самоуправления А. Н. Игнатов относил к потерпевшим в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ⁴⁶⁸, А. В. Наумов, наоборот, исключал их из числа таковых, обоснованно утверждая, что «государственным деятелем может быть признано лицо, занимающее достаточно высокий пост в государстве»⁴⁶⁹.

По нашему мнению, государственный деятель – это лицо, занимающее должность, установленную:

1) Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Указанное положение находит конкретизацию в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 15.01.1995 № 32 (в ред. от 29.10.2021)⁴⁷⁰. В него, в частности, включены: Президент РФ, председатель Правительства РФ, первый заместитель и заместители председателя Правительства РФ, министры РФ и федеральные министры, чрезвычайные и полномочные послы, председатель Совета Федерации Федерального Собрания, первый заместитель и заместители председателя Совета Федерации, председатель Государственной Думы и др.;

2) конституцией или уставом субъекта Российской Федерации. Эти должности перечислены в Указе Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 (в ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации»⁴⁷¹: первый заместитель и заместители высшего должностного лица субъекта РФ, председатель законодательного органа государственной власти субъекта РФ и его заместители, председатель конституционного (уставного) суда и др.

Расширительному толкованию круг потерпевших лиц, предусмотренных ст. 277 УК РФ, не подлежит.

⁴⁶⁸ См.: Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права : в 2 т. М., 2002. Т. 2: Особенная часть. С. 768.

⁴⁶⁹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Т. 3. С. 353.

⁴⁷⁰ Российская газета. 1995. 17 января ; 2021. № 44 (ч. 3). Ст. 7398.

⁴⁷¹ СПС «КонсультантПлюс».

При определении государственного деятеля Е. А. Иванченко⁴⁷² предлагает исходить не из приведенных выше указов Президента РФ, а из двух федеральных законов: от 27.05.2003 № 58-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О системе государственной службы Российской Федерации»⁴⁷³ и от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴⁷⁴. «Эта рекомендация не решит проблему установления круга лиц, признаваемых потерпевшими по ст. 277 УК РФ; ее использование лишь даст возможность определить виды соответствующих служб в Российской Федерации и не более того»⁴⁷⁵.

В теории уголовного права нет единства относительно признания потерпевшим судей. Однако даже сторонники этой позиции не сходятся во мнении по конкретным вопросам: одни признают таковыми всех судей безоговорочно; другие включают в их число только федеральных судей, третьи говорят лишь о «чинах высшей судебной власти»⁴⁷⁶. Последняя позиция, хотя и выражена не очень корректно, является более предпочтительным в силу следующих причин. Во-первых, УК РФ содержит специальную норму (ст. 295), предусматривающую ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (имеет ту же юридическую формулу преступления). Она конкурирует с нормой, отраженной в ст. 277 УК РФ (конкуренция специальных норм), в случае причинения смерти лицу, осуществляющего правосудие, применяется ст. 295 УК РФ как прямо предусматривающего в качестве потерпевшего судью. Уже одно это обстоятельство исключает признание последнего потерпевшим в преступлении, описанном в ст. 277 УК РФ. Во-вторых, в соответствии с п. 2 и 3 ст. 3 Закона РФ

⁴⁷² См.: Российское уголовное право : в 2 т. / под ред. Э. Ф. Побегайло. М., 2008. Т. 2: Особенная часть. С. 578.

⁴⁷³ СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063 ; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5179.

⁴⁷⁴ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215 ; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 6.

⁴⁷⁵ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). С. 22.

⁴⁷⁶ См., например: Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 576.

от 26.06.1992 № 3132-1 (в ред. от 05.04.2021)⁴⁷⁷ «О статусе судей в Российской Федерации» судья не вправе принадлежать к политическим партиям, материально поддерживать указанные партии, принимать участие в их политических акциях и иной политической деятельности, публично выражать свое отношение к политическим партиям и общественным объединениям. Судья может быть членом политической партии только в нарушение данного закона, а уголовное законодательство не может охранять неправомерную деятельность по определению.

Деятельность руководителей высших судебных органов РФ и судебных органов субъектов РФ является государственной, в ее содержание входит определение политики в сфере правосудия, следовательно, они могут признаваться потерпевшим в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ. Деяния, предусмотренные данной статьей и ст. 295 УК РФ, отличаются целью и мотивом их совершения. Если первое осуществляется в целях прекращения государственной или иной политической деятельности лица либо из мести за такую деятельность, то второе – в целях воспрепятствования законной деятельности судьи либо мести за такую деятельность.

Разные суждения высказаны криминалистами о возможности признания потерпевшим по ст. 277 УК РФ государственного или общественного деятеля зарубежных стран. Одни авторы полагают, что они охватываются указанной нормой, другие считают, что имеет место пробел в уголовном законодательстве, который необходимо устранить, предусмотрев в ст. 277.1 УК РФ норму об ответственности за посягательство на жизнь указанных лиц. Так, отмечается, что *«объектом рассматриваемого преступления может быть и жизнь иностранного государственного или общественного деятеля в связи с его государственной или общественной деятельностью, направленной на укрепление дружеских связей в отношении России и с ее субъектами»*⁴⁷⁸. А. Н. Игнатов считал *«...целесообразным включить в УК РФ специальную статью*

⁴⁷⁷ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792 ; 2021. № 15 (ч. 1). Ст. 2430.

⁴⁷⁸ Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. С. 576.

об ответственности за посягательство государственного деятеля иностранного государства»⁴⁷⁹. А. В. Седых предлагает дополнить УК РФ ст. 277.2 предложением следующего содержания: «Убийство представителя иностранного государства, совершенное в целях прекращения его деятельности или осложнения международных отношений»⁴⁸⁰. Эти и другие подобного рода предложения не выдерживают критики. Как уже указывалось, потерпевший должен обладать специальным статусом, который его связывает с основами политической системы РФ. Здесь же этого нет в принципе. В указанной авторами ситуации деяние направлено не на конституционные основы политической системы России, а на мир и безопасность человечества. При социальной обусловленности предлагаемых норм они могут быть имплементированы в гл. 34 УК РФ (при условии исключения совпадения с объектом уголовно-правовой охраны ст. 360 УК РФ).

Вторым потерпевшим в ст. 277 УК РФ указан общественный деятель. Под ним понимается лицо, которое состоит в руководстве или принимает активное участие в работе зарегистрированных в РФ политических партий, общественных объединений, профессиональных⁴⁸¹ и иных союзов на федеральном или региональном уровнях.

Надо сказать, что по последнему обстоятельству среди специалистов также нет единства мнений. Например, Ю. М. Антонян исключает из числа потерпевших в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ, рядовых членов партии или движения, их сторонников или сочувствующих им⁴⁸². С. У. Дикаев и И. Р. Дикаева общественными деятелями в смысле указанной статьи признают

⁴⁷⁹ *Игнатов А. Н., Красиков Ю. А.* Курс российского уголовного права : в 2 т. Т. 2: Особенная часть. С. 770.

⁴⁸⁰ *Седых А. В.* Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 6.

⁴⁸¹ См.: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (в ред. 21.12.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148 ; 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8981.

⁴⁸² См.: *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 288.

в том числе лиц, решающих на региональном уровне «важные, но локальные задачи»⁴⁸³.

В связи с имеющейся сложностью трактовки понятия общественного деятеля в литературе предложена кардинальная мера – исключить его упоминание в ст. 277 УК РФ⁴⁸⁴. Вряд ли с этим можно согласиться. Реализация этого предложения объективно ослабит уголовно-правовую охрану основ политической системы РФ, охватывающей, как указывалось, общественные объединения.

Как при определении круга потерпевших – государственных деятелей, так и при установлении круга потерпевших – общественных деятелей основным критерием отнесения к их числу конкретных лиц является связь деятельности последних с основой политической системы России.

Объективная сторона преступления выражается в посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля. Использование термина «посягательство» породило в теории длительную дискуссию⁴⁸⁵, отголоски которой иногда проявляются и сейчас⁴⁸⁶. В свое время точку в спорах по этому вопросу поставил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 03.07.1963 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников», в котором разъяснялось, что «под посягательством на жизнь надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство...» (п. 4)⁴⁸⁷.

⁴⁸³ См.: Дикаев С. У., Дикаева И. Р. Уголовная ответственность за преступления террористического характера. М., 2005. С. 23.

⁴⁸⁴ См.: Яловая В. Н. Анализ законодательного закрепления посягательств на жизнь, предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : мат-лы VI Рос. конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 278.

⁴⁸⁵ Подробный анализ имевших место дискуссий см.: Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чуцаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). С. 23–28.

⁴⁸⁶ Например, В. И. Гладких, ссылаясь на институт стадий совершения преступления, называет термин «посягательство» неправовым (см.: Гладких В. И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 17).

⁴⁸⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1986. М., 1987. С. 686.

Эта позиция была подтверждена Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении от 22.09.1989 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также

Позиция Пленума была в целом воспринята теорией уголовного права, однако некоторые ученые «реанимируют» мнения, существовавшие до судебного толкования посягательства как деяния, предусмотренного ст. 277 УК РФ. Так, В. В. Мальцев считает, что «под посягательством на жизнь и здоровье подразумевается главным образом угроза убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества»⁴⁸⁸. В трактовке автора, как видим, посягательство оказалось синонимичным угрозе совершения убийства и иных деяний, что не соответствует содержанию этих понятий.

Е. И. Климкина предлагает рассматривать анализируемое понятие в зависимости от совершаемого преступления: применительно к деянию, предусмотренному ст. 295 УК РФ, его понимать как убийство или покушение на него, а применительно к деянию, предусмотренному ст. 277 УК РФ, – как «убийство, покушение на убийство, а равно иные умышленные насильственные действия, заведомо создающие для виновного реальную возможность наступления смертельного результата»⁴⁸⁹. Этот подход не основан на законе.

На наш взгляд, необходимо остановиться еще на одной проблеме, тесно связанной с трактовкой посягательства, не получившей единообразного разрешения в теории уголовного права. Речь идет о форме деяния. Одни ученые считают возможным совершение посягательства только путем действия, некоторые допускают, хотя и с определенными оговорками, и бездействие. Например, А. Ю. Кизилев считает, что в исключительных случаях

военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» (см.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. М., 1999. С. 465); Пленумом Верховного Суда РСФСР в постановлении от 24.09.1991 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» (см.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. С. 473).

⁴⁸⁸ Мальцев В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. 1996. № 1. С. 11.

⁴⁸⁹ Климкина Е. И. Понятие посягательства в уголовном праве // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003. С. 197.

это преступление может быть совершено путем бездействия⁴⁹⁰. К сожалению, автор не раскрывает эти «исключительные случаи», не приводит механизм совершения посягательства путем бездействия, поэтому в какой-то степени дискуссия с ним беспредметна. По нашему мнению, посягательство – это только активное агрессивное поведение, направленное на причинение вреда здоровью или смерти потерпевшего. Такое понимание данного термина согласуется с его значением как покушения на причинение какого-либо вреда⁴⁹¹. Так он понимался и дореволюционными юристами, а Н. С. Таганцев вообще считал посягательство нападением⁴⁹². Из этого же исходит Пленум Верховного Суда РФ, например, при толковании посягательства в постановлении от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁴⁹³.

Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев пишут: «С известной долей условности можно сказать, что посягательство синонимично нападению, поэтому с объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, может быть совершено только посредством насильственных действий, но не путем бездействия или психического воздействия на потерпевшего»⁴⁹⁴.

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля следует считать оконченным преступлением с момента совершения действий, направленных на лишение жизни и объективно создавших непосредственную угрозу наступления смерти потерпевшего; фактическое наступление смерти при этом не требуется. Наличие этого последствия, а также причинение вреда здоровью любой тяжести исключает дополнительную квалификацию содеянного по статьям о преступлениях против жизни и здоровья.

⁴⁹⁰ См.: Кизилев А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти / под ред. А. И. Чучаева. Ульяновск, 2002. С. 74.

⁴⁹¹ См.: URL: dic.academic.ru.

⁴⁹² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 199.

⁴⁹³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

⁴⁹⁴ Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). С. 27.

Преступление может совершено как во время исполнения потерпевшим функций государственного или общественного деятеля, так и после этого. Данное обстоятельство уголовно-правового значения не имеет, лишь ограничивает мотивы совершения деяния: очевидно, что по мотивам мести преступление не может быть совершено до начала деятельности лица.

Как уже говорилось, покушение на преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, в силу специфики описания преступления исключается; при ненаступлении смерти потерпевшего деяние квалифицируется без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ, тогда как приготовление к совершению посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля требует дополнительного указания на ч. 1 ст. 30 УК РФ.

В свое время субъективная сторона рассматриваемого преступления вызвала много споров⁴⁹⁵. В настоящее время в целом все соглашаются с тем, что посягательство может быть совершено только с прямым умыслом⁴⁹⁶, при этом в качестве обязательных признаков его субъективной стороны являются цель и мотив: прекращение государственной или общественной деятельности или мечь за такую деятельность⁴⁹⁷. Другие цели и мотивы исключают квалификацию деяния по ст. 277 УК РФ.

⁴⁹⁵ См. об этом подробно: Там же. С. 30–33.

⁴⁹⁶ Ошибочным следует признать утверждение о том, что посягательство может быть совершено и с косвенным умыслом (см.: *Игнатов А. Н., Красиков Ю. А.* Курс российского уголовного права. Т. 2. С. 770).

Неверно раскрывает содержание интеллектуального и волевого моментов вины Е. В. Пономаренко (см.: *Пономаренко Е. В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 2016. С. 82). В формальных составах преступления предвидение последствий как элемент интеллектуального момента умысла отсутствует, а волевой момент характеризует отношение лица к совершаемому деянию.

⁴⁹⁷ В литературе высказано предложение дополнить ст. 277 УК РФ, по аналогии с ч. 2 ст. 105 УК РФ, квалифицирующим признаком, указывающим на мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (см.: *Ревина В. В.* Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 161). В этом случае автором нарушаются правила дифференциации уголовной ответственности. Как правильно замечает А. Г. Хлебушкин, санкция ст. 277 УК РФ предусматривает максимально возможное наказание по УК РФ, поэтому введение квалифицирующего признака, повышающего степень опасности деяния, бессмысленно (см.: *Хлебушкин А. Г.* Уголовно-правовая политика России в сфере охраны основ конституционного строя. С. 132).

В постановлении Пленума Верховного Суда от 09.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» говорится (п. 12): «В том случае, если лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля ... путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, содеянное надлежит квалифицировать по статье 205 УК РФ.

Когда посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, хотя и совершается указанными способами, но в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность, содеянное квалифицируется по статье 277 УК РФ»⁴⁹⁸.

Большое теоретическое значение имеет вопрос оценки субъективной ошибки в личности потерпевшего, когда вместо государственного или общественного деятеля лишается жизни другой человек, который не является таковым. По общему правилу в этом случае действия виновного следует квалифицировать как покушение на преступление, на совершение которого был направлен умысел. Но все дело в том, что покушение охватывается ст. 277 УК РФ, а указанные выше постановления Пленумов Верховного СССР и РСФСР обоснованно исключают такую стадию в данном преступлении. Это породило споры, которые продолжаются до сих пор⁴⁹⁹.

На наш взгляд, достаточно убедительно обосновал квалификацию подобных действий как покушения на посягательство на жизнь А. И. Рарог: «Налицо *неудавшаяся* попытка посягнуть на жизнь государственного деятеля, но не реальное посягательство. Квалифицировать деяние по ст. 277 УК РФ невозможно, поскольку жизнь государственного деятеля не находилась в реальной опасности и основам конституционного строя Российской Федерации

⁴⁹⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4 ; 2017. № 1.

⁴⁹⁹ См. об этом: Курс советского уголовного права : в 6 т. М., 1960. Т. 6. С. 272; Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 5: Особенная часть. С. 29; и др.

ничего не угрожало. Но с учетом *субъективной* направленности деяния на этот объект преступление следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, хотя с точки зрения формальной логики такая квалификация представляется не совсем обычной – покушение на покушение»⁵⁰⁰.

Субъектом рассматриваемого преступления является лицо, достигшее возраста 14 лет⁵⁰¹.

На практике нередко возникают вопросы определения наличия совокупности преступлений или отграничения посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля от смежных или сходных деяний. Частично они были рассмотрены при характеристике потерпевшего и мотивов совершения рассматриваемого деяния. Здесь же остановимся еще на одном моменте. Так, совершение преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, с целью оказания помощи в деятельности, направленной против безопасности РФ, требует дополнительной квалификации по ст. 275 УК РФ, поскольку каждое из этих деяний характеризуется признаками, которые присущи только ему: государственная измена не предполагает лишение жизни другого лица, а посягательство на жизнь государственного деятеля совершается по иным мотивам, нежели государственная измена. Игнорирование указанных обстоятельств будет нарушать принцип полноты квалификации.

Поведем итоги.

1. Преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, имеет специфический механизм его совершения, который предполагает включенность потерпевшего в конституционно-правовые отношения, характеризующие основы политической системы страны; виновный, исключая государственного или общественного

⁵⁰⁰ *Рарог А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 212.

⁵⁰¹ Следует обратить внимание на непоследовательность законодателя в определении возраста уголовной ответственности за однотипные, по сути, преступления: по ст. 277 УК РФ таковым является достижение 14 лет, а по ст. 295 и 317 УК РФ – 16 лет, хотя характер предусмотренных ими деяний представляет меньшую сложность для осознания их фактического содержания и общественная опасности.

деятеля из указанных отношений, т. е. устраняет один из его элементов, тем самым нарушает указанные основы, определенные в Конституции РФ.

2. Государственный деятель – это лицо, занимающее должность, установленную:

1) Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Указанное положение находит конкретизацию в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации;

2) конституцией или уставом субъекта Российской Федерации. Эти должности перечислены в Указе Президента РФ «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации».

Под общественным деятелем как потерпевшим в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ, понимается лицо, которое состоит в руководстве или принимает активное участие в работе зарегистрированных в РФ политических партий, общественных объединений, профессиональных и иных союзов на федеральном или региональном уровнях.

Как при определении круга потерпевших – государственных деятелей, так и при установлении круга потерпевших – общественных деятелей основным критерием отнесения к их числу конкретных лиц является связь деятельности последних с основой политической системы России.

§ 3. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти

Статья 278 УК РФ⁵⁰² предусматривает ответственность за три преступления: 1) действия, направленные на насильственный захват власти в нарушение Конституции РФ⁵⁰³; 2) действия, направленные на удержание власти в нарушение Конституции РФ; 3) действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя России⁵⁰⁴. Они посягают на два взаимосвязанных, но самостоятельных видовых объектов. Первые два деяния посягают на основы политической системы Российской Федерации, основным феноменом которой, как указывалось, является государственная власть. Непосредственным объектом выступают отношения, характеризующие легальность и легитимность последней, понимаемой как конституционную основу ее существования и функционирования, создания и деятельности органов государственной власти.

Согласно Конституции РФ, власть в Российской Федерации принадлежит народу (ст. 3), который осуществляет ее либо непосредственно, либо через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Органы государственной власти образуют двухуровневую систему, обусловленную федеративным устройством Российской Федерации: согласно ст. 11 Конституции РФ, в нее входят органы государственной власти РФ (федеральные органы власти) и органы государственной власти субъектов РФ. Конституционный

⁵⁰² Норма, содержащаяся в этой статье, развивает конституционное положение, согласно которому «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследует по уголовному закону» (ч. 4. ст. 3 Конституции РФ).

⁵⁰³ В УК РСФСР 1960 г. это деяние признавалось разновидностью измены Родине (ст. 64), ответственность предусматривалась за заговор с целью захвата власти. По действующему законодательству подобного рода сговор образует приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ.

⁵⁰⁴ Пленумом Верховного Суда РФ посягательство отнесено к преступлениям террористической направленности (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4 ; 2017. № 1).

принцип разделения властей предполагает наличие государственных органов по видам деятельности: законодательных, исполнительных и судебных.

Власть в Российской Федерации представлена Президентом РФ, Федеральным собранием, Правительством РФ, судами РФ; в субъектах Федерации – образуемые ими органы власти.

Рассматриваемое преступление посягает как на народовластие в целом, так и на любой орган государственной власти. А. Н. Игнатов, не соглашаясь с С. В. Дьяковым, считавшим, что действия по насильственному захвату власти могут «носить *локальный характер*, связанный с захватом позиций одной из ветвей власти (законодательной, исполнительной или судебной), либо *широкомасштабный характер*, направленный на всех субъектов власти»⁵⁰⁵, писал: «Согласно ст. 3 Конституции РФ и ст. 278 УК, имеется в виду захват власти (в центре или регионах), которая осуществляет исполнительную деятельность, т. е. контролирует правопорядок, функционирование учреждений и органов, обеспечивающих жизнедеятельность населения»⁵⁰⁶. Такое ограничение, вопреки утверждениям автора, не вытекает ни из Конституции РФ, ни из указанной статьи УК РФ.

Третье преступление направлено против конституционного строя Российской Федерации, что непосредственно вытекает из сущности указанного в законе деяния⁵⁰⁷. При этом под конституционным строем понимается «такое устройство государства и гражданского общества, при котором обеспечивается

⁵⁰⁵ Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 23.

⁵⁰⁶ См.: Уголовное право России : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2008. Т. 2. С. 698.

Е. В. Благов ставит под сомнение обоснованность выделения судебной власти как объекта уголовно-правовой охраны, предусмотренной ст. 278 УК РФ. Она не имеет полномочий, которые позволят сохранить захваченную или удерживаемую власть (см.: Благов Е. В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества. М., 2011. С. 11). Вряд ли с этим можно согласиться. Закон не только не предусматривает незаконное сохранение власти, но даже не предполагает ее захват или удержание. В ст. 278 УК РФ речь идет о действиях, *направленных* на захват или удержание насильственное власти, а не о захвате или удержании как таковых.

⁵⁰⁷ По сути, аналогичным образом раскрывает содержание характеризуемых объектов Е. В. Благов (см.: Благов Е. В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества. С. 11).

господство права, государство имеет демократический правовой характер, а человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, их соблюдение и защита – основной обязанностью государства»⁵⁰⁸. Основы конституционного строя характеризуются как «коренные устои, базовые начала и принципы, которые, определяя характер взаимоотношений человека, общества и государства, призваны обеспечить подчинение государства праву, соблюдение и защиту прав и свобод человека, реализацию народовластия, незыблемость государственного суверенитета»⁵⁰⁹. В гл. 1 Конституции РФ выделяются следующие основы конституционного строя РФ:

- 1) федерализм (ст. 1 и 5);
- 2) правовой характер государства (ст. 1);
- 3) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2);
- 4) власть народа (народовластие) (ст. 3);
- 5) государственный суверенитет (ст. 4);
- 6) социальный характер государства (ст. 7);
- 7) свобода экономической деятельности (ст. 8);
- 8) многообразие форм собственности и их защита (ст. 8);
- 9) разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10, 11);
- 10) местное самоуправление (ст. 12);
- 11) идеологический плюрализм (ст. 13);
- 12) светский характер государства (ст. 14)⁵¹⁰.

В ст. 278 УК РФ говорится о конституционном строе Российской Федерации вообще, следовательно, преступление может быть направлено на него как такового либо одно из его составляющих.

Определяя объект рассматриваемого преступления, А. Г. Хлебушкин пишет, что им выступают «политические основы конституционного строя в той части,

⁵⁰⁸ Конституционное право / отв. ред. В. И. Фадеев. М., 2017. С. 74.

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ См. об этом подробно: Конституционное право Российской Федерации / под ред. Б. С. Эбзеева. М., 2017. С. 153–177.

в которой определяется порядок формирования и функционирования органов власти, легитимного получения соответствующих полномочий и их прекращения»⁵¹¹. В целом можно согласиться с подобной его трактовкой, однако есть два небольших замечания: во-первых, порядок формирования, например, выборных государственных органов обеспечивает условия их легальности и легитимности. Автор сам же приводит данные проведенного им анкетирования, согласно которым 75 % респондентов считают, что преступления, предусмотренные ст. 142 и 142.1 УК РФ, направлены против основ конституционного строя и безопасности государства⁵¹². Во-вторых, прекращение полномочий не упоминается в конституционно-правовых нормах.

В литературе встречаются и иные дефиниции объекта преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. Например, А. В. Наумов рассматриваемое преступление относит к посягательствам на легитимность государственной власти⁵¹³. Другие авторы указывают, что в качестве его непосредственного объекта выступают «общественные отношения, обеспечивающие охрану основ конституционного строя, его экономических и социальных основ, политической системы и безопасности государства»⁵¹⁴. Такая характеристика объекта неточно отражает те общественные отношения, которые терпят урон при совершении преступления. Например, вряд ли нарушаются рассматриваемым деянием экономические основы государства. Третьи криминалисты полагают, что данное преступление посягает на государственную безопасность (при этом не указывают, о какой безопасности идет речь – внутренней или внешней)⁵¹⁵.

Несколько размытой представляется дефиниция объекта, предложенная С. В. Дьяковым. С одной стороны, он указывал, что преступление посягает

⁵¹¹ *Хлебушкин А. Г.* Уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя. С. 139.

⁵¹² См.: Там же.

⁵¹³ *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Курс лекций : в 3 т. М., 2011. Т. 3: Особенная часть (главы XI–XXI). С. 349.

⁵¹⁴ *Мусаелян М. Ф.* Террористический акт и преступления, предусмотренные статьями 277, 278 и 279 УК РФ: квалификация и отграничение // *Российский следователь.* 2010. № 10. С. 14.

⁵¹⁵ См.: *Скудин А. С., Ларичев В. Д., Варанкина Ю. С.* Правовые меры противодействия экстремизму. М., 2012. С. 43.

на те основы конституционного строя России, где закреплены принципы, порядок формирования и функционирования государственной власти (это не вызывает возражений). С другой стороны, он считал, что «при насильственном захвате или насильственном удержании власти непосредственный ущерб наносится интересам народа как главному источнику власти, а также физическим и юридическим лицам, осуществляющим властные полномочия»⁵¹⁶. Во-первых, непонятно, какой смысл в данном случае вкладывается в понятие «интересы народа»; сам термин интересы в уголовном праве относится к числу дискуссионных⁵¹⁷. Если иметь в виду интересы народа как единственного источника власти, то это входит в основы конституционного строя России (ст. 3 Конституции РФ). Достаточно неопределенным представляется указание в дефиниции на причинение вреда юридическим лицам, осуществляющим властные полномочия. В каком значении в данном случае употребляется этот термин? Если юридическое лицо понимается как организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (ст. 48 ГК РФ), то это ничего общего не имеет с преступлениями против конституционного строя и безопасности государства вообще и ничего не дает для характеристики объекта рассматриваемого преступления.

По мнению А. Н. Игнатова, объектом преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, является конституционный строй и порядок формирования органов государственной власти⁵¹⁸. Конституционный строй – это «способ организации государства, закрепленный в его конституции и получающий дальнейшую регламентацию в текущем законодательстве»⁵¹⁹. Основу понятия

⁵¹⁶ Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. М., 2012. С. 94.

⁵¹⁷ См. подробно: Тацый В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.

⁵¹⁸ См.: Уголовное право России : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2. С. 698.

⁵¹⁹ Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2006. С. 292.

«конституционный строй» составляют три главных категории – власть, суверенитет, свобода личности. Следовательно, конституционный строй может лишь частично терпеть урон при совершении двух первых преступлений (захват и удержание власти) и только третье преступление, исходя из самой сути деяния, нарушает его. Порядок формирования власти относится к условиям ее легальности и легитимности; защита порядка формирования не обеспечивается анализируемой уголовно-правовой нормой.

Кроме того, автор необоснованно сужает пределы понятия власти, утверждая, что речь идет о государственной власти. Между тем в уголовном законодательстве говорится вообще о власти, а не о каком-либо ее виде, в том числе и государственной. Это положение УК РФ основано на Конституции РФ (ч. 4 ст. 3).

Данное же обстоятельство, по нашему мнению, не учитывается А. Г. Хлебушкиным. Критикуя позицию Р. В. Руденко, согласно которой под признаки ст. 278 УК РФ подпадают действия лиц, «вне законодательно установленной процедуры присвоившие полномочия одного из муниципальных образований – сельского поселения, наделенного государственными полномочиями»⁵²⁰, он ссылается на то, что органы местного самоуправления не становятся органами государственной власти даже в случае отдельных полномочий органов государственной власти в соответствии с ч. 2 ст. 132 Конституции РФ. Посягательства на порядок их формирования не способны нарушить основы политической системы России⁵²¹.

Во-первых, автором искажается место и роль местного самоуправления в конституционном строе Российского государства. Согласно ст. 1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵²², «местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской

⁵²⁰ Руденко Р. В. О некоторых проблемах ответственности за преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ // Российский следователь. 2010. № 10. С. 17.

⁵²¹ См.: Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя. С. 150.

⁵²² СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 ; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 61.

Федерации, признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации». Следовательно, посягательство на условия их формирования, вопреки мнению А. Г. Хлебушкина, нарушает основы конституционного строя России.

Во-вторых, ссылка автора на постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. “О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике”»⁵²³ не делает его позицию более убедительной. Конституционный Суд РФ в постановлении отметил, что «муниципальным органам могут быть посредством закона переданы отдельные полномочия... Такая передача допустима по смыслу статьи 132 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Однако при этом органы местного самоуправления как таковые не могут быть преобразованы в органы государственной власти, поскольку в соответствии со статьей 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти...» В связи с предметом рассмотрения Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что «осуществление местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами не допускается». Другими словами, правовая позиция Конституционного Суда РФ определяет возможность выполнения функций местного самоуправления органами государственной власти, следовательно, она не имеет отношения к дискутируемой уголовно-правовой проблеме.

В ряде определений рассматриваемого объекта преступления власть ограничивается двумя ее ветвями: законодательной и исполнительной⁵²⁴. Причем его характеристика связывается не с властью как таковой, а с ее системой, что, по сути, искажает социальную направленность деяния. У власти нет системы, последняя присуща органам власти и представляет собой их совокупность, осуществляющих властные полномочия, объединенных на принципах

⁵²³ Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 1.

⁵²⁴ См.: Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2001. Т. 5. С. 32.

подчиненности и иерархичности. Системе власти при совершении преступления может и не причиняться урон.

Ю. Е. Пудовочкин считает, что преступление посягает на общественные отношения, гарантирующие суверенитет государства и суверенитет государственной власти⁵²⁵. Это толкование, на наш взгляд, содержит две неточности: во-первых, методологическую, искажающую суть и значение общественных отношений. Общественные отношения как таковые не могут гарантировать что-либо, они возникают по поводу чего-то. Если бы общественные отношения обладали такой способностью, то они не нуждались бы в защите уголовно-правовыми средствами, не выступали бы объектом уголовно-правовой охраны. Во-вторых, фактическую неточность, заключающую в том, что к объекту преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, отнесены суверенитет государства и суверенитет власти. Суверенитет, как правило, связывается только с государством; являясь одним из важных признаков последнего, означает верховенство власти внутри страны и независимость ее на международной арене⁵²⁶. Таким образом, суверенитет власти охватывается суверенитетом государства. Кроме того, рассматриваемое преступление его не затрагивает, поскольку виновный может сохранять указанные свойства власти как в стране, так и за ее рубежами.

Рассматриваемое преступление является двухобъектным. Указанные в законе деяния имеют насильственный характер, «насилие свидетельствует о наличии дополнительного или факультативного объекта уголовно-правовой охраны»⁵²⁷. В качестве дополнительного объекта выступает здоровье человека. В ряде литературных источников говорится о жизни потерпевшего как дополнительном объекте данного преступления⁵²⁸. Понятие насилия в целом

⁵²⁵ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 944.

⁵²⁶ См.: Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М. Н. Марченко. С. 690.

⁵²⁷ Кругликов Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // Уголовное право. 2015. № 1. С. 72.

⁵²⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / под ред. В. М. Лебедева. М., 2017. Т. 4: Особенная часть. Разделы 10–12 (постатейный). С. 57.

в теории уголовного права относится к дискуссионным проблемам⁵²⁹, однако «по общему правилу это насилие включает физическое лишение свободы, связывание, нанесение ударов, может охватывать вред от легкого до тяжкого...»⁵³⁰

Некоторые авторы к нему относят также честь и достоинство потерпевших⁵³¹.

Объективная сторона рассматриваемого преступления в ст. 278 УК РФ представлена тремя альтернативными деяниями, которые, соответственно, направлены на:

- 1) насильственный захват власти;
- 2) насильственное удержание власти;
- 3) насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Первое из указанных деяний предполагает совершение действий, представляющих собой попытку прихода политических партий, движений и иных политических сил к власти в Российской Федерации или ее субъектах путем, не предусмотренным Конституцией РФ. При этом виновные не предусматривают изменение конституционного строя РФ.

М. Л. Прохорова и А. К. Князькина говорят о захвате, понимая под ним самовольное, без законных на то оснований присвоение лицом (лицами) соответствующих полномочий, присущих той ли иной ветви власти или же всем им в совокупности⁵³². Подобная трактовка деяния, на наш взгляд, содержит по крайней мере два обстоятельства, которые искажают смысл закона. Во-первых, в ст. 278 УК РФ говорится не о захвате власти (что предполагает материальный состав преступления), а о действиях, направленных на захват власти (что характеризует усеченный состав преступления; кстати, из этого же исходят

⁵²⁹ См. об этом подробно: *Афанасьева О.* Понятие и содержание криминального насилия // Уголовное право. 2014. № 5.

⁵³⁰ *Иногамова-Хегай Л. В.* Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2015. С. 98.

⁵³¹ См.: Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. С. 418.

⁵³² См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. С. 657.

сами авторы, определяя момент окончания преступления). Во-вторых, неточным является утверждение о присвоении полномочий; полномочия и власть не являются синонимичными понятиями, так как первые можно присвоить и без присвоения власти. В этом можно убедиться, обратившись, в частности, к ст. 288 УК РФ, в которой идет речь о присвоении полномочий.

По нашему мнению, неточной представляется характеристика рассматриваемого деяния, даваемая А. И. Коробеевым, утверждающим, что «захват власти может сопровождаться прямым блокированием работы представительных и иных органов власти (изоляция депутатов, недопущение их входа в рабочие помещения, угроза физической расправы, предъявление ультиматума и т. п.)»⁵³³. Во-первых, действия, сопровождающие какое-то явление, не раскрывают сущности последнего (они с ним находятся в определенной связи, причем не обязательно, чтобы эта связь была генетической), следовательно, во-вторых, их перечисление ничего не дает для уяснения сути захвата власти. Они могут образовать самостоятельный состав преступления, но об этом автор ничего не говорит.

Действия, направленные на удержание власти, по отношению к действиям, направленным на захват власти, имеют диаметрально противоположный характер, поскольку в этом случае власть находилась у удерживающих ее лиц легально, в соответствии с действующим законодательством. Однако они отказываются передать власть вопреки результатам прошедших выборов, референдума или на другом законном основании, предпринимают меры для ее сохранения.

Как и применительно к предыдущему деянию, некоторые ученые, раскрывая сущность рассматриваемого преступления, вопреки закону, также говорят о фактическом удержании власти. Например, С. А. Балеев пишет: «Удержание власти имеет место тогда, когда виновные, обладающие властью, но обязанные сложить свои полномочия согласно Конституции (отстранение в соответствии с законом от должности, переизбрание и т. д.), делать этого

⁵³³ Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. Т. 5. С. 51.

не желают и насильственно удерживают власть»⁵³⁴. Указанная подмена искажает вид состава преступления по конструкции: в законодательном варианте, как уже говорилось, имеет место усеченный состав, тогда как автор превращает его в материальный. Это обстоятельство напрямую влияет на определение окончания преступления; оно считается оконченным с момента совершения деяния, направленного на удержания власти, а не с момента ее удержания. Иными словами, момент окончания преступления переносится на более ранний период времени.

Данное обстоятельство обуславливает еще один аспект проблемы – возможность выделения стадий совершения рассматриваемого преступления, в частности выделения приготовления к преступлению. В судебной практике встречаются уголовные дела, по которым действия виновного были квалифицированы по ч. 1 ст. 30 и ст. 278 УК РФ⁵³⁵. А. Г. Хлебушкин, проанализировавший этот приговор, согласился с юридической оценкой действия виновных⁵³⁶.

Е. П. Сергун предлагает отказаться от такой конструкции рассматриваемого состава преступления, сформулировав ст. 278 УК РФ следующим образом: «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти, совершенные в целях свержения демократического режима, а равно насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации»⁵³⁷.

Нарушения логики в предложенном проекте статьи очевидны. Насильственный захват власти и насильственное удержание власти уже сами по себе исключают возможность применения уголовно-правовых средств воздействия на виновного; уголовно-правовая норма в этом случае превращается в пустую декларацию. Кроме того, искусственным представляется и включение в состав рассматриваемого преступления специальной цели – свержение

⁵³⁴ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. С. 634.

⁵³⁵ Архив Верховного Суда Карачаево-Черкессии. Дело № 2-21/2011.

⁵³⁶ См.: Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя. С. 146.

⁵³⁷ Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 160.

демократического режима. Преступление опасно само по себе, поскольку нарушает конституционные принципы формирования власти и основы конституционного строя Российской Федерации.

Третий вид деяния, предусмотренный ст. 278 УК РФ, – наиболее опасный по своей сути: данное деяние направлено на изменение конституционного строя Российской Федерации: общественный строй, основы политической системы или государственного устройства (гл. 1 Конституции РФ).

По мнению А. Г. Хлебушкина, целесообразность самостоятельной криминализации действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, сомнительна, поскольку они неизбежно связаны с захватом власти или ее насильственным удержанием⁵³⁸. На наш взгляд, эти сомнения беспочвенны. Во-первых, как уже указывалось, закон не говорит о фактическом захвате или удержании власти; во-вторых, даже если и было бы так, то все равно ими не охватываются действия, направленные на изменение конституционного строя Российской Федерации.

Все деяния имеют насильственный характер. Их содержание предполагает любое насилие (причинение вреда здоровью – от легкого до тяжкого, лишение свободы, побои и т. д.). Об этом, в частности, можно судить по санкции ст. 278 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы до двух лет; по сути, она поглощает санкции всех норм, предусматривающих ответственность за указанные преступления.

Потерпевшим выступает представитель органов власти, сформированных в соответствии с Конституцией РФ, федеральным законодательством и законодательством субъектов РФ.

Причинение смерти не охватывается анализируемой статьей. С учетом специфики потерпевшего действия могут подпадать под признаки преступлений, предусмотренных ст. 277, 317 или 105 УК РФ. Они не могут быть

⁵³⁸ См.: Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя. С. 141.

квалифицированы по ст. 295 УК РФ, также предусматривающую ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие. Состав данного преступления имеет специальные мотив и цель, которые характеризуют иную социальную направленность деяния; оно посягает не на основы политической системы (ст. 277 УК РФ) или порядок государственного управления (ст. 317 УК РФ), а интересы правосудия.

А. Г. Хлебушкин к проявлению насилия относит и угрозу применения насилия⁵³⁹. На наш взгляд, это утверждение не основано на законе. Там, где законодатель предусматривает угрозу в качестве деяния или способа его совершения, он указывает ее непосредственно в уголовно-правовой норме⁵⁴⁰.

Недопущение представителей власти на работу, блокирование зданий соответствующих учреждений, относимых названным выше автором к насилию в преступлении, предусмотренном ст. 278 УК РФ, также не относятся к характеристике рассматриваемых деяний⁵⁴¹. Не являются конститутивным признаком и обстоятельства места совершения преступления, в качестве которого А. Г. Хлебушкин называет здания федеральных органов власти и органов власти субъектов РФ⁵⁴². Для этого нет ни правовых, ни фактических оснований.

Окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, следует определять дифференцированно, исходя из направленности деяния. В первом случае оно будет считаться оконченным с момента совершения действий, направленных на захват власти, во втором – с момента совершения действий, направленных на удержание власти, в третьем – с момента совершения действий, направленных на изменение конституционного строя. При этом надо иметь в виду, что конструкция состава преступления не предусматривает такого

⁵³⁹ См.: Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя. С. 140.

⁵⁴⁰ См. об этом подробно: Рарог А. И. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестрой // Уголовное право. 2014. № 5; Шарапов Р. Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1.

⁵⁴¹ См.: Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя. С. 140.

⁵⁴² См.: Там же.

признака, как последствия преступления; более того, уже указывалось ранее, что для наличия преступления не требуется совершения деяния собственно по захвату или удержанию власти, изменение конституционного строя (термин «направленность» свидетельствует об устремленности, сосредоточенности в каком-нибудь направлении). Таким образом, законодатель вообще не допускает возможности фактического захвата или удержания власти либо изменение конституционного строя.

Особенности формулировки ст. 278 УК РФ исключают покушение на рассматриваемое преступление по определению. Обратное утверждение приводит к появлению своеобразной конструкции, неизвестной институту стадий совершения преступления: «...действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления» (ч. 3 ст. 30 УК РФ), «направленные на...» (ст. 278 УК РФ). В то же время следует сказать, что допустимо приготовление к совершению рассматриваемого преступления; оно может характеризоваться любым действием, указанным в ч. 1 ст. 30 УК РФ.

Субъективная сторона преступления предполагает прямой умысел, в этом согласны практически все исследователи. Позиции разнятся в определении значения цели совершения преступления. Например, некоторые авторы считают, что «цель как конструктивный признак данного состава преступления логически связана с направленностью совершаемых лицом действий – насильственно захватить или удержать власть либо изменить конституционный строй РФ»⁵⁴³. Как нам представляется, в этом случае происходит подмена фактически возможной цели закреплением ее в законе в качестве конститутивного (обязательного) признака состава преступления. В ст. 278 УК РФ о цели совершаемых деяний ничего не говорится, ее нельзя признать в качестве криминообразующего признака и путем толкования уголовно-правовой нормы.

Обосновывая признание цели конститутивным признаком состава рассматриваемого преступления, Ю. М. Ткачевский и И. М. Тяжкова пишут:

⁵⁴³ Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. Ю. Голубовского. М., 2020. С. 596.

«Слова: “Действия, направленные на...” тождественны словам “Действия, совершенные с целью...”»⁵⁴⁴ На наш взгляд, это утверждение является некорректным. Тождество, как известно, предполагает полное совпадение свойств, значения определяемых понятий. Сопоставляемые словосочетания такими не являются. Действия относятся к объективной реальности (применительно к рассматриваемой ситуации – объективной стороне преступления), цель – к субъективному представлению о мысленной модели возможного результата указанного действия; направленность действия свидетельствует об их совершении по направлению к определенному объекту (в данном случае – к власти), цель – достижение желаемого результата. На первый взгляд, в последнем случае суть деяния и цель действительно совпадают, однако это восприятие пропадает при анализе совершения преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, организованной группой, преступной организацией (преступным сообществом) и военными формированиями, когда каждый из членов указанных объединений может преследовать иные, чем утверждается в литературе, цели.

Вряд ли можно согласиться с трактовкой цели рассматриваемого состава преступления, данной А. И. Коробеевым, который считает, что она «... сводится к стремлению прекратить государственную или иную политическую деятельность потерпевшего»⁵⁴⁵. В ст. 278 УК РФ не называется ни один потерпевший, чья государственная или иная политическая деятельность прекращается в результате совершения данного преступления.

Мотив преступления может быть различным, на квалификацию деяния он не влияет, но должен учитываться при выборе вида и размера (срока) наказания.

Субъект преступления зависит от характера деяния. За совершение действий, направленных на насильственный захват власти, и действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя РФ, несет

⁵⁴⁴ Курс уголовного права / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Т. 5. С. 33.

⁵⁴⁵ Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. Т. 5. С. 53.

ответственность общий субъект – лицо, достигшее возраста 16 лет. Действия несовершеннолетнего в возрасте с 14 до 16 лет, участвовавшего в совершении деяния, предусмотренного ст. 278 УК РФ, могут быть квалифицированы по статьям УК РФ о преступлениях против жизни и здоровья (в зависимости от вида физического вреда, причиненного конкретному лицу).

Ответственность за действия, направленные на удержание власти, несет специальный субъект преступления – представитель органов государства, сформированных в соответствии с конституционными принципами, но обязанных согласно Конституции РФ передать государственную власть политическим силам, пришедшим к власти конституционным путем.

В теории уголовного права имеется и другая позиция, согласно которой характеристика субъекта рассматриваемого преступления не дифференцируется в зависимости от вида деяния, в целом таковым признается общий субъект⁵⁴⁶. Такой подход не согласуется с содержанием уголовно-правовой нормы, сущностью деяния, выражающегося в удержании власти. Очевидно, что удерживать власть может только тот, кто обладал ею.

При применении ст. 278 УК РФ может возникнуть ряд проблем, связанных с квалификацией деяния, в частности по совокупности преступлений. Например, при совершении указанного преступления виновный устанавливает связь с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации, осуществляющим деятельность, направленную против безопасности РФ. В этом случае, на наш взгляд, имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 278 и 275 УК РФ.

Насильственные действия, предусмотренные указанной статьей, не предполагают причинение смерти. В связи с этим посягательство на государственного или общественного деятеля требует дополнительной квалификации по ст. 277 УК РФ.

⁵⁴⁶ См., например: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 847.

Иная ситуация складывается при похищении человека (ст. 126 УК РФ) или его незаконном лишении свободы (ст. 127 УК РФ) в процессе совершения преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. Указанные деяния охватываются соответствующими насильственными действиями, направленными на захват или удержание власти или насильственное изменение конституционного строя России, поэтому они не образуют совокупности преступлений.

Наиболее сложные вопросы квалификации появляются при наличии рассматриваемого преступления и массовых беспорядков, как свидетельствует история, в том числе и недавняя (например, события 2014 г. в Киеве), достаточно часто сопровождающих деяния, предусмотренные ст. 278 УК РФ. Ю. В. Грачева и В. В. Палий считают, что в этом случае имеет место совокупность преступлений; содеянное следует дополнительно квалифицировать по ст. 212 УК РФ⁵⁴⁷. Это в целом правильное мнение, но оно требует некоторой конкретизации. На практике могут возникнуть две типичные ситуации, требующие различной уголовно-правовой оценки.

Первая ситуация характеризуется тем, что предусмотренные ст. 278 УК РФ действия выражаются в насилии, погромах, поджогах, уничтожении имущества, применении оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также в оказании вооруженного сопротивления представителю власти, т. е. имеют место признаки преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В данном случае речь могла бы идти об идеальной совокупности преступлений, но последняя отсутствует в связи с тем, что перечисленные выше действия также характеризует и анализируемое преступление.

«Крайней формой насилия является применение оружия. Если оно приобретает форму вооруженного мятежа с целью насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, то деяние полностью охватывается составом вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ) и не требует

⁵⁴⁷ См.: Грачева Ю. В., Палий В. В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 2014. С. 31.

дополнительной квалификации по ст. 278 УК РФ, поскольку названная цель предусмотрена и в ст. 278, и в ст. 279 УК. Если же мятеж преследует *цель захвата власти* (без свержения или насильственного изменения конституционного строя), что выходит за рамки ст. 279 УК, и одновременно цель *нарушения территориальной целостности* Российской Федерации, которая не охватывается составом преступления, описанного в ст. 278 УК, то его следует квалифицировать по совокупности ст. 278 и 279 УК»⁵⁴⁸.

В случае реальной совокупности деяний, а также при возникновении умысла на захват власти или его удержание либо нарушение конституционного строя РФ в процессе совершения массовых беспорядков (при так называемом перерастании одного деяния в другое) содеянное охватывается ст. 212 и 278 УК РФ.

Законодательством предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ. Согласно примечанию к ст. 275 УК РФ, это возможно при наличии следующих обстоятельств:

1) виновный добровольным и своевременным сообщением органам власти либо иным образом способствовал предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации;

2) в действиях лица не содержится иного состава преступления.

Освобождение является императивным и окончательным.

Добровольность сообщения – достаточно дискуссионная проблема; как правило, она не находит должного отражения в литературе. Многие авторы считают достаточным упоминания о примечании к ст. 275 УК РФ и его действия в отношении лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ. Между тем если добровольность сообщения можно трактовать исходя из значения слова «добровольный» (т. е. по собственному желанию, без принуждения), то термин «своевременный» – оценочный, его конкретное значение зависит от целого ряда обстоятельств, поскольку в целом он трактуется

⁵⁴⁸ Грачева Ю. В., Палий В. В. Указ. соч. С. 31.

как «в момент или отрезок времени, соответствующей норме или наилучший для чьих-либо дальнейших действий»⁵⁴⁹. В законе «своевременность» непосредственно связывается с предотвращением дальнейшего ущерба интересам РФ.

Определение указанного обстоятельства непосредственно зависит от стадии совершения преступления. Как уже говорилось, рассматриваемое деяние имеет только две стадии: приготовления и оконченого преступления. Последняя исключает возможность применения рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности; оконченое преступление предполагает причинение всего того ущерба интересам РФ, который предусмотрен законодателем. Вряд ли в этом случае можно говорить о предотвращении дальнейшего ущерба, по сути, уже находящегося за пределами уголовно-правового регулирования. Следовательно, наиболее обосновано связывать своевременность сообщения с приготовлением к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В этом случае объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться вред, но дальнейшее развитие разрушающего воздействия на него еще можно приостановить, предотвратить. В рамках же приготовительных действий «своевременность» принципиального значения не имеет, однако чем раньше лицо сообщит органам власти о задуманном преступлении, тем проще и эффективнее может быть предотвращено причинение вреда правоохраняемым интересам.

Коротко подведем итоги.

1. Указанные в ст. 278 УК РФ деяния посягают на два взаимосвязанных, но самостоятельных видовых объекта: первые два из них направлены на основы политической системы Российской Федерации, основным феномен которой является государственная власть. Непосредственным объектом выступают отношения, характеризующие легальность и легитимность последней, понимаемой как конституционную основу ее существования

⁵⁴⁹ Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 45–48.

и функционирования, создания и деятельности органов государственной власти. Третье преступление посягает на конституционный строй Российской Федерации, что непосредственно вытекает из сущности указанного в законе деяния.

2. Имеющееся в литературе ограничение ветвей государственной власти, на насильственный захват или удержание которых направлено рассматриваемое преступление, не основано на Конституции РФ, не вытекает из сути уголовно-правовой нормы. Уголовный закон одинаково охраняет как законодательную и исполнительную, так и судебную власть.

3. Окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, следует определять дифференцированно: первое будет считаться оконченным с момента совершения деяния, направленного на захват власти; второе – с момента совершения деяния, направленного на удержание власти; третье – с момента совершения деяния, направленного на изменение конституционного строя. Для наличия состава преступления не требуется совершения деяния собственно по захвату или удержанию власти, изменение конституционного строя, законодатель вообще не допускает возможности фактического захвата или удержания власти либо изменение конституционного строя.

4. Вопреки имеющимся утверждениям специальная цель не является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ; признание таковым не вытекает из описания уголовно-правового запрета, не согласуется с особенностями конструкции диспозиции нормы уголовного закона.

5. За совершение деяния, направленного на насильственный захват власти, и деяния, направленного на насильственное изменение конституционного строя РФ, несет ответственность общий субъект – лицо, достигшее возраста 16 лет. Ответственность за действия, направленные на удержание власти, несет специальный субъект преступления – представитель органов государства, сформированных в соответствии с конституционными принципами, но обязанных согласно Конституции РФ передать государственную власть политическим силам, пришедшим к власти конституционным путем.

6. Своевременность сообщения, о которой говорится в примечании к ст. 275 УК РФ, необходимо спрягать с такой стадией, как приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В этом случае объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться вред, но дальнейшее развитие разрушающего воздействия на него еще можно приостановить, предотвратить. В рамках же приготовительных действий «своевременность» принципиального значения не имеет.

§ 4. Вооруженный мятеж

История уголовно-правовой нормы о вооруженном мятеже достаточно своеобразна; по сути, в УК РФ законодателем она «реанимирована». Дело в том, что УК РСФСР 1960 г. не признавал данное деяние в качестве самостоятельного преступления, тогда как УК РСФСР 1926 г. (ст. 582) предусматривал ответственность за него. В 1927 г. в Уголовный кодекс 1926 г. в полном объеме было имплементировано Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) от 25 февраля 1927 г.⁵⁵⁰ Согласно ст. 2 Положения, признавалось преступным «вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры...» В той или иной степени ряд моментов данного деяния получили отражение в других нормах как УК 1960 г., так и УК РФ. В некоторых случаях подобного рода деяния признавались заговором с целью захвата власти и квалифицировались по ст. 64 УК 1960 г.

⁵⁵⁰ СЗ РФ. 1927. № 12. Ст. 123.

В настоящее время ст. 279 УК РФ предусматривает ответственность за два деяния: 1) организация вооруженного мятежа; 2) активное участие в нем.

В литературе обоснованно отмечается имеющееся противоречие между сущностью закрепленного в ст. 279 УК РФ уголовно-правового запрета и названием гл. 29 УК РФ⁵⁵¹. Согласно данной статье, предусмотренное ею преступление посягает на конституционный строй Российской Федерации, тогда как в названии главы говорится об основах конституционного строя. Очевидно, что конституционный строй шире его основ; следовательно, объект рассматриваемого преступления охватывает более широкий круг общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона.

Возникают вопросы и относительно корректности названия ст. 279 УК РФ как вооруженного мятежа. В словарях русского языка слово «мятеж» толкуется как «вооруженное выступление против власти»⁵⁵²; «вооруженное выступление в результате заговора против государственной власти»⁵⁵³. Таким образом, с одной стороны, можно констатировать, что в заголовке статьи имеет место тавтология; с другой стороны, возникает вопрос: почему законодатель, для которого, скорее всего, указанная тавтологичность очевидна, при характеристике соответствующего преступления каждый раз подчеркивает вооруженный характер мятежа? Можно предположить, что это делается специально (в качестве так называемого демонстрационного признака) и такая конкретизация в первую очередь адресуется правоприменителю; иначе говоря, для правильного применения нормы в том числе называется обязательный признак мятежа – его вооруженность.

При характеристике объекта рассматриваемого преступления имеет место тот же разброс мнений, что и при характеристике объекта посягательства, предусмотренного ст. 278 УК РФ. Так, утверждается, что «объектом преступления являются основы конституционного строя, а также территориальная целостность России. Насильственные действия в ходе вооруженного мятежа

⁵⁵¹ См.: Пудовочкин Ю. Е. Преступления против безопасности государства. М., 2009. С. 58; Грачева Ю. В., Палий В. В. Указ. соч. С. 32; и др.

⁵⁵² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 365.

⁵⁵³ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999 (электронная версия).

ставят под угрозу также жизнь и здоровье граждан»⁵⁵⁴. Надо полагать, что последнее обстоятельство выделяется в качестве дополнительного объекта преступления. В связи с этим возникает обоснованный, на наш взгляд, вопрос: а разве в отношении собственности указанными действиями не создается опасность?⁵⁵⁵ Таким образом, если быть последовательным, то в качестве дополнительного объекта надо было бы выделить и собственность. Кроме того, в качестве объекта уголовно-правовой охраны авторы называют не конституционный строй как таковой, а ее основы, что, по сути, уменьшает круг общественных отношений, охраняемых анализируемой уголовно-правовой нормой.

Говоря о территориальной неприкосновенности как об одной из составляющих объекта вооруженного мятежа, Ю. М. Ткачевский и И. М. Тяжкова связывают это с внешней безопасностью государства⁵⁵⁶. Думается, данное утверждение следует признать неточным, искажающим механизм нарушения территориальной целостности как цели преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ. Дело в том, что обстоятельством места совершения вооруженного мятежа является территория Российской Федерации, посягательства на территориальную неприкосновенность извне в указанной норме не предусмотрено.

Вряд ли можно считать, что данное преступление направлено в том числе на суверенитет России, как утверждает М. Ф. Мусаелян⁵⁵⁷.

По нашему мнению, объект рассматриваемого преступления необходимо определять исходя из формулировки целей в ст. 279 УК РФ: 1) изменения конституционного строя Российской Федерации; 2) нарушения территориальной

⁵⁵⁴ Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. Т. 5. С. 53.

⁵⁵⁵ В этом отношении позиция Ю. М. Ткачевского и И. М. Тяжковой более последовательна; наряду с жизнью и здоровьем в качестве дополнительного объекта они выделяют собственность, причем перечень дополнительных объектов оставляют «открытым» (см.: Курс уголовного права / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Т. 5. С. 35).

⁵⁵⁶ См.: Курс уголовного права / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Т. 5. С. 35.

⁵⁵⁷ См.: Мусаелян М. Ф. Террористический акт и преступления, предусмотренные статьями 277, 278 и 279 УК РФ: квалификация и отграничение // Российский следователь. 2010. № 10. С. 13.

целостности Российской Федерации. Таким образом, объектом вооруженного мятежа следует признавать конституционный строй и территориальную целостность РФ.

Характеристика объективной стороны преступления предполагает предварительное выяснение сущности самого уголовно-правового феномена «вооруженный мятеж». Уже говорилось, что мятеж как таковой представляет собой организованное выступление против власти более или менее значительной группы лиц.

В уголовно-правовом смысле мятеж должен обладать рядом объективных и субъективных признаков. К первым относятся: значительная группа лиц (для отражения числа мятежников в литературе используется именно данное прилагательное; в этом случае формализация вряд ли возможна в принципе и вряд ли не нужна на практике); совершение насильственных действий; наличие оружия; отказ подчиниться требованиям властей⁵⁵⁸. К субъективному признаку относится указанная в законе цель.

Вооруженность мятежников в целом можно определять так же, как и в преступлении, предусмотренном ст. 209 УК РФ (с оговоркой, о которой будет сказано ниже). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» сказано (п. 5): «Обязательным признаком банды ... является ее вооруженность, предполагающая наличие у участников банды огнестрельного

⁵⁵⁸ Ю. Е. Пудовочкин считает, что определение мятежа через такой признак, как «неповиновение», используемый Ю. М. Ткачевским и И. М. Тяжковой, не вполне оправданно. «Безусловно, всякие мятежнические действия выступают в качестве проявления акта неповиновения, но от всех иных видов неповиновения мятеж отличается целым рядом признаков. Во-первых, неповиновение предполагает наличие определенного, конкретного требования или распоряжения, от исполнения которого виновный уклоняется. При мятеже же такой конкретики не существует, действия виновных характеризуются своей направленностью на изменение конституционного строя в целом или нарушение территориальной целостности России. Во-вторых, если при неповиновении нарушаются в первую очередь интересы управления, целостность и единство исполнительной власти, то при мятеже под угрозу ставится целостность государства как такового» (Уголовное право. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 948). По нашему мнению, вряд ли эту критику можно признать обоснованной. Во-первых, сам автор мятеж также относит к актам неповиновения; во-вторых, помимо указанного признака Ю. М. Ткачевский и И. М. Тяжкова называют и иные признаки, позволяющие определить мятеж как явление.

или холодного, в том числе метательного, оружия как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического⁵⁵⁹ оружия.

Использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности...

Банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды»⁵⁶⁰.

Указанная выше оговорка сделана потому, что в мятеже могут принять участие законные вооруженные формирования страны (по крайней мере, об этом свидетельствуют подобного рода действия в ряде стран Южной Америки и Африки, Ближнего Востока). В таком случае вооруженность обусловлена самим фактом принадлежности мятежников к вооруженным силам государства или иным воинским формированиям и может охватывать все то стрелковое и иное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, которое находятся на вооружении соответствующей воинской части.

А. М. Багмет, анализируя массовые беспорядки, обратил внимание на проблему, имеющую значение и для характеристики состава рассматриваемого преступления. Речь идет об использовании в процессе совершения указанного деяния стеклянных бутылок с горючей смесью («коктейль Молотова») и предметов, не относящихся к оружию (камни, биты, палки, обрезки арматуры, цепи и др.). Судебная практика в таких случаях обоснованно исключала из обвинения применения оружия⁵⁶¹.

Ссылаясь на данное обстоятельство, А. Г. Хлебушкин так же предлагает подходить к оценке подобного рода действий применительно к составу

⁵⁵⁹ Согласно имеющимся данным, некоторые виды пневматического оружия по своим поражающим свойствам во многом превосходят, например, гражданское огнестрельное оружие (см., например: *Яровенко В. В.* Общественная опасность отдельных видов оружия и уголовная ответственность за него // *Право и политика.* 2010. № 7. С. 1308).

⁵⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

⁵⁶¹ Там же.

преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ⁵⁶². Однако в этом случае возникают проблемы квалификации содеянного, сопровождающегося насилием. Указанной статьей они не могут охватываться из-за отсутствия признака вооруженности, нельзя их квалифицировать и по ст. 212 УК РФ, предусматривающего уголовную ответственность за преступление против общественной безопасности. Как представляется, при наличии указанных в ст. 278 УК РФ целей, содеянное следует квалифицировать как деяние, направленное на захват власти, удержание власти или насильственное изменение конституционного строя РФ.

Объективная сторона преступления охватывает два альтернативно указанных деяния:

- 1) организация вооруженного мятежа;
- 2) активное участие в вооруженном мятеже.

Термин «организация» полисемантичен, одно из его значений – «объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур»⁵⁶³. Применительно к рассматриваемому вопросу организация предполагает реализацию соответствующих мер в целях объединения людей и обеспечения совместности их участия в вооруженном мятеже для свержения или насильственного изменения конституционного строя или нарушения территориальной целостности РФ.

А. И. Рарог полагает, что под организацией вооруженного мятежа следует понимать различные действия, состоящие в провоцировании значительного числа лиц на вооруженное выступление против законной власти⁵⁶⁴. По нашему мнению, в этом случае имеет место искажение сути организации как действий, направленных на осуществление вооруженного мятежа. Автор полагает, что они сводятся к провоцированию определенного круга лиц совершить указанные в законе действия. Слово «провокация» имеет несколько значений, одно

⁵⁶² См.: *Хлебушкин А. Г.* Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя. С. 156.

⁵⁶³ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 945.

⁵⁶⁴ См. Уголовное право Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. С. 419.

из которых – действие, направленное против отдельных лиц, групп, государства с целью вызвать ответное действие, влекущее за собой тяжелые последствия (известное поведение попа Гапона во время событий января 1905 г.)⁵⁶⁵. Таким образом, если следовать трактовке А. И. Рарога, то получается, что неопределенная группа лиц провоцируется для того, чтобы государство приняло в отношении них ответные меры. Очевидно, что это никоим образом не относится к организационным действиям, о которых говорится в ст. 279 УК РФ.

Конкретные действия по организации вооруженного мятежа могут быть самыми разнообразными. Во-первых, они могут охватывать все действия, которые признаются законодателем приготовлением к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Во-вторых, могут заключаться в специфических действиях, обусловленных характером планируемого деяния: выработка соответствующего плана действий, в том числе первоочередных; формирование группы лиц (нескольких групп), которые будут принимать участие в вооруженном мятеже⁵⁶⁶; их подготовка по тактике и методике ведения боевых действий, в том числе в условиях города или иного населенного пункта; определение задач и способов их реализации перед отдельными лицами или группой; определение порядка управления действиями отдельных групп, их взаимодействия между собой; обеспечение средствами транспорта и связи, обмундированием, экипировкой и т. д.

В литературе обращается внимание на то, что в ст. 279 УК РФ не содержится указание на руководство вооруженным мятежом⁵⁶⁷. В связи предлагается два варианта действий: первый – диспозицию уголовно-правовой нормы толковать расширительно, включая в характеристику такого деяния,

⁵⁶⁵ См.: URL: dic.akademic.ru.

⁵⁶⁶ П. В. Агапов также считает, что организационный характер действий, указанных в ст. 279 УК РФ, предполагает создание структур, необходимых для подготовки и реализации вооруженного мятежа (см.: *Агапов П. В.* Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствование законодательства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 10. С. 66).

⁵⁶⁷ См., например: *Коновалова И. Ю.* Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид наук. Казань, 2008. С. 9–10.

как организация вооруженного мятежа и руководство им⁵⁶⁸; второй – дополнить ст. 279 УК РФ указанием на руководство вооруженным мятежом⁵⁶⁹. Второй путь кажется предпочтительней, обеспечивающей конкретизацию законодательного описания преступного деяния. В этом случае ст. 279 УК можно представить в следующем виде (с учетом прежних замечаний):

«Статья 279. Мятеж

Организация *мятежа*, *руководство им* ... в целях свержения или насильственного изменения *основ* конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации – наказывается... (особо тяжкое преступление)».

Как уже указывалось, второй вид деяния, предусмотренного ст. 279 УК РФ, – активное участие в вооруженном мятеже. Его сущность, как нам представляется, аналогична сущности действий, совершаемых при массовых беспорядках. Их примерный перечень дан в ст. 212 УК РФ: насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, оказание вооруженного сопротивления представителю власти. Единственное, надо иметь в виду, что ст. 279 УК РФ говорит о вооруженности участников мятежа, следовательно, применение иных предметов, не относящихся к оружию, не образуют состава рассматриваемого преступления.

В самом общем виде участие лица в вооруженном мятеже означает, что им совершены действия для достижения осознаваемой каждым из мятежников общей преступной цели свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

Законодатель говорит не просто об участии в мятеже, а об активном участии мятежника в нем. Активность – понятие оценочное, в связи с этим в судебной

⁵⁶⁸ См., например: *Хлебушкин А. Г.* Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя. С. 157.

⁵⁶⁹ См.: *Коновалова И. Ю.* Указ. соч. С. 10.

практике возникают проблемы оценки действий конкретного лица⁵⁷⁰. Небезынтересно отметить, что законодатель, регламентируя ответственность за участие лица в какой-либо организации, поступает непоследовательно. Так, если в составе рассматриваемого преступления ответственность за участие связывает с активным его характером, то в других считает достаточным сам факт участия (части вторые ст. 208, 209, 210, 239, 282.1 и 282.2 УК РФ). Причем надо заметить, что по социальной направленности последние два преступления совпадают с вооруженным мятежом. При таких обстоятельствах найти какие-то объяснения позиции законодателя достаточно сложно.

Нам представляется целесообразным унифицировать законодательство: в ст. 279 УК РФ, как и в перечисленных выше статьях, вместо словосочетания «активное участие» указать «участие в мятеже». Это придаст норме бóльшую определенность, исключит судебные ошибки.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство, связанное с регламентацией в законе участия в мятеже. Во всех уголовно-правовых нормах, где в качестве деяния указаны организация, руководство каким-либо преступным объединением, участие в последнем или в совершаемых им преступлениях выделено в самостоятельную часть статьи, тем самым на законодательном уровне констатирована разная степень общественной опасности указанных деяний. В ст. 279 УК РФ по необъяснимым причинам этого не сделано. На наш взгляд, недостаток законодательной регламентации ответственности за участие в мятеже необходимо устранить, перенеся данное деяние в ч. 2 статьи.

«В научной литературе преобладает мнение, что организацию вооруженного мятежа следует считать оконченным преступлением с момента совершения действий, направленных на провоцирование вооруженного мятежа. Однако это с очевидностью не следует из диспозиции ст. 279 УК. Скорее, законодатель, описывая две формы данного преступления – организацию мятежа и участие в нем, в обоих случаях подразумевает *реальное выступление*

⁵⁷⁰ См. об этом подробно: Кулев А. Г. Вооруженный мятеж: проблемы регламентации состава // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы X Междунар. науч.-практич. конф. (24–25 января 2013 г.). М., 2013. С. 285.

мятежников (что совершенно очевидно применительно к активному участию в мятеже)»⁵⁷¹. Момент окончания преступления зависит от характера деяния. Мятеж в форме его организации следует считать оконченным с момента выполнения мятежниками первых действий, первого их выступления с указанными в ст. 279 УК РФ целями. Если действия организатора не увенчались успехом, ему не удалось обеспечить вооруженное выступление против законной власти, т. е. преступление не было доведено до конца по обстоятельствам, от него не зависящим, то в этом случае имеет место неоконченная преступная деятельность. Содеянное охватывается ч. 1 ст. 30 и ст. 279 УК РФ как подготовительные действия к мятежу. Это обусловлено тем, что конструкция состава рассматриваемого преступления исключает такую стадию, как покушение на преступление⁵⁷².

Мятеж в форме активного в нем участия следует считать оконченным с момента начала совершения мятежником конкретных действий с применением или попыткой применения оружия с целью свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности России, независимо от ее реализации или достижения каких-либо иных значимых для виновного результатов вооруженного выступления против законной власти.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом и специальной целью, в качестве которой в законе названы: 1) свержение конституционного строя РФ; 2) изменение конституционного строя РФ; 3) нарушение территориальной целостности РФ.

Свержение конституционного строя РФ как цель мятежа заключается в стремлении виновных насильственным путем упразднить закрепленный в гл. 1 Конституции РФ конституционный строй России. Характеризуя данную цель,

⁵⁷¹ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. М., 2007. С. 480.

⁵⁷² Надо признать вступающим в противоречие с законодательным описанием мятежа с рекомендацией квалификации неудавшегося вооруженного выступления против законной власти как покушения на преступление (см.: Уголовное право. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 952.)

А. И. Рарог включает в ее содержание права и свободы человека и гражданина, отраженные в гл. 2 Конституции РФ⁵⁷³. В ст. 279 УК РФ, как уже отмечалось, говорится вообще о конституционном строе Российской Федерации, а не о ее основах. Применительно же к такой цели, как изменение конституционного строя, автором, на наш взгляд, наоборот, сужается ее содержание, сводится к изменению конституционных институтов, органов и учреждений⁵⁷⁴. Между тем конституционный строй охватывает систему социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых и охраняемых Конституцией РФ и другими конституционно-правовыми актами государства.

Цель нарушения территориальной целостности следует трактовать исходя из п. 3 ст. 4 и положений гл. 3 Конституции РФ. Следовательно, она заключается либо в нарушении суверенитета (в частности, обеспечения Российской Федерацией целостности и неприкосновенности своей территории), либо федеративного устройства России.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, признается лицо, достигшее возраста 16 лет. Лицо, участвующее в мятеже в возрасте от 14 до 16 лет, несет ответственность за фактически совершенные в процессе вооруженного выступления преступления, ответственность за которые наступает с 14 лет.

В проекте Кодекса, подготовленного в 1992 г. Министерством юстиции РФ, предусматривался специальный вид освобождения лица от уголовной ответственности: «лицо, добровольно заявившее органам власти о заговоре, в котором оно принимало участие, освобождается от уголовной ответственности, если предпринятыми мерами осуществление целей заговора было предотвращено»⁵⁷⁵. Подобного рода поощрительная норма содержится в УК ряда зарубежных стран (Литвы, Японии и др.). По своей сути она способна стимулировать позитивное постпреступное поведение, поэтому ее целесообразно

⁵⁷³ См.: Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. С. 420.

⁵⁷⁴ См.: Там же.

⁵⁷⁵ Специальный выпуск журнала «Закон». Приложение к газете «Известия». 1992.

включить и в УК РФ. Это можно сделать одним из двух способов: во-первых, путем распространения действия примечания к ст. 275 УК РФ на лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 279 УК РФ (наиболее приемлемый вариант); во-вторых, путем дополнения последней собственным примечанием.

Как правило, вооруженный мятеж «отягощен» рядом деяний, образующих самостоятельные преступления. В первую очередь, это обусловлено вооруженным и насильственным их характером. В абсолютном большинстве случаев наличие у мятежников оружия носит незаконный характер (как уже указывалось, за исключением участия в мятеже воинских частей и иных формирований), следовательно, это обстоятельство требует самостоятельной юридической оценки по ст. 222 или 222.1 УК РФ в зависимости от способа приобретения оружия, его основных частей, боеприпасов и т. д.; кроме того, в случае их незаконного изготовления, ремонта, переделки – по ст. 223 или 223.1 УК РФ.

Такой подход к оценке деяния основан на правовой позиции Конституционного Суда РФ, высказанной им по делу А. С. Тазуркаева. Последний являлся участником незаконного вооруженного формирования, действовавшего на территории Чеченской Республики. Приговором суда был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 208 и 222 УК РФ. В жалобе в Конституционный Суд РФ А. С. Тазуркаев указал, что поскольку одним из признаков незаконного вооруженного формирования является наличие у его участников оружия, то данное обстоятельство охватывается ст. 208 УК РФ и дополнительной квалификации не требует. По его мнению, суд фактически осудил его дважды за одно и то же деяние.

Конституционный Суд РФ, отказав в приеме жалобы к рассмотрению, в определении отметил: «Оспариваемые ... заявителем законоположения различаются непосредственным объектом (в первом случае это отношения по соблюдению порядка образования и функционирования вооруженных формирований на территории Российской Федерации, во втором – общественная

безопасность в сфере обращения с оружием, его основными частями, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами), объективной стороной преступления (которая выражается в участии в незаконном вооруженном формировании – в первом случае и в незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке и ношении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств – в другом) и, соответственно, содержанием субъективной стороны ... т. е., в конечном счете, содержат описание разных по существу преступлений. Они не соотносятся между собой как часть и целое, а также как общая и специальные нормы, поскольку не могут рассматриваться как компоненты друг друга...»⁵⁷⁶.

Указанные доводы полностью приложимы к анализируемому составу преступления, также имеющего вооруженный характер. Во-первых, преступления, предусмотренные ст. 279 и 222 (222.1, 223 и 223.1) УК РФ, имеют разные объекты; во-вторых, различаются по объективной стороне; в-третьих, у них различается субъективная сторона. По отношению друг к другу они не выступают в качестве целого и части; уголовно-правовые нормы, которыми они предусмотрены, не соотносятся как общая и специальная. Следовательно, в этом случае имеет место совокупность соответствующих преступлений.

В процессе мятежа может быть причинен вред жизни и здоровью граждан, государственного или общественного деятеля, лицу, осуществляющему правосудие или предварительное расследование, представителю правоохранительных органов. Эти деяния не охватываются ст. 279 УК РФ, требуют самостоятельной квалификации соответственно по ст. 105, 277, 295 или 317 УК РФ.

На практике возникают вопросы отграничения рассматриваемого преступления от публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) или от публичных призывов к осуществлению

⁵⁷⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 896-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тазуркаева Ахмеда Сайдуловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 208 и частью третьей статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (документ не был опубликован).

действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ).

В первом случае содержание публичных призывов необходимо определять исходя из проявлений экстремисткой деятельности. В Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) «О противодействии экстремальной деятельности»⁵⁷⁷ к таковым отнесены:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;
- использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени

⁵⁷⁷ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031 ; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5108.

смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, имеет место обращение к неопределенному кругу лиц с публичным призывом совершить одно или несколько действий, охватываемых экстремистской деятельностью, однако при этом лицо не совершает действий, направленных к свержению или насильственному изменению конституционного строя РФ либо нарушению территориальной целостности России. Следовательно, они отличаются по характеру деяний.

Исходя из этого же признака, следует различать мятеж и публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ).

Если призывы, указанные в ст. 280 и 280.1 УК РФ, совершаются в процессе совершения мятежа, то они полностью охватываются ст. 279 УК РФ и дополнительной квалификации по указанным статьям не требуют.

Коротко подведем итоги.

1. Имеет место противоречие между сущностью закрепленного в ст. 279 УК РФ уголовно-правового запрета и названием гл. 29 УК РФ. Согласно данной статье, преступление посягает на конституционный строй РФ, в названии же главы говорится об основах конституционного строя.

Заголовок (частично и текст) ст. 279 УК РФ как вооруженный мятеж тавтологичен, поскольку мятеж и есть вооруженное выступление против законной власти.

2. Объект рассматриваемого преступления необходимо определять исходя из формулировки целей в ст. 279 УК РФ: 1) изменение конституционного строя Российской Федерации; 2) нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Таким образом, объектом мятежа следует признавать конституционный строй и территориальную целостность РФ.

3. Мятеж как преступление должен обладать рядом объективных и субъективных признаков. К первым относятся: значительная группа лиц (для отражения числа мятежников в литературе используется именно данное прилагательное; в этом случае формализация вряд ли возможна в принципе и вряд ли не нужна на практике); совершение насильственных действий; наличие оружия; отказ подчиниться требованиям властей. К субъективному признаку относится указанная в законе цель.

4. Цель мятежа заключается в стремлении виновных насильственным путем упразднить закрепленный в гл. 1 Конституции РФ конституционный строй России. Цель изменения конституционного строя предполагает трансформацию системы социальных, экономических и политико-правовых отношений,

устанавливаемых и охраняемых Конституцией РФ и другими конституционно-правовыми актами государства. Цель нарушения территориальной целостности охватывает либо нарушение суверенитета (в частности, обеспечения Российской Федерацией целостности и неприкосновенности своей территории), либо федеративного устройства Российской Федерации.

5. Статью 279 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 279. Мятеж

1. Организация мятежа или руководство им в целях свержения или насильственного изменения основ конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации –

наказывается... (особо тяжкое преступление).

2. Участие в мятеже в целях, указанных в части первой настоящей статьи, –
наказывается... (особо тяжкое преступление)».

6. Дополнить примечание к ст. 275 УК РФ (после цифры 278) указанием на ст. 279 УК РФ.

По нашему мнению, эти предложения способны повысить эффективность уголовно-правовой нормы, в том числе ее предупредительный потенциал, стимулировать позитивное постпреступное поведение.

ГЛАВА IV

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ФЕНОМЕНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

§ 1. Личность преступника

и ее криминологическая характеристика

Личность преступника в криминологии, да и в целом в науке уголовно-правового цикла, изучена достаточно хорошо⁵⁷⁸. В то же время современные достижения психологии, медицины и ряда других наук постоянно дополняют знания о ней.

Законодатель обязывает выявлять особенности личности человека, преступившего закон (в ст. 73 УПК РФ закреплено, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого). С личностью преступника связаны общие начала назначения уголовного наказания и значительная часть смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств⁵⁷⁹. Каждое преступление есть индивидуальное проявление поведенческих особенностей конкретного человека. Для теоретического охвата генезиса преступного поведения, как правильно

⁵⁷⁸ См., например: Социальная психология личности. Л., 1974; Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1989; Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004; Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Портреты преступников. М., 2014.

⁵⁷⁹ См. об этом подробно: Чучаев А. И. Личность преступника и вопросы наказания. М., 1990.

говорил М. И. Еникеев, необходимо осуществить анализ наиболее распространенных типов преступного поведения⁵⁸⁰.

Личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы России, с точки зрения институционально-организационного механизма противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации как феноменов политической системы, представляет собой центральный элемент этого самого механизма. Благодаря пониманию особенностей поведения личности преступника и, главное, причин преступного поведения рассматриваемых преступлений можно с достаточной уверенностью говорить о возможности построения эффективной системы профилактики. Кроме того, личность – категория не только пассивная, которая требует соответствующего изучения, но и, прежде всего, категория активная, которая постоянно находится в процессе изменения. При этом личность человека вообще и личность преступника в частности изменяет себя посредством изменения окружающей действительности.

Важно отметить, что личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, настолько же разнообразна, насколько разнообразна и подвижна современная действительность. В то же время, по сравнению с другими деяниями, преступления против основ политической системы отличаются друг от друга по содержательной стороне. Если преступления против условий легальности и легитимности власти можно представить в виде единого целого, поскольку они посягают на общественные отношения в сфере избирательного процесса, то преступления против легальности и легитимности власти в России и деятельности средств массовой информации значительно труднее очертить едиными классификационными критериями. Соответственно, значительно труднее определить единую личность преступника, совершающего такие преступления, поскольку ее характеристики охватывают в первую очередь качественные, а не количественные свойства.

⁵⁸⁰ См.: Еникеев М. И. Общая, социальная и юридическая психология. СПб., 2003. С. 435, 437.

Действительно, личность преступника, который занимается воспрепятствованием законной профессиональной деятельности журналистов, будет существенно отличаться от личности преступника, посягающего на жизнь государственного или общественного деятеля, совершающего насильственный захват власти или насильственное удержание власти и совершающего вооруженный мятеж. Более того, личность преступника, посягающего на жизнь государственного или общественного деятеля, будет отличаться от личности, совершающей насильственный захват власти или насильственное удержание власти, точно так же, как личность, совершающая насильственный захват власти или насильственное удержание власти будет отличаться от личности, совершающей вооруженный мятеж.

Анализ психического отношения лица к совершенному им преступлению не должен ограничиваться только установлением формы вины. Очень важно понять мотивы поступков. Без этого невозможно достигнуть целей наказания, поскольку человек, чьи мотивы поведения остались тайной для следствия и суда, будет считать вынесенный в отношении него приговор несправедливым. В свою очередь, вынесение справедливого с точки зрения подсудимого приговора важно для криминологии вообще, для профилактики преступности в целом и для будущей ресоциализации личности преступника в частности.

Кроме того, особенности формирования личности преступника во многом объясняют, как говорится в литературе, причины преступного поведения конкретного человека.

Личность преступника отличается от личности всех других социальных типов (позитивных, условно-позитивных и негативных) тем, что эта личность представляет собой угрозу обществу. Угроза состоит в возможности нанесения вреда окружающим людям и охраняемым законом общественным отношениям, в данном случае – основам политической системы государства. Личности преступника в гораздо большей степени, чем законопослушным гражданам, свойственны такие особенности, как слабая адаптированность, отчужденность, импульсивность и агрессивность. Эти люди значительно хуже, чем другие,

учитывают прошлый социальный и общественный опыт, поэтому плохо контролируют свое поведение. Можно сказать, что личность преступника в этом смысле представляет собой образец социально-безответственного лица. Таким образом, в структуре личности преступника существуют элементы, являющиеся психологическими предпосылками преступного поведения⁵⁸¹.

В свое время С. В. Познышев, отвергая прирожденный тип преступника, придуманный Чезаре Ломброзо, утверждал, что существуют два различных его типа. У первого из них в сознании преобладает влечение к преступлению в момент его совершения, что объясняется особыми свойствами личности, образующими предрасположение к данному конкретному преступлению. У второго типа влечение к совершению данного конкретного преступления должно быть объяснено давлением внешних обстоятельств и сравнительно слабым сдерживанием криминалорепульсивной⁵⁸² части конституции человека. Таким образом, первый тип преступника – это человек, с более или менее сильным предрасположением к известным видам преступной деятельности; второй тип – это человек, свободный от указанного предрасположения, но отличающийся таким ослаблением морального тонуса, при котором у него нет достаточной сильной воли избежать преступления. Поэтому, попав под давление внешних тяжелых обстоятельств, он не обнаруживает достаточной активности в устранении затруднительного положения непреступным путем⁵⁸³.

Практическое значение типологии личности преступника состоит в возможности дифференцировать профилактическое и карательно-воспитательное воздействие на лицо, нарушившее уголовно-правовые запреты⁵⁸⁴. Знание типологии преступника дает возможность выявлять и анализировать отдельные типы преступного поведения и даже может помочь при определенных условиях объяснить особенности такого поведения.

⁵⁸¹ См.: *Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.* Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 19–29.

⁵⁸² Репульсивный – отвратительный отталкивающий (см.: *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010. С. 448).

⁵⁸³ См.: *Познышев С. В.* Криминальная психология: преступные типы. М., 2019. С. 34–35.

⁵⁸⁴ См.: *Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.* Указ. соч. С. 19.

При этом в типологии личности преступника следует различать три градации:

- 1) общий тип преступника;
- 2) личность преступника определенной категории;
- 3) личность преступника определенного вида.

Эти градации соотносятся между собой как общее, особенное и единичное⁵⁸⁵.

Энрико Ферри, ученик и последователь Чезаре Ломброзо, одним из первых предложил следующие типы преступников:

- 1) прирожденные преступники с явно выраженными физиологическими природными отклонениями;
- 2) душевнобольные преступники;
- 3) преступники по приобретенной привычке;
- 4) преступники по страсти;
- 5) случайные преступники⁵⁸⁶.

С тех пор (т. е. с конца XIX в.) мало кто смог улучшить типологию Ферри. Например, современная типология личности преступника выглядит следующим образом:

1) случайный преступник – человек, впервые совершивший преступление, который до этого характеризовался исключительно положительно и не имел опыта противоправного поведения;

2) ситуационный – человек, совершивший преступление, под воздействием неблагоприятной внешней ситуации, но до этого характеризовавшийся положительно;

3) неустойчивый – человек, который впервые совершил преступление, но до этого допускал аморальное поведение и даже административные правонарушения;

⁵⁸⁵ См.: Еникеев М. И. Указ. соч. С. 438.

⁵⁸⁶ См.: Ферри Энрико. Уголовная социология. М., 2018. С. 157.

4) злостный – человек, который неоднократно совершал различные, в том числе и менее тяжкие преступления, и был осужден судом за это;

5) особо опасный – человек, который неоднократно совершал тяжкие преступления и был судим⁵⁸⁷.

В зависимости от положенного в основание типологических критериев в литературе говорится о нескольких схемах личности преступника.

Во-первых, по признакам антиобщественной направленности поведения человека – отношение личности преступника к различным принятым в обществе ценностям. В таком случае можно выделить следующие типы:

1. Личность преступника с негативно-пренебрежительным отношением к важнейшим человеческим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести и достоинству и т. д. К подобным типам преступников относятся убийцы, насильники, все иные лица с агрессивным и вызывающим поведением, а также хулиганы.

2. Личность преступника с чрезмерными корыстными устремлениями, которые игнорируют закрепленные в праве и обычных правилах человеческого поведения и межличностного общения принципы распределения материальных благ, государственную собственность и право на частную собственность. К подобным типам относятся те, кто совершает кражи, все виды мошенничества, взяточничество и иные корыстные преступления.

3. Личность преступника с индивидуалистическим отношением к социальным установлениям и предписаниям, в том числе к общегражданским, служебным, семейным и иным обязанностям. К подобным типам относятся экономические преступники⁵⁸⁸, преступники, которые совершают преступления против порядка управления, правосудия, а также преступления против военной службы.

⁵⁸⁷ См.: Криминология / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 2006. С. 65; Криминология / под ред. В. Д. Малкова. М., 2006. С. 93–94.

⁵⁸⁸ См. об этом подробно: *Мацкевич И. М.* Причины экономической преступности. М., 2017. С. 92.

4. Личность преступника с легкомысленно-безответственным отношением к существующим в обществе социальным ценностям и корреспондирующим этим ценностям собственным обязанностям. К подобным типам относятся все так называемые неосторожные преступники.

Во-вторых, по признакам криминальной активности личности, характеризующей степень ее общественной опасности, личность преступника можно представить в виде следующих типов:

1. Особо опасный тип личности преступника (его также называют активным антисоциальным типом). Благоприятные для совершения преступлений ситуации преступники подобного типа создают сами. Это многократно судимые рецидивисты с устойчивым криминальным поведением. В первую очередь к этому типу должны быть отнесены преступники, постоянно совершающие разбои, хулиганство, а также тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Во вторую очередь к этому типу следует отнести профессиональных преступников, под которыми в криминологии понимают лиц, для которых преступления являются единственным или главным источником получения средств к существованию. В третью очередь к этому типу необходимо отнести преступников, совершающих преступления против собственности. Наконец, к этому типу также относятся те, кто составляет экономическую основу организованной преступности (дельцы теневой и криминальной экономики).

2. Десоциализированный опасный тип личности преступника (имеет и другое название – пассивный асоциальный тип). Преступники данного типа не создают специально ситуаций для совершения преступлений, но всегда используют складывающуюся для них благоприятную обстановку, чтобы что-нибудь украсть. Представляют собой людей, выпавших по самым разным обстоятельствам из нормальной социальной системы. В большинстве случаев это деклассированные люди, ведущие паразитическое бездомное существование. В основном занимаются бродяжничеством и попрошайничеством. Почти все в прошлом они были неоднократно судимыми и являются алкоголиками и наркоманами. Совершают преступления небольшой тяжести для добычи

средств к собственному антисоциальному существованию. Несмотря на кажущуюся безобидность, они опасны тем, что устойчивы в своем противоправном поведении. Для общества и государства сам образ жизни этого типа несет деструктивные разрушительные начала. Они как бы антигосударственные и антиобщественные элементы, обратная сторона общественных социально значимых отношений.

3. Неустойчивый тип личности преступника. Тип с частичной криминогенной заряженностью. Не имеет стойких антиобщественных установок. Образ их жизни находится на грани социально приемлемого и антиобщественного поведения. Совершает кражи, хулиганство, грабежи и разбои, причем, как правило, в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

4. Ситуативный тип личности преступника. Находится в жесткой зависимости от неблагоприятной ситуации, которую разрешает противоправными способами. Совершает насильственные и корыстные преступления, причем как тяжкие, так и преступления небольшой тяжести.

В-третьих, по мотиву поведения личность преступника можно представить в виде следующих типов:

1. Самоутверждающийся тип личности корыстного преступника. Смыслом преступного поведения этих людей является утверждение своей личности на социальном, социально-психологическом или индивидуальном уровнях. Самоутверждаясь, человек считает себя источником всех происходящих изменений. Стремление к самоутверждению представляет собой главный жизненный принцип и составляет главное содержание его поведения.

2. Асоциальный тип личности корыстного преступника. У этих людей нарушена приспособляемость к условиям среды, т. е. социальная адаптация. Они ведут бездомный образ жизни, выключены из нормальных общественных связей. Совершают мелкое хищение имущества. Добытые преступным путем деньги идут на поддержание образа жизни. Многие из данного типа преступников ранее были судимы, не имеют постоянного места жительства и паспорта. Нигде не работают, не имеют семьи и социально полезных друзей. В основе подобного

асоциального образа жизни лежит полная личностная неопределенность. Асоциальные корыстные преступники избегают включаться в социальные взаимодействия из-за имеющихся у них неосознаваемых тенденций к отрицанию своей социальной идентификации, отрицают любую социально-психологическую стабильность.

3. Алкогольный тип личности корыстного преступника. Критерием для выделения этого типа является совершение корыстных преступлений исключительно для приобретения спиртных напитков. Для корыстных преступников алкогольного типа характерны существенные разрушительные изменения личности. Алкоголь является системообразующим мотивом их поведения и мерилем всех ценностей и отношений. У этих людей особый круг общения, которое реализуется в группах антиобщественной асоциальной направленности. Совершают кражи, как правило, на незначительную сумму. При этом используются примитивные способы, а похищенное тут же сбывается и пропивается.

4. Игровой тип личности корыстного преступника. Один из самых сложных типов, в то же время он довольно распространен. Преступники данного типа совершают преступления как бы играя, тем самым удовлетворяют свои потребности в риске, острых ощущениях, связанных с опасностью, получением в эмоционально возбуждающей ситуации значительной дозы адреналина. Многие представители рассматриваемого типа стремятся обратить на себя внимание. Совершают хулиганство, грабежи и разбои, а также другие корыстные преступления, при которых в качестве обязательного элемента выступает демонстративный и вызывающий характер поведения.

5. Семейный тип корыстного преступника. Этот тип обычно встречается среди взяточников и лиц, совершающих должностные и связанные с ними посягательства. При этом преступления совершаются для достижения необходимого уровня обеспеченности материальными средствами семьи. Нередко преступники данного типа ведут аскетический образ жизни. Среди преступников

рассматриваемого типа много женщин, которые похищают вверенное им имущество ради детей, мужа и близких им людей.

В-четвертых, в основание личности неосторожного преступника положены мотивы безответственного отношения к обществу, близким людям и даже к самому себе. Считается, что личность неосторожного преступника имеет принципиальные психологические отличия от личности преступников, совершивших преступления умышленно. Соответственно, личности неосторожных преступников могут быть представлены в виде следующих типов.

1. Откровенно эгоистический тип личности неосторожного преступника. Мотивы его поведения связаны с достижением сугубо личных целей.

2. Небрежный тип личности неосторожного преступника.

3. Ленивый тип личности неосторожного преступника. Основная его забота – стремление избежать лишней работы и создание, в основном за счет других, собственного комфорта.

4. Производственный тип неосторожного преступника. Мотивы поведения такого преступника связаны с ложно понятыми производственными интересами. Ради достижения производственных показателей рассматриваемые типы преступников идут на пренебрежение элементарными мерами безопасности, что приводит к серьезным, в том числе и техногенным катастрофам⁵⁸⁹.

В-пятых, в основу универсальной типологии положен критерий устойчивой мотивационной направленности, что позволяет выделить:

1. Личность преступника с доминированием нетранзитивных (сложных и часто непредсказуемых) поведенческих решений.

2. Личность преступника с доминирующим мотивом привычного криминального поведения.

3. Личность преступника с доминирующим мотивом отрицательного отношения к определенным правоохраняемым ценностям.

4. Личность преступника с доминирующим мотивом злобности, повышенной аффектации, чувством аутизма и социальной отчужденности.

⁵⁸⁹ См.: Антоян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Указ. соч. С. 35–39.

В-шестых, личность преступника с мотивом безысходности (так называемые вынужденные преступники) охватывает следующие типы:

1. Личность преступника с мотивом непомерных утилитарных потребностей, которые невозможно удовлетворить правомерными способами (так называемые гедонические преступники).

2. Личность преступника с мотивом социально-негативных страстей и влечений (так называемые маниакальные преступники)⁵⁹⁰.

Разумеется, в реальной действительности редко когда преступник полностью соответствует одному определенному типу. Жизнь намного сложнее любых условных придуманных схем. Тем более, как говорят криминологи и психологи, поведение человека всегда полимотивировано. Поступки как обычного человека, так и преступника определяются целым рядом мотивов, которые не равнозначны между собой. Вполне возможна ситуация, когда некоторые из этих мотивов могут противоречить друг другу. В этом случае решающим фактором становится предшествующее поведение человека, его социализация и доминирующие представления о позитивном и негативном в жизни, о том, какие представления лично для него являются главными и определяющими.

Таким образом, можно говорить о следующем:

1. Среди преступников много людей, имеющих типичные однородные личностные характеристики, ведущими из которых являются импульсивность, агрессивность, асоциальность, гиперчувствительность к межличностным конфликтам, отчужденность и плохая социальная приспособляемость.

2. Наиболее типичные характеристики личности преступника зависят от вида совершенного преступления. Максимальное число лиц с типичными психологическими особенностями отмечается среди преступников, которые совершают грабежи и разбой; минимальное – среди лиц, совершающих кражи. Между этими двумя видами типов преступников находятся лица, совершившие убийства и причинение тяжких телесных повреждений.

⁵⁹⁰ См.: Еникеев М. И. Указ. соч. С. 441.

3. Количество преступников, имеющих типичные психологические особенности, всегда больше типов личности законопослушных граждан, которые не совершают преступлений.

4. Психологические особенностями личности преступников позволяют говорить о них как об одном из возможных факторов, обуславливающих преступное поведение человека. При этом социальная среда может оказывать как усиливающее, так и тормозящее влияние на проявление этого фактора.

5. Личность преступника отличается от личности законопослушного гражданина негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное отрицательное значение.

Следовательно, личность преступника – феномен более определенный, чем это можно было предположить. Личность законопослушных граждан обладает значительно большей разносторонностью. Поведение личности законопослушного гражданина разнообразно и обусловлено самыми разными мотивами, которые могут быть узкими или широкими, но в любом случае их набор намного превосходит набор побудительных причин, приводящих преступников к совершению преступлений.

Нравственно-психологический портрет преступника однообразен, поэтому психологические особенности личности преступников можно с определенной долей условности рассматривать как предрасположенность к совершению преступления. Это, как нередко говорят, психологические особенности конкретного человека, которые понижают его криминогенный порог. Специфика нравственно-психологического облика личности преступника является одним из обязательных факторов совершения ими преступлений. При этом к совершению преступления приводят не только и даже не столько психологические причины. Несмотря на традиционный интерес к психологическим особенностям личности преступника, главными причинами совершения преступлений были, есть и будут социальные противоречия, экономические проблемы и неравенство в обществе.

Всю совокупность типологических черт личности преступника называют криминальным (или криминогенным) типом личности⁵⁹¹, который состоит из следующих криминологически значимых особенностей конкретной личности:

- 1) меры криминальной зараженности;
- 2) объекта преимущественной криминальной направленности;
- 3) доминирующего вида криминальной мотивации;
- 4) устойчивых, хорошо отработанных способов совершения преступлений;
- 5) подсознательно-стереотипизированной сферы личности преступника;
- 6) общих дефектов (аномалий) психической саморегуляции⁵⁹².

Изучение с криминологических позиций таких категорий, как отчуждение и преступление, убедительно доказывает, что значительная часть преступлений совершается из-за определенной социально-психологической дистанции, на которой находится от общества и его ценностей личность преступника. Преступники как бы отстранены, причем не только от общества в целом, но и от малых социальных групп (семьи, трудовых коллективов, друзей). Все это определяет своеобразную мотивацию преступного поведения, которая выступает как реакция их реагирования на трудные жизненные ситуации, в которые периодически попадает каждый человек. Но преодоление трудных жизненных ситуаций у преступников происходит в значительно более узком вариативном формате, чем у законопослушных граждан.

Термин «отчуждение» появился в философии, психологии и криминологии достаточно давно. Отчуждение следует понимать как объективный социальный процесс, который в современном обществе постоянно усугубляется. Все чаще в государственной жизни, межличностных отношениях на работе, в семье и быту возникают различные формы отчуждения человека от окружающей его среды. Не каждый человек обладает необходимой психологической устойчивостью и может противостоять такому отчуждению, особенно если возникает трудная жизненная ситуация.

⁵⁹¹ См.: Криминология / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 363.

⁵⁹² См.: Еникеев М. И. Указ. соч. С. 442.

Как говорил В. Н. Кудрявцев, образ жизни не только способствует преступлениям, но часто в них выражается⁵⁹³.

Деадаптация и деадаптивное поведение являются следствием социально-психологического отчуждения личности преступника.

Своеобразие личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы России, определяется, как говорилось, разнообразием преступлений, которые объединены этим понятием. Очевидно, что представить этих преступников в виде какого-то конкретного типа невозможно. Более того, вряд ли будет правильным определять их единым понятием. С. В. Дьяков говорил о личности государственного преступника. Он утверждал, что личность государственного преступника, с одной стороны, несет на себе наиболее общие признаки личности преступника как таковой, а с другой – отражает в обобщенном виде особенности личности по государственным преступлениям⁵⁹⁴.

Однако он рассматривал личность государственного преступника применительно только к определенным видам преступлений против основ конституционного строя, при этом не затрагивая многие, на наш взгляд, определяющие составы преступлений, посягающих на основы политической системы. Его видение личности государственного преступника, несмотря на всю значимость проведенного им исследования, несет на себе отпечаток традиционных и уже неактуальных представлений о личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы России, которые сложились еще в советской правовой системе.

В то же время С. В. Дьяков говорит, что личность государственного преступника изменчива и подвижна. В зависимости от того, какие государственные преступления преобладали в структуре в тот или иной исторический период, личность государственного преступника менялась в своем содержании. Главное же состоит в том, что личность не является случайной

⁵⁹³ См.: Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 31.

⁵⁹⁴ См.: Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. С. 173.

на статистическом уровне по отношению к факту совершения преступления вообще и государственного преступления в частности. Другими словами, личность преступника не фиксирует преступления, она их совершает, т. е. это активный субъект социально негативных отношений, связанных с попытками нарушения основ конституционного строя⁵⁹⁵. С этим утверждением безусловно необходимо согласиться.

Личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, специфична с точки зрения социально-демографических признаков: пол, возраст, образование, национальность, семья.

Подавляющее большинство рассматриваемых преступников мужчины. Соотношение доли мужчин и женщин составляет, соответственно, 95 и 5 %. Однако доля женщин существенно возрастает, если рассматривать отдельно преступления, связанные с проведением выборов (преступления против условий легальности и легитимности власти). При этом в остальных преступлениях женщины часто выступают в роли пособника, причем нередко такое пособничество остается латентным.

Возраст криминальной активности лиц, совершающих преступления против основ политической системы, колеблется в пределах 25–29 лет, что коррелирует с возрастом подавляющего числа всех преступников. При этом другие показатели в возрастной структуре малорепрезентативны из-за недостаточности статистических данных.

У рассматриваемых преступников довольно высокий уровень образования, более 70 % имеют высшее или незаконченное высшее образование. Высокий образовательный уровень обусловлен следующими обстоятельствами: а) характер преступлений против основ политической системы требует от преступника определенного уровня социального и политического развития; б) круг общения людей, вовлеченных в вопросы политической системы, состоит из людей, в основном имеющих высшее образование; в) высшее образование стало

⁵⁹⁵ См.: Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. С. 174.

массовым и более доступным; г) приведенные показатели об образовании формализованы и не всегда отражают уровень фактической подготовленности и социальной зрелости личности.

Ученые не считают, что существует специфика совершения рассматриваемых преступлений в зависимости от принадлежности лиц к той или иной национальности. Вместе с тем это не означает, что лица разных национальностей представлены в структуре преступлений против основ политической системы пропорционально их численности. За фактической принадлежностью человека к той или иной национальности просматриваются социально-политические и этнонациональные проблемы общественной жизни. Закрывать на это глаза ни в коем случае нельзя.

Семья для формирования личности изучаемого преступника может играть как роль сдерживающего фактора, так и катализатора противоправного поведения. Так, более половины из числа тех, кто совершил насильственные преступления против основ политической системы, воспитывались в неблагополучных семьях, где царила либо атмосфера безразличия, либо атмосфера прямой враждебности родителей по отношению к основам политической системы. В семьях при этом совершались аморальные поступки и были постоянные бытовые конфликты. В семьях тех, кто совершил преступления против условий легальности и легитимности власти, наоборот, были хорошие отношения, однако гипертрофировалась критика существующей государственной власти.

При этом семейное благополучие не останавливало молодых людей в стремлении заработать деньги посредством совершения преступлений, связанных с избирательными кампаниями.

Личность преступника, посягающего на основы политической системы, характеризуется специфическими нравственно-психологическими признаками, у него имеет место деформированность нравственно-психологических качеств. Данный преступник либо аполитичен, и в этом случае исключительно корыстен, либо настроен исключительно враждебно по отношению к государственной

власти. При этом и в том, и в другом случае личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, характеризуется эгоцентричностью, завышенной самооценкой, общим негативизмом (можно сказать, негативным отношением к жизни) и нигилизмом.

Для этих преступников характерна естественная психологическая неуравновешенность, доминантность, обостренное чувство обиды, необъективный максимализм, стремление любые сложные проблемы общественной жизни решать немедленно и крайними средствами⁵⁹⁶.

Стремительно возрастающий объем массовой информации стал основной отличительной особенностью современного общества. Информационный взрыв в значительной степени определяет психологический тип современного человека. При этом средства массовой информации вызвали к жизни социально-психологический феномен массовой культуры. Последняя, рассчитанная в соответствии со своим названием на массовое потребление, приобрела в ряде случаев черты культурного суррогата, содержание которого упрощает до примитивных форм человеческие отношения, проповедует культ внешнего успеха и обесценивает высокую культуру.

Средства массовой информации создали психологический феномен идеологического, культурного, правового и политического пространства. Создан феномен политического зрелища. Появилась возможность совершения политических акций со скрытым политическим эффектом, появился феномен «политических игр».

Психология массовых коммуникаций исследует влияние объективных и субъективных факторов на эффективность массового общения, возникновения и функционирования общественного настроения и общественного мнения, способы побуждения людей к определенным действиям, закономерности усвоения и переработки информации, ее принятия или непринятия⁵⁹⁷.

⁵⁹⁶ См.: Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. С. 176–180.

⁵⁹⁷ См.: Еникеев М. И. Указ. соч. С. 358.

Все это привело к формированию особенного типа личности преступника – хакера. Хакер (от англ. to hack – рубить, кромать) – это человек, для которого важен процесс уничтожения, а не созидания. В преступлениях против условий легальности и легитимности власти, особенно когда избирательный процесс все в большей степени переходит в информационно-коммуникационную область, роль данных преступников возрастает. Важно отметить, что у хакеров, в том числе совершающих преступления против основ политической системы, преобладают корыстные мотивы поведения. В то же время у них может быть наличие специфической побудительной мотивации, такой, например, как познавательная, игровая, хулиганская⁵⁹⁸. Нельзя исключить и политическую мотивацию, однако, скорее всего, этот мотив в структуре всех других мотивов поведения окажется далеко не на первом месте.

Преступления против условий легальности и легитимности власти, особенно когда это связано с подкупом избирателей, нередко называют политической коррупцией⁵⁹⁹, что представляется неверным и даже излишним, поскольку относительно небольшой объем совершаемых преступлений не отражает всей остроты и глубины проблемы коррупции.

Вместе с тем личность преступников, которые совершают подкуп избирателей и другие преступления против условий легальности и легитимности власти за деньги, представляет интерес. Как считают ученые, таким преступникам присущи активность, инициативность, энергичность, высокая эмоциональная устойчивость, работоспособность, развитый самоконтроль, организаторские и коммуникативные качества, потребность в самоутверждении, стремление к достижению высокого социального статуса. Они способны много и продуктивно работать в сложных стрессовых ситуациях, и при этом убеждены, что им удастся

⁵⁹⁸ См.: Халиуллин А. И. Хакер как правонарушитель в современных уголовно-правовых исследованиях // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 21–23.

⁵⁹⁹ См. подробно: Кабанов П. А., Райков Г. И., Чирков Д. К. Политическая коррупция. М., 2008.

избежать уголовной ответственности⁶⁰⁰. Данные преступники характеризуются высшей стадией нигилизма, которая означает полное и добровольное их самоотчуждение, переходящее в психологическое опустошение, с одновременным осознанием абсурдности бытия и появлением глубинного неосознанного страха. Во многом такое состояние человека объясняет его отношение к социальным и правовым нормам и ценностям, доказывает утрату веры в их значимость, что ведет к отклоняющемуся поведению.

Отчуждение личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы, можно называть основным его признаком. Благодаря этому рассматриваемой личности преступника легче всего найти оправдательные мотивы собственного дезадаптивного поведения.

Таким образом, личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, из-за специфики соединенных в одну группу очень разных по своим причинам и способам совершения преступлений, невозможно типологизировать по какому-то одному критерию.

Корректно в этой связи поставить вопрос о типе личности преступника, например, совершающего преступления против условий легальности и легитимности власти (преступления, связанные с избирательным процессом), или о самостоятельном типе личности преступника, совершающего воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов. Строго говоря, тип личности преступника, совершающего посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, также может представлять самостоятельный научный интерес, точно так же, как и тип личности преступника, осуществляющего насильственный захват власти или насильственное удержание власти. Наконец, отдельное самостоятельное исследование может быть посвящено типу личности преступника, совершающего вооруженный мятеж.

⁶⁰⁰ См.: Акунченко Е. А., Дамм И. А., Щедрин Н. В. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 1. С. 49.

Вместе с тем сказанное не означает, что нельзя разрабатывать единый тип преступника, совершающего преступления против основ политической системы. Такой подход сам по себе представляет научную ценность, поскольку подобная научная категория может быть предложена в результате отдельного самостоятельного исследования. Личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, как представляется, большая научная проблема, которая потребует выработки новых научных понятий, критериев, сбора эмпирического материала и апробации полученных данных. Говорить об этом в настоящее время преждевременно.

Характеризуя личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, можно сказать, что это человек, относящийся к особо опасному типу самоутверждающегося корыстного преступника с устойчивым криминальным поведением, который характеризуется индивидуалистическим отношением к социальным ценностям и дезадаптивным поведением с признаками отчуждения личности.

§ 2. Причины преступлений против основ политической системы

Изучение причин преступности против основ политической системы необходимо для разработки эффективных мер противодействия. Без понимания их сути, без рассмотрения различных вариантов классификации невозможно предложить элементы институционально-организационного механизма противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации как феномена политической системы.

В свою очередь, сущность институционально-организационного механизма состоит в выработке организационной системы, позволяющей внедрять разнообразные эффективные институциональные нормы и правила поведения,

которые должны превращаться в социальные, а затем и правовые нормы, в общественную жизнь, в результате чего должна сложиться общественная и государственная практика, позволяющая противодействовать совершению преступлений, направленных против государственной власти. Более того, правила функционирования элементов институционально-организационного механизма предполагают постоянное отслеживание результатов его работы и последствий, наступающих в результате такой профилактической деятельности.

Специфика такой системы при этом заключается в известном противоречии, поскольку политическая система не может быть абсолютно формализованной правовыми предписаниями и не может быть излишне бюрократической и закостенелой. Следовательно, предстоит решить довольно сложную задачу по определению элементов институционально-организационного механизма противодействия преступлениям против политической системы России, имея в виду, что преступления, посягающие на политическую систему, также должны быть не только строго определены, но и максимально обоснована необходимость криминализации конкретных деяний. В противном случае баланс политической системы, в которой разрешительные элементы должны преобладать по сравнению с запретительными, тем более уголовно-воспрещенными, будет нарушен.

Следует также иметь в виду, что одним из основополагающих элементов институционально-организационного механизма является личность человека. Вот почему изучение причин преступного поведения личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы России, так необходимо.

Среди других элементов институционально-организационного механизма необходимо сказать о таких, как организационный опыт, грамотное составление правил, норм и предписаний, создание психологического позитивного общественного климата, стимулирование необходимых привычек в повседневном поведении людей, которые должны постепенно становиться востребованной традицией соблюдения баланса запретов и разрешений в политической системе.

Таким образом, институционально-организационный механизм должен представлять собой систему трансформации неупорядоченных взаимосвязей всех разноплановых элементов, из которых он состоит. Целостность институционально-организационного механизма обеспечивают, с одной стороны, устойчивые связи его элементов, а с другой – его структура, которая характеризуется: а) наличием устойчивых связей в процессе формирования и функционирования элементов; б) возможностью коррекции и внедрения разумных институциональных ограничений в общественную и прежде всего в политическую жизнь; в) временной последовательностью осуществления разрабатываемых профилактических мер; г) совокупностью обратных связей от общества для стабилизирующего воздействия не столько на профилактический механизм, сколько через институционально-организационный механизм на саму политическую систему.

Как справедливо говорила А. И. Долгова, «именно выявление причинных комплексов является основой построения серьезных и эффективных программ борьбы с преступностью»⁶⁰¹.

Причины преступности определяются, с одной стороны, взаимодействием широкой социальной среды и населения, с другой – взаимодействием экономических, политических и социальных условий жизни. При этом указанное взаимодействие происходит при активном влиянии разных типов личности преступника. Путем анализа взаимодействия всех этих причин происходит изучение причин преступного поведения конкретного человека.

Следовательно, взаимодействие совершенно разных причин преступности происходит путем активного влияния их друг на друга, а также во взаимодействии с условиями преступности, которые, как известно, сами по себе преступность не порождают, но способствуют совершению отдельных преступлений. Та или иная причина преступности становится таковой только во взаимодействии с условиями преступности⁶⁰².

⁶⁰¹ Криминология / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 266.

⁶⁰² См.: Там же. С. 261–262, 270.

Причины преступлений, совершаемых против основ политической системы, вполне укладываются в известные и традиционные схемы классификаций общих причин преступности. В первую очередь это касается преступлений, посягающих на избирательный процесс в России.

В то же время отдельные преступления, например, такие как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, требуют самостоятельного определения причин, порождающих их совершение.

Не менее интересны и своеобразны причины вооруженного мятежа. Еще Чезаре Ломброзо говорил, что бунты вспыхивают обычно из-за пустяков, под влиянием алкоголя и подражания. Все причины вооруженного мятежа Ломброзо делил на следующие:

- 1) борьба за преобладание общественного класса, что, в свою очередь, было результатом неравенства;
- 2) исключительное преобладание одного класса, что независимо от формы правления всегда является опасным;
- 3) аристократия, поскольку очень часто олигархи, соперничая из-за власти, сами дают народу средства для свержения;
- 4) рабство, которое неизбежно приводит к восстаниям;
- 5) солдаты, которые сами являются причинами бунтов;
- 6) низшие классы народов, которые неизбежно соперничают с высшими классами;
- 7) противоречия между деревней и городом;
- 8) классовое неравенство;
- 9) партии и секты, которые являются средством для развращения человеческого характера, что, в свою очередь, развращает нацию;
- 10) подражание, что проявляется во время народных движений и становится преступностью, которая распространяется словно эпидемия и делается могучим фактором мятежей и бунтов;
- 11) исторические традиции, когда каждая революция служит причиной следующей революции;

12) преждевременные и неудавшиеся реформы;

13) плохое управление (во Франции порядки, приспособленные к вкусам высших классов и неудобные для низших классов, привели к бунтам);

14) религия (восстания в Индии против англичан были обусловлены нарушениями обычаев и оскорблениями религии народа со стороны британских колонизаторов);

15) экономические причины;

16) налоги и изменение единицы ценности;

17) экономические кризисы.

При этом Ломброзо привел распределение восстаний и мятежей в соответствии с причинами, из-за которых они произошли:

а) из 142 восстаний 16, т. е. 11,2 %, были вызваны голодом;

б) 32 восстания, т. е. 22,5 %, были вызваны финансовыми причинами;

в) не менее 29,58 % восстаний имели экономический характер;

г) из 142 восстаний 26, т. е. 18,3 %, явились следствием военных переворотов недовольных солдат;

г) 26% восстаний были обусловлены политическими причинами⁶⁰³.

Деяния, из которых складывается совокупность преступлений против легальности и легитимности власти и деятельности средств массовой информации, образуют собственный комплекс причин преступности. В свою очередь, преступления, из которых складывается совокупность посягательств на условия легальности и легитимности власти, также образуют собственный комплекс причин преступности. Более того, причины такого преступления, как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, существенным образом отличаются от причин других преступлений против легальности и легитимности власти.

Представители Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) постоянно высказывают серьезную

⁶⁰³ Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность и революция. СПб., 2003. С. 71, 167–205.

озабоченность состоянием со свободой печати во всем мире, так как почти 90 % преступлений в отношении журналистов остаются безнаказанными. Обсерватория ЮНЕСКО по убийствам журналистов зарегистрировала 56 случаев смерти журналистов в 2019 г. по сравнению с 99 – в 2018 г. В общей сложности ЮНЕСКО зафиксировала 894 убийства журналистов с 2010 по 2019 г., что в среднем составляет почти 90 убийств в год. Журналистов убивают во всех регионах мира, но наиболее высокий показатель зафиксирован в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, где было убито 22 журналиста. За странами Латинской Америки и Карибского бассейна следуют страны Азиатско-Тихоокеанского региона и арабские государства, на которые приходится соответственно 15 и 10 убийств журналистов в связи с осуществлением ими профессиональной деятельности.

Почти две трети журналистов (61 %) были убиты в 2019 г. в странах, не затронутых вооруженными конфликтами, тогда как в 2014 г. эта цифра составляла только одну треть. Как и в предыдущие годы, в 2019 г. на долю местных журналистов пришлось более 90 % всех зафиксированных случаев убийства. Таким образом, журналисты не только подвергаются экстремальным рискам при освещении насильственных конфликтов, но также становятся жертвами преследования из-за журналистских расследований преступлений, коррупции, а также освещения негативных аспектов местной политики, часто в своих родных городах⁶⁰⁴.

Цель журналистского расследования – необходимость установления истинных причин определенных событий, процессов и ситуаций, причем главным образом это касается негативных феноменов, а также обнаружения тайных пружин расследуемых явлений или раскрытия порочного механизма совершения преступления, включая изобличения преступников⁶⁰⁵. Как видно из данного определения, в самой деятельности журналиста заложены причины совершения

⁶⁰⁴ См.: Российская газета. 2020. 21 января.

⁶⁰⁵ См.: Тертычный А. А. Расследовательская журналистика. М., 2020. С. 101.

различных преступлений против него, включая и воспрепятствование законной профессиональной деятельности.

Причины, приводящие к совершению преступлений против основ политической системы России, как говорилось, непосредственно и прежде всего связаны с особенностями личности преступников, их совершающих. Типы личности преступников, совершающих преступления против основ политической системы, создают криминогенную ситуацию, тем самым посылая обществу криминальный импульс, следствием которого становится усложнение не только самой криминологической ситуации в стране, но и возможность ухудшения общей политической ситуации.

Выяснение причин и условий совершения преступлений против основ политической системы России – задача чрезвычайно сложная. Сложность ее решения прямо коррелирует с успешной работой по борьбе с рассматриваемой преступностью, поскольку это связано с необходимостью устранения или локализации действия этих причин и условий, им способствующих, что в реальной действительности по некоторым направлениям если не невозможно, то, во всяком случае, очень трудно реализуемо.

В соответствии со ст. 22 Федерального закона от 23.12. 2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁶⁰⁶, в случае выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушения, субъект профилактики правонарушений, уполномоченный в соответствии с законодательством РФ, вносит в соответствующие орган или организацию независимо от форм собственности либо общественное объединение обязательное для исполнения представление об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Орган или организация обязаны в месячный срок рассмотреть адресованное им представление об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, и сообщить в письменной форме о принятых мерах

⁶⁰⁶ СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851.

субъекту профилактики правонарушений, внесшему указанное представление, в установленном законодательством РФ порядке.

Причины преступлений против основ политической системы с националистическими оттенками не являются определяющими. Однако особенность их действия состоит в непредсказуемости последствий и трудно прогнозируемом масштабе распространения, поэтому не говорить об этом совсем было бы неправильно. Особенность действия таких причин заключается в мотивации у преступников нетерпимости и вражды, сформированной окружающей их средой и целенаправленной пропагандой. Националистическая психология – одна из самых устойчивых и в то же время самая примитивная. Рассмотрение этих причин выходит за рамки настоящего исследования.

Причины преступлений против основ политической системы, как видно, так же разнообразны, как и личности преступников, которые эти преступления совершают. Если говорить о классификации причин преступности, то в этом случае следует прежде всего сказать об объективных и субъективных причинах. Первые заключаются в экономике, политике, социальной сфере. Вторые присущи личности преступника, в основном в ее психологических особенностях реагирования на объективные причины.

Определенное влияние на объективные и субъективные причины оказывают условия преступлений против основ политической системы. Нередко эти условия становятся той последней каплей, тем спусковым механизмом, который приводит в действие причины конкретных преступлений. Например, в случае вооруженного мятежа к его участникам может примкнуть то или иное число лиц, которые были ранее осуждены за преступления против условий легальности и легитимности власти и против легальности и легитимности самой власти. Даже в новейшей истории России были случаи, когда в кризисные моменты для политической системы националистические предрассудки становились условием, приводящим к совершению преступлений против власти.

Например, в XIX в. в Испании было создано общество «Черной руки», в уставе которого было записано: «Земля создана для блага людей, которые все

имеют равное право ею пользоваться; современный социальный строй несправедлив; богатые обращаются с рабочими как с рабами; нельзя поэтому относиться без страшной ненависти к политическим партиям, которые все одинаково достойны презрения; всякая собственность, нажитая чужим трудом, незаконна. Общество провозглашает богатых стоящими вне закона: для истребления их годятся все средства, не исключая огня, железа и даже клеветы»⁶⁰⁷.

Эффект подражания привел к тому, что в России подобные идеи были не только восприняты, но и творчески развиты. Поэтому внешние причины преступлений против власти тоже имеют немаловажное значение.

Условия для совершения рассматриваемых преступлений, особенно таких, как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти и вооруженный мятеж, тесно связаны с незаконным оборотом оружия в Российской Федерации. Как отмечают ученые, в настоящее время сложились следующие неблагоприятные обстоятельства, способствующие тому, что оружие относительно свободно распространяется среди граждан России:

1) в связи с военными действиями на территории Чеченской Республики в незаконный оборот ушло большое количество оружия, которое продавалось или похищалось;

2) хищение оружия со складов воинской части с целью продажи оформляется в большинстве случаев простым пожаром на складе, в результате которого оружие уничтожено и его недостачу установить практически невозможно, либо правонарушители просто «делятся» с сотрудниками контролирующих органов, чтобы те пропускали мимо своего внимания документы, касающиеся недостачи оружия на воинском складе. Данное преступление совершается лицами, осуществляющими хранение оружия на складах;

3) хищение оружия для личного использования;

⁶⁰⁷ Ломброзо Ч., Ляски Р. Указ. соч. С. 183.

- 4) нападения на военнослужащих с целью хищения оружия;
- 5) утрата оружия военнослужащими.

Больше половины преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Вооруженных силах РФ, были совершены должностными лицами, которые осуществляют его учет и хранение.

26 апреля 2016 г. на сайте Главной военной прокуратуры РФ была размещена информация о том, что данные о состоянии законности и правопорядка в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях, которые публикуются в средствах массовой информации, не отражают истинного положения дел.

Согласно статистическим данным МВД РФ, в 2021 г. на 5,2 % снизилось количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, их число превысило 23 тысячи. Количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств уменьшилось на 13,3 %. Всего таких преступлений было зафиксировано 779. Исходя из этих показателей, можно сделать вывод, что уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, снизился не значительно. По данным ведомства, в 2021 г. с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств было совершено 4,7 тыс. преступлений. Более того, реальные статистические показатели незаконного оборота оружия замалчиваются, что не может не тревожить ученых и представителей общественности, поскольку незаконный оборот оружия влияет на совершение других преступлений⁶⁰⁸ и, прежде всего, на совершение преступлений против основ политической системы, особенно тех, которые предполагают насильственные действия преступников.

Когда говорят о политической коррупции, приводятся следующие причины совершения преступлений:

- 1) правовые;

⁶⁰⁸ См.: *Фельде Г. Е.* Причины и условия возникновения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации // Наука, техника и образование. 2016. № 5. С. 104–106.

- 2) организационно-управленческие;
- 3) воспитательные;
- 4) идеологические;
- 5) социально-экономические;
- 6) нравственно-психологические;
- 7) социально-политические⁶⁰⁹.

В. Е. Эминов классифицирует все причины преступности на:

- экономический причинный комплекс;
- политический причинный комплекс;
- социальный причинный комплекс;
- нравственно-психологический причинный комплекс;
- правовой причинный комплекс.

При этом автор выделяет условия, способствующие совершению преступлений, а также самодетерминацию преступности. Под последним понимается процесс, который включает в себе четыре относительно самостоятельные формы:

- а) совершенное и не раскрытое преступление, что порождает безнаказанность и желание совершить еще одно преступление;
- б) предпреступное поведение будущего преступника, который за совершенные проступки и асоциальное поведение не привлекался ни к какой ответственности;
- в) организованная преступность, которая сама по себе порождает совершение многих преступлений;
- г) психология населения.

Среди рассматриваемых причин преступности В. Е. Эминов справедливо акцентирует внимание на экономическом причинном комплексе. Противоречивость экономических отношений, по его словам, неизбежно порождает преступность. Рыночные экономические отношения отягощены преступностью. Они основаны на конкуренции, значит на подавлении

⁶⁰⁹ См.: Кабанов П. А., Райков Г. И., Чирков Д. К. Указ. соч. С. 98.

конкурентов, запрограммированной избыточной рабочей силе, выжимании прибыли в возможно больших размерах, имущественном и социальном расслоении людей⁶¹⁰. Применительно к преступлениям против основ политической системы он говорит, что ничто не разводит людей на различные полюса так непримиримо, как политическое несогласие. Парадокс общественных отношений заключается в том, что политики в ажиотаже политических амбиций не видят и не хотят видеть, что стимулируют преступность. Противники существующей власти всегда спекулируют на этом⁶¹¹.

Соглашаясь с рассмотренными выше классификациями причин преступности и не ставя под сомнение важность условий совершения преступности, следует обратить внимание на то, что, как неоднократно говорилось, личность преступника очень тесно связана с причинами преступности против политической системы России. Исходя из этого можно предложить следующие виды классификаций причин преступности.

Причины преступности против основ политической системы должны быть классифицированы на: 1) личные и 2) неличные.

В свою очередь к личным причинам преступлений против основ политической системы следует отнести: 1) психологические; 2) социальные; 3) воспитательные; 4) нравственные; 5) ценностно-потребительские.

Неличными причинами преступлений в этом случае будут являться: 1) экономические противоречия; 2) социальные общественные противоречия (в том числе политические противоречия); 3) законодательные противоречия; 4) организационно-управленческие противоречия; 5) национальные противоречия (в том числе религиозные).

Помимо этого, может быть предложена классификация причин преступности против основ политической системы в зависимости от посягательств на легальность и легитимность власти как феномен политической системы России. В этом случае могут быть выделены:

⁶¹⁰ См.: Эминов В. Е. Причины преступности в России. М., 2011. С. 59.

⁶¹¹ См.: Там же. С. 69–70.

1) причины преступлений, посягающих на избирательные права граждан России;

2) причины преступлений, непосредственно посягающих на легальность и легитимность власти, которые, в свою очередь, охватывают:

а) причины захвата власти;

б) причины насилия против представителя власти.

Разумеется, каждая из классифицированных причин может быть рассмотрена отдельно и также классифицирована на более детальные причины. Однако как нам представляется, главной отличительной особенностью предложенных классификаций является ориентирование практических работников на их нейтрализацию и даже устранение. Причем в первом случае меры нейтрализации, исходя из критериев классификации, будут носить общий характер, а во втором случае эти меры должны иметь узкое конкретное направление.

Таким образом, предложенный вариант классификации причин преступлений, направленных против основ политической системы России, отличает вариативность (личностный и объективный внешний подход) и практическая ориентированность.

Как говорит Д. А. Шестаков, для характеристики причин воспроизводства преступности приводятся различные показатели экономической, социальной и демографической статистики, отражающей обострение противоречий и кризисные явления в соответствующих сферах общественной жизни. При этом совершенные преступления имеют те причины, которые, в конечном счете, определяют накапливаемые в обществе сведения о преступности⁶¹². Применительно к преступности против основ политической системы России можно сказать, что противоречия и кризисные явления в обществе влияют на преступления, посягающие на условия легальности и легитимности и на легальность и легитимность власти, как прямо, так и опосредовано. Поэтому накапливаемые сведения о соответствующих преступлениях не являются

⁶¹² См.: Шестаков Д. А. Криминология. СПб., 2006. С. 125–126.

статистическими показателями. Скорее, их следует называть индикаторами кризиса самой политической системы. Соответственно, эти сведения не должны накапливаться, они должны постоянно анализироваться и использоваться для снижения уровня социальной напряженности.

§ 3. Предупреждение преступности против основ политической системы

Предупреждению преступности было посвящено много исследований в советское время. Объяснялось это, с одной стороны, тем, что почти все статистические данные были закрыты для публичного открытого анализа; с другой стороны, потребностями правоприменительной практики, которая была ориентирована на снижение уровня преступности с последующей ликвидацией или приведением ее к абстрактному понятию эксцессов. Как вспоминал В. В. Лунеев, юристы с советских времен, когда все фактические данные были засекречены, не имели возможности и опыта системно работать со статистическим материалом. Главным инструментом научного анализа была и остается логика⁶¹³.

При этом предупредительная (профилактическая) работа против преступности в советское время проводилась постоянно, существовали формы отчетов, последние носили обязательный характер и были относительно хорошо финансируемы. Разумеется, в профилактической деятельности имелись недостатки, но несмотря на это, она все же была эффективным средством борьбы с преступлениями против основ политической системы, которые в то время назывались государственными.

Как бы то ни было, но предупреждение преступности стало основным направлением отечественной криминологии и получило научный аппарат, став самостоятельной научной теорией. «Таким образом, можно констатировать,

⁶¹³ См.: Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М., 2014. С. 236.

что к настоящему времени мы имеем сформировавшуюся в основных категориях теорию предупреждения преступности как совокупность научных знаний о специальной области регулирования общественных отношений»⁶¹⁴. При этом на практике это означало деятельность по преобразованию общественных отношений в целях устранения причин преступности и условий, им способствующих. На эту деятельность должно работать все общество и все без исключения государственные институты.

Например, С. В. Дьяков говорил о следующих причинах, которые он называл угрозами безопасности, порождающими преступления против власти:

- 1) резкий рост социального расслоения населения;
- 2) низкий уровень жизни большинства населения;
- 3) усиление напряженности и рост конфликтов на политической, этнической и конфессиональной основе;
- 4) криминализация общественной жизни, высокий уровень коррупции и экстремистских настроений;
- 5) демографический кризис и депопуляция населения⁶¹⁵.

В совокупности элементы деятельности по предупреждению преступности образуют самостоятельную систему регулирования общественных отношений, состоящую из следующих уровней:

- 1) специальных профилактических мер применительно к видам преступлений;
- 2) специальных профилактических мер применительно к типам преступного поведения;
- 3) профилактических мер применительно к сферам общественной жизни;
- 4) профилактических мер применительно к отраслям экономики;
- 5) специальных профилактических мер применительно к сферам деятельности человека;
- б) индивидуальная профилактика;

⁶¹⁴ Курс советской криминологии. Т. 1. С. 7.

⁶¹⁵ См.: Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. С. 195.

7) предупреждение отдельных конкретных преступлений⁶¹⁶.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», субъектами профилактики являются:

- 1) федеральные органы исполнительной власти;
- 2) органы прокуратуры;
- 3) следственные органы Следственного комитета;
- 4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 5) органы местного самоуправления.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 6 данного закона специальные меры профилактики правонарушений в пределах установленной компетенции уполномочены применять должностные лица органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством РФ.

Предупреждение преступлений, направленных против основ политической системы России, имеет особое значение, поскольку нейтрализация соответствующих причин является прямым условием стабильности как самой политической системы, так и стабильного развития общественных отношений.

Понятия «предупреждение» и «профилактика» преступлений и преступности нами употребляется в едином значении, как синонимы. Исходя из этого, криминологическая профилактика – это профилактика преступлений и профилактика некоторых правонарушений некриминального характера, прежде всего административных правонарушений, ближе всего стоящих к преступлениям как наиболее опасным противоправным деяниям. Криминологическая профилактика – это совокупность мер по выявлению и устранению (блокированию, нейтрализации) причин, а также условий и иных детерминант преступности и связанных с нею правонарушений⁶¹⁷.

⁶¹⁶ См.: Курс советской криминологии. Т. 1. С. 7–8.

⁶¹⁷ См.: Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 13, 25.

Сейчас существует легальное определение профилактики правонарушений. Согласно ст. 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Основные направления профилактики также перечислены в законе:

- 1) защита личности, общества и государства от противоправных посягательств;
- 2) предупреждение правонарушений;
- 3) развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений;
- 4) охрана общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий;
- 5) обеспечение общественной безопасности, в том числе безопасности дорожного движения и транспортной безопасности;
- 6) противодействие незаконной миграции;
- 7) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;
- 8) противодействие терроризму и экстремистской деятельности, защита потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей;
- 9) противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- 10) обеспечение защиты и охраны частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;
- 11) обеспечение экономической безопасности;

- 12) противодействие коррупции, выявление и устранение причин и условий ее возникновения;
- 13) обеспечение экологической безопасности, охрана окружающей среды;
- 14) обеспечение пожарной безопасности;
- 15) предупреждение, ликвидация и (или) минимизация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- 16) повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

Главное направление борьбы с посягательствами на основы политической системы – это предупреждение совершения данных преступлений на возможно дальних рубежах от непосредственного создания благоприятных в криминогенном понимании условий для исполнения преступных намерений у соответствующих лиц. Социально-негативные последствия преступлений могут быть настолько тяжелыми, что ни последующее обнаружение и привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, ни суровое наказание преступников не смогут устранить тот ущерб, который может быть нанесен интересам страны, в том числе ее международному престижу.

Борьбу с преступлениями против основ политической системы ведут разные правоохранительные органы, в том числе органы Федеральной службы безопасности, Следственный комитет, полиция и прокуратура. Руководство этих правоохранительных органов справедливо полагает, что предупреждение преступлений против основ политической системы является одной из важнейших задач и главным направлением борьбы с рассматриваемыми общественно опасными противоправными деяниями. Помимо выявления, предупреждения и пресечения преступлений против основ политической системы в ходе оперативно-розыскной деятельности, представители правоохранительных органов ведут профилактическую работу, являющуюся логическим продолжением оперативной деятельности и заключающуюся в системе мер психологического воспитательного воздействия на лиц, находившихся в трудной жизненной

ситуации, которая, в случае непринятия надлежащих мер, перерастает в криминогенную.

Проведенные социологические исследования показали, что в советское время правоохранительные органы в среднем в год занимались профилактической работой с примерно около 10 тыс. человек, поведение которых могло привести к совершению особо опасных преступлений против основ политической системы. Причем не более 1 % этих лиц, несмотря на предпринимаемые меры, все же совершали преступления. Следовательно, эффективность профилактики преступности против основ политической системы была очень высокой, чего нельзя сказать о современной действительности.

Как правильно пишут М. М. Бабаев и Е. Ю. Пудовочкин, дело с организацией профилактики преступлений и правонарушений обстоит плохо. В качестве системы профилактики просто отсутствует. Фактически вне поля интересов правоохранительных органов остаются такие важные и актуальные вопросы, как определение «цены» преступности и ее реального уровня. Однако социальным последствиям преступности уделяется ничтожно малое внимание. Между тем это огромный пласт негативных событий, возникающих в результате совершения преступлений. Здесь в тугой узел оказываются завязанными подчас противоречивые интересы государства, общества и отдельных граждан⁶¹⁸.

Цена преступности – это денежная (монетизированная) оценка негативного влияния преступности (вреда и издержек) на общество в целом и конкретных объектов общественных отношений при конкретном режиме за определенный промежуток времени⁶¹⁹.

Правоохранительные органы осуществляют как индивидуальную, так и общую профилактику преступлений, посягающих на основы политической системы. В соответствии со ст. 16 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», профилактика правонарушений осуществляется при возникновении социальных,

⁶¹⁸ См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Е. Ю. Российская уголовная политика и уголовный закон. М., 2017. С. 199–200.

⁶¹⁹ См.: Цена преступности / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2014. С. 7.

экономических, правовых и иных причин и условий, способствующих совершению правонарушений, в том числе преступлений.

Общая профилактика направлена на выявление, устранение или локализацию, в том числе нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению рассматриваемых преступлений. Как закреплено в ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», общая профилактика правонарушений направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

Для успешного осуществления общей профилактики обязательно должны быть собраны полные и достоверные данные о происходящих в обществе социально-негативных процессах, а также сделан прогноз о том, как будет развиваться ситуация в тех сферах деятельности, которые непосредственно или опосредованно будут влиять на причины преступлений против основ политической системы. Все это определено в законе, как и необходимость:

- выявления, оценки и прогнозирования криминогенных факторов социального характера;
- совершенствования механизмов эффективного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений;
- выявления и устранения причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- выявления лиц, склонных к совершению правонарушений;
- выявления лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми, и лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- применения в соответствии с законодательством РФ специальных мер профилактики правонарушений административного, уголовного, уголовно-

процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-разыскного характера в целях предупреждения правонарушений;

- проведения мониторинга в сфере профилактики;
- применения иных мер, предусмотренных законодательством.

В ст. 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закреплены следующие формы профилактического воздействия на потенциальных нарушителей закона:

- 1) правовое просвещение и правовое информирование;
- 2) профилактическая беседа;
- 3) объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;
- 4) профилактический учет;
- 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;
- 6) профилактический надзор;
- 7) социальная адаптация;
- 8) ресоциализация;
- 9) социальная реабилитация;
- 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Как показывает практика, наиболее эффективными формами профилактического воздействия являются профилактическая беседа и объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений. Обе указанные формы являются разновидностью индивидуальной профилактики. Индивидуальная профилактика правонарушений направлена на оказание воспитательного воздействия на лиц, которые в ней нуждаются, на устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение, а также на оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений

или подверженным риску стать таковыми (ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

Индивидуальная профилактика – это система мер, проводимых в отношении конкретных лиц в целях предупреждения совершения ими преступлений, направленных против основ политической системы. Основанием для начала профилактической деятельности является наличие полных и достоверных данных, свидетельствующих о том, что поведение конкретного человека может нанести ущерб политической системе и противоречит общественным и государственным интересам. Кроме того, профилактическая деятельность направлена на защиту интересов самого человека, который, возможно, остановился в шаге от совершения преступления; тем самым представители субъектов профилактики не допустили привлечения его за возможное совершение преступления к уголовной ответственности.

Методы индивидуальной профилактики не обязательно должны исчерпываться только теми формами, которые определены в законе. Помимо названных, индивидуальные методы включают в себя:

- личные беседы с потенциальным нарушителем закона;
- беседы с родственниками и близкими друзьями;
- беседы с руководителями организаций, где работает лицо, в отношении которого осуществляются профилактические меры.

При этом используются как гласные, так и негласные (в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности»⁶²⁰) методы профилактической деятельности.

Профилактическое значение, противодействующее усугублению последствий в результате совершения преступлений против основ политической системы, имеют нормы УК РФ, направленные на поощрение позитивного посткриминального поведения лиц, которые оказались причастными к данным преступлениям. Речь идет о добровольном отказе от преступления (ст. 31 УК РФ),

⁶²⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349 ; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 40.

явке с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления (ст. 61 УК РФ). Кроме того, как указывалось, в примечании к ст. 275 УК РФ закреплено положение, согласно которому лицо, совершившее в том числе насильственный захват власти, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Информационное обеспечение выборов в информационно-телекоммуникационном интернет-пространстве наиболее уязвимо и слабо защищено от угроз манипуляции данными об избирателях и данными об их волеизъявлении. На пресечение манипулятивных техник, внедряющих в сознание и практику циничное потребительское отношение к демократическим избирательным процедурам, должны быть направлены усилия всех, кто определяет форму и содержание избирательного процесса, обеспечивает разбирательство в избирательных спорах, осуществляет контроль и надзор со стороны общества и государства. Противопоставить рынку манипулятивных техник в избирательном процессе можно, с одной стороны, суровость уголовных санкций и страх перед так называемыми «цветными революциями», условиями которых могут стать нарушения прав избирателей, а с другой стороны, разъяснение, грамотную информативную работу средств массовой информации и правовое воспитание, основанное на балансе интересов личности, государства и капитала⁶²¹.

Что касается «цветных революций», то вопрос разработки мер по предупреждению на ранних стадиях преступлений, посягающих на власть как феномен политической системы России, представляется актуальным. Прежде всего, в данном случае следует говорить о предупреждении преступлений, направленных на насильственный захват или насильственное удержание власти,

⁶²¹ См.: Акунченко Е. А., Дамм И. А., Щедрин Н. В. Указ. соч. С. 49–71.

а также о предупреждении вооруженного мятежа. Все многообразие вариантов противодействия «цветным революциям» можно условно разделить на четыре группы:

- 1) нормативно-правовые;
- 2) административные;
- 3) информационные;
- 4) экономические.

Нормативно-правовые методы противодействия могут применяться для создания условий, препятствующих разворачиванию активной политической деятельности лидеров и организаций, ориентированных на свержение действующей власти, а также осуществлению их поддержки (как материальной, так и информационной) из-за рубежа. Например, в результате проведенных проверок признаки политической деятельности и подтвержденное документацией НКО иностранное финансирование в течение 2010–2013 гг. в объеме, превышающем 6 млрд рублей, были выявлены у 215 некоммерческих организаций. Только по данным их собственных отчетов, некоторые из указанных организаций за трехлетний период получили из-за границы свыше 800 млн рублей. Занимаясь политической деятельностью, участвуя в избирательном процессе, публичных мероприятиях, связанных с влиянием на основы политической системы (например, в подготовке законопроектов), получая деньги из-за границы и подробно отчитываясь перед зарубежными спонсорами об их расходовании, ни одна из этих организаций не хотела признавать себя иностранным агентом и не намерена добровольно регистрироваться в данном качестве. В нарушение норм Венской конвенции 1969 г. «О праве международных договоров» 17 российских организаций, занимавшихся политической деятельностью, напрямую финансировались посольствами США, Великобритании, Бельгии, Германии, Нидерландов и Швейцарии, что, по оценке МИД России, является вмешательством во внутренние дела нашей страны и нарушает общепринятые нормы международного права⁶²².

⁶²² См.: Сборник международных договоров СССР. М., 1988. Вып. 42. С. 123.

Административные методы обладают большей оперативностью и помогают решать широкий круг задач предотвращения «цветной революции», особенно на этапе ее подготовки. В частности, это возможно путем создания патриотических общественно-политических организаций и партий, поддержки их деятельности, предоставления организационного и отчасти материального и информационного ресурса таким организациям.

Информационные методы являются наиболее важными. Они играют ключевую роль практически на всех этапах подготовки и осуществления «цветной революции», от эффективности их применения в значительной степени зависит возможность ее недопущения или пресечения. Неэффективное применение даже превосходящего по потенциалу информационного ресурса со стороны государственной власти приводит к провалу и падению официальных структур. «Цветная революция» не может существовать без сетевых ресурсов интернета. Это одновременно ее воздух, ее пространство и ее инструмент.

Экономические методы имеют значение для подрыва материально-ресурсного потенциала «цветной революции». Основу данных методов составляют технологии, позволяющие парализовать деятельность экономических субъектов, наполняющих материальную базу представителей «цветной революции», нейтрализовать активность на территории России иностранных экономических субъектов, блокировать накопление и перемещение материальных средств и финансов. При этом в Европе платежи с использованием интернета являются объектом расследования и уголовного преследования. Давно подтверждено правило: с сетевыми структурами в интернете могут эффективно бороться только другие сетевые структуры, работающие в том же операционном поле, что и их противники⁶²³.

Как правильно отмечал С. В. Дьяков, криминологические обобщения позволяют полнее исследовать сложную и динамичную структуру личности

⁶²³ См.: Меркурьев В. В., Аганов П. В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 63–70.

преступника, позволяют увидеть, какое звено структуры личности подверглось наибольшей криминогенной деформации, какова устойчивость и сила антиобщественной направленности (установки) личности, а следовательно, позволяют говорить о возможном поведении такого человека и принимать ответственные решения, направленные на профилактику преступного поведения⁶²⁴.

Таким образом, институционально-организационный механизм противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации в целом законодательно закреплен. Проблема заключается в техническом и организационно-правовом сопровождении профилактической деятельности в соответствующем направлении. Например, порядок проведения профилактической беседы не определен, в то время как реализация объявления официального предостережения закреплена только в приказе ФСИН России от 12.12.2017 (ст. 58 УИК РФ). При этом порядок мониторинга профилактики определен отдельным постановлением Правительства РФ от 30.12.2016 № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁶²⁵.

Очевидно, что работа по совершенствованию профилактики правонарушений, в том числе преступлений против основ политической системы России, должна быть продолжена. Необходимо, на наш взгляд, разработать в рамках профилактической деятельности стратегию противодействия преступлениям против основ политической системы. Помимо прочего этот документ, который не должен быть большим по объему и в то же время должен быть емким и информативным, позволит определить существующие болевые точки и в обществе, и в государстве, и в политической системе.

Что касается профилактики воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, то законодательная норма ст. 49 Закона РФ «О средствах массовой информации», в которой закрепляется,

⁶²⁴ См.: Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. С. 173.

⁶²⁵ См.: СЗ РФ. 2017. № 2 (ч. 2). Ст. 392.

что государство гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг, очевидно, не выполняет той функции, для реализации которой она существует. Роль средств массовой информации и журналистов и сегодня велика, а в ближайшее время будет только возрастать. Влияние, как позитивное, так и негативное, журналистов на вопросы развития и совершенствования политической системы России нельзя недооценивать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя проблемы посягательств против основ политического строя России, мы в целом ставили задачу решить три общетеоретических и ряд частных вопросов: во-первых, установить, что определяет социальную обусловленность уголовно-правовых норм как таковых и уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против указанных основ; во-вторых, какие деяния входят в круг данных посягательств; в-третьих, выявить правовую природу уголовно наказуемого нарушения законодательства о выборах и референдуме (ст. 141–142.2), воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста (ст. 144 УК РФ), а следовательно, и место соответствующих норм в системе Особенной части УК РФ. При этом исходили из того, что уголовное право обеспечивает функционирование не всей политической системы, а только отдельных ее элементов:

1) легальность и легитимность государственной власти, т. е. конституционную основу ее функционирования;

2) институционально-субъектную, информационную подсистему (средства массовой информации), обеспечивающую поиск, получение, производство и распространение информации;

3) беспрепятственное осуществление своих политических функций государственными и общественными деятелями.

Кроме того, нами была предпринята попытка дать характеристику криминологического и институционально-организационного механизм противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации как феноменов политической системы.

Теоретический анализ имеющихся точек зрения и всего уголовно-правового массива норм показал, что уголовно-правовой запрет в абсолютном большинстве своем имеет одно основание, которое охватывает ряд факторов,

детерминирующих необходимость его появления. Однако в основании уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государственную власть и деятельность средств массовой информации, лежат несколько обстоятельств. Это обусловлено спецификой рассматриваемых деяний. Нормы о них вызваны к жизни рядом факторов:

- общественной опасностью последних;
- обязательствами России по ратифицированным международным договорам;
- нормативной предопределенностью функционирования политической системы и ее отдельных структурных систем.

На основании этого мы приходим к выводу, что в уголовно-правовой механизм, обеспечивающий функционирование основ политической системы России, входят уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 141–142.2, 144, 277–279 УК РФ.

Как уже говорилось, нами были предприняты усилия по уточнению ряда признаков указанных составов преступлений и углублению некоторых теоретических положений, относящихся к теме исследования. Так, исходя из назначения выборов, объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, предлагается признавать общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства. Выделение объекта применительно к каждому из деяний, предусмотренных ч. 1 данной статьи, методологически ошибочно; преступления, указанные в диспозиции одной нормы, не могут посягать на различные, хотя и очень близкие, общественные отношения.

Потерпевшим является гражданин Российской Федерации, чье избирательное право, право на участие в референдуме нарушено. Им также может быть член избирательной комиссии или комиссии референдума. Вместе с тем, вопреки имеющимся утверждениям, потерпевшим не является близкий указанных лиц, как таковой он не указан в уголовно-правовой норме.

Исследование показало, что ограничивать цель воспрепятствования участия в выборах только реализацией права избирать или быть избранным необоснованно, не соответствует законодательному определению понятия избирательных прав. Избирательные права граждан – это конституционные права граждан РФ избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определения результатов выборов, в других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией РФ, федеральным законом, иными федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов РФ.

По мнению автора, объектом преступления, предусмотренного ст. 141.1 УК РФ, являются общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан при соблюдении принципа их равноправия.

Непосредственный объект преступления (в первую очередь, его дополнительный и факультативный виды), предусмотренного ст. 142 УК РФ, следует определять дифференцированно. Объектом преступления, предусмотренного ч. 1 и 3 ст. 142 УК РФ, выступают общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов. Факультативным объектом следует признавать нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума.

Факультативный объект преступления в ч. 2 ст. 142 УК РФ представлен более широко: им могут быть отношения, характеризующие: нормальную, отвечающую целям и задачам деятельность избирательной комиссии, комиссии референдума; физическое или психическое здоровье личности; собственность;

иные права и законные интересы граждан, охраняемые законом интересы организаций и государства. Это обусловлено спецификой объективной стороны преступления, содержащего различные способы его совершения.

При определении предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, надо исходить из его признаков. Им выступает документ, во-первых, изготовление (предоставление) которого входит в круг полномочий члена избирательной комиссии, комиссии референдума; уполномоченного представителя избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; кандидата или уполномоченного им представителя; во-вторых, который оказал или мог оказать влияние на реализацию гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, на результаты выборов или референдума.

В ч. 2 указанной статьи речь идет о двух предметах преступления: подписях избирателей и других названных в уголовно-правовой норме лиц; подписных листах с заведомо подделанными подписями; в ч. 3 – избирательных бюллетенях; бюллетенях для голосования на референдуме; открепительных удостоверениях.

Автор приходит к выводу (вопреки имеющимся в литературе позициям), что в ст. 142.1 УК РФ закреплён один состав преступления, характеризующийся сложной структурой (альтернативно указан лишь ряд деяний; остальные признаки изложены одномерно). Объектом данного преступления выступают общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан государства на справедливых выборах, проведенных с соблюдением демократических принципов и законодательства РФ, обеспечивающего точное определение итогов голосования и результатов выборов. Эти отношения нарушаются путем использования: 1) неучтенных бюллетеней; 2) неверных сведений об избирателях, участниках референдума; 3) списков избирателей, участников референдума; 4) подписей избирателей, участников референдума; 5) действительных бюллетеней с отметками избирателей; 6) бюллетеней; 7) протоколах об итогах голосования.

По нашему мнению, преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, имеет иную правовую природу, нежели это определено законодателем; оно посягает на средства массовой информации как институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающую связь между властью, политическими и общественными организациями и гражданами страны. Место нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование профессиональной работе журналиста, в гл. 29 УК РФ, которая объединяет преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Данный состав преступления является сложным по структуре, характеризуется двумя непосредственными объектами: основным выступают средства массовой информации как подсистема (структурный элемент) политической системы; дополнительным – неприкосновенность личности.

Преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, имеет специфический механизм его совершения, последний предполагает включенность потерпевшего в конституционно-правовые отношения, характеризующие основы политической системы страны. Виновный, исключая государственного или общественного деятеля из указанных отношений, устраняет один из его элементов, тем самым нарушает указанные основы, определенные в Конституции РФ.

По нашему мнению, государственный деятель – это лицо, занимающее должность, установленную: 1) Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Указанное положение находит конкретизацию в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 15.01.1995 № 32 (в ред. от 15.05.2018); 2) конституцией или уставом субъекта Российской Федерации. Эти должности перечислены в Указе Президента РФ от 04.12.2009 № 1381 (в ред. от 05.10.2015) «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации».

Под общественным деятелем как потерпевшим в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ, понимается лицо, которое состоит в руководстве или принимает активное участие в работе зарегистрированных в РФ политических партий, общественных объединений, профессиональных и иных союзов на федеральном или региональном уровне.

В работе показано, что указанные в ст. 278 УК РФ деяния посягают на два взаимосвязанных, но самостоятельных видовых объекта: первые два из них направлены на основы политической системы Российской Федерации, основным феноменом которой является государственная власть. Непосредственным объектом в этом случае выступают отношения, характеризующие легальность и легитимность последней, понимаемой как конституционную основу ее существования и функционирования, создания и деятельности органов государственной власти. Третье преступление посягает на конституционный строй Российской Федерации, что непосредственно вытекает из сущности указанного в законе деяния.

Имеющееся в литературе ограничение ветвей государственной власти, на насильственный захват или удержание которых направлено рассматриваемое преступление, не основано на Конституции РФ, не вытекает из сути уголовно-правовой нормы. Уголовный закон одинаково охраняет как законодательную и исполнительную, так и судебную власть.

Окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, следует определять дифференцированно: первое будет считаться завершенным с момента совершения деяния, направленного на захват власти; второе – с момента совершения деяния, направленного на удержание власти; третье – с момента совершения деяния, направленного на изменение конституционного строя. Для наличия состава преступления не требуется совершения деяния собственно по захвату или удержанию власти, изменение конституционного строя. Надо особо подчеркнуть, что законодатель вообще не допускает возможности фактического захвата или удержания власти либо изменение конституционного строя.

Вопреки имеющимся утверждениям, специальная цель не является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, признание ее таковым не вытекает из описания уголовно-правового запрета, не согласуется с особенностями конструкции диспозиции нормы уголовного закона.

За совершение деяния, направленного на насильственный захват власти, и деяния, направленного на насильственное изменение конституционного строя РФ, несет ответственность общий субъект – лицо, достигшее возраста 16 лет. Ответственность за действия, направленные на удержание власти, несет специальный субъект преступления – представитель органов государства, сформированных в соответствии с конституционными принципами, но обязанных согласно Конституции РФ передать государственную власть политическим силам, пришедшим к власти конституционным путем.

Мы полагаем, что своевременность сообщения, о которой говорится в примечании к ст. 275 УК РФ (это примечание распространяется и на ст. 278 УК РФ), необходимо спрягать с такой стадией, как приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В этом случае объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться вред, но дальнейшее развитие разрушающего воздействия на него еще можно приостановить, предотвратить. В рамках же самих приготовительных действий «своевременность» принципиального значения не имеет.

По мнению автора, объект преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, необходимо определять исходя из формулировки целей деяния: изменения конституционного строя Российской Федерации; нарушения территориальной целостности Российской Федерации. Таким образом, объектом мятежа следует признавать конституционный строй и территориальную целостность РФ.

Мятеж как преступление должен обладать рядом объективных и субъективных признаков. К первым относятся: значительная группа лиц (в этом случае формализация вряд ли возможна в принципе); совершение насильственных

действий; наличие оружия; отказ подчиниться требованиям властей. К субъективному признаку относится указанная в законе цель.

Свержение конституционного строя РФ как цель мятежа заключается в стремлении виновных насильственным путем упразднить положения, закрепленные в гл. 1 Конституции РФ. Цель изменения конституционного строя предполагает трансформацию системы социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых и охраняемых Конституцией РФ и другими конституционно-правовыми актами государства. Цель нарушения территориальной целостности охватывает либо нарушение суверенитета, либо федеративного устройства Российской Федерации.

Как уже говорилось, в работе высказаны предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, обеспечивающих функционирование основ политической системы страны. Потребность в этом обусловлена рядом обстоятельств. Так, в ст. 141 УК РФ воспрепятствование осуществлению прав или полномочий и вмешательство в деятельность соответствующих комиссий и работу ГАС «Выборы» из-за существенных различий в сути указанных деяний следует предусмотреть в различных статьях Особенной части УК РФ. При этом надо иметь в виду, что нарушение тайны голосования вряд ли достигает того уровня общественной опасности, который присущ преступлению; для противодействия с этим деянием достаточно административно-правовых мер.

Принуждение, насилие и угроза применения насилия – перекрещивающиеся понятия, при этом первое из них имеет более широкое содержание, полностью охватывает второе; указание в законе на эти оба способа совершения воспрепятствования некорректно, создает искусственные сложности в определении содержания каждого из них. Признание в качестве самостоятельного преступления так называемую продажу голосов ни социально, ни криминологически необоснованно. Наконец, слово «комиссия» следует использовать в единственном числе, так как множественное число по общим

правилам законодательной техники используется тогда, когда единственное число не образует соответствующего состава преступления.

Как известно, в законодательство о выборах и референдуме всесторонне и детально регламентируются вопросы финансирования избирательной кампании и кампании референдума. В связи с этим законодатель, формулируя уголовно-правовую норму (ст. 141.1 УК РФ), мог отразить суть уголовно-правового запрета, применив бланкетный способ описания диспозиции нормы, а для снижения уровня бланкетности указать такие криминообразующие признаки, как: финансовые нарушения, обусловленные с незаконной поддержкой соответствующего лица (избирательного блока и т. д.); финансовые нарушения, связанные с расходом средств избирательных фондов и фондов референдума; цель – оказание влияния на результаты выборов или референдума.

По мысли законодателя, термины «использование» и «расходование» в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ означают разные по смыслу деяния, но слова, которыми они отражаются, являются синонимами. В связи с этим можно утверждать, что законодателем нарушено одно из важных правил законодательной техники: нельзя одно и то же обозначать в норме разными словами либо придавать последним одинаковое лексическое значение.

В ст. 142.1 УК РФ нарушена логическая последовательность описания деяний, она не согласуется с процедурой подготовки и проведения голосования на выборах или референдуме, с очередностью осуществления соответствующих действий; кроме того, перечень их видов характеризуется пробельностью.

По нашему мнению, нужен принципиально другой подход, охватывающий иную оценку юридической природы преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ. В частности, предлагается предусмотреть три уголовно-правовые нормы: одну для обеспечения функционирования институционально-субъектной, информационной подсистемы – важного структурного элемента политической системы, в том числе характеризующей состоянии демократии в стране; две нормы для обеспечения безопасности журналиста в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей и его близких.

В работе обращено внимание на противоречие между сущностью закрепленного в ст. 279 УК РФ уголовно-правового запрета и названием гл. 29 УК РФ. Согласно данной статье преступление посягает на конституционный строй РФ, в названии же главы говорится об основах конституционного строя.

Заголовок (частично и текст) ст. 279 УК РФ как вооруженный мятеж тавтологичен, поскольку мятеж и есть вооруженное выступление против законной власти.

С учетом изложенного указанные выше уголовно-правовые нормы могут быть представлены в следующем виде:

«Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства

Статья ... Воспрепятствование осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме или работе избирательной комиссии, комиссии референдума

1. Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином Российской Федерации своих избирательных прав или права на участие в референдуме –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Воспрепятствование работе избирательной комиссии или комиссии референдума либо деятельности члена указанной комиссии, связанной с реализацией им своих полномочий, –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

а) путем подкупа;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц по предварительному сговору –

наказывается... (преступление средней тяжести).

4. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

- а) путем принуждения;
- б) организованной группой, –
наказывается... (тяжкое преступление).

Статья ... Вмешательство в осуществление полномочий избирательной комиссии, комиссии референдума, а также в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”

1. Вмешательство лица с использованием своего служебного положения в осуществление полномочий избирательной комиссии или комиссии референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы” –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в части первой или второй настоящей статьи, повлекшее тяжкие последствия в виде введения из строя системы или структурных частей либо искажения сведений об участии в выборах или результатов голосования, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

Статья ... Незаконное финансирование избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума и использование ими незаконной материальной поддержки

1. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме оказание материальной поддержки в крупном размере кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению

референдума, иной группе участников референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме использование материальной поддержки в крупном размере кандидатом, представителем избирательного объединения, членом или представителем инициативной группы по проведению референдума, иной группы референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдуме на момент совершения деяния, но при этом составляет не менее одного миллиона рублей при проведении федеральных выборов и референдума, не менее 150 тысяч рублей – при проведении других выборов и референдума.

Статья ... Фальсификация избирательных документов, документов референдума

1. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, совершенная членом избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

Статья ... Фальсификация итогов голосования, результатов выборов и референдума

1. Предоставление заведомо неверных сведений об избирателях или участниках референдума либо заведомо неправильное составление списков избирателей или участников референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Незаконное использование избирательных бюллетеней или бюллетеней референдума в целях искажения итогов голосования либо результатов голосования или референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

3. Составление протокола, заведомо неверно отражающего итоги голосования, либо незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения, либо заведомо неправильное установление итогов голосования, а равно незаконное признание недействительными итогов голосования, результатов выборов, референдума –

наказываются... (преступление средней тяжести).

Статья ... Воспрепятствование деятельности средств массовой информации

1. Воспрепятствование деятельности средств массовой информации по распространению массовой информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, –

наказывается... (тяжкое преступление).

Статья ... Посягательство на жизнь журналиста

Посягательство на жизнь журналиста, а равно его близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанного лица либо из мести за такую деятельность –

наказывается... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Применение насилия в отношении журналиста

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении журналиста или его близких в связи с его законной профессиональной деятельностью, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, –

наказывается... (тяжкое преступление).

Статья ... Мятеж

1. Организация мятежа или руководство им в целях свержения или насильственного изменения основ конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации –

наказывается... (особо тяжкое преступление).

2. Участие в мятеже в целях, указанных в части первой настоящей статьи, –
наказывается... (особо тяжкое преступление)».

Примечание к ст. 275 УК РФ (после цифры 278) дополнить указанием на ст. 279 УК РФ.

По нашему мнению, указанные предложения способны повысить эффективность уголовно-правовой нормы, в том числе ее предупредительный потенциал, стимулировать позитивное постпреступное поведение.

Исследуя криминологические аспекты преступности против основ политической системы России, автор пришел к выводу, что противоречия и кризисные явления в обществе влияют на деяния, посягающие на условия

легальности и легитимности, легальность и легитимность власти как прямо, так и опосредовано. Поэтому накапливаемые сведения о соответствующих преступлениях не являются только статистическими показателями. Наряду с этим их следует признавать индикаторами кризиса самой политической системы. Соответственно, эти сведения не должны накапливаться, они должны постоянно анализироваться и использоваться для снижения уровня социальной напряженности.

Необходимо разработать стратегию противодействия преступлениям против основ политической системы. Помимо прочего этот документ, который не должен быть большим по объему и в то же время должен быть емким и информативным, позволит определить существующие болевые точки в обществе, государстве и политической системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**I. Нормативные правовые акты**

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. – Текст : электронный. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2022).

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: от 13.06.1996 № 63-ФЗ [редакция от 29.12.2022]. – Текст : электронный. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2022).

3. Российская Федерация. Законы. Об общественных объединениях: Федеральный закон № 82-ФЗ: [принят Государственной Думой 14 апреля 1995 года : редакция 02.12.2019]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 1995. – № 22. – Ст. 1930 ; 2019. – № 49 (ч. 5). – Ст. 6982.

4. Российская Федерация. Законы. О профессиональных союзах их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон № 10-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года : редакция от 30.10.2018]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 148 ; 2018. – № 27 (ч. 2). – Ст. 4238.

5. Российская Федерация. Законы. О политических партиях: Федеральный закон № 95-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 июня 2001 года : одобрен Советом Федерации 29 июня 2001 года : редакция от 05.12.2017]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 2950 ; 2018. – № 28. – Ст. 4142.

6. Российская Федерация. Законы. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 115-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года : редакция от 17.06.2019. – Ст. 12]. – Текст : непосредственный

// Собрание законодательств Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032 ; 2019. – № 25. – Ст. 3165.

7. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон № 94-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2003. – № 27 (ч. 2). – Ст. 2708.

8. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ : [принят Государственной Думой 16 сентября 2003 года : одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года : редакция от 01.05.2019. – Ст. 3]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822 ; 2019. – № 18. – Ст. 2211.

9. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 93-ФЗ : [принят Государственной Думой 6 июля 2005 года : одобрен Советом Федерации 13 июля 2005 года]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3104.

10. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон № 149-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года : редакция от 18.03.2019. – Ч. 2). – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448 ; 2019. – № 12. – Ст. 1220.

11. Российская Федерация. Законы. Об электронной подписи : Федеральный закон № 63 – ФЗ : [принят Государственной Думой 25 марта 2011 года : одобрен Советом Федерации 30 марта 2011 года : редакция от 23.06.2016]. –

Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036; 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3889.

12. Российская Федерация. Законы. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон № 20-ФЗ : [принят Государственной Думой 14 февраля 2014 года : одобрен Советом Федерации 19 февраля 2014 года : редакция от 29.05.2019]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2014. – № 8. – Ст. 740 ; 2019. – № 22. – Ст. 2660.

13. Российская Федерация. Законы. О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации : Федеральный закон № 330-ФЗ : [принят Государственной Думой 20 ноября 2015 года : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2015 года] . – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2015. – № 48 (ч. 1). – Ст. 6696.

14. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 249 – ФЗ : [принят Государственной Думой 19 июля 2017 года : одобрен Советом Федерации 25 июля 2017 года]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2017. – № 31 (ч. 1). – Ст. 4798.

II. Определения и постановления Конституционного Суда РФ

15. Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1947-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волчева Евгения Георгиевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 4, пунктом 2 статьи 16 и статьи 17 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, пунктами 2 и 6 статьи 16 Уставного закона Краснодарской области». – Текст : непосредственный // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 3. – С. 10–15.

16. Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 337-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ковалевой Ольги Алексеевны и Парфентьевой Татьяны Юрьевны на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 4, пунктом 3 статьи 16, пунктами 4 и 6 статьи 17 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, а также пунктом 2 статьи 3 и пунктом 6 статьи 7 Закона Санкт-Петербурга “О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт – Петербурга”». – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

17. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 987-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Казаковой Татьяны Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части второй статьи 141 Уголовного кодекса Российской Федерации» ”». – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

18. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 896-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тазуркаева Ахмеда Сайдуловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 208 и частью третьей статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации». – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова». – Текст : непосредственный // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 6. – С. 85–90.

III. Постановления Пленума и обзоры Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ

20. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 7. – С. 102–117.

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4 ; 2017. – № 1. – С. 12–27.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9 ; 2020. – № 3. – С. 83–97.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”». – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8 ; 2012. – № 4.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10. 2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий». – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12 ; Российская газета. – 2020. – 26 июня.

25. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка». – Текст : непосредственный // Сборник действующих

постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. – Москва : Юрайт, 1999. – С. 435.

IV. Иные нормативные правовые акты, документы и инструкции

26. Стратегия национальной безопасности : [утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400]. – Текст : непосредственный // Сборник законодательств РФ. – 2021. – № 27 (ч. 2). – Ст. 5351.

27. Документы Европейской комиссии «За демократию через право». Свод рекомендуемых норм при проведении выборов. – Текст : непосредственный // Международные избирательные стандарты : сборник документов. – Москва : Весь Мир, 2004. – С. 18–23.

28. Инструкции по размещению данных государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» : [утвержден постановлением ЦИК России от 20.04.2016, в редакции от 13.12.2017]. – Текст : непосредственный // Вестник Центризбиркома России. – 2017. – № 12. – С. 12–20.

29. Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов». – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

30. О Порядке использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» при подготовке и проведении выборов в органы местного самоуправления поселений и внесения изменений в Инструкцию по размещению данных Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» в сети Интернет : [утвержден постановлением ЦИК России от 19.11.2008 № 138/1019-5 : в редакции от 25.05.2011]. – Текст : непосредственный // Вестник Центризбиркома России. – 2008. – № 12 ; 2011. – № 8. – С. 98–123.

31. О порядке использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» при подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации : [утвержден постановлением ЦИК России

от 06.12.2017 № 113/926-7]. – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК России. – 2017. – № 12. – С. 112–117.

32. О Регламенте использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» для контроля за соблюдением установленного порядка проведения предвыборной агитации, агитации при проведении референдума : [утвержден постановлением ЦИК России от 14.02.2013 № 161/1192-6 : в редакции от 29.03.2017]. – Текст : непосредственный // Вестник Центризбиркома России. – 2013. – № 2 ; 2017. – № 3. – С. 68–94.

33. О Регламенте использования Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» для контроля за работой в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации с обращениями, поступающими в ходе подготовки и проведения выборов и референдумов в Российской Федерации : [утвержден постановлением ЦИК России от 23.12.2015 № 319/1819-6]. – Текст : непосредственный // Вестник Центризбиркома России. – 2015. – № 12. – С. 34–45.

34. Об Инструкции об организации единого порядка установления итогов голосования, определения результатов выборов Президента Российской Федерации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» : [утв. постановлением ЦИК России от 28.02.2018 № 145/1205-7]. – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК России. – 2018. – № 7. – С. 83–97.

35. Порядок ведения регистрирующим органом реестра зарегистрированных средств массовой информации, утв. приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 2012. – 7 марта.

36. Порядок работы с документами ограниченного распространения (конфиденциальными и для служебного пользования) в Евразийской экономической комиссии : [утвержден решением Совета Евразийской экономической комиссии от 18.09.2014 № 71]. – Текст : электронный //

КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

37. Постановление ЦИК России от 06.07.2011 № 19/204-6 «Об Инструкции о порядке использования технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней 2010 на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК России. – 2011. – № 10. – С. 68–94.

38. Постановление ЦИК России от 11.10.2017 № 105/874-7 «О Разъяснениях порядка регистрации уполномоченных представителей по финансовым вопросам кандидатов на должность Президента Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК России. – 2017. – № 10. – С. 45–50.

39. Постановление ЦИК России от 19.09.2011 № 33/302-6 «Об Инструкции о порядке использования технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней 2003 на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК России. – 2011. – № 13. – С. 78–94.

40. Постановление ЦИК России от 22.11.2017 № 111/913-7 «О Перечне и формах документов, представляемых кандидатами, уполномоченными представителями политических партий в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК России. – 2017. – № 11. – С. 94–101.

41. Постановление ЦИК России от 28.02.2018 № 145/1205-7 «Об Инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, определения результатов выборов Президента Российской Федерации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”». – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК России. – 2018. – № 7. – С. 126–128.

42. Правила распространения периодических печатных изданий по подписке : [утверждены постановлением Правительства РФ от 1 ноября 2001 г. № 759]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательств РФ. – 2001. – № 45. – Ст. 4271.

43. Протокол заседания ЦИК России от 27.09.2006 № 187-4-4 «О Рекомендациях по некоторым вопросам применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях избирательными комиссиями». – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: [consultantplus://offline/ref](https://consultantplus.ru/offline/ref) (дата обращения: 20.11.2022).

V. Книги

44. Апресян, В. Ю. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с. – Текст : непосредственный.

45. Агузаров, Т. К. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке : историко-правовые очерки / Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2015. – 166 с. – Текст : непосредственный.

46. Агузаров, Т. К. Охрана власти в уголовном праве России (*de lege lata* b *de lege ferenda*) / Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2016. – 126 с. – Текст : непосредственный.

47. Агузаров, Т. К. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность) : монография : [охрана власти по Русской правде, уставам и уставным грамотам, социальная обусловленность уголовно – правовой охраны власти, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, теоретическая модель норм об охране главы государства и др.] / Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2016. – 332 с. – Текст : непосредственный.

48. Агузаров, Т. К. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.) : исторические очерки / Т. К. Агузаров, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2011. – 153 с. – Текст : непосредственный.

49. Азаров, А. Я. Права человека: Новое знание / А. Я. Азаров ; Центральный институт непрерывного образования общества «Знание» России. – Москва : Общество «Знание» России, 1995. – 255 с. – Текст : непосредственный.

50. Алексеев, А. И. Криминологическая профилактика : теория, опыт, проблемы / А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев. – Москва : Норма, 2001. – 481 с. – Текст : непосредственный.

51. Анохин, М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость: теоретико-прикладной анализ / М. Г. Анохин. – Москва : Агентство «Инфомарт», 1996. – 305 с. – Текст : непосредственный.

52. Анощенкова, С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С. В. Анощенкова ; ответственный редактор Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 233 с. – Текст : непосредственный.

53. Антонов, О. Ю. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты : монография / О. Ю. Антонов, А. М. Багмет, Е. И. Бычкова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 249 с. – Текст : непосредственный.

54. Антонян, Ю. М. Личность преступника = Personality of criminal / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2004. – 364 с. – Текст : непосредственный.

55. Антонян, Ю. М. Портреты преступников: криминологическо-психологический анализ : [монография] / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2014. – 238 с. – Текст : непосредственный.

56. Антонян, Ю. М. Психология преступления и наказания / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – Москва : ПЕНАТЕС – ПЕНАТЫ, 2000. – 451 с. – Текст : непосредственный.

57. Антонян, Ю. М. Терроризм : криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – Москва : Щит-М, 1998. – 305 с. – Текст : непосредственный.

58. Аристотель. Политика / Аристотель ; перевод с древнегреческого С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова. – Москва : АСТ : Астрель, 2012. – 393 с. – Текст : непосредственный.

59. Афанасьев, В. Г. Общество: системность, познание и управление / В. Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1981. – 432 с. – Текст : непосредственный.

60. Бабаев, М. М. Российская уголовная политика и уголовный закон : опыт критического анализа : [монография]. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 693 с. – Текст : непосредственный.

61. Барулин, В. С. Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма / В. С. Барулин ; Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, Алтайский политехнический институт им. И. И. Ползунова. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1970. – 327 с. – Текст : непосредственный.

62. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа ; составитель, предисловие В. С. Овчинский ; перевод с итальянского М. М. Исаева. – Москва : Инфра-М, 2011. – 182 с. – Текст : непосредственный.

63. Бессонова, И. В. Нарушение правил охраны труда (проблемы истории, законодательного регулирования и практики) : [монография] / И. В. Бессонова ; ответственный редактор А. И. Чучаев. – Оренбург : ООО Агентство «Пресса», 2002. – 158 с. – Текст : непосредственный.

64. Браинин, Я. М. Уголовный закон и его применение / Я. М. Браинин. – Москва : Юридическая литература. – 1967. – 240 с. – Текст : непосредственный.

65. Виксин, И. И. Безопасность беспилотных воздушных судов: информационные, функциональные и уголовно-правовые аспекты : [монография] / И. И. Виксин, С. В. Маликов, А. И. Чучаев ; под редакцией А. И. Чучаева. –

Москва : Юридическая фирма «Контракт», 2022. – 240 с. – Текст : непосредственный.

66. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер [перевод с английского И. В. Соловьева, Г. Н. Поварова] ; под редакцией Г. Н. Поварова. – [2-е издание]. – Москва : Наука, 1983. – 344 с. – Текст : непосредственный.

67. Волков, Ю. Е. Теоретико-методологические основы социологического анализа общественных систем и процессов / Ю. Е. Волков. – Москва : Советский спорт, 2001. – 358 с. – Текст : непосредственный.

68. Гамбаров, Ю. С. Свобода и ее гарантии : популярные социально – юридические очерки / Ю. С. Гамбаров. – Санкт-Петербург, 1910. – 279 с. – Текст : непосредственный.

69. Голик, Ю. В. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций / Ю. В. Голик [и др.]. – Санкт-Петербург : Юридический центр – Академия, 2019. – 342 с. – Текст : непосредственный.

70. Гончаров, П. К. Политическая система российского общества: теория и практика постсоветского транзита : [монография] / П. К. Гончаров. – Москва : Издательство Национального института бизнеса, 2008. – 661 с. – Текст : непосредственный.

71. Грачев, М. Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация : [монография] / М. Н. Грачев. – Москва : НОУ МЭЛИ, 1999. – 166 с. – Текст : непосредственный.

72. Дикаев, С. У. Уголовная ответственность за преступления террористического характера / С. У. Дикаев, И. Р. Диваева. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД РФ, 2001. – 67 с. – Текст : непосредственный.

73. Дубинин, Н. П. Генетика, поведение, ответственность : О природе антиобществ. поступков и путях их предупреждения / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. – [2-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Политиздат, 1989. – 350 с. – Текст : непосредственный.

74. Дьяков, С. В. Государственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и государственная преступность / С. В. Дьяков. – Москва : Норма, 1999. – 307 с. – Текст : непосредственный.

75. Дьяков, С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование / С. В. Дьяков. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2012. – 267 с. – Текст : непосредственный.

76. Дюверже, М. Политические партии / Морис Дюверже ; перевод с французского Л. А. Зимина. – [5-е издание]. – Москва : Гаудеамус : Академический Проект, 2013. – 540 с. – Текст : непосредственный.

77. Жижиленко, А. А. Подлог документов: историко-догматическое исследование / А. А. Жижиленко; приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 1900. – 746 с. – Текст : непосредственный.

78. Иванченко, А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: История. Теория. Практика / А. В. Иванченко. – Москва : Весь мир, 1996. – 302 с. – Текст : непосредственный.

79. Игнатенко, В. В. Юридическая ответственность и избирательный процесс / В. В. Игнатенко. – Москва : РЦОИТ, 2001. – 142 с. – Текст : непосредственный.

80. Идрисова, М. А. Политическая система общества. Трансформация в эпоху глобализации : теоретико-правовое исследование / М. А. Идрисова. – Казань : Казанский государственный университет, 2009. – 149 с. – Текст : непосредственный.

81. Иногамова-Хегай, Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография / Л. В. Иногамова-Хегай. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2015. – 287 с. – Текст : непосредственный.

82. Истрин, В. А. Развитие письма / В. А. Истрин. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 396 с. – Текст : непосредственный.

83. Кабанов, П. А. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков : [монография] / П. А. Кабанов, Г. И. Райков, Д. К. Чирков. – Москва : Дружба народов, 2008. – 223 с. – Текст : непосредственный.

84. Кизилов, А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти : монография / А. Ю. Кизилов ; ответственный редактор А. И. Чучаев. – Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2002. – 158 с. – Текст : непосредственный.

85. Князькина, А. К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика : [монография] / А. К. Князькина ; под редакцией А. И. Чучаева. – Москва : Проспект, 2010. – 158 с. – Текст : непосредственный.

86. Коган, В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В. М. Коган. – Москва : Наука, 1983. – 183 с. – Текст : непосредственный.

87. Козина, Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угрозы политического мифотворчества / Е. С. Козина. – Москва : Издательство ИКАР, 2005. – 59 с. – Текст : непосредственный.

88. Колюшин, Е. И. Судебная защита избирательных прав граждан / Е. И. Колюшин. – Москва : Норма, 2005. – 144 с. – Текст : непосредственный.

89. Комаров, С. А. Личность. Права и свободы. Политическая система / С. А. Комаров, И. В. Ростовщиков. – Санкт-Петербург : Издательство Юридического института, 2002. – 334 с. – Текст : непосредственный.

90. Кондратюк, Л. В. Криминологическое измерение / Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский ; под редакцией К. К. Горяинова. – Москва : Норма, 2008. – 271 с. – Текст : непосредственный.

91. Коробеев, А. И. Советская уголовно – правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1987. – 267 с. – Текст : непосредственный.

92. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства = Criminalization and decriminalization as a forms of

transformation of criminal legislation : [монография] / В. П. Кашепов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.] ; ответственный редактор В. П. Кашепов. – Москва : Юридическая фирма Контракт : ИЗиСП, 2018. – 278 с. – Текст : непосредственный.

93. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве = Differentiation of responsibility in criminal law / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2003. – 298 с. – Текст : непосредственный.

94. Крупцов, А. А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика / А. А. Крупцов, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2016. – 184 с. – Текст : непосредственный.

95. Кудрявцев, В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Норма, 2007. – 126 с. – Текст : непосредственный.

96. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : [в 55 томах] / В. И. Ленин ; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – [5-е издание]. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 15: Февраль – июнь 1907. – 583 с. – Текст : непосредственный.

97. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски. – Костарева. – Москва : Норма, 1998. – 287 с. – Текст : непосредственный.

98. Ломброзо, Ч. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке = Political criminality and revolution with respect to law, criminal anthropology and state science : [в 2 частях] / Ч. Ломброзо, Р. Ляски. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 472 с. – Текст : непосредственный.

99. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 579 с. – Текст : непосредственный.

100. Лузан, А. А. Политическая жизнь общества : вопросы теории / А. А. Лузан. – Киев : Выща школа, 1989. – 149 с. – Текст : непосредственный.

101. Лунеев, В. В. Истоки и пороки российского уголовного

законотворчества / В. В. Лунев. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 315 с. – Текст : непосредственный.

102. Любарев, А. Е. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними / А. Е. Любарев, А. Ю. Бузин, А. В. Кынев. – Москва : НИККОЛО М, 2007. – 186 с. – Текст : непосредственный.

103. Маркс, К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) / К. Маркс. – Текст : непосредственный // Маркс, К. Сочинения : в 30 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е издание. – Москва, 1954. – Т. 46, ч. 1: Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс. – 1968. – 559 с.

104. Маркс, К. Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Текст : непосредственный. – 2-е издание. – Москва, 1954. – Т. 1: Работы К. Маркса за 1842–1844 гг., Ф. Энгельса за 1839–1844 гг. / подготовил к печати И. И. Прейс. – 699 с.

105. Маркунцов, С. А. Теория уголовно-правового запрета : [монография] / С. А. Маркунцов. – Москва : Юриспруденция, 2015. – 559 с. – Текст : непосредственный.

106. Мачковский, Л. Г. Охрана личных, политических и трудовых прав в уголовном законодательстве России и зарубежных стран / Л. Г. Мачковский. – Москва : Руссо, 2004. – 303 с. – Текст : непосредственный.

107. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления: Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – Москва : НОРМА, 2001. – 198 с. – Текст : непосредственный.

108. Нуркаева, Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их обеспечение уголовно – правовыми средствами (вопросы теории и практики) : [монография] / Т. Н. Нуркаева. – Уфа : Башкирский университет, 2001. – 216 с. – Текст : непосредственный.

109. Основания уголовно – правового запрета : Криминализация и декриминализация / В.Н. Кудрявцев, П.С. Дагель, Г.А. Злобин [и др.]; ответственные редакторы В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – Москва : Наука, 1982. – 303 с. – Текст : непосредственный.

110. Парамонов, Д. О. Методы фальсификации выборов / Д. О. Парамонов, В. В. Кириченко. – Москва : Южно-Российский институт информационных технологи, 2003. – 73 с. – Текст : непосредственный.

111. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; научный редактор перевода М. С. Ковалева. – Москва : Аспект Пресс. 1998. – 269 с. – Текст : непосредственный.

112. Плаксина, Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления : [монография] / Т. А. Плаксина ; под научной редакцией В. Д. Филимонова. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2006. – 431 с. – Текст : непосредственный.

113. Политические системы современности : [Очерки] / Ф. М. Бурлацкий, Г. Н. Манов, В. Г. Каленский [и др.] ; ответственный редактор Ф. М. Бурлацкий, В. Е. Чиркин. – Москва : Наука, 1978. – 253 с. – Текст : непосредственный.

114. Пудовочкин, Ю. Е. Преступления против безопасности государства / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 330 с. – Текст : непосредственный.

115. Руткевич, М. Н. Общество как система : [социологические очерки] / М. Н. Руткевич. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 443 с. – Текст : непосредственный.

116. Серебренникова, А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии / А. В. Серебренникова. – Москва : ЛексЭст, 2005. – 303 с. – Текст : непосредственный.

117. Скудин, А. С. Правовые меры противодействия экстремизму : [монография] / А. С. Скудин, В. Д. Ларичев, Ю. С. Варанкина. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 155 с. – Текст : непосредственный.

118. Таций, В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве / В. Я. Таций. – Харьков : Выща школа, 1988. – 196 с. – Текст : непосредственный.

119. Тоболкин, П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / П. С. Тоболкин. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1983. – 177 с. – Текст : непосредственный.

120. Турищева, Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме / Н. Ю. Турищева. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2010. – 337 с. – Текст : непосредственный.

121. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / ответственные редакторы В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. – Москва : Юридическая Норма, 1987. – 278 с. – Текст : непосредственный.

122. Фаргиев, И. А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем / И. А. Фаргиев. – Ростов на Дону : Издательство АПСН СКНЦ ВШ, 2005. – 348 с. – Текст : непосредственный.

123. Ферри, Э. Уголовная социология / Энрико Ферри. – Москва : Инфра-М, 2005. – 657 с. – Текст : непосредственный.

124. Филимонов, В. Д. Криминологические основы уголовного права / В. Д. Филимонов. – Томск : Издательство Томского университета, 1981. – 213 с. – Текст : непосредственный.

125. Цена преступности (методология ее определения) : [монография] / А.А. Голикова [и др.] ; под редакцией Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 213 с. – Текст : непосредственный.

126. Чижов, Д. В. Российские политические партии: между гражданским обществом и государством / Д. Чижов. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 221 с. – Текст : непосредственный.

127. Чучаев, А. И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : [монография] / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова. – Москва : РГ-Пресс, 2013. – 318 с. – Текст : непосредственный.

128. Шаран, П. Сравнительная политология : в 3 ч. / П. Шаран. – Москва : [Б. и.], 1992. – Ч. 1. – 226 с. – Текст : непосредственный.

129. Шарипов, А. М. Уголовно-правовая оценка уничтожения и повреждения чужого имущества / А. М. Шарипов. – Владимир : [Б. и.], 2005. – 238 с. – Текст : непосредственный.

130. Швецова-Водка, Г. Н. Книга и документ : соотношение понятий / Г. Н. Швецова-Водка. – Текст : непосредственный // Книга: исследования и материалы. – Москва : Книга, 1994. – С. 21.

VI. Комментарии к закону, сборники, монографии, учебники, учебные пособия

131. Агаев, И. Б. Состав преступления: понятие, элементы, значение : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. Б. Агаев. – Москва : Юрист, 2008. – 334 с. – Текст : непосредственный.

132. Ануфиева, Т. Н. Уголовно-правовая защита прав и свобод личности : учебное пособие / Т. Н. Ануфиева, А. А. Ходусов. – Москва : Международный юридический институт, 2011. – 216 с. – Текст : непосредственный.

133. Белов, Г. А. Политология : курс лекций / Г. А. Белов. – Москва : Наука, 1996. – 302 с. – Текст : непосредственный.

134. Белов, Г. А. Политология : учебное пособие для вузов / Г. А. Белов. – Москва : Наука, 1994. – 268 с. – Текст : непосредственный.

135. Благов, Е. В. Особенная часть уголовного права : в 20 лекциях / Е. В. Благов. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 415 с. – Текст : непосредственный.

136. Благов, Е. В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества : лекции / Е. В. Благов. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 196 с. – Текст : непосредственный.

137. Божанов, В. А. Политическая система общества : пособие для студентов вузов / В. А. Божанов. – Минск : Белорусский государственный университет, 2001. – 112 с. – Текст : непосредственный.

138. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; перевод с немецкого ; составитель, общая редакция и послесловие Ю. Н. Давыдова ; предисловие

П. П. Гайденоко ; комментарии А. Ф. Филиппова. – Москва : Прогресс, 1990. – 804 с. – Текст : непосредственный.

139. Ветров, Н. И. Уголовное право = Criminal law: Особенная часть : учебник. для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям : учебник для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России / Н. И. Ветров. – [2 издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Закон и право, 2002. – 534 с. – Текст : непосредственный.

140. Гаджиев, К. С. Политическая наука : учебное пособие для вузов / К. С. Гаджиев. – [2-е издание]. – Москва : Международные отношения , 1995. – 397 с. – Текст : непосредственный.

141. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск, Москва : Харвест ; АСТ, 2003. – 551 с. – Текст : непосредственный.

142. Грачев, М. Н. Политическая система общества : учебно-методическое пособие / М. Н. Грачев. – Москва : Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. – 75 с. – Текст : непосредственный.

143. Грачева, Ю. В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства : учебное пособие / Ю. В. Грачева, В. В. Палий ; ответственный редактор Д. М. Молчанов. – Москва : Проспект, 2014. – 97 с. – Текст : непосредственный.

144. Гришанин, П. Ф. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм : лекция / П. Ф. Гришанин. – Москва : Академия МВД СССР , 1978. – 30 с. – Текст : непосредственный.

145. Долгова, А. И. Криминология : учебник для вузов / А. И. Долгова. – [3-е изд.]. – Москва : Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 2005. – 912 с. – Текст : непосредственный.

146. Еникеев, М. И. Общая, социальная и юридическая психология : учебник для вузов / М. И. Еникеев. – Санкт-Петербург : НОРМА : ИНФРА-М, 2003. – 748 с. – Текст : непосредственный.

147. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – Москва : ЭТС, 2010. – 5140 с. – Текст : непосредственный.

148. Игнатенко, В. В. Правовой статус участковых избирательных комиссий : учебное пособие / В. В. Игнатенко. – Иркутск : Избирательная комиссия Иркутской области, 2006. – 79 с. – Текст : непосредственный.

149. Игнатов, А. Н. Курс российского уголовного права : в 2 т. / А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. – Москва : НОРМА : ИНФРА – М, 2002. – Т. 2: Особенная часть. – 946 с. – Текст : непосредственный.

150. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебник для вузов / С. А. Авакьян, Л. Г. Алехичева, В. В. Альхименко [и др.] ; ответственный редактор А. В. Иванченко. – Москва : Норма, 1999. – 841 с. – Текст : непосредственный.

151. Керимов, Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие / Д. А. Керимов. – Москва : Норма, 1998. – 121 с. – Текст : непосредственный.

152. Князев, С. Д. Российское избирательное право : учебник / С. Д. Князев ; Министерство образования Российской Федерации, Дальневосточный государственный университет. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2001. – 447 с. – Текст : непосредственный.

153. Комментарий к Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (постатейный) / Е. А. Моргунова [и др.] ; под общей редакцией В. В. Погуляева. – Москва : Юстицинформ, 2004. – 191 с. – Текст : непосредственный.

154. Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации / Ю. П. Орловский, Л. А. Чиканова, А. Ф. Нуртдинова [и др.] ; отв. ред. Ю. П. Орловский. – [8-е издание, исправленное, дополненное и переработанное]. – Москва : Контракт, 2019. – 1253 с. – Текст : непосредственный.

155. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. П. Верин [и др.] ; отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин,

В. А. Казакова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Проспект, 2008. – 699 с. – Текст : непосредственный.

156. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. – [6-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Юриспруденция, 2019. – 1096 с. – Текст : непосредственный.

157. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / П. В. Агапов, Д. А. Безбородов, Я. Ю. Васильева [и др.] ; под общей ред. О. С. Капинус. – Москва : Юриспруденция, 2019. – 1375 с. – Текст : непосредственный.

158. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. Г. А. Есакова. – [8-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Проспект, 2019. – 752 с. – Текст : непосредственный.

159. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : законы и законодательные акты / В. К. Дуюнов, Л. Л. Кругликов, А.П. Кузнецов [и др.] ; ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Москва : ГроссМедиа : Российский Бухгалтер, 2005. – 1080 с. – Текст : непосредственный.

160. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О. А. Антонов [и др.] ; под редакцией В. Д. Иванова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 510 с. – Текст : непосредственный.

161. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. И. Булавин [и др.] ; под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. – [5-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Юрайт, 2009. – 1301 с. – Текст : непосредственный.

162. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. А. Чекалин ; под ред. В.Т. Томина, В. В. Сверчкова. – [4-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Юрайт, 2007. – 1264 с. – Текст : непосредственный.

163. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / А. А. Арямов [и др.] ; отв. ред. В. В. Малиновский ; науч. ред. А. И. Чучаев. – [2-е издание, исправленное, дополненное и переработанное]. – Москва : Контракт, 2015. – 1107 с. – Текст : непосредственный.

164. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / В. Б. Боровиков [и др.] ; под общей редакцией С. И. Никулина. – [2-е издание]. – Москва : Юрайт, 2002. – 1183 с. – Текст : непосредственный.

165. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / А. В. Бриллиантов [и др.] ; под редакцией В. М. Лебедева. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – Т. 4: Особенная часть. Разделы 10–12 (постатейный). – 371 с. – Текст : непосредственный.

166. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общей редакцией В. В. Мозякова. – [3-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Экзамен, 2004. – 878 с. – Текст : непосредственный.

167. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / Н. И. Ветров [и др.] ; под редакцией С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – [3-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Юриспруденция, 2015. – 1035 с. – Текст : непосредственный.

168. Комплексный словарь русского языка / А. Н. Тихонов [и др.] ; под ред. А. Н. Тихонова. – Москва : Русский язык Медиа, 2005. – 1228, с. – Текст : непосредственный.

169. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Варлен, А. М. Величко, В. В. Комарова [и др.] ; под ред. Б. С. Эбзеева. – Москва : Проспект, 2017. – 455 с. – Текст : непосредственный.

170. Копылов, В. А. Информационное право : учебник / В. А. Копылов. – Москва : Юристъ, 1997. – 472 с. – Текст : непосредственный.

171. Криминология : учебник / А. Ф. Агапов [и др.] ; под ред. В. Д. Малкова. – Москва : Юстицинформ, 2004. – 527 с. – Текст : непосредственный.

172. Криминология : учебное пособие / Г. И. Богуш ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – Москва : Проспект, 2006. – 328 с. – Текст : непосредственный.

173. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова ; научный редактор и предисловие В. Н. Кудрявцева. – Москва : Городец, 2007. – 332 с. – Текст : непосредственный.

174. Курс российского уголовного права. Общая часть / С. В. Бородин, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер, [и др.] ; под редакцией В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – Москва : Спарк, 2001. – 767 с. – Текст : непосредственный.

175. Курс российского уголовного права. Особенная часть / С. В. Бородин, О. Л. Дубовик, С. Г. Келина, [и др.] ; под редакцией В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – Москва : Проспект, 2002. – 1040 с. – Текст : непосредственный.

176. Курс советского уголовного права: Преступления против государственного аппарата и общественного порядка. Воинские преступления. Часть особенная : в 6 т. / А. Н. Игнатов, В. Ф. Кириченко, Ш. С. Рашковская [и др.] ; редакционная коллегия А. А. Пионтковский [и др.]. – Москва : Наука, 1971. – Т. 6. – 560 с. – Текст : непосредственный.

177. Курс советской криминологии / под редакцией В. Н. Кудрявцева [и др.]. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 350 с. – Текст : непосредственный.

178. Курс уголовного права : в 5 т. / Г. Н. Борзенков, В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 2002. – Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении. – 611 с. – Текст : непосредственный.

179. Курс уголовного права : в 5 т. / М. Н. Голоднюк, В. И. Зубкова, В. С. Комиссаров [и др.] ; под редакцией Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – Москва : Зерцало-М, 2002. – Т. 5: Особенная часть. – 512 с. – Текст : непосредственный.

180. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права : пособие для специалистов / О. Е. Кутафин. – Москва : Юристъ, 2001. – 443 с. – Текст : непосредственный.

181. Мацкевич, И. М. Причины экономической преступности : учебное пособие / И. М. Мацкевич. – Москва : Проспект, 2017. – 272 с. – Текст : непосредственный.

182. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс. – Текст : непосредственный // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – Москва : Мысль, 1997. – Т. 2: Зарубежная политическая мысль, XX в. / редакторы-составители: Г. К. Ашин, Е. Г. Морозова ; предисловие Т. А. Алексеевой. – С. 185–198.

183. Наумов, А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарии судебной практики и доктринальное толкование / А. В. Наумов ; под редакцией Г. М. Резника. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 926 с. – Текст : непосредственный.

184. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : Проспект, 1996. – 550 с. – Текст : непосредственный.

185. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. / А. В. Наумов. – Москва : Юридическая литература, 2004. – Т. 2: Особенная часть. – 830 с. – Текст : непосредственный.

186. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. / А. В. Наумов. – Москва : Юридическая литература, 2016. – Т. 2: Особенная часть (главы 1–10). – 537 с. – Текст : непосредственный.

187. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. / А. В. Наумов. – Москва : Юридическая литература, 2016. – Т. 3: Особенная часть (главы 11–21). – 686 с. – Текст : непосредственный.

188. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / ответственный редактор А. А. Вешняков ; научный редактор В. И. Лысенко. – Москва : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2003. – 880 с. – Текст : непосредственный.

189. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В. М. Лебедева. – Москва : НОРМА, 2005. – 919 с. – Текст : непосредственный.

190. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / научно-редакторский совет: В. С. Степин [и др.]. – Москва : Мысль, 2001. – Т. 3. – 692 с. – Текст : непосредственный.

191. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – [23-е издание, исправленное]. – Москва : Русский язык, 1991. – 915 с. – Текст : непосредственный.

192. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; предисловие Н. Ю. Шведовой. – [2-е издание, исправленное и дополненное]. – Москва : Русский язык, 1994. – 907 с. – Текст : непосредственный.

193. Основы политической науки : учебное пособие для вузов : в 2 ч. / И. А. Ахтамзян [и др.] ; под редакцией В. П. Пугачева. – Москва : Общество «Знание» России, 1993. – Ч. 1. – 223 с. – Текст : непосредственный.

194. Пионтковский, А. А. Уголовное право РСФСР: Часть общая / А. А. Пионтковский. – Москва : Государственное издательство, 1924. – 235 с. – Текст : непосредственный.

195. Познышев, С. В. Криминальная психология: преступные типы: о психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С. В. Познышев. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 300 с. – Текст : непосредственный.

196. Политическая энциклопедия : в 2 т. / научно-редакторский совет: председатель Г. Ю. Семигин [и др.] ; руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин. – Москва : Мысль, 1999. – Т. 2: Н – Я. – 701 с. – Текст : непосредственный.

197. Политология в вопросах и ответах: (Консультации политологов) : учебное пособие для вузов / Е.А. Ануфриев [и др.] ; под ред. Е. А. Ануфриева. – Москва : Наука, 1994. – 191 с. – Текст : непосредственный.

198. Политология : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. – 4-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юристъ, 2003. – 683 с. – Текст : непосредственный.

199. Политология : учебник для вузов / В. М. Корельский, А. Н. Кокотов, Л. А. Лазутин [и др.] ; ответственный редактор В. Д. Перевалов. – Москва : Норма : Инфра-М, 1999. – 374 с. – Текст : непосредственный.

200. Политология : энциклопедический словарь / Ю. И. Аверьянов [и др.]. – Москва : Издательство Московского коммерческого университета, 1993. – 431 с. – Текст : непосредственный.

201. Пономаренко, Е. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : учебное пособие / Е. В. Пономаренко ; под общей редакцией Н. А. Лопашенко. – Москва : Наука, 2016. – 190 с. – Текст : непосредственный.

202. Прозументов, Л. М. Криминология: Общая часть : учебное пособие / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер. – Красноярск : Горница, 1997. – 238 с. – Текст : непосредственный.

203. Пугачев, В. П. Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – [4-е издание, переработанное и дополненное] . – Москва : Аспект-Пресс, 2002. – 477 с. – Текст : непосредственный.

204. Пудовочкин, Ю. Е. Учение об основах уголовного права : лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 237 с. – Текст : непосредственный.

205. Пушкарева, Г. В. Политология : краткий курс лекций / Г. В. Пушкарева. – Москва : Айрис-пресс, 2002. – 238 с. – Текст : непосредственный.

206. Развитие политических систем в современном мире : сборник статей / ответственный редактор В. Е. Чиркин [и др.]. – Москва : Наука, 1981. – 197 с. – Текст : непосредственный.

207. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – Санкт-Петербург : Юридический центр пресс, 2003. – 304 с. – Текст : непосредственный.

208. Росенко, С. И. Социально-политическая система современной России : учебное пособие для высших учебных заведений / С. И. Росенко, А. А. Кумпен. – Санкт-Петербург : 7 студия РИК, 2014. – 236 с. – Текст : непосредственный.

209. Российское избирательное право от А до Я : словарь-справочник / Л. С. Гетьман [и др.] ; научный редактор В. В. Игнатенко. – Иркутск : Избирательная комиссия Иркутской области, 2013. – 383 с. – Текст : непосредственный.

210. Российское уголовное право = Russian criminal law : учебник : в 2 т. / Е. В. Виноградова [и др.] ; под редакцией Э. Ф. Побегайло. – Москва : Илекса, 2008. – Т. 2: Особенная часть. – 751 с. – Текст : непосредственный.

211. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / К. Л. Акоев, А. Е. Беляев, В. Б. Боровиков [и др.] ; под общей редакцией М. П. Журавлева, С. И. Никулина. – Москва : Щит-М, 2001. – 486 с. – Текст : непосредственный.

212. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В. П. Коняхин [и др.] ; под редакцией В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. – Москва : Контракт, 2015. – 923 с. – Текст : непосредственный.

213. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для студентов высших учебных заведений / С. В. Землюков [и др.] ; под редакцией В. С. Комиссарова. – Москва : Статут, 2008. – 718 с. – Текст : непосредственный.

214. Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Л. В. Иногамова-Хегай [и др.] ; под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комисарова, А. И. Рарога. – Москва : Проспект, 2007. – Т. 2: Особенная часть. – 600 с. – Текст : непосредственный.

215. Рудинский, Ф. М. Личность и социалистическая законность : учебное пособие / Ф. М. Рудинский. – Волгоград : Высшая следственная школа, 1976. – 159 с. – Текст : непосредственный.

216. Сергеева, З.Н. Политические партии современной России : учебно-методическое пособие / З. Н. Сергеева. – Новосибирск : НГТУ, 2012. – 89 с. – Текст : непосредственный.

217. Словарь иностранных слов / под редакцией И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. – [4-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : ГИС, 1996. – 826 с. – Текст : непосредственный.

218. Словарь русского языка : в 4 т. / главный редактор А. П. Евгеньева ; Академия наук СССР, Институт русского языка. – [4-е издание, стереотипное]. – Москва : Русский язык, 1999. – Текст : непосредственный.

219. Словарь синонимов русского языка / под редакцией Л. А. Чешко. – Москва : Русский язык, 1986. – 600 с. – Текст : непосредственный.

220. Сморгунов, Л. В. Современная сравнительная политология : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению (специальности) «политология» / Л. В. Сморгунов. – Санкт-Петербург : РОССПЭН, 2002. – 469 с. – Текст : непосредственный.

221. Смушкин, А. Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) / А. Б. Смушкин, В.А. Тимошенко. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

222. Соловьев, А. И. Политология: политическая теория. Политические технологии : учебник для студентов высших учебных заведений / А. И. Соловьев. – Москва : Аспект Пресс, 2003. – 559 с. – Текст : непосредственный.

223. Социальная психология личности : сборник статей. – Ленинград : [Б. и.], 1974. – 224 с. – Текст : непосредственный.

224. Социология. Основы общей теории : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020300 «Социология» / ответственные редакторы Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – [2-е издание, исправленное и дополненное]. – Москва : Норма, 2009. – 911 с. – Текст : непосредственный.

225. Спиридонов, Л. И. Понятие, предмет и метод уголовно-правовой социологии / Л. И. Спиридонов . – Москва : Юридическая литература, 1975. – 26 с. – Текст : непосредственный.

226. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: часть Общая : лекции : в 2 т. / Н. С. Таганцев ; составитель и ответственный редактор Н. И. Загородников. – Москва : Наука, 1994. – Т. 1. – 419 с. – Текст : непосредственный.

227. Терминологический словарь по научной информации: 1281 термин. – Москва : ВИНТИ, 1966–1969. – 507 с. – Текст : непосредственный.

228. Тертычный, А. А. Расследовательская журналистика : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика» / А. А. Тертычный. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – 383 с. – Текст : непосредственный.

229. Тихомирова, Л. А. Особенности реализации отдельных положений КоАП РФ и некоторые вопросы правоприменения (подготовлен для СПС «КонсультантПлюс») / Л. А. Тихомирова. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

230. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Д. И. Аминов, Л. И. Беляева, В. Б. Боровиков [и др.] ; под редакцией В. П. Ревина. – Москва : Юридическая литература, 2000. – 813 с. – Текст : непосредственный.

231. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / В. Ю. Голубовский, М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц ; под редакцией

В. Ю. Голубовского. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2020. – 736 с. – Текст : непосредственный.

232. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под редакцией В. П. Ревина. – [2-е издание, исправленное и дополненное]. – Москва : Юстицинформ, 2009. – 430 с. – Текст : непосредственный.

233. Уголовное право России. Особенная часть : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С. В. Бородин [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – [3-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Юристъ, 2005. – 543 с. – Текст : непосредственный.

234. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / М. П. Журавлев, Б. В. Здравомыслов, А. В. Наумов, [и др.] ; под редакцией А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 1996. – 477 с. – Текст : непосредственный.

235. Уголовное право России. Особенная часть : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / С. А. Балеев [и др.] ; под редакцией Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. – Москва : Статут, 2012. – 941 с. – Текст : непосредственный.

236. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / В. А. Блинников [и др.]; под редакцией А. В. Бриллиантова. – Москва : Проспект, 2008. – 1184 с. – Текст : непосредственный.

237. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / ответственный редактор А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 2017. – 625 с. – Текст : непосредственный.

238. Уголовное право России : Общая и Особенная части : учебное пособие / под редакцией В. К. Дуюнова [и др.]. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2009. – 402 с. – Текст : непосредственный.

239. Уголовное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» : в 2 т. / А. Н. Игнатов [и др.] ; под

редакцией А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – Москва : Норма, 2005. – Т. 2: Особенная часть. – 930 с. – Текст : непосредственный.

240. Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс : учебник / С. Д. Бражник [и др.] ; научный редактор Е. В. Благов. – Москва : Проспект, 2019. – 703 с. – Текст : непосредственный.

241. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Л. В. Иногамовой-Хегай [и др.] ; под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 678 с. – Текст : непосредственный.

242. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Х. М. Ахметшин [и др.] ; под редакцией А. С. Михлина. – Москва : Юристъ, 2004. – 605 с. – Текст : непосредственный.

243. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Б. В. Здравомыслов, В. Ф. Караулов, А. В. Кладков [и др.] ; под редакцией Б. В. Здравомыслова. – [2-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Юристъ, 2001. – 550 с. – Текст : непосредственный.

244. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части : учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / Т. Б. Басова [и др.] ; под редакцией А. И. Чучаева. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2013. – 703 с. – Текст : непосредственный.

245. Уголовное право Российской Федерации : учебник / А. А. Гравина [и др.] ; ответственный редактор В. П. Кашепов. – Москва : Былина, 1999. – 559 с. – Текст : непосредственный.

246. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / М. П. Журавлев [и др.] ; под редакцией М. П. Журавлева, С. Н. Никулина. – Москва : Проспект, 2007. – 575 с. – Текст : непосредственный.

247. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / В. Н. Винокуров [и др.] ; под редакцией Н. А. Лопашенко. – Москва :

Юрлитинформ, 2016. – Т. 6: Объект преступления. Объективная сторона преступления. – 631 с. – Текст : непосредственный.

248. Уголовное право. Особенная часть : учебник / С. В. Бородин, С. С. Босхолов, О. В. Бобылев [и др.] ; под редакцией Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. – Москва : ИНФРА-М, 2003. – 400 с. – Текст : непосредственный.

249. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Ю. В. Грачева [и др.] ; под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Москва : ИНФРА-М : КОНТРАКТ, 2006. – 800 с. – Текст : непосредственный.

250. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под общей редакцией Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. – Москва : Форум : ИНФРА-М, 1999. – 784 с. – Текст : непосредственный.

251. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / Ю. В. Грачева [и др.] ; под редакцией А. И. Чучаева. – Москва : Проспект, 2013. – 511 с. – Текст : непосредственный.

252. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. – [3-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Инфра-М, 2018. – 601 с. – Текст : непосредственный.

253. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / Ю. В. Грачева [и др.] ; под редакцией. А. И. Чучаева. – [2-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва : Проспект, 2015. – 538 с. – Текст : непосредственный.

254. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / М. И. Ковалев, И. Я. Козаченко, Т. В. Кондрашова, [и др.] ; ответственные редакторы И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. – Москва : Норма, Инфра-М, 1998. – 516 с. – Текст : непосредственный.

255. Уголовное право. Особенная часть : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / С. И. Бушмин [и др.] ; ответственный редактор И. В. Шишко. – Москва : Проспект, 2011. – 747 с. – Текст : непосредственный.

256. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / Н. И. Ветров [и др.] ; под редакцией Н. Г. Кадникова. – Москва : Городец, 2006. – 911 с. – Текст : непосредственный.

257. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 27.02.2021). – Текст : электронный.

258. Фадеев, В. И. Конституционное право : учебник / В. И. Фадеев. – Москва : Проспект, 2017. – 592 с. – Текст : непосредственный.

259. Философский словарь / А. В. Адо [и др.] ; под редакцией И. Т. Фролова. – Москва : Политиздат, 1986. – 588 с. – Текст : непосредственный.

260. Философский энциклопедический словарь / главный редактор Л. Ф. Ильичев [и др.]. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с. – Текст : непосредственный.

261. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк ; под редакцией В. Г. Стрекозова. – Москва : Омега-Л, 1993. – 344 с. – Текст : непосредственный.

262. Черепанов, В. А. Конституционное право России : учебник по дисциплине «Конституционное право России» для студентов образовательных организаций, обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», квалификация (степень) «бакалавр» / В. А. Черепанов. – Москва : Юридическое издательство «Норма», 2016. – 367 с. – Текст : непосредственный.

263. Чучаев, А. И. Личность преступника и вопросы наказания : учебное пособие / А. И. Чучаев. – Москва : ВЮЗИ, 1990. – 90 с. – Текст : непосредственный.

264. Шестаков, Д. А. Криминология = Criminology : учебник для вузов / Д. А. Шестаков. – [2-е издание, переработанное и дополненное]. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 559 с. – Текст : непосредственный.

265. Эминов, В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ / В. Е. Эминов. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – 126 с. – Текст : непосредственный.

266. Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова [и др.] ; ответственный редактор М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2006. – 809 с. – Текст : непосредственный.

267. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – Санкт-Петербург : Лань. – 1999. – 524 с. – Текст : непосредственный

VII. Научные статьи

268. Авдеев, В. А. Новые тенденции уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева . – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2017. – № 5. – С. 2–4.

269. Агапов, П. В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствование законодательства / П. В. Агапов. – Текст : непосредственный // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 66–70.

270. Агапов, П. В. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства / П. В. Агапов, В. В. Меркурьев. – Текст : непосредственный // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 63–71.

271. Акунченко, Е. А. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса : состояние и перспективы / Е. А. Акунченко, И. А. Дамм, Н. В. Щедрин. – Текст : непосредственный // Национальная безопасность / NOTA BENE. – 2018. – № 1 (54). – С. 49–71.

272. Алехичева, Л. Г. Признание недействительными итогов голосования и результатов выборов / Л. Г. Алехичева, А. Е. Постников. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2001. – № 6. – С. 25–36.

273. Алиев, В. М. Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина / В. М. Алиев. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2017. – № 20. – С. 26–31.

274. Антонов, О. Ю. Криминалистическая характеристика субъектов, совершающих преступления, связанные с проведением избирательных кампаний и референдумов / О. Ю. Антонов, В. И. Елинский. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2011. – № 11. – С. 4–8.

275. Антонов, О. Ю. Функционирование преступной деятельности, связанной с проведением избирательных кампаний и референдумов / О. Ю. Антонов, В. И. Елинский. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2011. – № 9. – С. 15–20.

276. Афанасьева, О. Понятие и содержание криминального насилия / О. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 13–15.

277. Бабай, Е. А. Юридическая ответственность политических партий за нарушения законодательства о финансировании их избирательных кампаний / Е. А. Бабай. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2010. – № 9. – С. 37–39.

278. Багмет, А. М. Особенности квалификации подкупа избирателей как вида электоральной коррупции / А. М. Багмет, Е. И. Бычкова. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 9–12.

279. Бейме, К. фон. Партии / К. фон Бейме. – Текст : непосредственный // Политология вчера и сегодня. – Москва, 1992. – Вып. 4. – С. 62–70.

280. Белокуров, О. Уголовно-правовая оценка обманной деятельности / О. Белокуров, В. Андреев. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 4–7.

281. Берлявский, Л. Г. Уголовная ответственность за нарушение избирательного законодательства как институт охраны конституционных прав граждан / Л. Г. Берлявский, Н. А. Тарабан. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2016. – № 6. – С. 22–25.

282. Бокова, И. Стоимостные критерии в примечаниях главы 22 УК РФ / А. Кузнецов, С. Изосимов, И. Бокова. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 33–36.

283. Борсученко, С. Электронная коррупция в России / С. Борсученко. – Текст : непосредственный // ЭЖ – Юрист. – 2012. – № 11. – С. 8.

284. Бриллиантов, А. Критерии официального документа / А. Бриллиантов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 4–7.

285. Букалерева, Л. А. Некоторые вопросы квалификации преступлений с использованием информации как предмета преступлений и предмета совершения корыстных преступлений / Л. А. Букалерева, А. В. Остроушко. – Текст : непосредственный // Научные труды РАЮН. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2002. – Т. 1, вып. 2. – С. 405–411.

286. Бычкова, Е. И. Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования / Е. И. Бычкова. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2014. – № 5. – С. 30–32.

287. Веденеев, Ю. А. Избирательные правоотношения / Ю. А. Веденеев, С. Д. Князев. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1999. – № 5. – С. 27–35.

288. Веселов, Е. Г. Физическое или психическое принуждение / Е. Г. Веселов. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

289. Вешняков, А. А. Виды юридической ответственности за нарушения порядка проведения выборов и референдумов с использованием информационных технологий и автоматизированных систем / А. А. Вешняков. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2006. – № 12. – С. 55–61.

290. Вешняков, А. А. Общая характеристика гарантий обеспечения избирательных прав граждан с использованием ГАС «Выборы» / А. А. Вешняков. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 8. – С. 2–10.

291. Вешняков, А. А. Уголовная ответственность за нарушение порядка выборов с использованием ГАС «Выборы» / А. А. Вешняков. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2007. – № 2. – С. 10–12.

292. Винокуров, В. Н. Непосредственный объект преступления и его место в системе объектов преступления / В. Н. Винокуров. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 104–109.

293. Винокуров, В. Н. Понимание объекта преступления и толкование уголовного закона / В. Н. Винокуров. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2017. – № 8. – С. 71–77.

294. Гальперин, И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство / И. М. Гальперин. – Текст : непосредственный // Основные направления борьбы с преступностью : сборник статей / под редакцией профессора И. М. Гальперина, профессора В. И. Курляндского ; Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – Москва : Юридическая литература, 1975. – С. 53–55.

295. Гаухман, Л. Д. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации / Л. Д. Гаухман, М. П. Журавлев. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 40–43.

296. Гертель, Е. В. Разграничение понятий «насилие» и «принуждение» в уголовном праве / Е. В. Гертель. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 17–19.

297. Гертель, Е. В. Соотношение понятий «насилие» и «принуждение» / Е. В. Гертель. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2010. – № 17. – С. 19–21.

298. Гетьман, Л. С. Избирательные документы в российском избирательном праве / Л. С. Гетьман. – Текст : непосредственный // Сборник

конкурсных работ в области избирательного права, избирательного процесса и законодательства о референдуме. – Москва : РЦОИТ, 2009. – С. 152–154.

299. Гладких, В. И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса / В. И. Гладких. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2012. – № 11. – С. 15–18.

300. Горяный, С. В. К вопросу о понимании содержания понятия «избирательные права» / С. В. Горяный. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 5. – С. 27–30.

301. Гричанин, И. Квалификация подделки и использования подложных документов / И. Гричанин, Ю. Щиголов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 1997. – № 11. – С. 37–38.

302. Грошев, А. В. Правосознание в системе оснований криминализации общественно опасных деяний / А. В. Грошев. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 1997. – № 1. – С. 122–132.

303. Груздева, А. П. Понятие и некоторые формы проявления преступлений, совершаемых в условиях избирательного процесса (криминологический анализ) / А. П. Груздева. – Текст : непосредственный // Следователь. – 1999. – № 12. – С. 39–42.

304. Дагель, П. С. Условия установления уголовной наказуемости / П. С. Дагель. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 67–75.

305. Дамм, М. А. К вопросу о субъекте фальсификации избирательных документов, документов референдума / М. А. Дамм. – Текст : непосредственный // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью. – 2009. – № 1 (17). – С. 30–34.

306. Дикаев, С. У. Уголовно-правовой анализ некоторых преступлений террористического характера (ст. 277 и 360 УК) / С. У. Дикаев. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности : сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. – Вып. 16. – С. 112–116.

307. Драченков, А. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники / Э. С. Тенчов, А. С. Драченков. – Текст : непосредственный // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно – исполнительном законодательстве. – Ярославль : Ярославский государственный университет, 1997. – С. 3–11.

308. Елин, В. М. Уголовно-правовая защита информации в ГАС «Выборы» как развитие положений Доктрины информационной безопасности / В. М. Елин. – Текст : непосредственный // Правовые вопросы связи. – 2009. – № 2. – С. 11–13.

309. Елисеева, Т. Н. Некоторые новеллы уголовного законодательства об ответственности за нарушение порядка финансирования избирательной кампании / Т. Н. Елисеева. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2007. – № 16. – С. 17–19.

310. Завидов, Б. Д. Новеллы избирательного права в УК РФ / Б. Д. Завидов. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения 20.11.2022).

311. Завидов, Б. Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина / Б. Д. Завидов. – Текст : электронный. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения 20.11.2022).

312. Злобин, Г. А. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г. А. Злобин, С. Г. Келина. – Текст : непосредственный // Проблемы правосудия и уголовного права. – Москва : ИГПАН, 1978. – С. 102–119.

313. Злобин, Г. А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение законотворчества / Г. А. Злобин, Н. Ф. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1976. – № 8. – С. 76–83.

314. Иванцова, Н. В. Общая характеристика преступлений, связанных с выборами / Н. В. Иванцова. – Текст : непосредственный // Научные труды.

Российская академия юридических наук : в 3 т. – Москва : Юрист, 2004. – Т. 2, вып. 4. – С. 53–540.

315. Игнатов, С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / С. Л. Игнатов. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: consultantplus://offline/ref (дата обращения: 20.11.2022).

316. Ишимова, Р. Д. Признаки потерпевшего от воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов / Р. Д. Ишимова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – Вып. 2 (16). – С. 209–214.

317. Кабанов, П. А. Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (1990–2007 гг.) : криминологическая характеристика и краткосрочный прогноз / П. А. Кабанов. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2009. – № 1 (129). – С. 46–49.

318. Какителашвили, М. М. К вопросу об основаниях привлечения к уголовной ответственности за нарушения порядка финансирования избирательных кампаний / М. М. Какителашвили. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 51–54.

319. Каримова, Ю. В. Определение объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов / Ю. В. Каримова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 126–133.

320. Карманов, А. Б. Финансирование сбора подписей избирателей политическими партиями, избирательными блоками, кандидатами на должность Президента РФ в 2003–2004 годах и правоприменительная практика судебных органов по привлечению к ответственности за нарушения избирательного законодательства, связанные с изготовлением поддельных подписных листов / А. Б. Карманов, О. И. Мажора. – Текст : непосредственный // Вестник ЦИК РФ. – 2005. – № 8 (187). – С. 259–260.

321. Келина, С. Г. Основания уголовно-правового запрета / С. Г. Келина. – Текст : непосредственный // Материалы советско-западногерманского симпозиума по криминологии, уголовному праву и процессу (8–10 октября 1987 г.). – Киев : Наукова думка, 1990. – С. 6–9.

322. Клепицкий, И. А. Документ как предмет подлога в уголовном праве / И. А. Клепицкий. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 68–75.

323. Климкина, Е. И. Понятие посягательства в уголовном праве / Е. И. Климкина. – Текст : непосредственный // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация : научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора А. Н. Красикова (г. Саратов, 20–21 марта 2003 г.) / под редакцией Б. Т. Разгильдиева. – Саратов : Издательство Саратовской государственной академии права, 2003. – С. 195–197.

324. Климова, Ю. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав путем подкупа: разграничение преступления и административного правонарушения / Ю. Климова. – Текст : непосредственный // Административное право и процесс. – 2011. – № 7. – С. 30–32.

325. Климова, Ю. Н. Уголовная ответственность за подкуп избирателей / Ю. Н. Климова. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 50–54.

326. Климова, Ю. Н. Уголовная ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума и конкуренция ст. 142 и 142.1 УК РФ / Ю. Н. Климова. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 45–50.

327. Климова, Ю. Н. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании : анализ объективной стороны преступления / Ю. Н. Климова. – Текст : непосредственный // Налоги. – 2010. – № 1. – С. 15–19.

328. Климова, Ю. Н. Электоральная преступность: место в криминологической науке / Ю. Н. Климова. – Текст : непосредственный // Журнал о выборах. – 2003. – № 3. – С. 16–18.

329. Климова, Ю. Н. Электоральная преступность: понятие и проблема эффективности ее сдерживания уголовно – правовыми средствами / Ю. Н. Климова. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2003. – № 11. – С. 45–48.

330. Князев, С. Д. Избирательный процесс : понятие, особенности и структура / С. Д. Князев. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 42–54.

331. Князев, С. Д. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме / С. Д. Князев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С. 26–35.

332. Кобозева, Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России / Т. Ю. Кобозева. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Право. – 2008. – № 1. – С. 271–289.

333. Коган, В. М. Изучение эффективности уголовно-правовых норм: аспекты и уровни анализа / В. М. Коган. – Текст : непосредственный // Проблемы правосудия и уголовного права. – Москва : ИГПАН, 1978. – С. 119–130.

334. Кондратов, П. Е. О пределах уголовно-правового регулирования общественных отношений / П. Е. Кондратов. – Текст : непосредственный // Проблемы уголовной политики : советский и зарубежный опыт. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1989. – С. 21–34.

335. Кондрашев, А. А. Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве / А. А. Кондрашев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6. – С. 112–123.

336. Коробеев, А. И. Криминализация и пенализация деяний как основное содержание уголовно – правовой политики / А. И. Коробеев. – Текст : непосредственный // Вопросы совершенствования уголовно – правового регулирования. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1988. – С. 86–89.

337. Кострова, М. Особенности реализации языковых правил законодательной техники в уголовном законе / М. Кострова. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 39–42.

338. Кругликов, Л. О понятии и уголовно – правовой оценке насилия / Л. О. Кругликов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 72–75.

339. Кругликов, Л. Объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) / Л. Кругликов, Е. Красильникова. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 47–51.

340. Кудрявцев, В. Н. Криминализация: оптимальные модели / В. Н. Кудрявцев. – Текст : непосредственный // Уголовное право в борьбе с преступностью. – Москва : ИГПАН, 1981. – С. 3–10.

341. Кудрявцев, В. Н. Научные предпосылки криминализации / В. Н. Кудрявцев. – Текст : непосредственный // Криминология и уголовная политика. – Москва : ИГПАН, 1985. – С. 105–108.

342. Кудрявцева, Л. В. Уголовная ответственность за нарушения в сфере избирательного права / Л. В. Кудрявцева. – Текст : непосредственный // Журнал о выборах. – 2005. – № 5. – С. 24–27.

343. Кузнецова, Н. Н. Подкуп избирателей: разграничение уголовной и административной ответственности / Н. Н. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2008. – № 10. – С. 86–88.

344. Кулев, А. Г. Вооруженный мятеж : проблемы регламентации состава / А. Г. Кулев. – Текст : непосредственный // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции (г. Москва, 24–25 января 2013 г.). – Москва : Проспект, 2013. – С. 118–121.

345. Курляндский, В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности / В. И. Курляндский. – Текст : непосредственный // Основные направления борьбы с преступностью. – Москва : Юридическая литература, 1975. – С. 77–95.

346. Курсаев, А. В. Способы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации) / А. В. Курсаев. – // Юридическая науки и правоприменительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 50–55.

347. Лакехин, М. А. Проблемы криминализации фактов фальсификации избирательных документов, документов референдума и итогов голосования / М. А. Лакехин. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2016. – № 5. – С. 93–103.

348. Ларин, М. В. Развитие понятия «документ» / М. В. Ларин. – Текст : непосредственный // Делопроизводство. – 2000. – № 1. – С. 5–9.

349. Лопашенко, Н. А. Уголовно – правовая охрана избирательных прав: оценка изменившегося законодательства (ст. 141 УК) / Н. А. Лопашенко. – Текст : непосредственный // Научные труды. Российская академия юридических наук : в 3 т. – Москва : Юрист, 2004. – Т. 2, вып. 4. – С. 594–612.

350. Лысов, М. Д. Логико-структурный анализ понятий и признаков преступлений в действующем Уголовном кодексе РФ / М. Д. Лысов. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1997. – № 12. – С. 74–78.

351. Львова, Е. Официальный документ как предмет преступления / Е. Львова, А. Макаров. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 19–23.

352. Малиновский, А. А. Новый УК и свобода прессы / А. А. Малиновский. – Текст : непосредственный // Законность. – 1996. – № 11. – С. 16–20.

353. Мальцев, В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью / В. Мальцев. – Текст : непосредственный // Законность. – 1996. – № 1. – С. 11–18.

354. Матусевич, А. В. Представительство интересов личности в государственных органах / А. В. Матусевич. – Текст : непосредственный // Личность. Общество. Государство. – Минск : Право и экономика ЗАО «Вилат», 1996. – С. 34–45.

355. Мекеня, А. А. Специальные составы превышения должностных полномочий в условиях военной службы / А. А. Мекеня. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2010. – № 3. – С. 63–65.

356. Миронов, Н. Институт избирательных комиссий в России: тенденции развития и роль в избирательном процессе / Н. Миронов. – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 2 (59). – С. 52–61.

357. Митяев, Г. К. Документоведение, его задачи и перспективы развития / Г. К. Митяев. – Текст : непосредственный // Вопросы архивоведения. – 1964. – № 2. – С. 66–71.

358. Мусаелян, М. Ф. Террористический акт и преступления, предусмотренные статьями 277, 278 и 279 УК РФ: квалификация и отграничение / М. Ф. Мусаелян. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2010. – № 10. – С. 13–15.

359. Огородникова, Н. В. К вопросу об унификации законодательного описания насилия как способа совершения конкретных составов преступления / Н. В. Огородникова. – Текст : непосредственный // Насилие в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 220–223.

360. Орешкина, Т. Ю. Принуждение как способ совершения преступления и как уголовно наказуемое деяние / Т. Ю. Орешкина, Т. Д. Устинова. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2009. – № 9. – С. 104–108.

361. Орлов, Д. В. Дефекты института юридической ответственности за избирательные правонарушения / Д. В. Орлов. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2006. – № 12. – С. 16–18.

362. Павлов, В. Г. Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства / В. Г. Павлов. – Текст : непосредственный // Проблемы уголовной политики, экологии и права : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 24–25 мая 2010 г.). – Санкт-Петербург, 2010. – С. 24–31.

363. Параскевов, Н. Н. Законные интересы – объект уголовно-правовой защиты / Н. Н. Параскевов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2009. – № 7. – С. 17–19.

364. Плаксина, Т. А. Основания уголовно-правовых норм, уголовно-правового запрета, криминализации: понятие и соотношение / Т. А. Плаксина. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 5. – С. 41–47.

365. Поленов, А. В. Безопасность информации – одна из важнейших задач ГАС «Выборы» / А. В. Поленов. – Текст : непосредственный // Журнал о выборах. – 2009. – Специальный выпуск. – С. 59–67.

366. Попов, Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие / Д. В. Попов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов. – Уфа : РИО Башкирского государственного университета, 2003. – С. 146–151.

367. Приходько, Н. Ю. Правовые вопросы ответственности членов избирательных комиссий муниципальных образований / Н. Ю. Приходько. – Текст : непосредственный // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2016. – № 3. – С. 15–18.

368. Пудовочкин, Ю. Е. Об этических основах уголовно-правового запрета / Ю. Е. Пудовочкин. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 3 (4). – С. 90–97.

369. Рарог, А. И. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой / А. И. Рарог. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 85–86.

370. Реут, Д. А. Опубликование результатов опросов общественного мнения как инструмент информирования избирателей / Д. А. Реут. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 109–115.

371. Руденко, Р. В. О некоторых проблемах ответственности за преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ / Р. В. Руденко. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2010. – № 10. – С. 15–17.

372. Свигузова, А. П. Непосредственный объект уголовно-правовой охраны при совершении преступлений против порядка проведения выборов и референдумов / А. П. Свигузова. – Текст : непосредственный // Следователь. – 2006. – № 9. – С. 10–12.

373. Ситникова, А. И. Законодательная текстология уголовного закона / А. И. Ситникова. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2017. – № 3. – С. 106–122.

374. Соловьев, О. Г. К вопросу о технике конструирования диспозиций норм Особенной части УК РФ / О. Г. Соловьев. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2009. – № 12. – С. 77–80.

375. Соловьев, С. Г. Денежный подкуп избирателей на муниципальных выборах : проблемы теории и практики / С. Г. Соловьев. – Текст : непосредственный // Государственная власть и самоуправление. – 2006. – № 9. – С. 20–23.

376. Солодовникова, С. В. Проблемные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» / С. В. Солодовникова // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 205–213.

377. Степанов, И. Защита избирательных прав неопределенного круга лиц / И. Степанов. – Текст : непосредственный // Законность. – 2007. – № 7. – С. 46–47.

378. Тарасова, Л. Н. Легитимность и юридическая сила – ключевые свойства документа / Л. Н. Тарасова. – Текст : непосредственный // Документация в информационном обществе: эффективное управление электронными документами : доклады и сообщения на XX Международной научно-практической конференции (г. Москва, 20–21 ноября 2013 г.). – Москва : ВНИИДАД, 2014. – С. 446–447.

379. Тедеев, А. А. Перспективы реализации избирательных прав граждан в информационной среде: трансформации народовластия в условиях глобализации / А. А. Тедеев. – Текст : непосредственный // Информационное право. – 2009. – № 2. – С. 25–29.

380. Тер-Акопов, А. А. Проблемы личности в уголовном праве / А. А. Тер-Акопов. – Текст : непосредственный // Человек: преступление и наказание. – Рязань : РИО Академия права и управления ФСИН, 1994. – С. 56–57.

381. Токмаков, С. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля / С. Токмаков, Е. Трошкин. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2009. – № 5. – С. 87–91.

382. Толстикова, И. Н. О субъектах преступлений против избирательных прав граждан / И. Н. Толстикова. – Текст : непосредственный // Журнал о выборах. – 2003. – № 3. – С. 21–23.

383. Трубин, Е. М. Документ как предмет преступления против порядка управления / Е. М. Трубин. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2018. – № 4. – С. 87–93.

384. Трубин, Е. М. Понятие официального документа как предмета преступления против порядка управления / Е. М. Трубин. – Текст : непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 81–85.

385. Турищева, Н. Ю. Государственная автоматизированная система выборов как автономный признак состава преступления / Н. Ю. Турищева. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2008. – № 16. – С. 27–30.

386. Турищева, Н. Ю. Избирательный документ как предмет совершения преступления / Н. Ю. Турищева. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2008. – № 6. – С. 69–73.

387. Турищева, Н. Ю. К вопросу о нарушениях порядка финансирования избирательной кампании, кампании референдума: перспективы совершенствования законодательного описания / Н. Ю. Турищева. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2008. – № 4. – С. 35–38.

388. Турищева, Н. Ю. Подкуп как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав / Н. Ю. Турищева. – Текст : непосредственный // Юрист-правоведь. – 2008. – № 3. – С. 47–52.

389. Фельде, Г. Е. Причины и условия возникновения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации / Г. Е. Фельде. – Текст : непосредственный // Наука, техника и образование. – 2016. – № 5. – С. 104–106.

390. Фефелов, П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний / П. А. Фефелов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101–105.

391. Хавронюк Н. И. Поводы, причины, условия и способы криминализации общественно опасных деяний / Н. И. Хавронюк. – Текст : непосредственный // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 29–30 января 2004 г.). – Москва : Московская государственная юридическая академия, 2004. – С. 112–118.

392. Халиуллин, А. И. Хакер как правонарушитель в современных уголовно – правовых исследованиях / А. И. Халиуллин. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2019. – № 12. – С. 21–23.

393. Хрусталева, Е. Н. Избирательный процесс в России / Е. Н. Хрусталева. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 32–35.

394. Чудинова, И. М. Политическая жизнь / И. М. Чудинова. – Текст : непосредственный // Социально-политический журнал. – 1994. – № 11. – С. 12–15.

395. Шабров, О. Ф. Современные политические системы и политические режимы / О. Ф. Шабров. – Текст : непосредственный // Политология : учебник для студентов вузов. – Москва : Гардарика, 2001. – С. 118–123.

396. Шапиев, С. М. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах / С. М. Шапиев. – Текст : непосредственный // Журнал о выборах. – 2006. – № 3. – С. 3–8.

397. Шапиев, С. М. Уголовная ответственность за подкуп избирателей и нарушение порядка финансирования избирательной кампании / С. М. Шапиев. – Текст : непосредственный // Журнал о выборах. – 2006. – № 4. – С. 18–19.

398. Шарапов, Р. Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений / Р. Д. Шарапов. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 112–124.

399. Щепельков, В. Ф. О логическом основании уголовно-правовых норм В. Ф. Щепельков. – Текст : непосредственный // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. – Волгоград : Волгоградский юридический институт, 1998. – С. 11–16.

400. Щербина, И. С. Принуждение как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан или работе избирательных комиссий / И. С. Щербина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9. – С. 35–43.

401. ЩигOLEV, Ю. В. Уголовная ответственность за преступления в области избирательного права / Ю. В. ЩигOLEV. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 1999. – № 6. – С. 28–32.

402. Яловая, В. Н. Анализ законодательного закрепления посягательств на жизнь, предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ / В. Н. Яловая. – Текст : непосредственный // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского конгресса уголовного права (г. Москва, 26–27 мая 2011 г.). – Москва : Проспект, 2011. – С. 34–43.

403. Яровенко, В. В. Общественная опасность отдельных видов оружия и уголовная ответственность за него / В. В. Яровенко. – Текст : непосредственный // Право и политика. – 2010. – № 7. – С. 67–76.

VIII. Диссертации и авторефераты диссертаций

404. Авдалян, М. Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических

наук / Авдалян Марина Эдуардовна. – Москва, 2016. – 23 с. – Место защиты: Московская государственная Юридическая академия им. О. Е. Кутафина. – Текст : непосредственный.

405. Агаев, Г. А. Преступления против порядка управления : проблемы теории и практика применения законодательства : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации доктора юридических наук / Агаев Гююлоглан Али оглы. – Санкт-Петербург, 2006. – 43 с. – Место защиты: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. – Текст : непосредственный.

406. Антонов, А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Антонов Анатолий Дмитриевич. – Москва, 2001. – 28 с. – Место защиты: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Текст : непосредственный.

407. Батюкова, В. Е. Потерпевший в уголовном праве : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Батюкова Вера Евгеньевна. – Москва, 1995. – 23 с. – Место защиты: Юридический институт МВД России. – Текст : непосредственный.

408. Бибик, О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : специальность 12.00.08 : автореферат диссертаций кандидата юридических наук / Бибик Олег Николаевич. – Омск, 2005. – 19 с. – Место защиты: Омская академия МВД РФ. – Текст : непосредственный.

409. Болотских, Л. Ю. Выявление, расследование и предупреждение преступлений в сфере проведения федеральных выборов в Российской Федерации : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Болотских Людмила Юрьевна. – Москва, 2002. – 23 с. – Место защиты: Московская государственная юридическая академия. – Текст : непосредственный.

410. Букалорова, Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления : законотворческие и правоприменительные проблемы : специальность 12.00.08 : автореферат

диссертации доктора юридических наук / Букалерова Людмила Александровна. – Москва, 2007. – 65 с. – Место защиты: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Текст : непосредственный.

411. Букалерова, Л. А. Уголовно-правовая охрана официального документооборота : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Букалерова Людмила Александровна. – Волгоград, 1997. – 20 с. – Место защиты: Волгоградский юридический институт. – Текст : непосредственный.

412. Гайнутдинов, Д. Р. Уголовная ответственность за посягательства на свободу массовой информации : специальность 12.00.08 : диссертация кандидата юридических наук / Гайнутдинов Дамир Равилевич. – Москва, 2007. – 166 с. – Текст : непосредственный.

413. Елисеева, Т. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Елисеева Татьяна Николаевна. – Москва, 2004. – 29 с. – Место защиты: Московский институт МВД РФ. – Текст : непосредственный.

414. Иззатов, Т. Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации : специальность 12.00.02 : диссертация кандидата юридических наук / Иззатов Теймур Шамсали оглы. – Москва, 2002. – 159 с. – Текст : непосредственный.

415. Калешина, О. И. Поддельный документ как предмет и средство совершения преступления : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Калешина Ольга Игоревна. – Краснодар, 2006. – 24 с. – Место защиты: Кубанский государственный университет. – Текст : непосредственный.

416. Климова, Ю. Н. Преступность и массовая коммуникация в период предвыборной агитации : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Климова Юлия Николаевна. – Нижний Новгород,

2003. – 35 с. – Место защиты: Нижегородская академия МВД России. – Текст : непосредственный.

417. Колышницын, А. С. Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Колышницын Александр Сергеевич. – Рязань, 2004. – 26 с. – Место защиты: Академия права и управления Министерства юстиции РФ. – Текст : непосредственный.

418. Коновалова, И. Ю. Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Коновалова Ирина Юрьевна. – Казань, 2008. – 25 с. – Место защиты: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Текст : непосредственный.

419. Красильникова, Е. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Красильникова Елена Валерьевна. – Казань, 2007. – 28 с. – Место защиты: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова – Ленина. – Текст : непосредственный.

420. Кругленя, А. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме : специальность 12.00.08 : автореферат кандидата юридических наук / Кругленя Анна Николаевна . – Москва, 2013. – 29 с. – Место защиты: Российская академия правосудия. – Текст : непосредственный.

421. Летников, П. Ю. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Летников Павел Юрьевич . – Красноярск, 2009. – 23 с. – Место защиты: Сибирский федеральный университет. – Текст : непосредственный.

422. Луничев, Е. М. Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Луничев Евгений Михайлович. – Москва, 2012. – 21 с. – Место защиты: Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина. – Текст : непосредственный.

423. Мажинская, Н. Г. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Мажинская Наталья Геннадьевна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 30 с. – Место защиты: Ростовский юридический институт МВД РФ. – Текст : непосредственный.

424. Наумов, А. В. Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации доктора юридических наук / Наумов Анатолий Валентинович. – Киев, 1975. – 50 с. – Место защиты: Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. – Текст : непосредственный.

425. Недотко, Ю. В. Тенденции российской уголовно – правовой политики постсоветского периода : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Недотко Юлия Владимировна. – Челябинск, 2005. – 25 с. – Место защиты: Челябинский государственный университет. – Текст : непосредственный.

426. Нечаев, А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Нечаев Алексей Дмитриевич. – Саратов, 2017. – 33 с. – Место защиты: Саратовская государственная юридическая академия. – Текст : непосредственный.

427. Нечипоренко, Т. В. Информационное обеспечение выборов – институт избирательного законодательства Российской Федерации : специальность 12.00.02 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Нечипоренко Таисия Владимировна. – Москва, 2010. – 26 с. – Место защиты: Российская

академия государственной службы при Президенте РФ. – Текст : непосредственный.

428. Поленов, Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации доктора юридических наук / Поленов Георгий Федорович. – Алма-Ата, 1971. – 35 с. – Место защиты: Казанский государственный университет им. С. М. Кирова. – Текст : непосредственный.

429. Ревина, В. В. Экстремизм в российском уголовном праве : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ревина Валерия Валерьевна. – Москва, 2010. – 24 с. – Место защиты: Российский университет дружбы народов. – Текст : непосредственный.

430. Ролик, А. В. Документы как вид доказательств по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов РФ : специальность 12.00.09 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ролик Андрей Васильевич. – Москва, 2002. – 20 с. – Место защиты: Российская таможенная академия. – Текст : непосредственный.

431. Рябченко, О. Н. Уголовно-правовое обеспечение предметов управленческой деятельности : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Рябченко Оксана Николаевна. – Москва, 2013. – 29 с. – Место защиты: Российский университет дружбы народов. – Текст : непосредственный.

432. Седых, А. В. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Седых Александр Вячеславович. – Казань, 2007. – 16 с. – Место защиты: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Текст : непосредственный.

433. Сергун, Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук /

Сергун Евгений Петрович. – Тамбов, 2009. – 24 с. – Место защиты: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – Текст : непосредственный.

434. Станкевич, Г. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Станкевич Галина Александровна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 21 с. – Место защиты: Ростовский юридический институт МВД РФ. – Текст : непосредственный.

435. Стародубцев, С. В. Понятие и виды юридических документов : специальность 12.00.01 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Стародубцев Сергей Владимирович. – Москва, 2006. – 25 с. – Место защиты: Российская академия правосудия. – Текст : непосредственный.

436. Степанов, И. Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о выборах : специальность 12.00.11 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Степанов Игорь Николаевич. – Москва, 2008. – 27 с. – Место защиты: Академия Генеральной прокуратуры РФ. – Текст : непосредственный.

437. Турищева, Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме: уголовно-правовой анализ и перспективы совершенствования законодательного описания: по материалам Краснодарского края : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Турищева Наталья Юрьевна. – Краснодар, 2007. – 27 с. – Место защиты: Кубанский государственный университет. – Текст : непосредственный.

438. Хлебушкин, А. Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации доктора юридических наук / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – Санкт-Петербург, 2016. – 41 с. – Место защиты: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. – Текст : непосредственный.

439. Шевченко, Г. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата

юридических наук / Шевченко Галина Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2006. – 27 с. – Место защиты: Ростовский юридический институт МВД РФ. – Текст : непосредственный.

440. Шуленин, В. В. Правовое обеспечение в Российской Федерации равенства прав кандидатов и избирательных объединений при проведении предвыборной агитации : специальность 12.00.02 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Шуленин Вячеслав Вячеславович. – Москва, 2006. – 30 с. – Место защиты: Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты РФ. – Текст : непосредственный.

441. Щербина, И. С. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Щербина Инна Сергеевна. – Екатеринбург, 2012. – 25 с. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия. – Текст : непосредственный.

442. Юрченко, И. А. Информация конфиденциального характера как предмет уголовно – правовой охраны : специальность 12.00.08 : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Юрченко Ирина Александровна. – Москва, 2000. – 35 с. – Место защиты: Московская государственная юридическая академия. – Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЕ**ПРОЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ****Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства****Статья ... Воспрепятствование осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме или работе избирательной комиссии, комиссии референдума**

1. Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином Российской Федерации своих избирательных прав или права на участие в референдуме –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Воспрепятствование работе избирательной комиссии или комиссии референдума либо деятельности члена указанной комиссии, связанной с реализацией им своих полномочий, –

наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

а) путем подкупа;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц по предварительному сговору –

наказывается... (преступление средней тяжести).

4. Деяние, указанное в частях первой или второй настоящей статьи, совершенное:

а) путем принуждения;

б) организованной группой, –

наказывается... (тяжкое преступление).

Статья ... Вмешательство в осуществление полномочий избирательной комиссии, комиссии референдума, а также в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»

1. Вмешательство лица с использованием своего служебного положения в осуществление полномочий избирательной комиссии или комиссии референдума – наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» – наказывается... (преступление небольшой тяжести).

3. Деяние, указанное в части первой или второй настоящей статьи, повлекшее тяжкие последствия в виде введения из строя системы или структурных частях либо искажения сведений об участии в выборах или результатов голосования, – наказывается... (преступление средней тяжести).

Статья ... Незаконное финансирование избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума и использование ими незаконной материальной поддержки

1. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме оказание материальной поддержки в крупном размере кандидату, избирательному объединению, инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума – наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. В нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдуме использование материальной поддержки в крупном размере кандидатом, представителем избирательного объединения, членом или представителем инициативной группы по проведению референдума, иной группы референдума в целях оказания влияния на результаты выборов или референдума – наказывается... (преступление небольшой тяжести).

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдуме на момент совершения деяния, но при этом составляет не менее одного миллиона рублей при проведении федеральных выборов и референдума, не менее 150 тысяч рублей – при проведении других выборов и референдума.

Статья ... Фальсификация избирательных документов, документов референдума

1. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, совершенная членом избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, а также кандидатом или уполномоченным им представителем, –

наказывается... (преступление средней тяжести).

Статья ... Фальсификация итогов голосования, результатов выборов и референдума

1. Предоставление заведомо неверных сведений об избирателях или участниках референдума либо заведомо неправильное составление списков избирателей или участников референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Незаконное использование избирательных бюллетеней или бюллетеней референдума в целях искажения итогов голосования либо результатов голосования или референдума –

наказывается... (преступление средней тяжести).

3. Составление протокола, заведомо неверно отражающего итоги голосования, либо незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения, либо заведомо неправильное установление итогов голосования, а равно незаконное признание недействительными итогов голосования, результатов выборов, референдума –
наказываются... (преступление средней тяжести).

Статья ... Воспрепятствование деятельности средств массовой информации

1. Воспрепятствование деятельности средств массовой информации по распространению массовой информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, –
наказывается... (преступление средней тяжести).

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, –
наказывается... (тяжкое преступление).

Статья ... Посягательство на жизнь журналиста

Посягательство на жизнь журналиста, а равно его близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанного лица либо из мести за такую деятельность –
наказывается... (особо тяжкое преступление).

Статья ... Применение насилия в отношении журналиста

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении журналиста или его близких в связи с его законной профессиональной деятельностью, –
наказывается... (преступление средней тяжести).

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, – наказывается... (тяжкое преступление).

Статья ... Мятеж

1. Организация мятежа или руководство им в целях свержения или насильственного изменения основ конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации – наказывается... (особо тяжкое преступление).

2. Участие в мятеже в целях, указанных в части первой настоящей статьи, – наказывается... (особо тяжкое преступление).

Примечание к ст. 275 УК РФ (после цифры 278) дополнить указанием на ст. 279 УК РФ.